

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 6 (777)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 6 (777)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 6 (777)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

<i>Н. М. Алиева</i> , д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	<i>С.С. Куанбаева</i> , д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
<i>Г. Б. Воронина</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Т. В. Медведева</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Г. Р. Гаспарян</i> , д-р филол. наук, проф. (Армения)	<i>Л. В. Моисеенко</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>К. В. Голубина</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>А. И. Мусавев</i> , д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
<i>М. К. Гомес</i> , проф. лингвистики (Кадис, Испания)	<i>Л. А. Ноздрина</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>И. А. Гусейнова</i> , д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	<i>Т. В. Писанова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Н. А. Дудик</i> , канд. филол. наук (МГЛУ)	<i>Р. К. Потапова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>М. С. Имомзода</i> , д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	<i>О. А. Радченко</i> , д-р филол. наук, проф. (Россия)
<i>К. М. Ирисханова</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>М. Н. Русецкая</i> , д-р пед. наук, проф. (Россия)
<i>О. К. Ирисханова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>И. А. Семина</i> , д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
<i>А. Я. Касюк</i> , д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Т. С. Сорокина</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>И. А. Краева</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>И. И. Убин</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Г. Ф. Красноженова</i> , д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (Ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ И СЛОВАРЕ

Краева И. А.

Некоторые языковые средства выражения сравнения и градации
качества в английском языке 13

Братцева А. Л.

О семантической неопределенности специальных
лексических единиц 21

Брусенская Л. А., Куликова Э. Г.

Этико-лингвистические нормы и современная лексикография 32

Голубкова Е. Е., Захарова А. Г.

Метонимия как механизм развития полисемии
(на материале единиц типа *Snow White syndrome*) 44

Иванова О. А.

Антропимы семантического поля «чужой» в современной
немецкой прессе 57

Лызлов А. И.

Аксиологические измерения зооморфных фразеологизмов
(на материале английских фразеологических единиц) 67

Пищальникова В. А.

Функциональные эквиваленты понятия как ментальная основа
динамики значения слова 78

Семина И. А.

Широкозначные антропимы и их участие в *ad hoc* категоризации
(на материале современного французского языка) 96

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА: НА СТЫКЕ РАЗНЫХ ПАРАДИГМ

Беляевская Е. Г.

Стратегии формирования скрытых смыслов в медиадискурсе
(на материале британской прессы) 109

Карпенко Е. И.

Сценарное моделирование в лингвокультурологии
(на историческом материале) 123

Куприянова С. К.

Универсальные и национально-специфические особенности
русского и калмыцкого коммуникативного поведения
(на материале русских и калмыцких паремий) 133

Маковеева А. И.

Проблема форматирования социальных знаний
в лингвистических исследованиях 146

Мукашева Р. М.

Гендер и политический дискурс
(на материале публичных выступлений киргизских политиков) 158

Табаква В. С.

Роль социолингвистического анкетирования в современном
спортивном дискурсе единоборств 170

Ускова Т. В.

Типичные трудности использования английского
юридического языка 182

Харальд Швайцер

«Адверсативность» и ее последствия для общества (прагматика) 189

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА

Алексеев Н. В.

Феномен фиктивной коммуникации в полимодальном аспекте 202

Логинова Е. Г.

Подобие и контраст элементов семиотических систем
в полимодальном дискурсе 216

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Архипова Л. С.

Этнолингвистическая витальность миноритарных языков Европы
(на материале ольстерского шотландского языка) 227

Трошина Н. Н.

О «Европейской хартии региональных языков,
или языков меньшинств» и немецком языке за пределами
немецкоязычного региона 239

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ефименко Е. А.

Особенности организации пространства в немецкой малой прозе
второй половины XX века 247

Косиченко Е. Ф.

Ономастическая плотность как структурообразующий элемент
художественного текста 258

Ольховиков Д. Б.

Креативность поэтического текста 266

Осьминина Е. А.

«Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр 278

Петрова Н. Ю.

Социокогнитивные аспекты перспективизации
и драматический дискурс 289

Травкин С. В.

Магическая реальность фэнтезийного мира:
к вопросу о жанрообразующих признаках романа фэнтези 298

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гусейнова И. А.

Роль феномена «ретро» в конструировании современного
культурно-исторического пространства
(на примере российских современных ретродетективов) 308

<i>Дудинова А. А.</i>	
Буддийские образы в поэзии Ко Ына: традиция и новация	316
<i>Киселев В. В.</i>	
Специфика вербального представления террористического события в русской и еврейской лингвокультурах	324
<i>Пучков С. И.</i>	
Вербальный портрет Муаммара Каддафи в СМИ до и после военного конфликта в Ливии (на материале испанской периодики)	335
<i>Родионова О. В.</i>	
Проблема собственного Востока в культуре России советского и новейшего периодов	345
<i>Соловьев В. М.</i>	
Научно-ведческие новации В. О. Ключевского	362

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Васильев В. А.</i>	
Методология философии постмодернизма	370
<i>Костева В. М.</i>	
«Тоталитарная лингвистика» и ее дискурсивные практики	381
<i>Кудрякова И. О.</i>	
Концепт «Свобода» в анархистской трактовке М. А. Бакунина	391
<i>Радченко О. А.</i>	
Испытание «благостным катарсисом»: немецкое идеалистическое языкознание во времена нацизма	396

CONTENTS

LINGUISTICS

SEMANTICS OF LEXICAL UNITS IN DISCOURSE AND VOCABULARY

Kraeva I. A.

Linguistic Means of Expressing Comparison and Gradation
of Quality in English 13

Brattseva A. L.

On Semantic Indeterminacy of Special Terms 21

Brusenskaya L. A., Kulikova E. G.

Ethic and Language Standard and Modern Lexicography 32

Golubkova E. E., Zakharova A. G.

Metonymy as a Source of Polysemy
(Case Study of *Snow White Syndrome*) 44

Ivanova O. A.

Anthroponyms of the “Other” Semantic Field
in Contemporary German Press 57

Lyzlov A. I.

The Axiological Dimension of English Zoomorphic
Phraseological Units 67

Pishchalnikova V. A.

Functional Equivalents of Notion as Mental Basis for Dynamics
of Word Meaning 78

Syomina I. A.

French Anthroponyms with Wide Semantics and Their Role
in the Ad Hoc Categorization 96

DISCOURSE STUDIES: AT THE JUNCTION OF PARADIGMS

Beliaevskaya E. G.

Strategies of Inducing Hidden Senses in Mediadiscourse
(Based on the British Press) 109

<i>Karpenko E. I.</i> Script Modelling in Linguo-Cultural Studies (on Historical Texts)	123
<i>Kupriyanova S. K.</i> Universal and Cultural Features of Russian and Kalmyk Communicative Behavior (an Analysis of Russian and Kalmyk Proverbs and Sayings)	133
<i>Makoveyeva A. I.</i> On Formatting Social Knowledge in Linguistic Studies	146
<i>Mukasheva R. M.</i> Gender and Political Discourse (an Analysis of Kirghiz Politicians' Public Speeches)	158
<i>Tabakova V. S.</i> The Role of a Socio-Linguistic Questionnaire in Modern Sports Discourse of Combat	170
<i>Uskova T. V.</i> Typical Difficulties in Legal English Usage	182
<i>Schweizer Harald</i> Adversative: Implications for Society (Pragmatics)	189

SEMIOTIC POLIMODALITY OF DISCOURSE

<i>Alekseenko N. V.</i> Fictive Interaction from Multimodal Perspective	202
<i>Loginova E. G.</i> Similarity and Contrast of Verbal and Non-Verbal Signs in Multimodal Discourse	216

LANGUAGE POLICIES IN MULTILINGUAL WORLD

<i>Arkhipova L. S.</i> Ethnolinguistic Vitality of European Minority Languages (a Case Study of Ulster Scots)	227
<i>Troshina N. N.</i> "European Charter for Regional or Minority Languages" and the German Language beyond the German-Speaking Region	239

LITERARY STUDIES

<i>Efimenko E. A.</i> Space Structure in German Small Prose of the Second Half of the 20th Century	247
<i>Kosichenko E. F.</i> Onomastic Density as a Structural Element of a Work of Fiction	258
<i>Olkhovikov D. B.</i> The Creative Aspect of Poetic Discourse	266
<i>Osmirina E. A.</i> “Chinese Poems” by Balmont and Bryusov: the Title and the Genre	278
<i>Petrova N. Yu.</i> Socio-Cognitive Aspects of Perspectivization in the Discourse of Drama	289
<i>Travkin S. V.</i> The Magic Reality of Fantasy Worlds: Genre Features of Fantasy	298

CULTUROLOGY

<i>Gusenova I. A.</i> The Role of Retro in Constructing the Modern Cultural and Historical Space (an Analysis of Contemporary Retro-Detective Prose)	308
<i>Dudinova A. A.</i> Buddhist Images in Ko Un's Poetry: Tradition and Innovation	316
<i>Kiselev V. V.</i> The Specificity of Verbal Representation of an Act of Terrorism in Russian and Jewish Linguocultures	324
<i>Puchkov S. I.</i> Gaddafi's Verbal Portrait in Mass Media before and after the Military Conflict in Libya (an Analysis of Spanish Periodicals)	335
<i>Rodionova O. V.</i> The Problem of the East in Russian Culture of the Soviet and Contemporary Periods	345

<i>Soloviev V. M.</i>	
Scientific Innovations of V. O. Klyuchevsky	362

PHILOSOPHY

<i>Vasiliev V. A.</i>	
Methodology of Postmodernist Philosophy	370
<i>Kosteva V. M.</i>	
“Totalitarian Linguistics” and Its Discursive Practices	381
<i>Kudryakova I. O.</i>	
The Concept of Freedom in an Anarchist Interpretation of M. A. Bakunin	391
<i>Radchenko O. A.</i>	
Tempted by the “Blissful Catharsis”: the German Idealistic Linguistics in the “Third Reich”	396

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ И СЛОВАРЕ

УДК 81.111'37

И. А. Краева

кандидат филологических наук, профессор,
и.о. ректора Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: rectorat@linguanet.ru

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ И ГРАДАЦИИ КАЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о языковых средствах репрезентации таких важнейших умственных операций человека, как сравнение и градация качества. Анализ проведен на материале словосочетаний наиболее употребительных английских качественных прилагательных с наречиями степени.

Ключевые слова: сравнение; градация качества; понятийная категория; умственная операция; качественные прилагательные; наречия степени.

I. A. Krayeva

PhD (Philology), Professor, MSLU Acting Rector;
e-mail: rectorat@linguanet.ru

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING COMPARISON AND GRADATION OF QUALITY IN ENGLISH

The article looks into the issue of linguistic representation of such crucially important mental operations as comparison and gradation of quality. The analysis is carried out on word combinations of most frequently used English quality adjectives with adverbs of degree.

Key words: comparison; gradation of quality; conceptual category; mental operation; quality adjectives; adverbs of degree.

Познавая мир, человек совершает целый ряд умственных операций, т. е. действий, которые он осуществляет в своем мышлении над

каким-либо материалом (реальным или воображаемым). Справедливо полагают, что умственные операции представляют собой определенные этапы человеческого мышления.

Несмотря на существующие различия в мнении ученых относительно классификации умственных операций и их трактовки, есть единое понимание того, какие виды умственных операций являются основными. Это сравнение, анализ, синтез, абстракция, конкретизация, индукция, дедукция. При этом операция сравнения обычно занимает в этом ряду первое место, поскольку является базовой для многих других мыслительных операций. А происходящие во время сравнения абстрагирование от одних свойств и обстоятельств и концентрация на других позволяют человеку совершать важнейшее действие – производить первичную структуризацию и упорядочение материала. Как отмечал А. А. Потебня, «самый процесс познания есть процесс сравнения» [Потебня 1914, с. 30].

Традиционно, в его элементарном виде, сравнение понимается как умственная операция, состоящая в установлении сходства и различия между отдельными предметами или явлениями реального мира. Выдающийся русский психолог и философ Матвей Михайлович Троицкий полагал, что сравнение «есть умственное сближение реальных фактов <...>. Насколько сближаемые факты совпадают, сближение их сопровождается чувством тождества или сходства. Напротив, насколько они не совпадают, сближение их сопровождается чувством разности или несходства» [Троицкий 1882, с. 142].

Понятие сравнения представляет интерес для разных наук – риторики, философии, лингвистики, литературоведения, логики, и его трактовка в каждой из них имеет свою специфику. В *философском* плане сравнение обычно определяется как «акт мышления («логическая рефлексия», по И. Канту), посредством которого на основе фиксированной установки оценивается, упорядочивается и классифицируется содержание познания. Онтологической предпосылкой сравнения являются реальное сходство и различие объектов познания, их признаки и отношения между ними. Гносеологической предпосылкой сравнения является априорная установка на тот или иной результат, заданная основанием сравнения» [Новоселов].

В рамках современного когнитивного направления в лингвистике сравнение рассматривается как особая когнитивная структура, в которой находит отражение процесс познания.

В ходе сравнения у человека формируется понятийная категория градуальности, понимаемая в современном языкознании как смысловой компонент общего характера, свойственный не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов и выражаемый в естественном языке разнообразными средствами [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998, с. 385]. При этом градуальность как понятийная категория связана с другими понятийными категориями – интенсивности, количества, оценки, экспрессивности.

Поскольку рамки статьи не позволяют подробно остановиться на истории изучения градуальности, отметим лишь, что данное понятие, как и понятие сравнения, волнует ученых на протяжении очень длительного времени, начиная с работ Аристотеля.

Очень важно при этом подчеркнуть, что градация качества происходит только тогда, когда она выражена языковыми средствами. Поэтому вопрос о том, какими языковыми средствами может быть представлена данная основополагающая понятийная категория, остается одним из актуальных и в настоящее время.

Большинство лингвистов справедливо полагают, что в английском языке градуальность выражается в первую очередь либо при помощи степеней сравнения качественных прилагательных, либо посредством словосочетаний прилагательных данной группы с наречиями-градуаторами, как их принято называть в современной лингвистической литературе, поскольку такие наречия выражают разную степень признака.

Предлагаются классификации наречий-градуаторов, способных вступать в синтагматическую связь с разными частями речи (прилагательными, глаголами, наречиями, существительными, причастиями) (см., например: [Фурс, Назарова 2008, с. 34]).

Поскольку в рамках проводимого исследования нас интересует категория качественных прилагательных, важно, во-первых, какие качественные прилагательные наиболее часто употребляются в современном английском языке и, во-вторых, с какими наречиями-градуаторами эти частотные прилагательные наиболее часто употребляются в настоящее время для выражения градации качества, признака, свойства.

Проведенный нами анализ показал, что из 7500 наиболее частотных лексических единиц современного английского языка, выделенных

в качестве таковых в последней версии словаря Macmillan [Macmillan English Dictionary ... 2012], прилагательные составляют около 18 % (1355 единиц), из них качественные прилагательные – около 96 % (1301 единица).

Анализ сочетаемости всех вышеупомянутых частотных качественных прилагательных, проведенный на основе данных двух авторитетных онлайн-словарей лексической сочетаемости [Online Oxford Collocation Dictionary; The English Collocations Dictionary online], позволил выявить относительно полный список наречий-градуаторов, которые употребляются с частотными качественными прилагательными для градации признака, и определить частоту их встречаемости в данной роли. Полученные данные, а также проведенное далее изучение лексического значения выделенных наречий-градуаторов позволили нам разделить их на следующие основные группы:

- 1) наречия-градуаторы, выражающие *очень высокую* степень признака:
 - наиболее частотные (*extremely, completely, entirely, totally*);
 - менее частотные (*absolutely, awfully, bitterly, deadly, dead, enormously, extraordinarily, fabulously, fantastically, fully, furiously, heartily, horribly, incredibly, intensely, more than, mortally, only / all too, perfectly, purely, terribly, totally, utterly, wholly*);
- 2) наречия-градуаторы, вербализующие *высокую* степень признака:
 - наиболее частотные (*very, quite, rather, really, fairly, highly, pretty, somewhat*);
 - менее частотные (*acutely, almost, badly, deeply, desperately, eminently, especially, essentially, greatly, just, largely, most, much, nearly, particularly, positively, reasonably, simply, strongly, thoroughly, truly, vastly, very much, virtually, well, widely*);
- 3) наречия-градуаторы, указывающие на *невысокую* степень признака:
 - наиболее частотные (*a bit, a little*);
 - менее частотные (*barely, faintly, (only) half, hardly, less than, merely, mildly, simply, slightly, vaguely*).

Отметим, что в классификации наиболее частотные наречия даны по мере убывания значимости, а менее частотные – в алфавитном порядке.

Как показал анализ, в современном языке наиболее часто употребляются наречия-градуаторы второй группы, т. е. при помощи сочетания наречия-градуатора с прилагательным чаще вербализуется высокая оценка признака, чем очень высокая или невысокая.

Приведем несколько примеров употребления наречий-градуаторов из приведенной классификации, наиболее часто встречающихся с английскими частотными прилагательными (примеры отобраны из упомянутых выше онлайн-словарей лексической сочетаемости, составленных на основе корпусных данных):

1) **extremely:**

Prospects for the industry are *extremely* bleak.
He has proved himself as an *extremely* capable manager.
an *extremely* comfortable chair.

completely:

The room was *completely* bare.
His own problems made him *completely* blind to the sufferings of others.

entirely:

It wasn't *entirely* clear whether she wanted us to help.
I was not *entirely* comfortable about the plans they have made.

totally:

We have such *totally* different backgrounds.
totally comprehensive insurance.

2) **very:**

He looked *very* brown after his holiday.
Peter was a *very* average golfer.
The sky looked *very* black.
Our house is *very* central, so we can easily get to theatres and cinemas.

quite:

This morning was *quite* bright, but it clouded over in the afternoon.

rather:

This house is *rather* big for us. We need something smaller.
It was a *rather* bleak and dismal place.
a *rather* careless mistake.

really:

hoping the show would be a *really* big success;
a *really* bright child.

fairly:

This is a *fairly* big decision to make.

highly:

He is a *highly* ambitious politician.
a *highly* active volcano;
a *highly* advanced economy;
his *highly* characteristic features.

pretty:

John's in a *pretty* bad mood this morning.

somewhat:

His behaviour has been *somewhat* unreasonable.

3) **a bit:**

I don't like Sandra / She seems *a bit* common to me.

a little:

There was something *a little* too carefully casual in his tone.

Естественно, что степень проявления признака может меняться с течением времени. Как показал анализ, для вербализации увеличения проявления признака в английском языке, наряду с другими средствами, часто используется сочетание наречия-градуатора *increasingly* (в значении «more and more over a period of time» [Macmillan English Dictionary ... 2012, с. 767]) с качественными прилагательными, особенно прилагательными *common, competitive, concerned, difficult, important, popular*. Другими словами, наречие-градуатор в рассматриваемых словосочетаниях может не только точно фиксировать степень проявления признака, но и указывать на ее возрастание, как в примерах:

Her job has become increasingly difficult [Macmillan English Dictionary ... 2012, с. 767].

She was watching the clock and becoming increasingly anxious [The English Collocations ...].

Анализ сочетаемости наиболее употребительных английских прилагательных с наречиями-градуаторами позволил выявить и некоторые особенности «поведения» прилагательных в подобных словосочетаниях, используемых для выражения разной степени проявления признака.

Так, согласно корпусным данным, в современном английском языке есть прилагательные, которые в указанной роли часто употребляются с *большим числом* наречий-градуаторов, например прилагательное **beautiful** можно часто встретить с наречиями *exceptionally, extraordinarily, extremely, outstandingly, really, remarkably, supremely, truly, absolutely, perfectly, quite, utterly, just, simply, almost, rather, astonishingly, breathtakingly, dazzlingly, incredibly, staggeringly, startingly, strikingly, stunningly, unbelievably, wonderfully, uniquely* и некоторыми другими, а прилагательное **boring** – с наречиями *awfully, dead, extremely, incredibly, really, terribly, very, completely, downright, utterly, a bit, fairly, pretty, quite, rather, slightly*.

Некоторые английские прилагательные, наоборот, часто встречаются в этом случае в сочетании лишь с *одним – двумя* наречиями. Так, название черного цвета **black** усиливается, как правило, лишь наречием *very*.

Некоторые прилагательные по-разному проявляют себя в рассматриваемой функции в зависимости от своего значения: в одном значении их можно часто встретить с разными наречиями-градуаторами, а в другом – с одним-двумя. Например, прилагательное **bare** и в значении «not covered by clothing», и в значении «not containing / covered by anything» часто употребляется с наречием-градуатором *completely*. Кроме того, во втором значении оно также часто встречается с наречиями *very, quite, almost, rather* (*The room was completely bare*).

Подводя итог вышесказанному, можно, на наш взгляд, отметить, что проблема вербализации таких важнейших умственных операций человека, как сравнение и градация качества, вопрос о языковых средствах их репрезентации, несомненно, требуют дальнейшего детального исследования на материале разных языков, в том числе английского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Новоселов М. М. Сравнение // Новая философская энциклопедия он-лайн.
URL : iphlib.ru

- Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков : Типография «Мирный трудъ», 1914. 164 с.
- Троицкий М.* Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа. Т. 2. М. : Типография А. Гатцука, 1882. 150 с.
- Фурс Л. А., Назарова И. В.* Когнитивные аспекты формирования категории градуальности // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2008. С. 33–37.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford : Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p.
- Online Oxford Collocation Dictionary. URL : www.freecollocation.com
- The English Collocations Dictionary online. URL : www.ozdic.com

УДК 81'373.46

А. Л. Братцева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;

e-mail: anabellabr@mail.ru

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В работе рассматривается специфика терминологической лексики, а именно: способность терминов сочетать в себе стремление к однозначности и прозрачности значения, с одной стороны, и к семантической неопределенности – с другой. В настоящем исследовании анализируется связь между данной особенностью терминов и их способностью функционировать на пересечении научного и быденного знания, в частности, в СМИ, текстах научно-популярного характера, а также в текстах, не имеющих непосредственного отношения к научной тематике.

Ключевые слова: термин; семантическая неопределенность; быденное знание; научное знание; коммуникативное событие.

A. L. Brattseva

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail:

anabellabr@mail.ru

ON SEMANTIC INDETERMINACY OF SPECIAL TERMS

The present paper focuses on the specific features of terms, which combine the tendency to determinacy and clarity of meaning, on the one hand, and to semantic indeterminacy, on the other. The author analyzes the link between these features of terms and their ability to function at the crossroads of scientific and common knowledge, particularly in popular science and non-scientific mass media texts.

Key words: term; semantic indeterminacy; common knowledge; scientific knowledge; communicative event.

Как известно, для любой отрасли науки первостепенное значение имеет разработка максимально эффективной системы терминов. В связи с этим к специальным лексемам предъявляются многочисленные требования, которые до сих пор являются предметом непрекращающихся дискуссий в науке. Важнейшими свойствами терминов традиционно считаются независимость от контекста, однозначность и прозрачность значения [Реформатский 1996, с. 62]. Различные толкования одного и того же понятия, синонимия, лакуны в терминологии нередко рассматриваются как недостатки системы терминов

[Костерина, Кондратюкова 2014, с. 134]. Однако в современном терминоведении ключевые свойства данных лексем всё чаще пересматриваются. Так, тезис Д. С. Лотте о том, что термин не должен быть многозначным [Лотте 1961, с. 9], оспаривается многими исследователями [Костерина, Кондратюкова 2014; Лейчик 2007, с. 45]. Отмечается, что и другие требования к специальным обозначениям не всегда могут соблюдаться, в связи с чем в последние годы терминоведы всё чаще отказываются от строгого классического понимания терминов и подчеркивают их многофункциональность, т. е. способность употребляться не только в рамках одной науки, но и в различных областях знаний и даже в разных типах дискурса. Так, с многообразием функций терминов связывают их *семантическую неопределенность* или *диффузность* [Мотро 2009].

В статье мы рассмотрим неопределенность как неотъемлемое свойство значения терминов, проанализируем ее факторы и аспекты, проявляющиеся в различных коммуникативных событиях.

Истоки лингвистической проблемы неопределенности лежат в логической семантике, в которой данное понятие принято отграничивать от двузначности, двусмысленности и обобщенности. Во многих логико-философских работах отмечается, что двузначность предполагает наличие у выражения двух или более значений, выбор между которыми зависит от контекста [Gillon 1990, с. 394] (например, термин *трансформация* может обозначать лабораторную технологию или процесс перерождения клеток в зависимости от контекста). Обобщенность значения подразумевает включение компонентов, являющихся общеродовыми для целого класса объектов [там же] (термин *мембрана* по отношению к различным разновидностям мембран). Неопределенность, которая довольно часто отождествляется с обобщенностью, нередко противопоставляется ей. Некоторые исследователи полагают, что выражение неопределенно, если какой-либо объект или его свойство ни включено, ни исключено из его коннотации (т. е. из набора характеристик объекта, который позволяет данному выражению указывать на этот объект [там же]). Например, слово *квадрат* неопределенно, так как его коннотация не включает и не исключает признака размера [там же]. В исследовании в понятие неопределенности мы будем включать также обобщенность значения терминологической единицы.

Интерес лингвистов к феномену неопределенности связан еще с одной философской проблемой, а именно – с проблемой категоризации. С античных времен в науке, как известно, господствовал так называемый классический, или аристотелевский, подход к пониманию процесса построения категорий. Суть данного подхода состоит в том, что тот или иной элемент либо является, либо не является членом той или иной категории, и третья возможность исключена [Andersen 2007, с. 3].

В своих исследованиях о категоризации Дж. Лакофф, противопоставляя классическую категоризацию прототипической, постулирующей отсутствие фиксированного списка свойств, характеризующих членов категории, их неравноправие и, как следствие, нечеткость категориальных границ [Rosch 1978], показывает, что структура языковых категорий в действительности гораздо сложнее, чем это позволяет описать классический подход, не учитывающий фактор неопределенности границ естественных категорий [Lakoff 1987]. Вслед за ним другой известный когнитолог, Р. Лэнекер, применяет понятие нечеткости границ к категориям языка, критикуя генеративную грамматику Н. Хомского, построенную на принципах модулярности, и утверждает, что в действительности язык не является набором отдельных подсистем (модулей), так как в нем все «переплетено» и взаимосвязано. Соответственно, благодаря семантическим процессам между морфологией, синтаксисом и лексикой (отдельными модулями, по Н. Хомскому) сложно провести четкую границу [Langacker 2008].

В современных лингвистических работах понятие неопределенности продолжает обсуждаться: одни авторы отмечают разнородность неопределенности в языке и выделяют разные ее виды или аспекты [Iriskhanova 2009]; другие исследователи анализируют связь между многозначностью и неопределенностью лексем, в том числе терминов. Так, в некоторых исследованиях выделяется три вида, или аспекта, неопределенности: референтный, концептуальный и прагматический [Iriskhanova 2009]. *Референтный аспект* состоит в одновременном отнесении того или иного референта к двум или более подкатегориям внутри категории с расплывчатыми внутренними границами. *Концептуальный аспект* связан со способностью человека интерпретировать и хранить в памяти неточные ментальные репрезентации предметов или явлений. Эта способность помогает формировать незамкнутые, но компактные категории многочисленных

неоднородных референтов. *Прагматический аспект* основан на способности человека строить предположения на основании неполной информации, получаемой и передаваемой в повседневной коммуникации и проявляется на уровне высказываний [там же].

В некоторых работах отмечается, что неопределенность связана с наивностью картины мира, и ее устранение является движущим фактором эволюции познания, а также развития языка [Griniewicz 2007]. Так, согласно исследованию С. В. Гриневича, на ранних этапах своего развития языки характеризовались сравнительно небольшим словарным запасом, и многие лексические единицы обладали широким и размытым, неопределенным значением. Вероятно, носители древних языков не видели необходимости различать разновидности еще не до конца изученных явлений [там же, с. 41]. Попытки устранить неопределенность приводили к появлению новых наименований для новых понятий и их разновидностей, а значит, к увеличению числа лексем, что способствовало развитию языка. Прогнозируя дальнейшее развитие процесса, автор отмечает, что какими бы строгими и точными мы ни считали значения слов современного языка, нельзя исключать, что по прошествии определенного времени все они (или хотя бы часть из них) будут восприниматься двусмысленно или неточно [там же, с. 44].

В исследовании мы рассматриваем неопределенность как естественное свойство любого слова: любая языковая единица лишь указывает на то, что интерпретатор должен предположить, согласно намерениям говорящего [Iriskanova 2009]. Иными словами, информация не передается в готовом виде: часть сообщения выстраивается или восстанавливается интерпретатором путем умозаключения. Действительно, большинство наименований в языке указывают не на какой-либо конкретный объект или явление, а на *класс* объектов или явлений. Как отмечает Дж. Данбар, каждое слово может обладать несколькими интерпретациями, применимыми к различающимся по несущественным признакам специфическим объектам [Dunbar 2010, с. 15] (см. выше о неопределенности слова *квадрат* по отношению к признаку размера). Таким образом, каждое слово в какой-то мере обобщает, иначе у каждого объекта или явления действительности было бы свое уникальное наименование. Как отмечает Д. Гирэртс, с отсылкой к теории естественного семантического метаязыка А. Вежицкой, если языку присуща дискретность, то окружающей действительности

свойственна неопределенность. Носители языка используют четкие и ясно определенные концепты для описания мира, но в действительности он гораздо сложнее устроен и менее определен [Geeraerts 2010, с. 132]. Таким образом, можно полагать, что слова полностью не отражают сложности соответствующих им понятий, а значит, представляют собой некоторые усреднения или обобщения, для которых неопределенность естественна.

В целом, можно выделить два взаимосвязанных фактора неопределенности терминов: когнитивный и этимологический. Когнитивный фактор обусловлен взаимосвязью обыденного и научного видов знания. Под обыденным знанием понимается информация, которой обладают все носители той или иной культуры. Как отмечает Т. ван Дейк, оно составляет основу так называемого здравого смысла [Van Dijk 2003]. Экспертное (специальное) – в том числе, научное, техническое и т. п. – это знание, которым владеет специально обученная часть общества. Границы между этими двумя типами знаний размываются по двум причинам. С одной стороны, специальное знание основано на обыденном знании, так как новое знание может быть получено только на основе уже имеющегося [там же, с. 26]. С другой стороны, специальное знание хотя бы отчасти перестает быть достоянием одних лишь экспертов: журналисты и другие популяризаторы науки распространяют это знание среди неспециалистов [там же, с. 27]; особенно способствует этому развитие коммуникационных технологий [Багиян 2014].

Наблюдаемое размывание границ между специальным и обыденным типами знания проявляется в обмене между терминологической и общеупотребительной лексикой. С данным явлением связан этимологический фактор неопределенности терминов. Так, многие термины происходят из общеупотребительной лексики [Лейчик 2007, с. 28; Van Dijk 2003, с. 26]; термином может являться и слово, для которого терминологическое значение вторично [Лейчик 2007, с. 34]. Для общеупотребительной лексики, в отличие от терминов, стремление к однозначности нехарактерно [Лейчик 2007, с. 46], поэтому можно утверждать, что термины «наследуют» неопределенность от тех многозначных слов, от которых они происходят.

Неопределенность терминов проявляется по-разному в зависимости от типа коммуникативных событий, в которых они используются. Под коммуникативным событием в настоящем исследовании понимается

любой – устный или письменный – акт передачи информации между двумя или более людьми. В данной работе рассматриваются два разных, с точки зрения цели и осведомленности коммуникантов, типа таких событий. Первый тип составляют научно-популярные тексты, цель которых – популяризировать научное знание и передать его широкой аудитории. Адресантами в данном случае выступают специалисты или популяризаторы науки, адресатами – неспециалисты, массовая аудитория. Цель событий второго типа состоит в передаче ненаучного знания между неспециалистами, как в случае с текстами СМИ на политические темы, или с текстами художественной литературы. Рассмотрим следующие примеры употребления терминов в научно-популярных текстах (т. е. коммуникативных событиях первого типа).

- (1) The genes involved in transmitting the electrical signal produce channels in a *membrane* just inside the plant's cell walls; the channels maintain electrical potential by regulating the passage of charged ions (www.wired.com/2013/12/secret-language-of-plants).

В данном отрывке неопределенность используемого термина *membrane* снижает точность и информативность высказывания, но при этом позволяет достичь оптимальной для восприятия информационной насыщенности. Неопределенность данного термина связана с его многозначностью: он обладает по меньшей мере тремя значениями, например, «a thin layer of tissue covering a surface or lining a cavity, space or organ» или «a thin pliable sheet of material that is permeable to substances in solution» (www.biology-online.org/dictionary/). Кроме того, выделяют около 11 видов биологических мембран [там же]. Иными словами, термин обозначает достаточно разнородный класс объектов, которые могут быть причислены к мембранам. Однако в данном примере не уточняется, о какой именно мембране в клетке идет речь. Заметим, что термин употребляется с неопределенным артиклем и может трактоваться как «одна из мембран внутри клеточной стенки растения». Наблюдаемое явление можно описать как расширение границ референта при сохранении домена (области знаний): термин обозначает не столь узкое и специфичное понятие, как в коммуникации специалистов, т. е. не какую-либо определенную разновидность биологической мембраны, а всевозможные биологические мембраны. Таким образом, данный пример иллюстрирует референтный аспект неопределенности.

Для сравнения рассмотрим фрагмент из научного текста:

- (2) Diatoms contain a secondary plastid that derives from a red algal symbiont. This organelle is limited by four membranes. The two outermost membranes are the *chloroplast endoplasmic reticulum membrane* (cERM), which is continuous with the host outer nuclear envelope, and the *periplastidial membrane* (PPM) (Flori *et al.* *Ultrastructure of the Periplastidial Compartment of the Diatom Phaeodactylum tricornutum*, Protist, Elsevier, 2016).

Пример (2) из научной статьи показывает, что для успешной профессиональной коммуникации классификация мембран имеет принципиальное значение, т. е. многозначный термин «мембрана» требует уточнения – указания вида мембраны. С этой целью в приведенном отрывке используются термины-словосочетания, например, *the chloroplast endoplasmic reticulum membrane*. В этих словосочетаниях главное слово *membrane* сочетается с атрибутами, характеризующими конкретный вид мембраны.

Неопределенность терминов также проявляется в их употреблении в эмоционально-экспрессивных и оценочных выражениях. Принято считать, что такие выражения свойственны художественным, а не научным текстам [Сухая 2012], однако именно введение элементов художественности в нехудожественный текст лежит в основе одной из стратегий популяризации научного знания – стратегии субъективизации изложения [там же, с. 2]. Пример использования этой стратегии представлен в статье «Fantastic Fungi» из журнала по садоводству Horticulture.

- (3) But while bacteria have only limited mobility, the microscopically small filaments of fungi, called *hyphae* (singular hypha), travel long distances in an endless search for nutrients (Garnham. *Fantastic Fungi* // Horticulture, May/Jun2014, Vol. 111 Issue 3).

В контексте рассмотрения неопределенности внимания заслуживает употребление термина *hyphae* в ближайшем контексте с неконкретным и эмоционально окрашенным прилагательным *endless*, а также с метафорическим персонифицирующим выражением *in endless search for*.

Сопоставим приведенное описание с научной дефиницией данного термина:

The fine, branching tubes which make up the body (or mycelium) of a multicellular fungus (www.biology-online.org/dictionary/Hyphae).

Примечательно, что толкование термина в научно-популярной статье не содержит главного положения дефиниции (о том, что гифы составляют мицелий многоклеточного гриба). Более того, не уточняется, что речь идет именно о многоклеточных грибах. Упоминается лишь одна из функций гиф (причем не обозначенная в научной дефиниции) – перемещение на бесконечные расстояния в поисках питательных веществ. При этом не уточняется, каковы эти расстояния. По-видимому, это связано с тем, что для читателя-неспециалиста эта информация не представляла бы интереса, и в этом проявляется связь неопределенности с языковой экономией. Действительно, при написании научно-популярных текстов для того, чтобы сделать текст максимально понятным адресату, автор стремится адаптировать собственный когнитивный уровень к когнитивному уровню предполагаемого читателя (т. е. провести когнитивную настройку).

Итак, в описании термина из научно-популярной статьи существенные для научного знания свойства гиф выведены из фокуса внимания. Расширения границ референта в данном контексте не наблюдается: в статье и в словарной дефиниции термин «гифы» относится к одному и тому же классу объектов, а значит, приведенный пример характеризуется не референтной, а концептуальной неопределенностью, для которой характерно размывание концептуального элемента при четкости сохранении границ класса объектов.

Обратим внимание на то, что неопределенность заложена и в заглавии цитируемой научно-популярной статьи *Fantastic Fungi*, в котором не уточняется, о каких именно грибах идет речь, при этом им приписывается характеристика «фантастические», что является реализацией стратегии субъективизации. Таким образом, неопределенность терминов *hyphae* и *fungi* позволяет автору дать субъективную оценку свойствам грибов и метафорически подчеркнуть, выделить расстояния, на которые способны перемещаться гифы.

В рассмотренных примерах, несмотря на то, что степень неопределенности специальных лексем возрастает по сравнению со специальной коммуникацией, термины употребляются в своих терминологических значениях в рамках биологической науки.

Иная картина наблюдается в текстах СМИ ненаучной тематики:

- (4) Можно надеяться на то, что это результат слепоты тех, кто не видит в «фашистах» реального политического фактора. Но это слабое

утешение свидетельствует только о потере *иммунитета к опасности*. В западной части Германии такой *иммунитет* теперь есть – только какой ценой... (Рыбаков Ю. *Холодная весна 2003-го (2003)* // *Новая газета*. 2003.01.30)

В примере (4) термины используются для метафорического сравнения немецкого общества с биологическим организмом. Заметим, что данная метафора распространена в текстах СМИ политической тематики:

(5) Эти – чужие. Внешне – люди, но внутри у них все другое. Естественная реакция на чужого в каждом человеке присутствует, и то, что в нашем обществе этого нет, страшно. Мне кажется, что нормальные люди должны иметь такой *иммунитет* (Касьяненко Ж. *Бей фашизм – спасай Россию!* (2003) // *Советская Россия*. 2003.04.08).

Помимо отклонения от понятийного терминологического значения, особенностью фрагмента (5) является употребление специальной лексики *иммунитет* в контексте, содержащим повышенную субъективную оценочность (*мне кажется, страшно, нормальные люди*). Если, как отмечалось выше, в научной коммуникации термины употребляются для констатации научных фактов, то в данном отрывке они раскрывают отношение автора к явлению из общественной сферы деятельности. Этот фрагмент иллюстрирует тот факт, что если в научно-популярном дискурсе термины описывают, как правило, сущности из той же специальной области знания, что и при употреблении термина в научном контексте, то в текстах ненаучной тематики происходит референтный сдвиг – переход к новому классу объектов из другой области знаний. Термин, изначально обозначающий явление биологическое, в данном контексте обозначает явление социальное. Этот сдвиг осуществляется с помощью когнитивного процесса метафоризации: термин служит средством построения проекций между двумя доменами – государство и живой организм (см. описание концептуальной метафоры ГОСУДАРСТВО КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ у Дж. Лакоффа и М. Джонсона в [Lakoff 1991]).

В то же время благодаря метафорическому переносу происходит расширение референтной базы термина *иммунитет*: он начинает обозначать не только биологическую защиту организма, но и моральную защиту общества от губительной идеологии, таким образом, специальное значение лексической единицы ослабляется и становится

еще более неопределенным – не только в референтном, но и в концептуальном отношении, поскольку происходит дефокусирование большинства признаков объекта, которые являются существенными с точки зрения научного знания.

Итак, анализ употребления терминов в специальных и неспециальных контекстах показал существование шкалы неопределенности, на которой можно условно расположить термины, – от наиболее определенных лексем в научных текстах до наиболее неопределенных единиц в текстах ненаучной тематики. Ослабление специального значения сопровождается усилением неопределенности трех взаимосвязанных типов – референтной, концептуальной и прагматической. В научно-популярных текстах референтная неопределенность проявляется в расширении границ референта, а концептуальная – в выведении из центра внимания некоторых существенных для научного знания характеристик явления. В текстах, направленных на передачу ненаучного знания, концептуальная неопределенность проявляется в референтном сдвиге вплоть до изменения области знаний, которое также можно интерпретировать как расширение границ референта и проявление референтной неопределенности. При этом в результате процессов метафоризации, позволяющих устанавливать проекции между изначально не связанными друг с другом областями из научного и повседневного опыта, происходит дефокусирование большинства свойств объекта, значимых для специальной области знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивный анализ технических детерминологизированных аббревиатурных единиц (на материале научно-популярного дискурса английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 10. Ч. 3. С. 44–51.
- Костерина Ю. Е., Кондратьюкова Л. К. Критерии и принципы отбора терминов // Омский научный вестник. Омский государственный технический университет. 2014. № 1 (125). С. 133–137.
- Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 159 с.
- Мотро Ю. Б. Семантическая неопределенность терминов в когнитивно-прагматическом освещении // Языковое существование человека и этноса.

- М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 182–190. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 557. Сер. Языкознание).
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Сухая Е. В.* Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. 2. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 212–219. (Вестн. Мос. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (639). Сер. Языкознание).
- Andersen O.* Indeterminacy, context, economy and well-formedness in specialist communication. In: Antia, Bessey Edem (ed.): Indeterminacy in Terminology and LSP. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 3–14.
- Biology Online. URL : www.biology-online.org/dictionary/Main_Page
- Dunbar G.* A computational model of the ambiguity-vagueness spectrum // Schmid H.-J., Handl S. (ed.). Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns. Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2010. P. 13–33.
- Geeraerts D.* Theories of Lexical Semantics. Oxford : Oxford University Press, 2010. 341 p.
- Gillon B. S.* Ambiguity, Generality, and Indeterminacy: Tests and Definitions // Synthese. 1990. № 85. P. 391–416.
- Griniewicz S.* Towards linguistic aspects of anthropogenesis // Antia, Bessey Edem (ed.). Indeterminacy in Terminology and LSP. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 37–72.
- Irishkanova O.* Semantics and Pragmatics of Indeterminacy: дело vs. Thing // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе: Сб. науч. тр. / РАН Ин-т яз-я, Фед. агентство по образ.; РГУ. М. ; Рязань, 2009. С. 7–13.
- Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things. Chicago and London : University of Chicago Press, 1987. 632 p.
- Lakoff G.* Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify the War in the Gulf // Peace Research. 1991. № 23 P. 25–32.
- Langacker R. W.* Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. 562 p.
- Rosch E.* Principles of Categorization // Rosch E. and Lloyd B. B. (eds.). Cognition and categorization. 1978. P. 27–48.
- Van Dijk T. A.* Specialized Discourse and Knowledge. A case study of the discourse of modern genetics // Cad. Est. Ling. 2003. № 44. P. 21–55.

Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова

Брусенская Л. А., доктор филологических наук, профессор, каф. русского языка и культуры речи, факультет лингвистики и журналистики, профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: brusensk@yandex.ru

Куликова Э. Г. доктор филологических наук, профессор, заведующая каф. русского языка и культуры речи, факультет лингвистики и журналистики, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ЭТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ И СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ¹

В статье представлен анализ современного состояния российской лексикографии в контексте этико-лингвистической нормы. Отсутствие в словарях унифицированных помет осложняет дифференциацию сниженного регистра языка. Для лексикографической практики самым значимым является детальное рассмотрение вопросов, связанных с живым функционированием языковых единиц, а именно – прагматическая лексикография. В статье ставится вопрос о необходимости прагматическо-лингвистического словаря современного русского словоупотребления.

Ключевые слова: норма; прагматическое сознание; этико-лингвистическая норма; лексикография; юрислингвистика; медийное пространство; коннотация.

L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova

Brusenskaya Ludmila A., Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor, Department of Russian and Language Culture, Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics (RINH); e-mail: brusensk@yandex.ru

Kulikova Ella G., Doctor of Philology (Dr.habil.), Head of Department of Russian and Language Culture, Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics (RINH); e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ETHIC AND LANGUAGE STANDARD AND MODERN LEXICOGRAPHY

The article considers different issues of modern lexicography with a special focus on the problem of differentiation of the lower language register and the necessity

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 16-04-00037.

of a systematized lexicographic notes. It is also stressed that lexicographers' major concern is the development of pragmatic lexicography that deals with a thorough study of the functional aspect of language. The creation of a Pragmalinguistic dictionary of Modern Russian is regarded as another urgent task.

Key words: standard; pragmatic co-meaning; ethic and language standard; lexicography; legal linguistics; mass media; connotation.

На конец XX – начало XXI вв. пришелся небывалый расцвет лексикографии в нашей стране. Не удивительно, что словари разного рода субстандарта на сегодняшний день являются самыми популярными и тиражируемыми лексикографическими изданиями. Вместе с тем следует признать справедливость замечания о том, что «...при всей фактологической ценности этих работ их обедняет нетщательность, торопливость, а иногда некий “похотливо-коммерческий” налет» [Елистратов 2000, с. 3]. Кроме того, и сам метаязык лексикографического описания субстандарта больше не является нейтральным. Это относится, в частности, к изданиям «Толковый словарь молодежного сленга от Светы и Ромы Букиных. Родителям читать не рекомендуется» (авт.-сост. Т. Г. Никитина) [Никитина 2008] и «Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь-путеводитель по американскому сленгу» (Н. Московцев, С. Шевченко) [Московцев, Шевченко 2009]. Именно такие издания в значительной мере способствовали «легализации» сквернословия, быстрое распространение которого стало одной из наиболее сложных проблем экологической лингвистики.

В общих толковых словарях слова субстандарта традиционно сопровождалась пометами *прост.*, *груб.*, *бран.*, *вульг.* и др. Между тем, сама просторечная лексика имеет свои градации. Известно, что отсутствие унификации помет проявляется в двух направлениях: однотипную лексику маркируют разные пометы; одна и та же помета может характеризовать различные по своим прагматическим признакам лексические разряды. Так, в реальной лексикографической практике многие единицы одного и того же лексического пласта характеризуются как разговорные (а значит, соответствующие литературной норме) и как просторечные (т. е. находящиеся за пределами этой нормы). Например, для метафорических и метонимических значений зооморфных наименований, всегда сниженных и пейоративных (*свинья*, *козел*, *баран* и т. п.), словари дают наравне с пометами *разг.* (разговорное), также пометы *прост.* (просторечное). Слово «кобыла»

квалифицируется одновременно как грубое, пренебрежительное и просторечное (употребляется в переносном значении – о нескладной рослой женщине) и как разговорное.

Противоречивы также пометы при женских коррелятах наименований лиц по профессии. Все корреляты этого типа образованы суффиксальным способом, поэтому не только демонстрируют свойства данной языковой системы, но отчасти позволяют спрогнозировать некоторые тенденции развития языка. Вместе с тем существуют номинации, за которыми прочно закрепились определенные коннотации. Так, номинация *врачиха* является оскорбительной (если она не звучит в детской речи), и вероятность того, что коннотация данного слова со временем изменится, крайне мала. Однако далеко не всегда родовые корреляты снабжаются единообразными пометами. А. И. Моисеев [Моисеев 1980, с. 136–137] относит слова типа *докторша*, *генеральша* к просторечиям; в Словаре [Граудина 1976] *докторша* не снабжена никакими пометами, но зато многие другие феминизмы такого типа (например, *агитаторша*, *директорша*, *инженерша*, *инструкторша*, *командирша*, *кондукторша*, *политиканша*) характеризуются с помощью пометы *разг.* В словаре Н. П. Колесникова [Колесников 2002] существительное *директорша* (причем в обоих значениях) имеет помету *разг.*, тогда как у существительного *дикторша* нет никаких помет, из чего можно сделать вывод, что данное слово является стилистически нейтральным, нормативным словом литературного языка, пригодным для всех жанров и сфер общения, что, безусловно, не соответствует реальности. Авторы «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980, с. 467] воспроизводят наблюдение, высказанное А. Твардовским в отношении «прагматики слушающего» слова *врачиха*: женщину-врача оскорбит, если ее назовут *врачихой* (несмотря на то, что за глаза так называют без всякой пренебрежительности). Также обидится старший повар Макарова, если ее назвать *поварихой*. Конечно, ни один общий толковый словарь не отражает этой особенности¹, а именно она соотносится с системой этико-речевых норм. В этой связи напомним, что А. А. Дементьев [Дементьев 1954] еще

¹ Исследователи [Земская 1984, с. 82] справедливо считают суффикс *-их(а)* самым сниженным на стилистической шкале, а слова типа *врачиха* определяют как грубоватые. Как правило, на этот суффикс падает ударение, и это усиливает отрицательную экспрессию.

в 1954 г. писал о том, что слова на *-ш(а)* – *кассириша, кондукторша* в живой речи также имеют ограниченную сферу употребления: носители русского языка в соответствии с этико-речевыми нормами могут использовать подобные существительные только применительно к лицу, которое не участвует в разговоре. Использование обращений *кассириша* или *кондукторша* так же невозможно, как и использование обращений *товарищ кондуктор* или, как предлагает И. Б. Лобанов [Лобанов 2013], *господин кондуктор*. Данные номинации характерны, скорее, для официально-делового регистра и нацелены на уточнение должностного положения лица, и, следовательно, в принципе не допускают использование коррелятов женского [Дементьев 1954, с. 12–14].

Трудности дифференциации сниженного регистра языка привели к тому, что многие теоретики и практики лексикографии признали помету *прост.* – просторечное – неэффективной и даже «неграмотной». В частности, речь идет о замечании В. Д. Девкина, который в рецензии на Большой толковый словарь [Девкин 1999] особо отметил как положительный тот факт, что данная «неграмотная» помета отсутствует в словаре. Таким образом, налицо тенденция к редуцированию данного термина и одновременно к стиранию грани между коллоквиальностью и простонародностью.

Интересная мысль высказана В. М. Лейчиком, исследовавшим динамику стилевой конфигурации русского языка [Лейчик 2006, с. 186–189]: просторечие можно рассматривать как стиль языка, находившегося в 1920-е гг. за пределами литературного языка. Неясно только, остается ли в таком случае действующим положение о том, что стилевая дифференциация сама по себе есть признак именно литературного языка и не присуща диалектам, жаргону и иным проявлениям субстандарта. Таким образом, по мнению одних авторов (например В. Д. Девкин), такое понятие, как «просторечие», себя исчерпало, по мнению других (В. М. Лейчик), у просторечия в постперестроечный период только расширился ареал употребления, и поэтому оно относится к актуальным категориям. Как отмечает Е. А. Мелиховой [Мелихова 2008], в современной лексикографии нельзя исключить помету *прост.* даже по той причине, что она дает возможность более точно дифференцировать лексемы на стилистической шкале: «просторечное» считается традиционно грубее, ниже, хуже и т. п. «разговорного».

Другое дело, что лексемы, которые ранее квалифицировались как просторечные, сегодня «повысились в ранге», поскольку это связано с всеобщим процессом демократизации нормы и в целом со снижением порога нормативности. Даже слово *трахать*, «глагол, временно исполняющий обязанности главного в русском языке словесного обозначения телесной любви» [Новиков 2005, с. 121], в Толковом словаре русского языка XX в. под ред. Г. Н. Складчиковой [Складчикова 2006] дан с пометой *разг.*, тогда как, на наш взгляд, помета *прост.*, была бы в данном случае гораздо более уместна и способствовала бы вытеснению этого слова из нормативного поля русского языка.

Отказался от пометы *прост.* и Современный толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов 2001], благодаря чему вопрос, касающийся различий в толковании понятия «просторечие», был временно решен. Вместе с тем непонятно, рассматривают ли авторы словаря имеющиеся в словаре пометы *разг.-сниж.*, *нар.-разг.* и *трад.-нар.* как эквиваленты пометы *прост.* От термина «просторечие» отказались также авторы словаря «Толковый словарь общего жаргона» [Ермакова 1999], используя термин «общий жаргон» применительно к словам, традиционно считавшимся просторечными.

Редуцирование пометы *прост.* повышает в ранге многие единицы субстандарта. Исключение пометы *прост.* из терминологического аппарата ряда словарей фактически переводит соответствующие единицы в разряд разговорных и создает тем самым определенную опасность, рискуя вызвать отрицательную реакцию пользователей на присутствие в словаре литературного языка единиц субстандарта (что и произошло, например, при переиздании исправленного и дополненного словаря русского языка С. И. Ожегова в 1994 г.) [Ожегов 1994].

К концу XX в. созрела известная неудовлетворенность традиционной лексикографией, не способной отразить всего многообразия норм, что и вызвало к жизни новые концепции лексикографической интерпретации объектов. Ю. Д. Апресян начал разрабатывать принципы интегрального лексикографического описания языка. По мысли Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], свойство интегральности есть у такого лексического описания, в котором грамматика и словарь ориентированы друг на друга и в состоянии взаимодействовать информационно. Если прагматическая отмеченность слова может усиливаться в определенных грамматических (синтаксических) конструкциях, то

такие конструкции становятся релевантными не только грамматике, но и словарю.

Ю. Д. Апресян [Апресян 1995, с. 487] пришел к выводу, что невозможно стало получать принципиально новые лингвистические знания на основе исследования классов слов. Отсюда следует и развитие лексикографии по двум направлениям: одно направление – макромир, или лингвистика текста, другое – микромир, или лингвистическое портретирование. Под лексикографическим портретом Ю. Д. Апресян понимает информацию, размещенную в словарной статье, которая составлена по принципу интегрального или единого описания языка. Лексикографический портрет включает неординарные просодические, прагматические и коммуникативные особенности лексемы, при этом существенно возрастает количество традиционных типов информации. Воплощением идей лексикографического портретирования стали первые выпуски Нового объяснительного словаря синонимов русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна. Л. П. Крысиным [Крысин 2004] выдвинута идея социолингвистического портретирования лексемы в словаре. Данная методика основана на принципе тщательного отбора лексических и грамматических средств языка с учетом форм коммуникативного поведения, которые характерны для нормативного общения представителей различных социальных групп. При социолингвистическом портретировании в центре внимания исследователей оказываются кодовые переключения, детерминированные коммуникативной ситуацией и социальными ролями участников общения, однако на данный момент эта идея не реализована в полном объеме. Ясно, что «сложнейший вопрос сопутствующих содержательных характеристик лексических единиц едва ли будет решен без сведения воедино в рамках словаря всех прагматических оценок и установок: идеологических, материалистических, идеалистических, религиозных, большевистских, фашистских, расистских, антисемитских, популистских, завышающих и занижающих оценку, оптимистических и пессимистических и др.» [Девкин 2001, с. 89]. Как видим, даже неполный перечень актуальных прагматических характеристик дает представление о серьезной подготовительной работе, которая должна предшествовать составлению современного нормативного словаря. Данные задачи могут быть решены в рамках прагматической лексикографии, которая сейчас переживает период становления.

В современной лингвистике закрепилось представление о лексикографии как об особой синкретичной области человеческой деятельности, имеющей черты, и науки, и искусства, и ремесла («технэ»). Это означает, что именно лексикография способна преодолеть искусственное разделение науки о слове на ряд отдельных дисциплин и рассматривать фонетические, словообразовательные, морфологические, синтагматические, прагматические, семантические свойств лексических единиц в их неразрывном единстве. Таким образом, именно лексикография призвана обеспечить такое теоретическое осмысление лингвистических категорий и понятий, в результате которого будут созданы условия, оптимальные для практического словарного представления языковых единиц.

Наряду с общей лексикографией, изучающей свойства, присущие любому словарю, реальны частные «лексикографии» – учебная, двуязычная, терминологическая, ономастическая и т. п. Особое место может занять и такой раздел, как прагматическая лексикография.

Из идеи множественности нормы с необходимостью вытекает преимущество «эластичной кодификации», которая признает множество вариантов, отмеченных прагматически. То есть нужно описывать не только общезыковые (закрепленные в норме и узусе) единицы, но также наиболее значимые контекстные, ситуативные (учитывая широкий контекст ситуации) варианты нормы. При этом чрезвычайно важно, чтобы «идеальная» норма (оптимальный вариант) не потерялась в обилии и многообразии. Для лексикографической практики самым значимым является детальное рассмотрение вопросов, связанных с живым функционированием языковых единиц. В связи с тем, что авторитет современной художественной литературы в обществе невысок («жернова потребительства перемалывают литературу в труху и сам мир вытесняет ее из своей матрицы», Литературная газета, 2017, № 5. С. 7), и нормотворческую функцию взяли на себя СМИ, особую актуальность приобретает анализ медийного дискурса.

Преобладающей тенденцией в словарном деле всегда являлось лексикографирование в соответствии с заданными образцами, т. е. создание словарей известных типов на новом языковом материале при использовании традиционных методик. Вероятно, по этой причине ситуация с перечнем словарных изданий оставалась неизменной даже в то время, которое можно назвать бесспорным расцветом

русской лексикографии, а именно – в конце XX в. Однако в XXI в. в обществе ощущается потребность в обогащении и расширении традиционного перечня словарей.

Почти два десятилетия назад Н. Д. Голев [Голев 2005] и его ученики предложили проект юрислингвистического словаря инвективной лексики. В качестве объекта этого словаря выступает инвективное слово, причем инвективность определяется на основании двух подходов – статистического и экспериментального. То есть частотные реакции на те или иные языковые единицы в виде обиды и оскорбленности становятся критерием инвективности. Важную роль приобретают указания на степень интенсивности инвективного признака, поскольку, как известно, степень сниженности усиливает признак, заложенный в значении слова. Примером являются следующие ряды номинаций, расположенных по степени убывания «обидности»: 1) *свинья, хавронья, свинтус, поросенок* (в переносном значении ‘о человеке’); 2) *ни одна зараза, ни один дурак, никто*. Проблема состоит и в том, чтобы осуществить «перевод» квалификаций типа «бранное» и «пренебрежительное» в четкие юридические характеристики типа «оскорбительное» и «порочащее». Каждый раз, когда юристы обращаются к лингвистам для проведения лингвоюридической экспертизы высказывания / текста, им требуется точный ответ на вопрос: что подразумевал автор текста (высказывания)?¹ И если доподлинно установить интенции адресанта чаще всего не представляется возможным, то очертить круг коннотаций, связанных с каждой языковой единицей, является вполне выполнимой задачей.

¹ Ср.: «Трудно представить себе, чтобы языковед мог убедительно доказать, что “имел в виду” говорящий, употреблявший то или другое слово или выражение» [Томмола 2000, с. 514] и: «Доказать умысел предельно трудно, и юрислингвистика (как теоретическая, так и практическая) пока не готова к обоснованию принципов анализа значимостей внутренней формы вообще и инвективной ситуации в частности» [Базылев 2007, с. 261]. Авторы чаще всего подчеркивают, что решение этих вопросов погружается в область этики, общую и языковую культуру, связано с профессионализмом автора и редактора того или иного речевого произведения, однако в обществе сформировалась потребность ввести правовые механизмы, опирающиеся на систему норм права, сложившихся в обществе.

Безусловно, правовая норма с ее «командным» характером и изменчивость, зыбкость и вариативность языковой нормы находятся в известном противоречии, что серьезно затрудняет работу лингвистов.

Помимо словаря инвектив, предлагается юрислингвистический словарь оценочной лексики [Кочергина 2005, с. 108], куда войдут не только обцензизмы, но и другая оценочная лексика (типа *пигалица*) с указанием степени инвективности. О. Н. Матвеева [Матвеева 2004, с. 125–126] пишет о том, что новые лексикографические пометы должны размещаться на двух шкалах и маркироваться как негативнооценочные и оскорбительные. С правовой точки зрения оскорбление не может быть точно определено без его соотнесения с этико-лингвистическими нормами современного русского языка. Существующие словари инвектив не стали руководством для судебных органов, поэтому юрислингвистические словари нового поколения, в которых особое внимание должно быть уделено конфликтогенным лексемам, призваны решить эту задачу.

Особый тип лингвоюридического словаря – словарь манипулятивных речевых техник, о котором впервые упомянул В. Д. Девкин в статье, посвященной «не родившимся» словарям, т. е. словарям, в высшей степени актуальным, но еще не созданным, или «потенциальным» [Девкин 1999].

Наряду с предложениями о создании серии лингвоюридических словарей, которые дали бы возможность более точно трактовать вопросы об оскорблении, лингвисты ставят еще более масштабную задачу – создание большого прагматического словаря. Как пишет И. В. Беляева [Беляева 2009], необходим мощный прагмалингвистический словарь современного русского словоупотребления, в котором были бы представлены и тщательно проанализированы всевозможные прагматические созначения и их оттенки – эмоционально-экспрессивные, коннотативные, религиозные, идеологические, политические и прочие характеристики слова, а также была бы дана квалификация по отношению к типам норм. Такие словари будут содержать указание на недопустимость употребления в медийном пространстве высказываний, содержащих уничижительные номинации, оскорбляющие читателей, и единиц, которые не соответствуют «дальней прагматике», т. е. не способствуют повышению культурного уровня публичного коммуникативного пространства.

Такой прагмалингвистический словарь предназначен не только (и не столько) для представления аргументов при разрешении спора в ситуации оскорбления, но и для обеспечения наиболее целесообразного использования ресурсов языка, понимания того, что все языковые единицы могут участвовать в передаче многочисленных эмоционально-экспрессивных оценок, например по шкале «пейоративность–мелиоративность» или по шкале «много–мало», «важно–неважно». Очевидно, что прагматический словарь может быть словарем идеографического типа, при этом интенция адресата станет стержневым понятием. Таким образом, в словаре будет содержаться информация о том, как в соответствии с традициями русской лингвокультуры и эталонными образцами русской речи выразить похвалу, одобрение или порицание, иронию по отношению к кому-либо или чему-либо (с учетом тех ограничений этического плана, которые накладываются на использование иронии) или сделать комплимент.

Одним из кардинальных свойств современного словаря признается диалогичность, т. е. приближенность словаря к потребностям, которые актуальны для активных пользователей. Это свойство формируется благодаря привлечению разнообразного иллюстративного материала. Эмпирическую базу словаря должны составлять многочисленные примеры реального использования языковых единиц. Искусство составления словаря заключается в умении выбрать точные, меткие, исчерпывающие иллюстрации и преодолеть негативные последствия «вырванности» цитаты из широкого контекста. Только цитата в компактном виде обозначит обстоятельства использования слова и типичные интенции, которые ему сопутствуют.

Лексикография – особый способ постижения действительности, ее насущной задачей является внедрение оптимальных цивилизованных средств речевого взаимодействия людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1995. С. 135–177.
- Базылев В. Н.* Общее языкознание. М. : Гардарики, 2007. 285 с.
- Беляева И. В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов-н/Д : СКАГС, 2009. 244 с.

- Голев Н. Д., Головачева О. В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка // Юрислингвистика-6 : Межвузовский сб. статей. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. С. 123–151.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М. : Наука, 1976. 456 с.
- Девкин В. Д. Рецензия на Большой толковый словарь // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 111–113.
- Девкин В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 85–96.
- Дементьев А. А. О женских соответствиях к мужским наименованиям действующих лиц // Русский язык в школе. 1954. № 6. С. 12–15.
- Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т. РАН, Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., испр. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с. ; Т. 2. К–О. 736 с. ; Т. 3. П–Р. 750 с. ; Т. 4. С–Я. 797 с.
- Елистратов В. С. Арго и культура // В. С. Елистратов. Словарь русского аргю : материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000. С. 574–692.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М. : Азбуковник, 1999. 288 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984. С. 66–102.
- Караулов Ю. Н. Энциклопедия. Русский язык. М. : Дрофа, 1997. 703 с.
- Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. Более 7000 единиц. М. : Астрель АСТ, 2002. 607 с.
- Кочергина К. С. Принципы составления юрислингвистического словаря оценочной лексики // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. С. 108–118.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры. 2004. 883 с.
- Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2001. –1536 с.
- Лейчик В. М. Изменение стилистической системы в современном русском языке // Язык и мы. Мы и язык : сб. ст. памяти Б. С. Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. С. 184–194.
- Лобанов И. Б. Говорим правильно по-русски: речевой этикет. Ростов-н/Д : Феникс, 2013. 191 с.
- Матвеева О. Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов,

- вовлеченных в юридическую практику) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 220 с.
- Мелихова Е. В.* Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 170 с.
- Моисеев А. И.* Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография : пособие для учителей. 2-е изд. М. : Просвещение, 1980. 320 с.
- Московцев Н. Г., Шевченко С. М.* Вашу мать, сэр! : иллюстрированный словарь-путеводитель по американскому сленгу. 2-е изд., доп. и пер. СПб. : Питер, 2009. 544 с.
- Никитин Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга от Светы и Ромы Букиных. Родителям читать не рекомендуется. М. : Премьера, 2008. 224 с.
- Новиков Вл.* Словарь модных слов. М. : Зебра Е, 2005. 156 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М., 1994. 944 с.
- Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М. : Наука, 1980. 712 с.
- Склярёвская Г. Н.* Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
- Томмола Х.-Т.* Лингвистика на службе права: что предусмотрено языком? // Слово в тексте и словаре : сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 512–520.

Е. Е. Голубкова, А. Г. Захарова

Голубкова Е. Е., доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. лексикологии английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail katemg@yandex.ru

Захарова А. Г., преподаватель каф. английского языка №1
МГИМО МИД РФ; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

МЕТОНИМИЯ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ (на материале единиц типа *Snow White syndrome*)

Статья посвящена изучению когнитивных механизмов, приводящих к активному развитию полисемии у производных от прецедентных имен типа *Snow White syndrome*. Опора на современные методики анализа когнитивной лингвистики, в частности теорию концептуальной интеграции, фреймовый анализ и аттенциональный сдвиг, позволяет выработать способ описания процесса развития значений у композита и утверждать, что именно метонимические проекции лежат в основе конструирования значений полисеманта.

Ключевые слова: метонимия; метафора; дериват от прецедентного имени; фрейм; слот; аттенциональный сдвиг; де-/фокусирование; концептуальная интеграция.

E. E. Golubkova, A. G. Zakharova

Golubkova E. E., Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor,
Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University;
e-mail katemg@yandex.ru

Zakharova A. G., PhD Student, Lecturer, Department of English №1,
MGIMO University; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

METONYMY AS A SOURCE OF POLYSEMY (Case Study of *Snow White Syndrome*)

The article carries out a case study of polysemy in a composite noun *Snow White syndrome* relying on a combination of current cognitive techniques, such as conceptual integration, frame analysis and windowing of attention. It is argued that metonymic projections are essentially responsible for the development of new meanings, while context clarifies each case in particular.

Key words: metonymy; metaphor; derivative from precedent name; frame; slot; windowing of attention; de-/focusing; conceptual integration.

Статья продолжает серию работ, посвященных проблеме лингво-когнитивного анализа многозначности производных единиц номинации в современном английском языке [Голубкова, Братцева 2015;

Захарова 2016]. В качестве материала выбран динамичный и постоянно пополняющийся пласт лексики современного английского языка – дериваты, созданные на основе прецедентных имен (далее – ДПИ). Отмечено, что подобные единицы проявляют тяготение к кластеризации вокруг одного прецедентного имени, демонстрируя разнообразие арсенала словообразовательных моделей современного английского языка: *the Harry Potter phenomenon, Potterloving, Potterphiles, to be harry-pottered, hairy potter, Potter-sphere*. Они также имеют тенденцию выстраиваться в протяженные словообразовательные ряды по аналогии, например с суффиксом *-esque*: *Kafkaesque, Jaggeresque, Jordanesque, Kiplingesque, Kennedyesque, Lolitaesque, Burtonesque, Clooneyesque, Cinderellaesque, Don Quixotesque, Draculaesque, Picassoesque, Schwarzeneggeresque, Gogoesque, Frodoesque, Tarzanesque, Yodaesque; potterology, potterologist-in-chief, Potter-phernalia* – или с компонентом *syndrome*: *Snow white / Cinderella / Peter Pen / Schwarzenegger / Nicholas Cage / Lebron James syndrome*.

При этом переменный компонент ДПИ, а именно – прецедентное имя (далее – ПИ) придает номинации высокоинформативный и коннотативно нагруженный характер в силу аллюзии к имени-прототипу, харизматические черты которого должны быть по умолчанию известны носителю английского языка.

Самым интересным свойством ДПИ-композигов, однако, является их способность развивать несколько значений в соответствии с требованиями контекста. В статье мы подробно остановимся на разборе полисеманта *Snow White syndrome* с целью выявления когнитивных механизмов, инициирующих развитие полисемии и выработки способа описания семантических метаморфоз, объясняющих безошибочное инферирование значения ДПИ в контексте.

В ходе анализа мы опираемся на предположение современной когнитивной лингвистики о том, что в основе развития полисемии лежат взаимосвязанные механизмы метафоры и метонимии, которые вкупе с механизмом аттенционального сдвига [Talmy 200, с. 425–436] приводят к фокусировке некоторых признаков прецедентного имени и выведению из фокуса других [Ирисханова 2014, с. 256, 278]. Справедливости ради следует отметить, что в последнее время метонимия как когнитивный механизм получила в исследованиях лингвистов достаточно детальное описание [Littlemore 2015; Mendoza, Velasco 2002;

Peirsmann, Geeraerts 2006; Radden, Kövecses 1999], тем самым был заполнен некоторый пробел в ее изучении. Как известно, в отличие от метафоры, предполагающей построение схожести или сравнения между доменами (порой никак не связанными) метонимия содержит указание на смежность объекта и его именования. При этом смежность отличается различной степенью очевидности, нюансировки и даже оценки. Именно в силу своей неочевидности и неопределенности (Дж. Литлмор называет это свойство метонимии *subtlety*) метонимия обладает высоким аксиологическим и эвфемистическим потенциалом [Порохницкая 2016, с. 47]. Этот же фактор способствует ее относительной «незаметности» по сравнению с метафорой. В широком смысле метонимия пронизывает всю номинативную деятельность: языковое воплощение мысли и есть метонимия, «недосказывание» многого, что важно для интерпретации высказывания [Radden, Köpcke, Berg, Siemund 2007, с. 11]. Следовательно, правильная «дешифровка» метонимии требует привлечение инференции. Таким образом, метонимия – это некий вектор для репрезентации референта, своеобразный способ языковой экономии за счет напряжения интеллектуальных ресурсов пользователей. По определению, метонимия высвечивает лишь некоторые релевантные признаки референта, что сближает ее с процессом де-/фокусировки, называемым иногда аттенциональным сдвигом. Несмотря на повышенное интеллектуальное напряжение, сопровождающее дешифровку номинации, например такой как *Snow White syndrome*, метонимическая проекция удобна для пользователя. Она представляет собой уникальный способ языковой экономии особенно в случаях, когда в номинации задействованы прецедентные имена или феномены. Для сравнения приведем ДПИ из русского и немецкого языков: *собянинг, мизулинг, накинг, Thatcherismus, Schröderismus, Kohlianer, Schäublianer, Merkelianer, Nicht-Merkelianer, Blairsches Markenzeichen*.

Несмотря на то, что в лингвистике давно описаны три основные метонимические модели: *pars pro toto, toto pro pars, and pars pro pars* [Заботкина 2012, с. 268], Крофт и Круз, а вслед за ними Барнден приводят примеры отклонения от классического определения обсуждаемых процессов. Так, примарные метафоры, такие как *KNOWING IS SEEING* или *MORE IS UP* основаны не на схожести действий, а скорее, на их смежности, так как изначально знание предполагает видение, а увеличение предполагает возрастание в количестве. Таким

образом, оказывается, что многие концептуальные метафоры метонимичны по своей природе, и метонимия может быть задействована в процессе восприятия метафор. По словам Барндена, «contiguity is in the eye of the beholder» («смежность заметна только наблюдателю») [Barnden 2010, с. 10].

Наряду с этим Барнден приводит примеры метонимических проекций, в которых задействовано сравнение. В качестве примера он приводит употребление названия страны для названия спортивной команды. Так, *the USA*, использованное для обозначения команды, подразумевает наличие структурной аналогии между страной и командой, в соответствии с которой соревновательные отношения между командами соотносимы с состязаниями стран. Барнден полагает, что целесообразно поставить вопрос о типе смежности или схожести в каждом отдельном примере, нежели пытаться раз и навсегда установить природу когнитивного процесса [Littlemore 2015, с. 194].

Воплощая эту идею на практике, Гуссенс установил четыре типа взаимоотношений метафоры и метонимии, которые он назвал метафтонимией [Goossens 2003, с. 354]. В работах его последователей была выявлена еще более сложная картина метафтонимических отношений [The Snow White Syndrome].

Большое количество корпусных примеров и вариативность контекста подтолкнули лингвистов к более гибкому отношению к метонимии, в соответствии с которым решающая роль при интерпретации метонимии отводится контексту и прагматической ситуации. Р. Лэнекер даже сравнивает метонимию с углом расположения кинокамеры, сближая ее тем самым с перспективой [Littlemore, с. 63].

Для того чтобы упорядочить все разнообразие метонимических проекций, когнитивные лингвисты еще раз прибегли к идее о том, что всякая лингвистическая категория организована по прототипическому принципу [Radden, Köpcke, Berg, Siemund 2007, с. 38, 44]. Если это верно в отношении метонимии, то ядро данной категории будут занимать более конкретные типичные и явные случаи метонимических проекций [Peirsman 2006, с. 286]. Так, метонимия *Fancy a new set of wheels?* [19] (*Хочешь новую машину (колеса)?*) является более ядерной, нежели *Jay and Denise are expected to walk up the aisle in the summer* [The Bank of English 2010] (*Джей и Дениз, видимо, «пойдут по проходу» (то есть поженятся) летом*). В последнем примере задействованы

абстрактные фоновые знания о процедуре бракосочетания [Littlemore, с. 117], делающие инферирование значения более трудоемким.

Таким образом, прототипичность метонимических проекций означает, что по мере удаления от ядерной зоны понижается степень смежности номинации и референта, повышается степень абстрактности и «свободы» выбора профилированного признака. Подобная трактовка метонимии не снимает трудностей, возникающих в каждом отдельном случае, это мы и попытаемся продемонстрировать далее в процессе анализа многозначного ДПИ *Snow White syndrome*.

Для описания процесса развития многозначности ДПИ воспользуемся несколькими лингвокогнитивными методиками исследования: теорией концептуальной интеграции, фреймовой семантикой и теорией аттенционального сдвига. Эмпирические данные почерпнуты из корпусов COCA (Corpus of Contemporary American English), Corpus of American Soap Operas и на англоязычных сайтах: www.thenational.ae, www.thehindu.com, www.pablohutch.wordpress.com, www.teenink.com.

В наших предыдущих работах уже отмечалось, что прецедентное имя является триггером событийного сценария произведения, который вызывает к жизни содержание и последовательность событий сказки [Голубкова 2015, с. 91; Захарова 2016, с. 76]. Любое антономасийное прецедентное имя можно представить как событийный фрейм, который включает в себя целый набор слотов. В производном имени (сложном слове в случае *Snow White syndrome*), прецедентная часть вступает в концептуальное взаимодействие со словом *syndrome*. В соответствии со словарным определением, *syndrome* имеет два значения, одно из которых имеет медицинский термин (совокупность симптомов заболевания), а другое, расширенное, служит для описания любого проявления признака (как правило, отрицательного):

- 1) a set of physical conditions that show you have a particular disease or medical problem;
- 2) a set of opinions or a way of behaving that is typical of a particular type of person, attitude or social problem With teenagers, be prepared for the 'Me, me, me!' syndrome (= they think of themselves first). This phenomenon has become known as the 'Californian syndrome' [Oxford Learner's Dictionary].

В процессе концептуальной интеграции ДПИ *Snow White* и слова *syndrome*, как показывает материал, во фрейме ДПИ активизируются

его отдельные слоты по метонимической модели при затемнении или элиминировании других.

Для выявления основных слотов фрейма прецедентного имени необходимо проанализировать краткое содержание сказки братьев Гримм (версия 1819 г.).

Желание королевы иметь белого как снег, румяного как кровь и чернявого как черное дерево ребенка осуществляется, и рождается девочка, которую называли Белоснежкой. Она была *с белоснежной кожей, черными волосами и со здоровым румянцем на щечках*. После рождения дочери королева-мать умирает, и король спустя год женится на другой, *гордой и высокомерной красавице*. Когда Белоснежке исполняется 7 лет, *волшебное зеркальце* гордой королевы признает ее падчерицу самой красивой в стране. Королева поручает псарю *отвести в лес и убить девочку*, а в доказательство принести ей легкое и печень. Пожалев Белоснежку, псарь приносит королеве легкое и печень молодого оленя, которые та готовит и съедает.

Белоснежка находит в лесу хижину, в которой накрыт столик на семь персон и, чтобы утолить голод, берет себе от каждой порции немного овощей, хлеба и вина, а после, перекрестившись, засыпает на одной из кроватей. Когда стемнело в хижину приходят хозяева, которыми оказываются *семь горных гномов-рудодкопов*. Они видят малютку и увлечены ее красотой. Поутру, выслушав историю Белоснежки, карлики предлагают девочке остаться с ними *и вести домашнее хозяйство*. Также предостерегают от общения с незнакомыми людьми, опасаясь козней ее мачехи. Прознав от своего зеркальца, что Белоснежка по-прежнему жива за семью горами, королева трижды приходит, переодевшись в разных людей, в ее арсенале – удушающий шнурок для платья, ядовитый гребень и *отравленное яблоко*. Дважды Белоснежку спасают гномы, но в третий раз распознать *причину помертвения* их любимицы не удастся. Но даже бездыханной Белоснежка была свежей и румяной, поэтому гномы не решаются предать ее земле, они изготавливают *прозрачный хрустальный гроб* с золотой надписью и ставят его на вершине горы. Даже звери и птицы приходят оплакать королевскую дочь, а добрые карлики по одному посменно несут стражу. Злая же королева получает от своего зеркальца подтверждение, что она сама отныне краше и милее всех.

Белоснежка очень долгое время лежит в гробу, *кажется спящей и выглядит по-прежнему прекрасно*. Однажды мимо проезжает королевич и, увидев девушку, влюбляется в нее. Королевич просит гномов обменять на дары или подарить ему гроб, так как он больше не может жить без взгляда на возлюбленную. Из сочувствия карлики передают его

слугам гроб с красавицей, который те несут на плечах, но **спотыкаются**, и **кусок отравленного яблока** выскакивает из горла Белоснежки. К ней **возвращается жизнь**. Королевич и Белоснежка справляют **свадьбу**, на которую также приглашена злая королева. Узнав от зеркала, что новобрачная прекрасней чем она, королева впадает в панику. Однако любопытство берет верх, и мачеха появляется на свадебном торжестве, где узнает свою падчерицу. В наказание за свои деяния злодейка должна **плясать в раскаленных железных башмаках**, до тех пор, пока не падает замертво.

Как правило, сюжет каждой сказки строится вокруг борьбы добра и зла. В «Белоснежке» главная мысль заключается в демонстрации силы добра, которая помогает главной героине в преодолении выпавших на ее долю трудностей. Как и в случае с другими ставшими классическими сказочными сюжетами, некоторые нюансы оригинала Белоснежки подвержены вариативности. Особенно это касается источника информации мачехи-королевы о степени ее красоты – зеркала. У кельтов этим источником служит форель в колодце, у армян – луна, в итальянской версии – путешественники, опрашиваемые владелицей гостиницы-мачехой, в южно-африканском варианте – волшебный сосуд с водой [The Snow White Syndrome 2017].

Несмотря на некоторые национально-культурные расхождения, прототипический событийный фрейм имени *Snow White*, может быть представлен следующими слотами: Агнец – Белоснежка, Коллаборант – гномы, принц, Антагонист – мачеха, Целеполагание – победа добра, Способ – непротивление злу насилием, Бенефициант, Пациент и Время находятся вне зоны внимания, Место – дремучий лес.

При анализе взаимодействия фреймовой структуры ПИ и второй составляющей – слова *syndrome*, мы будем принимать во внимание три фактора, влияющих на выбор метонимической проекции. К ним относятся когнитивный опыт, перцептуальная избирательность и культурные предпочтения [Radden, Kövecses 1999, с. 23].

Прототипически Белоснежка является воплощением добродетели: трудолюбивая, добрая, храбрая, красивая. Однако подавляющее количество примеров использования ДПИ *Snow White syndrome* характеризуются отрицательной коннотацией. Это вполне объяснимо в силу того, второй компонент ДПИ «синдром», имея постоянную отрицательную коннотацию (его медицинское определение – совокупность симптомов

заболевания), способствует актуализации отрицательных признаков ПИ. «Синдром» как бы предрасположен к «вытягиванию» отрицательно окрашенных признаков из репертуара слотов прототипического фрейма ПИ. Отсюда, ряд значений, описывающих психологические состояния и установки нездорового характера, к которым относятся:

- стремление индийских (вьетнамских и вообще цветных) актрис иметь светлую кожу:

The outcry over celebrities endorsing skin-fairness creams, known in India as the ***Snow White Syndrome***, is growing [The Bollywood stars fighting the Snow White Syndrome 2017];

- пассивность и отсутствие желания принимать решения:

*In psychotherapy, the ***Snow White Syndrome*** indicates the propensity to escape into passive fantasies and the tendency to avoid the initiative for behaviour or decision-making, if other people can do it in the subject's place* [The Snow White Syndrome / TeenInk 2017].

- страх перед завистью других, препятствующий саморазвитию личности, ср. название книги *Snow White Syndrome* (1989), автор Бетси Коэн (Betsy Cohen) с подзаголовком *How to overcome the envy trap and reach your full potential*:

Only after four life-threatening attacks is Snow White forced to accept the facts: "My stepmother has been out to get me." ***The Snow White syndrome*** has two parts: the envier, the queen, and the person envied, Snow White. The relationship between the two leads to the fear of being envied, the fear that if you're too successful, you won't be liked [The Bollywood stars fighting the Snow White Syndrome 2017];

- сверхположительный характер героини, который делает ее образ нереальным, плоским, недостаточно прописанным:

I have a name of this. It's called the ***Snow White Syndrome***. When I say this, I don't mean someone who's a damsel in distress. Think back to Snow White in the Disney movie < ... >. Did she have any personality, really? Or was she sort of just there? A symbol for women to put themselves into her shoes, because her personality was not defined enough to conflict anything the viewer wanted to project onto her? (*ashurcollective.com/writing-for-black-female-characters/*);

- латентная, активизируемая в контексте черта характера Бело-снежки – ее доверчивость (англ. dimwitted – тупой, неразумный):

Apparently a google search of the term “*Snow White Syndrome*” brings up a Greek movie, a book on racism in India, and an explanation of the cause of the Euro Crisis, so apparently I’m not the first person to try and make the most *dimwitted* Disney Princess ever into a theory about reality. And she is dimwitted. *She ate an apple a stranger gave her*, which pretty much means it has a razor blade in it [Theories: The Snow White Syndrome 2017].

Таким образом, метонимические проекции с отрицательной коннотацией возникают у ДПИ *Snow White Syndrome* под воздействием семантики слова «syndrome», привносящего в эмерджентную структуру значение отклонения от нормы, наличие симптомов заболевания. При этом метонимические проекции помещают в фокусную позицию следующие признаки слота *Агнец*: перцептивные (внешний вид героини – белизна кожи), присущие ей внутренние качества (доверчивость или отсутствие недостатков), характерный для Белоснежки способ бытования (пассивное ожидание спасения), отношение Агенса и Антагониста-мачехи – зависть. Сравнение «синдрома» с *Snow White effect* (эффектом), обозначающим умение человека ладить с животными (как одна из черт Белоснежки), подтверждает роль «синдрома» в деградации значения *Snow White Syndrome*.

Тем более примечательны отмеченные нами случаи развития положительно коннотированных значений данного композита. К ним относятся следующие три примера.

Во-первых, положительную коннотацию имеет значение «внезапное выздоровление после продолжительной болезни посредством устранения преграды из дыхательных путей», в котором активизируется акциональный слот фрейма сказки (способ действия):

Snow White regains consciousness when a servant carrying her crystal coffin trips, thus dislodging the bit of poisonous apple stuck in her throat. *The Snow White Syndrome* is also a speedy and long-term recovery achieved by removal of a foreign body stuck in someone’s thorax that had made them unconscious because of restricted aspiration [Bollywood stars fighting the Snow White Syndrome 2017].

В данном значении «перевешивает» положительная коннотация, черпаемая из слота Целеполагания – счастливого конца сказки и спасения девушки, в то время как слово «синдром» выступает в своем первом, медицинском, значении, но с положительным исходом как признак выздоровления.

Во-вторых, «синдром» также теряет свою отрицательную коннотацию, развивая значение «свод убеждений, в соответствии с которым о качествах женщины судят по ее поступкам и отношению к труду»:

To me she seemed like the perfect heroine: mentally strong, determined and capable. Now when I look back, I see how wrong I was. Quite clearly, Snow White had no chest. As I have learned from later Disney movies, a REAL heroine has a chest. From Ariel to Esmerelda, the size of the ideal heroine's chest kept expanding. I soon realized I had fallen victim to the ***Snow White Syndrome: a woman should be judged by her actions and her work ethic.***

Автор заметки *The Snow White Syndrome* затем перечисляет других героинь диснеевских мультфильмов (Русалочку, Ариэль), отмечая, что в воплощении их образов значительно важнее их внешние данные (длина ног или фигура), нежели умственные способности или поступки. Поэтому автор полагает, что именно такая трактовка женских образов в мультфильмах привела к созданию системы ценностей в американской культуре, в которой внешняя красота ценится больше внутреннего содержания, заставляя девушек комплексовать по поводу своей внешности, лишая женщин стремления участвовать в управлении страной.

Now that I have grown up, I see how Disney has helped to make America what it is today. Without Disney's influence, we might have a country where intelligence was revered, not physique. We might have had fewer teenage girls agonizing over their appearance, starving themselves to be thin. We might even have more women in positions of power. But hey, what we have is wonderful. You might even say that America is Beautiful? [The Snow White Syndrome / TeenInk 2017].

Инферирование положительной коннотации в данном контексте требует некоторого интеллектуального напряжения: синдром оказывается как бы «задавленным» правильным, положительным, суждением об аксиологической ценности внутреннего мира (*The beauty is on the inside*), которое, однако, не поддерживается мультипликационными версиями сказок, навязывающими предпочтение внешней красоте. Именно поэтому такой образ мыслей представлен автором заметки как «ущербный, старомодный» в том смысле, что он не согласуется с современными вкусами.

Наконец, книга Джилы Риса также носит название *The Snow White Syndrome* (2014), в котором, видимо, совмещаются название одноименного генетического заболевания и инферируемая из сюжета

сказки установка на преодоление трудностей двумя молодыми людьми, вопреки их дискриминации в обществе:

The Snow white syndrome: a struggle for two boys to overcome major difficulties [The Snow White Syndrome: a struggle for two boys to overcome major difficulties 2017].

Примечательно, что речь в книге идет о мальчиках, их внешний вид и цвет кожи вовсе выводятся из центра внимания. Метонимическая проекция носит достаточно абстрактный характер и требует аттенционального сдвига на целевой слот – преодоление трудностей, победа над злом.

Billie Preston is angry with his parents for making him so short, but he does not know about the *Snow White Syndrome*, a genetic defect over which nobody has any control. He discovers a hidden talent whilst at a home for wayward boys which will lead him to a life beyond his imagination. His roommate James is sexually abused in the Home, and together with the help of Margaret the Home's cook they set up a life together when the boys become eighteen and have to leave the Home. Their ability to jointly recover from their blighted lives is amazing.

Подводя итог анализу функционирования ДПИ *Snow White Syndrome*, отметим, что «ответственность» за развитие значений у данного композита, равно как и у других единиц, созданных на основе прецедентного имени, лежит на когнитивном механизме распределения внимания. В ходе аттенционального сдвига по метонимическому принципу происходит «вытягивание» и фокусировка отдельных фрагментов событийного фрейма прецедентного имени при выведении из фокуса или полном игнорировании нерелевантными для контекста слотами фрейма (например, пол или возраст героя). При этом, чем более контекстно зависима процедура инференции значения композита и менее прототипичны фокусируемые слоты, тем более периферийной оказывается метонимическая проекция, дешифровка которой требует от читателя большого интеллектуального напряжения и побуждает к творческому конструированию новых смыслов и событий. В процессе выборочного проецирования и фокусировки отдельных слотов происходит концептуальный «диалог» (интеграция) соседних взаимодействующих структур: домена прецедентного имени (который представлен у нас фреймом) и домена второго компонента композита (*syndrome*). В большинстве примеров отрицательная коннотация

слова «синдром» (показатели проявления болезни) продолжает доминировать и в значении композита, придавая отрицательную коннотативную окраску всей номинации: неестественная белизна кожи, пассивное поведение, страх перед завистью или излишняя доверчивость героини. Эмпирические данные также свидетельствуют о некоторой степени семантической неопределенности, которую проявляют ДПИ в различных контекстах, и которая, как правило, снимается за счет опоры на так называемый культурный контекст и знания сути прецедентного имени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубкова Е. Е., Братцева А. Л. «Сказка о руководящей золушке» или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка: сб. научных трудов. Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.–Тамбов, 2015. С. 90–100.
- Заботкина В. И. Слово и смысл. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. 428 с.
- Захарова А. Г. Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм // События в коммуникации и когнитии. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 75–86. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 7 (746). Сер. Языкознание).
- Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 319 с.
- Порохنيцкая Л. В. Концептуальная метонимия в контексте изучения семантики эвфемизма // Романские языки: Античность, Средневековье, современность. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 137–142. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/2016_12_751.pdf (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 12 (751). Сер. Языкознание).
- Barnden J. Metaphor and metonymy: making their connections more slippery // Cognitive linguistics. 2010. № 21 (1). P. 1–34.
- Corpus of Contemporary American English. URL : corpus.byu.edu/coca/
- Corpus of American Soap Operas. URL : corpus.byu.edu/soap/
- Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 356 p.
- Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action [revised version] // Dirven R. & Pörrings R. (eds.). Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 349–378.

- Littlemore J.* Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 227 p.
- Mendoza de R., Velasco D.* Patterns of conceptual interaction. In Metaphor and metonymy in comparison and contrast // Rene Dirven and Ralf Poerings (eds). Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. P. 489–532.
- Oxford Learner's Dictionaries. URL : www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/syndrome?q=Syndrome (дата обращения: 26.01.2017)
- Peirsman Y., Geeraerts D.* Metonymy as a prototypical category // Cognitive linguistics. 2006. № 17 (3). P. 269–316.
- Radden G., Kövecses Z.* Towards a theory of metonymy // Panther K.-U. & Radden G. (eds.). Metonymy in language and thought. Amsterdam : John Benjamins, 1999. P. 17–59.
- Radden G., Köpcke K.-M., Berg T., and Siemund P.* The construction of meaning in language // G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg and P. Siemund (eds.). Aspects of Meaning Construction. Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 1–15.
- Talmy L.* Toward a cognitive semantics. Massachusetts and L. : The MIT Press, 2000. 565 p.
- Theories: The Snow White Syndrome / Fear+ Trembling. URL : pablohutch.wordpress.com/2013/01/09/theories-the-snow-white-syndrome/ (дата обращения: 24.01.2017)
- The Bank of English (COBUILD Corpus). URL : www.lt-world.org/kb/resources-and-tools/language-data/ltw_x3alanguage_x5fdata_.2010-09-23.5678579368
- The Bollywood stars fighting the Snow White Syndrome / The National. URL : www.thenational.ae/arts-lifestyle/film/the-bollywood-stars-fighting-the-snow-white-syndrome (дата обращения: 23.01.2017)
- The Snow White Syndrome / TeenInk. URL : www.teenink.com/opinion/all/article/10537/The-Snow-White-Syndrome/ (дата обращения: 22.01.2017)
- The Snow White Syndrome / Wordspeak // The Hindu. URL : www.thehindu.com/1r/2004/07/04/stories/2004070400020600.htm
- The Snow White Syndrome: A struggle for two boys to overcome major difficulties / www.amazon.com. URL : www.amazon.com/Snow-White-Syndrome-struggle-difficulties/dp/3659470694 (дата обращения: 23.01.2017)
- Wojciechowska S., Szczepaniak R.* Modified idioms with HAND: a corpus based study of the metaphor-metonymy interplay : Paper presented at the Annual Conference of the UK Cognitive Linguistics Association, King's College London, 2013.

УДК 811.112.

О. А. Иванова

аспирант каф. лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

АНТРОПОНИМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Данная статья посвящена исследованию номинативных единиц семантического поля «чужой» при освещении иммиграционных процессов в Германии в 2014–2016 гг. Анализ всех найденных именований и их употреблений позволил отнести исследуемые единицы к группе антропонимов, образовавшихся в результате вторичной номинации, метафорического или метонимического переноса, а также выделить ядро семантического поля «чужой» с лексемой *Flüchtling* и ее композитов. Остальные антропонимы образуют периферию поля. Множественные случаи использования термина международного права *Flüchtling* в качестве обобщающей лексемы для всех граждан, пересекших границу и просящих убежища, позволяют констатировать не только его переход в разряд общей лексики, но и завоевание им положения гиперонима. Таким образом, можно говорить и об изменении парадигматических отношений в этом семантическом поле.

Ключевые слова: семантическое поле; антропоним; первичная и вторичная номинация; *Flüchtling*; гипероним.

O. A. Ivanova

PhD Student, Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of German, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

ANTHROPONYMS OF THE “OTHER” SEMANTIC FIELD IN CONTEMPORARY GERMAN PRESS

The present article focuses on nominative units of the semantic field “the other”. Research relies on print and online articles from “Der Spiegel”, “Focus”, “Die Zeit”, “Die Welt”, “Stern”, as well as on news reports shown on the German TV channel “Tagesschau” in the period between 2014 and 2016; all of the materials used highlight the problem of migration in Germany. As a result of the analysis a nucleus and a periphery of the semantic field “the other” is determined and changes in the paradigmatic relations in this semantic field are brought to the surface.

Key words: semantic field; anthroponym; primary and secondary naming; *Flüchtling*; hypernym.

С 2014 по 2015 гг. немецким Федеральным Ведомством по делам мигрантов и беженцев зарегистрированы максимальные показатели

беженцев со времен Второй мировой войны. Появление большого количества людей другого вероисповедания, носителей другого языка и культуры способствует росту разного рода информации на эту тему.

Для прибывающих иностранных граждан возникают именование, употребление которых обсуждается и иногда осуждается не только лингвистами, но и видными политическими и общественными деятелями. В обществе наблюдается поляризация в отношениях между «своими» и «чужими», увеличивается раскол внутри «своих», фиксируются столкновения в лагере «чужих». Следствием этого являются различные, в том числе новые, именованья этих групп людей в СМИ. Исследование лексических репрезентантов беженцев в семантическом поле «чужой» при освещении иммиграционных вопросов в Германии послужило целью настоящей статьи. Материалом исследования стали печатные и онлайн-версии изданий *Der Spiegel*, *Focus*, *Die Zeit*, *Die Welt*, *Stern* за последние два года.

Ю. Н. Караулов отводит семантическому полю роль главного составляющего языковой картины мира. Ее основу составляют знания, закрепленные в семантических полях и категориях, состоящих из слов и словосочетаний, организованных в границах этого поля [Караулов 2003]. Исследуя номинативные единицы семантического поля «чужой», мы дополняем знания об уникальной картине мира и особенностях немецкого этноса.

Под номинацией понимается как процесс создания и закрепления именованья за определенными фрагментами действительности, так и сама языковая единица. Процессы и структуру актов номинации принято описывать, опираясь на семантический треугольник, каждый компонент которого наделен признаками, «характерными для членения мира в данном языке» [Телия 2002, с. 336]: реалья – денотат имени; понятие – сигнификат, или смысл имени, который дополнительно может содержать экспрессивные признаки; само имя «осознается как звукоряд, расчленяемый в языковом сознании в соответствии со структурной организацией данного языкового кода» [там же].

В процессе номинации происходит не только выделение и отражение составляющих частей реальной действительности, но и создание экспрессивной окраски формируемых языковых единиц «за счет субъективно-модального компонента значения» [там же], поэтому со стороны лингвистов проблеме номинации как категоризирующему действительность фактору уделяется большое внимание.

Вслед за Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телия, под первичной номинацией мы понимаем первообразное слово, «производность которого можно установить только при этимологическом или историческом анализе» [там же]. Первичная номинация вызывает у носителей этноса одинаковые представления. Они не воспринимаются как производные, мотивированные слова [Арутюнова 1977; Кубрякова 1978; Телия 2002].

Под вторичной номинацией понимается «использование в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы языка в качестве имени для нового обозначаемого» [Телия 2002, с. 336]. Другими словами, происходит появление нового значения в данной языковой единице. Результат вторичной номинации воспринимается как производное по морфологическому составу и смыслу. Такое слово воспринимается как мотивированное, однако с течением времени мотивировка также может стираться.

Полученное таким образом значение может автономно указывать на действительность. В этом случае говорят о его самостоятельной номинативной функции. Однако, если вторичные значения лишены такой возможности, речь идет о неавтономной языковой реальности. Такая языковая единица «соотносится со своим обозначаемым косвенно – через посредство семантически опорного для данной комбинации наименования» [Телия 2002, с. 336], т. е. она реализуется только в сочетании с другими словами.

Как уже упоминалось выше, благодаря номинации за языковым знаком закрепляется определенное понятие (сигнификат), отражающее признаки денотата. Закрепление имеющихся признаков может происходить либо через указания на общий, родовой, признак, либо с указанием на одно из свойств предмета. Возможно также объединение сигнификатов и возникновение новой номинативной единицы [Колшанский 1977].

Рассмотрим номинативные единицы семантического поля «чужой», выделенные нами в материалах статей, посвященных иммигрантам. Все зафиксированные лексемы являются антропонимами.

В современной лингвистике существуют разные подходы к пониманию термина *антропоним*. Под ним подразумевают имена собственные, которые может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним [Подольская 1988].

Другие исследователи, такие как Е. И. Гулыга, Е. И. Шендельс, И. А. Семина, Л. А. Томашевская и т. д. трактуют антропонимы более широко. Они определяют антропонимы как совокупность лексем, называющих человека, «связанных с характеристикой и деятельностью человека» [Гулыга 1969, с. 135]. К ним относятся имена собственные, нарицательные, собирательные [Гулыга 1969; Семина 2012; Томашевская 1985]. Именно о таких антропонимах идет речь в данной статье.

Зафиксированные антропонимы обладают общими семами «человек», «гражданин другой страны», на основании которых мы определяем их отношение к семантическому полю «чужой» антропонимической категории «человек». Однако далее каждая номинативная единица имеет один или несколько дополнительных дескриптивных признаков, позволяющих выделить и упорядочить многочисленные репрезентанты всего поля.

Ядром семантического поля «чужой» является антропоним *Flüchtling* «беженец». Эта номинативная единица имеет максимальную частотность употребления в прессе. Не случайно именно она была выбрана Обществом немецкого языка в качестве «Слова 2015 года» в Германии¹.

Слово *Flüchtling* является термином международного права. Согласно Женевской Конвенции по делам беженцев 1951 г. *беженцем* (англ. *refugee*, нем. *Flüchtling*) считается тот, кто покидает свою Родину из-за преследования по расовой принадлежности, религиозным, политическим убеждениям, из-за возникновения угрозы его жизни.

Иначе говоря, те люди, которые покидают страну по экономическим причинам, не имеют статуса беженца. Они являются мигрантами. Это уточнение важно для дальнейшего анализа.

Итак, слово *Flüchtling* является термином в текстах правового характера, т. е. имеет четкое определение и потому может быть отнесено к узкозначным существительным [Семина 2012]. Однако в немецкой прессе последних лет *Flüchtling* употребляется часто в качестве

¹ Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS) – общество, основанное в 1947 г., занимается вопросами сохранения, популяризации и исследования немецкого языка. Оно является компетентным органом по вопросам правописания, грамматики и стилистики немецкого языка, ежегодно составляет рейтинг наиболее употребляемых слов СМИ.

гиперонима для именования всех иммигрантов, пересекающих границу ЕС и Германии, в частности:

Wie die italienische Küstenwache am Montag mitteilte, wurden **die Flüchtlinge** von Schiffen aus Italien, Malta, Großbritannien, Irland und Spanien an Land gebracht. Die **Migranten** wurden demnach am Sonntag von 21 Flüchtlingsbooten vor der libyschen Küste gerettet (*Zeit*, 29.06.2015).

В сообщении речь идет о спасении беженцев. При освещении этих событий они уже в следующем предложении именуются мигрантами, которых спасли из лодок для транспортировки беженцев. Однако слово *мигрант* не является тождественным слову *беженец*.

Мигранты из Восточной Европы, страны которых признаны Европейским Советом как надежные, часто также именуются беженцами. Так, в следующем примере речь идет о размере пособия македонского беженца:

Ein **mazedonischer Flüchtling** bekäme 672,10 Euro, aber nur, weil sein Asylverfahren im Durchschnitt länger dauert (*Tagesschau*, 29.09.2015).

В следующем примере всех прибывающих в Германию людей, независимо от того, мигранты они или беженцы, также называют словом *Flüchtlinge*:

Millionen Deutsche heißen **die Flüchtlinge** mit weit geöffneten Armen willkommen. Und Millionen machen **die Flüchtlinge** vor allem Angst (*Stern*, 31.08.2016).

Flüchtlinge называются и другие зафиксированные нами антропонимы. В статье *Debatte zu Merkels Reaktion auf Flüchtlingskind* «Дебаты о реакции Меркель на ребенка беженцев» рассказывают о семье беженцев, которые по прибытии в Германию подали ходатайство о предоставлении им убежища, и которые уже 4 года живут в городе Росток, но до сих пор не имеют официального ответа на свое заявление. В этом случае все члены семьи, включая ребенка, должны называться **Asylbewerber** «лица, подавшие заявление о предоставлении им убежища», а не *Flüchtlinge*, как их именуют в заголовке¹.

Более того, наряду с лексемой *Flüchtling* в прессе употребляется слово *Geflüchtete* (букв. убежавшие – причастие, образованное

¹ www.ndr.de/nachrichten/mecklenburg-vorpommern/Fluechtlingsmaedchen-Reem-darf-vermutlich-bleiben,buergerdialog104.html Stand: 16.07.2015 18:12

от глагола *flüchten* – «спасаться бегством, искать защиту, убежать»), *Neuankömmlinge* – «вновь прибывшие», *Refugees* – «беженцы», *Schutz-, Zufluchtsuchende* – «ищущие защиты, убежища», *Heimatvertriebene* – «изгнанные с Родины», *Flüchtende* – «спасающиеся бегством».

На основании многочисленных фактов такого употребления лексемы *Flüchtling* можно констатировать, что термин международного права выходит из сферы только терминологического употребления и становится общеупотребительной лексемой. Следствием этого является расширение его лексического значения и приобретение им функции гиперонима.

Лексема *Flüchtling* представляет собой пример вторичной номинации в результате словообразовательных процессов. Однако наличие суффикса *-ling* ставило под сомнение у некоторых немецких лингвистов и видных политических деятелей правильность столь частотного его употребления. Высказывались опасения о возможности появления негативных ассоциаций у читателей, поскольку некоторые лексемы немецкого языка, заканчивающиеся на этот суффикс, имеют негативную окраску. Предполагалась возможность замещения *Flüchtling* на *Geflüchtete*. Действительно, в пределах одного текста для избежания повтора слово *Flüchtling* заменяется на *Geflüchtete*. Однако наши данные не подтверждают такую же высокую степень частотности у *Geflüchtete*, какую имеет лексема *Flüchtling* [Иванова 2016]. Итак, антропоним *Flüchtling* находится в центре семантического поля «чужой».

Помимо частотности употребления, лексема *Flüchtling* входит в состав многих композитов, т. е. она чрезвычайно продуктивна. С учетом особенностей стран происхождения и причин бегства людей, антропонимы называющие их приобретают специальные дополнительные конкретизирующие признаки. Нередко происходит смешение сигнификатов, и образуется новая номинативная единица. Например беженцы, численность и въезд которых определяется заранее, называются *Kontingentflüchtlinge*; беженцы из стран, где идет война – *Kriegsflüchtlinge*, из стран с тяжелой экономической ситуацией – *Notflüchtlinge*, *Wirtschaftsflüchtlinge*. Беженцы, уже зарегистрированные в других странах ЕС, но проживающие в Германии, именуются по соглашению, подписанному в Дублине, *Dublin-III-Flüchtlinge*. Среди антропонимов, имеющих в своем составе слово *Flüchtling*, зафиксирована

лексема, употребление которой возможно только с определенным причастием: имеющие (или не имеющие) право на убежище беженцы – *Asyl(-un-)berechtigte Flüchtlinge*. Однако в качестве номинативной единицы этой группы беженцев субстантивированное причастие может употребляться и самостоятельно.

Рассмотренные ранее именованья составляют группу поля, прилегающую к центральному ядру.

Следующую позицию по частотности употребления занимает антропоним *Migrant* и его композиты: трудовые мигранты – *Arbeitsmigranten*; мигранты по квоте *Quotenmigranten*; экономические мигранты *Wirtschaftsmigranten*. Случаи его употребления были рассмотрены выше.

Рассмотренные далее антропонимы занимают периферию поля «чужой». Они не являются частотными. Это также вторичные именованья, возникающие на базе значения слова, которое используется в новой функции, служащей называнию предмета. Однако при этом появляются ассоциации по смежности или по сходству между признаками называемого и обозначаемого. Один смысл переходит в другой [Рахманова 2015]. Примером такого метонимического переноса при вторичной номинации может служить антропоним *Asylant* – первоначально как «обитатель ночлежки», человек без крыши над головой (*Obdachlose*). Далее эти признаки – человек, отсутствие крыши над головой, ищущий укрытия человек – переносятся на всех беженцев.

В словарных статьях лексема *Asylant* снабжена пейоративной пометой. Объяснить появление уничижительности можно, рассмотрев следующие логические заключения: система взглядов других народов, их нравы и обычаи рассматриваются через призму традиционных установок и ценностных ориентаций этноса. Они принимаются за правильные, положительные, а остальные расцениваются как отрицательные, плохие. «Чужой, не-свой – убог уже потому, что не относится к своим. Тот, кто на другой, чужой, территории плох и несчастен именно потому, что там плохо и убого» [Цветаева 2013, с. 72] – приходит к заключению Е. Н. Цветаева при анализе диффузности семантики лексемы *elend* (этимологически восходящая к *land* см далее подобно). Некоторые лингвисты полагают, что пейоративность антропонима *Asylant* объясняется наличием суффикса *-ant*, который и вызывает негативные ассоциации у носителей языка (А. Стефанович, Й. Гёриш) [Иванова 2016].

Еще одним примером вторичной номинации в результате переноса по признаку является метафора. В переосмысляемом значении актуализируются признаки, релевантные по отношению к сигнификату и денотату базового наименования. Например, *Flüchtlingsstrom*, *Flüchtlingslawine*, *Flüchtlingsflut*. В результате семантической транспозиции (лавины воды – лавина беженцев и т. п.) признак скорости распространения стихийного бедствия, разрушительные последствия, неспособность регулировать процесс переносятся на прибывающих беженцев и мигрантов. Бесконтрольность ситуации нагнетается и сопровождающими метафоры атрибутами (прилагательными и причастиями): *anhaltend* – «продолжающийся (поток)», *stark* – «сильный», *immer groß werdend* – «становящийся все сильнее», *wachsend* – «растущий», *der größte seit dem 2. WK.* – «самый большой со времен Второй мировой войны», *ansteigend* – «возрастающий», *zahlreich* – «многочисленный», *weltweit* – «всемирный», *gewaltig* – «огромный», *zunehmend* – «увеличивающийся», *steigend* – «возрастающий», *neu* – «новый», *illegal* – «нелегальный».

И метафора, и метонимия являются способами переосмысления реальности. В семантическом поле «чужой» рассмотренные метафорические примеры занимали в 2014–2015 гг. центральное место. По мере стабилизации ситуации с беженцами их частотность снизилась, и данные антропонимы переместились на периферию поля.

Периферийным антропонимом поля является и лексема *Ausländer*. Это тоже пример вторичной номинации. Ф. Клуге фиксирует употребление лексемы *Ausländer* («чужой, происходящий из другой земли») с XVI в. [Kluge 1948]. С XIV в. зафиксировано только прилагательное *ûz lëndisc* – «принадлежащий другой земле, чужой». Префикс *ûz* преобразуется впоследствии в *aus* – значение направления «во вне». Словарь братьев Гримм указывает на возможность использования слова *Ausländer* в качестве вещи, привезенной из-за границы или просто необычной [Kluge 1948]. Этот признак – необычность, непохожесть на носителей этноса перейдет частично и на характеристику иностранца: отличающийся от местных. Кроме того, существовавшее в Средние века существительное *ûz lant* означало «собственность (Gut), находящуюся за пределами земельных угодий общины»; *ûtlant* – «чужая земля»; *lant* – «возделанная земля», значит, своя; географически или политически закрытая область; *ûz lenti* – «берег» (IX в.). Итак, существительное *Land* у древних германцев рождало

представление о своей земле. За ее пределами – чужая территория. Внутреннее пространство человек воспринимает как «свое», «безопасное», «гармонически организованное», а внешнее ассоциируется с «чужим», «враждебным», «опасным», «хаотическим», и пришедший из другой страны опасен [Лотман 2010; Рахманова 2004].

Итак, рассмотренные именованья «чужих» при освещении вопросов иммиграции в Германии многочисленны, что объясняется многогранностью бытия человека, его гетеронимативностью и большим количеством суждений, которые можно сделать о нем.

В связи с большим количеством именованний беженцев определение статуса пересекающих границу ЕС иностранцев в официальных документах часто не совпадает с тем, как они называются в прессе.

Анализ всех найденных именованний и их употреблений позволил отнести исследуемые единицы к группе антропонимов, образовавшихся в результате вторичной номинации, метафорического или метонимического переноса, а также выделить ядро семантического поля «чужой» с лексемой *Flüchtling* и ее композитов. Остальные антропонимы образуют периферию поля.

Множественные случаи использования термина международного права *Flüchtling* в качестве обобщающей лексемы для всех граждан, пересекших границу в надежде найти убежище, позволяют констатировать не только его переход в разряд общей лексики, но и завоевание им положения гиперонима. Таким образом, можно говорить и об изменении парадигматических отношений в этом семантическом поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 307.
- Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. М. : Просвещение, 1969. 184 с.
- Иванова О. А. Проблема именованья «чужих» при освещении вопросов миграции в современных СМИ Германии // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. – Западночешский университет в г. Пльзень, 2016. С. 149–156.
- Караулов Ю. Н. Языковое сознание, языковая картина мира, менталитет // Вавилонская башня – 2: Слово. Текст. Культура: Ежегодные чтения памяти Н. С. Трубецкого 2002–2003 «Евразия на перекрестке языков и культур». М. : МГЛУ, 2003. С. 17–28.

- Колишанский Г. В. Лингвогносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 101–123.
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономастиологическом освещении. М. : Наука, 1978. С. 98.
- Лотман Ю. М. Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Семиосфера. СПб. : Искусство. СПб., 2010. С. 175–176.
- Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. С. 31.
- Рахманова Н. И. Метонимия как источник семантических трансформаций в диахронии // Германистика: перспективы развития. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 370–380. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 20 (371). Сер. Языкознание и литературоведение).
- Рахманова Н. И., Цветаева Е. Н. Реализация концептуального содержания языковых единиц в диахронии // Дискурсивный потенциал грамматического компонента в различных сферах человеческого общения. М. : Рема, 2004. С. 130–150. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та, вып. 482, Сер. Лингвистика.)
- Семина И. А. Об одной функции широкозначных антропонимов в религиозном дискурсе современного французского языка. // Вестник МГЛУ. Германистика: перспективы развития. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 370–380. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 4 (637). Сер. Языкознание и литературоведение).
- Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 336–337.
- Томашевская Л. А. Структура значения антропонимов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Цветаева Е. Н. Диффузность семантики лексемы *elend* в современном немецком языке // Функциональные проявления современных языков. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2013. С. 67–72. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 18 (678). Сер. Языкознание).
- Grimm J. und Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Erster Band. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1854. S. 591.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Straßburg ; Berlin : Verlag Walter de Gruyter, 1948. S. 29.

УДК 811.111. 373.

А. И. Лызлов

кандидат филологических наук, доцент каф. иностранных языков
Смоленского государственного университета; e-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЗООМОРФНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале английских фразеологических единиц)

Предлагаемая статья посвящена изучению аксиологических характеристик зооморфных идиом английского языка, пословиц и поговорок. На материале устойчивых выражений с концептуальным компонентом СОБАКА автор доказывает, что данный концепт, являясь составной частью ситуаций, описывающих реальную жизнь животных, выступает в качестве области-источника для построения разного рода аксиологических проекций в различные сферы социальных отношений человека. На когнитивном уровне идиома, поговорка или пословица представляет собой конфигурацию области источника и области цели. Эти области структурированы как пропозиции с оценочным компонентом и соединены друг с другом посредством метафорических переносов. На уровне текста концептуальная структура фразеологических единиц с компонентом СОБАКА фиксирует обыденные, конкретные, легко усваиваемые модели, которые задают систему координат (перспективу) для интерпретации более сложных социальных событий, отраженных в тексте.

Ключевые слова: фразеологическая единицы; ценность; пропозиция; дискурс; перспектива.

A. I. Lyzlov

Ph.D. (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Department,
Philological Faculty, Smolensk State University (SmolGU);
e-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

THE AXIOLOGICAL DIMENSION OF ENGLISH ZOOMORPHIC PHRASEOLOGICAL UNITS

The paper contains a study of the axiological components of zoomorphic idioms, proverbs and sayings of the English language. Considering set expressions with the conceptual component of DOG as an example, the author shows that this concept, embedded in concrete animal-life situations, serves as a source domain for building a variety of axiological mappings into various domains of human social relations. On the cognitive level, an idiom, a saying, or a proverb is a set of source and target domains. These domains are structured as propositions with an evaluative component, and are connected with each other via metaphorical mappings. On the textual level, the conceptual structure of phraseological units with the component DOG sets an everyday, concrete, easily accessible frame of reference (a perspective) for interpretation of more complicated social events referred to in a text.

Key words: phraseological units; values; proposition; discourse; perspective.

Целью данной статьи является изучение роли аксиологического компонента устойчивых выражений в системе языка и в тексте на материале английских зооморфных фразеологизмов с концептуальным компонентом СОБАКА. Данная группа выражений относится к наиболее активным в английской лингвокультуре фразеологическим подсистемам. Они, как будет показано далее, предоставляют для говорящего удобную в когнитивном отношении точку отсчета для оценки социальных событий. В работе фразеологические выражения трактуются широко и включают в себя также пословицы и поговорки.

В целом, подходы к анализу устойчивых выражений различаются в разных лингвистических школах и направлениях. В отечественной лингвистике изначально сложилась традиция рассматривать фразеологизмы как единицы, совокупно представляющие систему ценностей той или иной культуры, и шире – как единицы культурного кода или концептосферы [Зыкова 2014; Ковшова 2012; Телия 1981].

В последние годы фразеологизмы привлекли внимание когнитологов, хотя следует отметить, что для американской версии когнитивной лингвистики, за исключением отдельных работ (например, [Langlotz 2006]), данное понятие остается периферийным. Так, Р. Лэнкнер в «Когнитивной грамматике» употребляет более широкий термин «символическое выражение» (*symbolic unit*), к которому относит не только отдельные слова, но и устоявшиеся конструкции, включая идиомы [Langacker 1987]. В то же время в рамках когнитивной лингвистики были предложены подходы к семантическому анализу фразеологизмов как выражений с образным значением, в основе которого лежат механизмы концептуальной метафоризации (см. концепцию Дж. Лакоффа и М. Джонсона в [Lakoff, Johnson 1980]).

Существенный вклад в развитие когнитивной теории фразеологизмов внесли отечественные лингвисты А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, которые в своих исследованиях объединили российские и зарубежные традиции и не только описали фразеологические единицы через призму национально-культурных представлений, но и представили их семантику в когнитивных категориях фрейма и метафорических связей между ними [Баранов, Добровольский 2008, с. 225–250].

В настоящем исследовании мы рассматриваем фразеологические выражения как комплексные вторичные номинации, которые, по Дж. Лакоффу и др., являются результатом метафоризации в языке.

При этом метафорическому переосмыслению подвергаются не отдельные объекты, а целые ситуации и события.

В то же время мы полагаем, что метафорическая модель, предложенная когнитологами для фразеологизмов, нуждается в уточнении в силу того, что в ней должны учитываться дискурсивные свойства устойчивых выражений. В частности, данные единицы как правило описывают конкретный фрагмент физического повседневного опыта носителей той или иной культуры, который лишь потенциально, в силу самого статуса единицы как фразеологической сущности, применим к более широкому классу объектов. Эти потенциальные обобщенные проекции хранятся в свернутом виде в долговременной памяти носителей языка, и начинают запускаться только в дискурсе, когда фразеологизм актуализируется в конкретном контексте и начинает выполнять роль системы координат, задающей способ интерпретации определенного события. Именно данное свойство фразеологизма, его способность в компрессированном виде задавать точку зрения на иное событие, делает его важным инструментом ценностной ориентации говорящих (ср. с понятием перспективы в дискурсе, рассмотренном в [Ирисханова 2014]).

В этом плане важными оказываются зооморфные фразеологизмы, в которых определенные, легко наблюдаемые в повседневном опыте свойства животных, особенно домашних, проецируются на более сложные модели социального поведения человека. Благодаря таким компрессированным устойчивым выражениям, говорящие имеют возможность быстро и относительно легко подключаться к ценностной системе координат (и ее фрагментам), которая в целом носит весьма абстрактный характер, а значит, может требовать определенных когнитивных усилий. Употребление фразеологизмов в роли ценностных ориентиров позволяет эти усилия экономить.

Не случайно во многих языках именно зоонимы с древних времен являются источником образного переосмысления мира во фразеологических единицах. Их многообразие и частотность позволяют также говорить о том, что модель ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОТНОЕ относится к числу базисных метафор [Lakoff, Johnson 1980, с. 39].

Таким образом, применительно к зооморфным фразеологизмам, модель метафорического переноса в основе семантики отдельного выражения основывается на связи. Описывая механизм переноса, нужно отметить, что в основе метафорического переноса ситуации

лежит связь между двумя пропозициями. Первая пропозиция репрезентирует буквальную, физическую, ситуацию. Например, «собака лает» в паремии: *an old dog barks not in vain*. В терминах Лакоффа-Джонсона данная пропозиция структурирует домен источника (source domain), и соотносится с областью обыденного физического опыта. Пропозиция области источника содержит также телеологический (по Н. Д. Арутюновой) оценочный компонент *in vain*, который характеризует причину действия актанта («лает не напрасно», «не без причины»). Обратим внимание на отрицательную конструкцию *not in vain*, которая, как отмечает А. Верхаген, создает альтернативную точку зрения, с которой заочно спорит говорящий [Verhagen 2007]. Следовательно, хотя сама паремия профилирует ситуацию, в которой «собака не лает напрасно», отрицательная конструкция указывает на фоновую пропозицию «собака лает напрасно». Структура домена источника проецируется на домен цели (target domain). При этом второй домен носит более обобщенный характер и указывает на любое событие, в котором участником является человек и в котором он обладает достаточным опытом, чтобы не совершать поступки без веской причины. Благодаря референтной диффузности и неопределенности, домен цели, который по своему пропозиционально-оценочному строению является аналогом ситуации с собакой, находится как бы в спящем режиме, его компоненты конкретизируются в контексте, включая фоновые пропозиции. Последнее объясняет то, почему фразеологические выражения (в том числе паремии) нередко используются как аргумент в споре.

Далее рассмотрим, какие ценностные компоненты представлены во фразеологизмах английского языка, содержащих в пространстве источника компонент СОБАКА, и как они проецируются на модели социальной деятельности человека.

Анализ фразеологизмов английского языка разных периодов его существования (с XVI в. до наших дней) позволил выявить ряд ценностных компонентов, которые служат ориентирами при оценке поведения человека. В целом, СОБАКА служит источником проекций как ценностей, так и антиценностей: в случае, когда данный элемент указывает на роль агенса в домене-источнике, были выявлены ценности «помощь, взаимовыручка», «опыт, польза», «удача», и антиценности «агрессия», «порок». Для роли пациенса были выявлены ценность «опыт» и антиценности «жестокость», «отсутствие пользы», «порок» и др.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих некоторые из перечисленных ценностей (антиценностей) и их проекций на более общий домен-цель человеческого поведения в целом.

Концепт «собака» объективирует в английских фразеологизмах такой положительно оценочный признак, как взаимовыручка: *dog does not eat dog; it is a hard winter when dogs eat dogs* (WDP). Во фразеологизме: *dog does not eat dog* пропозиция источника “dog eats dog”, благодаря отрицанию имплицитно характеризует ситуацию взаимовыручки, характеризующую взаимоотношения в стае.

В области цели в результате метафорического проецирования структуры и оценочного компонента из пропозиции-источника концептуализируется следующая нормативная ситуация: «человек – представитель некоторой социальной группы не причиняет вреда собрату, представителю этой же социальной группы». Целевая ситуация реализует ценность «взаимовыручка» как запрет на причинение зла «своему».

Во втором фразеологизме, который обладает сходной структурой за исключением вводимого сирконстанта *hard winter*: *it is a hard winter when dogs eat dogs* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998], имплицитно выражается та же ценность, которая выражается не в модальности запрета, как в первом случае, а в модальности уступки («только в самое тяжелое время возможно обратное»).

Удача: *every dog has his day; the hindmost dog may catch the hare; in a mouth of a bad dog often falls a good bone* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998]. В области источника создается контраст между негативной оценкой собаки (*hindmost, bad*) и позитивной телеологической оценкой награды (*catch hare, falls good bone*). Проецируясь в область человеческого поведения, данная структура создает следующие отношения внутри домена-цели: *любой человек, даже не самый лучший, может иногда рассчитывать на милость судьбы*.

Обратим внимание на то, что абстрактная ценность удачи вербализуется предметными существительными и глаголами из области физического опыта (*hare, bone; to catch, to fall*).

Жестокость: *to treat like a dog; like a beaten dog; many a dog is hanged for his skin, and many a man is killed for his purse; give a dog a bad name and hang him; there are more ways to kill a dog than hanging* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998].

В указанных выше фразеологизмах СОБАКА в пропозиции источника играет роль пациента (жертвы), а жестокость характеризует человека по отношению к животному. Структура пропозиций источника и цели, а также характер метафорических проекций в данных паремиях не носят тождественный характер. Так, в выражениях *to treat like a dog*, *like a beaten dog* агенс (человек) и его действия выведены из центра внимания. В то же время в паремиях *give a dog a bad name and hang him*; *there are more ways to kill a dog than hanging* жестокое поведение человека профилируется и конкретизируется.

Фразеологизм *many a dog is hanged for his skin, and many a man is killed for his purse* обладает более сложной эксплицитной пропозиционной структурой, так как здесь вербализованы оба домена – источника и цели, при этом первый относится к сфере «человек – животное», а второй представляет отношения «человек – человек». В обоих доменах профилируется причина жестокого физического обращения с жертвой. Следовательно, в данной паремии человек сравнивается с животным более эксплицитно, чем в предыдущих выражениях.

В отличие от фразеологизма *many a dog is hanged for his skin, and many a man is killed for his purse*, в котором оба домена концептуализируют физические действия убийства, в выражении *give a dog a bad name and hang him* речь идет о действиях, порочащих имя человека. Метафорические проекции соединяют домен физической расправы над животным (представленной как последовательность двух событий – назвать собаку плохим именем и повесить) и домен социальных (политических) отношений – опорочить противника и затем расправиться с ним. Таким образом, политические события, которые, по-видимому, не связаны с физическим уничтожением противника, благодаря выстраиваемой аналогии начинают оцениваться как жестокое обращение, подобное убийству невинной жертвы.

Бессмысленность поведения описывает фразеологизм: *when a dog is drowning everyone offers him a drink*. В данном примере также присутствует ситуация убийства. В качестве области источника в единице задействуется ситуация, в которой вместо спасения гибнущей собаке предлагается средство, которое лишь быстрее убьет ее. В области источника реализуется ситуация тонущей собаки. Проецируясь в область цели, данная единица отражает пропозицию: *если хочешь спасти человека, не предлагай ему заведомо невозможные средства к спасению*.

В ряде фразеологизмов в рамках объективации модели «человек – животное», используется пропозитивная ситуация, представляющая собой область источника метафорического переноса: *есть лучшие орудия, чтобы убить собаку, чем пища*. Данная идея находит отражение во фразеологизмах: *there are more ways of killing a dog than choking it with butter; there are more ways of killing a dog than choking it with pudding* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998]. Их отличает лишь объект воздействия, в первом случае масло, во втором – пудинг.

В целом, анализ примеров фразеологизмов с компонентом СОБАКА, отобранных из словарей, показал, что данные выражения являются носителями эксплицитных или имплицитных ценностей, которые переносятся из сферы физических отношений «животное – животное» или «человек – животное» в домен более абстрактных социальных отношений «человек – человек». Обладая компрессированной формой и указывая на ситуацию повседневного перцептивно воспринимаемого взаимодействия, данные фразеологизмы задают систему координат, в которой оценивается описываемое событие. Проиллюстрируем это положение фрагментом из ряда художественных текстов.

Весьма известная и цитируемая книга Роберта Льюиса Стивенсона «Остров Сокровищ» предлагает много случаев употребления фразеологических единиц. Автор вкладывает их в уста своих героев с целью воспроизвести дух «старой доброй Англии». События в романе, как известно, разворачиваются в первой четверти XVIII в. Действующие лица – моряки, выходцы из народа, носители той картины мира, что и породила исследуемые нами связные сочетания:

The old fellow's fury was awful. He sprang to his feet, drew and opened a sailor's clasp knife, and balancing it open on the palm of his hand, threatened to pin the doctor to the wall. The doctor never so much as moved. He spoke to him as before, over his shoulder, and in the same tone of voice, rather high, so that all the room might hear, but perfectly calm and steady: "If you do not put that knife this instant in your pocket, I promise, upon my honour, you shall hang at the next assizes." Then followed a battle of looks between them, but the captain soon knuckled under, put up his weapon, and resumed his seat, grumbling *like a beaten dog* [The University of Oxford Text Archive].

Предлагаемый отрывок воспроизводит момент ссоры Доктора Ливси со старым пиратом – постояльцем гостиницы «Адмирал Бенбоу». Устрашенный обещанием скорого суда над ним, бывший пират

бормочет, как побитая собака, но не решается напасть. Выбор идиомы не случаен. В английском языке есть несколько единиц, которые подходят для описания цитируемого отрывка. Так фраза *old dog* означает «старый пес», а единица *old seadog* переводится как «старый моряк». Как видно, обе фразы содержат зооморфный концепт собаки.

В предложенном ниже отрывке из книги «Приключения Тома Сойера», в котором описываются душевные переживания главного героя:

The boy's soul was steeped in melancholy [...] It seemed to him that life was but a trouble, at best, and he more than half envied Jimmy Hodges, so lately deceased; it must be very peaceful, he thought, to lie and slumber and dream forever and ever, with the wind whispering through the trees and caressing the grass and the flowers over the grave, and nothing to bother and dream about, ever, any more... Now as to this girl. What had he done? Nothing. He had meant the best in the world, and been ***treated like a dog – like a very dog***. She would be sorry someday – maybe when it was too late. Ah, if only he could die TEMPORALY! [The University of Oxford Text Archive].

В данном фрагменте описываются чувства Тома Сойера, впервые испытывающего влюбленность, поэтому склонного к крайним суждениям. Последние строки отрывка представляют собой несобственно-прямую речь, в которой повествование ведется одновременно от третьего и первого лица, и имитируется прямая речь персонажа. Это указывает на смену перспективы – с внешней на внутреннюю, что создает эффект погружения в мысли героя. Использование фразеологизма *to treat like a dog*, усиленного повтором, не только передает эмоциональное состояние персонажа, но и заставляет читателя интерпретировать всю историю его взаимоотношений с Беккой (девочкой, в которую он влюблен) в контексте антиценности «жестокое / несправедливое отношение». Таким образом, читатель попадает в систему координат Тома и оценивает события с его позиции.

В поэзии зооморфные проекции могут устанавливаться многократно в контексте одного стихотворения, порождая кластеры выражений с зоонимами. Так, в произведении «Молодые и старые» Чарльз Кингсли использует ряд зооморфных концептов:

When all the world is young, lad,
And all the trees are green;
And every goose a swan, lad,
And every lass a queen;

Then hey for boot and horse, lad,
And round the world away:
Young blood must have its course, lad,
And every dog its day.

[The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998].

В финальной строке стихотворения фигурирует несколько измененный вариант фразеологического выражения: *every dog has his day* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998], который обобщает состояние молодости как удачу, которой нужно воспользоваться.

В некоторых случаях фразеологизм не только и не столько выступает как средство обобщения событий в ценностной системе координат, сколько применяется как некая точка отсчета, «каркас», на котором заново создается сюжет произведения. В качестве иллюстрации процитируем сатирическое стихотворение Оливера Голдсмита, построенного на фразеологизме *as mad as a dog*:

The dog, to gain some private ends,
Went mad and bit the man.
The man recovered from the bite,
The dog it was that died

[The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998].

В данном стихотворении поэт выражает мысль о том, что человек может быть более опасным, чем бешеная собака, что подчеркивается трансформацией фразеологизма *mad dog* и сменой актантных ролей: собака из агрессора превращается в жертву, а человек становится причиной гибели животного.

Редьярд Киплинг иной раз использует весьма экспрессивные, яркие, но жесткие выражения, свидетельством чего могут быть следующие строки:

As it will be in the future, it was at the birth of Man
There are only four things certain since social progress began:
That the Dog returns to his Vomit and the Sow returns to her Mire,
And the burnt Fool's bandaged finger goes wobbling back to fire.
[The Oxford Concise Dictionary of Quotations 2011].

Примечательно графическое оформление отрывка стихотворения. Ключевые образы пишутся с заглавной буквы. Так автор абстрагируется от конкретных зоонимических образов собаки, свиньи и образа

глупца, генерализирует свои образы, распространяя их черты на все человечество, которое в этом отрывке также пишется с заглавной буквы.

Первые две фразы: *the Dog returns to his Vomit, the Sow returns to her Mire* являются прямыми цитациями связанных сочетаний, которые описывают склонность человека к пагубным пристрастиям. Последняя строка из описываемого отрывка: *And the burnt Fool's bandaged finger goes wobbling back to fire* является переосмыслением фразеологической единицы: *the burnt fool dreads the fire* [The Wordsworth Dictionary of Quotations 1998]. Приведенная выше строка из Киплинга отражает образ глупца, который тянет перебинтованную руку к огню, – намек на то, что обжегшись один раз, он совершает ту же ошибку. Так автор приводит нас к мысли о том, что глупцы неисправимы.

Итак, наше исследование показало, что зооморфные фразеологизмы обладают сложной концептуальной структурой, построенной на метафорических проекциях между доменом-источником (отношения «животное – животное» и «человек – животное») и доменом-целью (отношения «человек – человек»). Каждый из доменов структурирован пропозициями, которые содержат аксиологический компонент. Несмотря на сложную концептуальную структуру, фразеологизм, обладающий краткой формой, изначально построен на повседневном физическом опыте, который проецируется на более абстрактные социальные отношения. Данные свойства делают фразеологические выражения эффективным средством для создания системы ценностных координат, в которых интерпретируются описываемые в тексте события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
- Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с.
- Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянских культур, 2014. 320 с.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
- Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., испр. М. : Живой язык, 1998. 944 с. (EPRD)

- Телия В. Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке / отв. ред. А. В. Уфимцева. М. : Наука, 1981. 269 с.
- Apperson G. L. [et al.]. The Wordsworth dictionary of proverbs. Hertford–London : Apperson Wordsworth Editions Ltd., 2006. 656 p. (WDQ)
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London, Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 252 p.
- Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. – Vol. 1. Stanford : Stanford University Press, 1987. 515 p.
- Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins Publishing Co., 2006. 340 p.
- The Oxford Concise Dictionary of Quotations / ed. by S. Ratcliffe. Oxford : Oxford University Press, 2011. 584 p.
- The University of Oxford Text Archive. URL : ota.ox.ac.uk
- Verhagen A. Construction of Intersubjectivity. Oxford : Oxford University Press, 2007. 248 p.
- The Wordsworth Dictionary of Quotations / ed. by C. Robertson. Hertfordshire : Wordsworth Editions Ltd., 1998. 670 p.

УДК 81'23

В. А. Пищальникова

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: pishchalnikova@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ПОНЯТИЯ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ДИНАМИКИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Автор исследует возможности использования концепции Л. С. Выготского о функциональных эквивалентах понятия в объяснении динамики значения слова. Исследование актуализирует базовое понятие «личный смысл», которое связывает функциональные эквиваленты понятий со значением слов.

Ключевые слова: личный смысл; психологическое значение; теория значения слова; мотив; смыслопорождение; предмет деятельности; речевое действие; знак.

V. A. Pishchalnikova

Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor,
Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

FUNCTIONAL EQUIVALENTS OF NOTION AS MENTAL BASIS FOR DYNAMICS OF WORD MEANING

The author studies possibilities of using Vygotsky's concept of functional equivalents of notion to explain the dynamics of word meaning. The main emphasis is on the term 'personal meaning' which connects functional equivalents of notions with lexical meanings.

Key words: personal meaning; psychological meaning; word's meaning theory; motive; creation of meaning; object of activity; speech activity; symbol.

Введение

Современная антропоцентрическая парадигма актуализировала проблему моделирования значения слова. Известно, что лингвисты предлагают модели значения, включающие различные параметры: от специфического представления в них денотата до различных прагматических и фоносемантических компонентов (принципы создания таких моделей см., например, [Пищальникова, Сонин 2009]. Некоторые так или иначе осознанные в моделях параметры «измерены»

с большей или меньшей степенью адекватности в психолингвистических экспериментах и даже отчасти формализованы (например, с помощью методики шкалирования).

Однако до сих пор не предложено такой модели, которая бы действительно объясняла антропоцентризм значения, то, что значение – существенно нестабильное психологическое образование, способное возникать только в конкретной речемыслительной деятельности человека. Для этого необходимо отобразить в модели, во-первых, **принцип запуска процесса формирования** актуальных для индивида **смыслов** в непосредственной или опосредованной коммуникации. В различных лингвистических направлениях, как правило, определяется та или иная совокупность условий, в которых формируется актуальный смысл, но эта совокупность всегда ситуативна, потому не может быть представлена в стабильной модели, обладающей достаточной объяснительной силой и пока в рамках теории значения антропоцентризм оказывается только провозглашенным методологическим принципом, не находящим реализации в конкретных моделях. Во-вторых, модель должна объяснять не только принцип объединения условий для начала формирования значения, но и **процессуальность** его становления. Следовательно, необходимо установить, какие факторы коммуникативной среды нужно учитывать в моделировании, от чего зависит их ситуативная иерархия, каким образом достигается принципиально динамичное соотношение этих факторов при относительной устойчивости иерархии элементов значения. Пока установлено, что «сплюс» условий смыслообразования остается открытым (таким образом человек вроде бы включен в модель), компоненты смыслообразования иерархичны (и снова здесь проявляется роль человека), а стабилизация этой иерархии осуществляется использованием в процессе смыслопорождения единиц языка (что отражает естественную семиотичность языка). Но при всем включении в модель абстрагированных признаков коммуникативной ситуации, психологических характеристик человека и знаков языка степень инвариантности модели, а значит, степень ее объяснительного потенциала не повышается.

Конечно, всякая модель как интегративное образование намеренно отвлекается от частных способов реализации явления, и в случае моделирования значения это представляет серьезную трудность – показать в статичной модели принципиальную процессуальность явления.

Вероятно, необходим новый принцип объединения всех уже выделенных существенных компонентов смыслообразования. Для этого надо найти параметры, являющиеся универсальными для формирования значения, толчком к которому, возможно, и является «среда», но осуществляться оно может только в определенных когнитивных механизмах «живой системы» – индивида. Каких? Как взаимодействует в порождении смысла образное и понятийное содержание? Существенно ли наличие ассоциативной связи между ними? Почему всё чаще исследователи говорят о том, что значение (смысл) порождается всей деятельностью нашего тела и называют семантику корпоральной? Эти вопросы определяют цель настоящей работы – обосновать психолингвистический характер интериоризации значения слова.

Теоретические основания исследования

Психологическая парадигма в лингвистике рассматривает объективное значение слова как «ту форму, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли» [Потебня 1989, с. 98]. Оно не существует без опоры на этимологическое значение – стабильный внутренний признак («внутреннюю форму»), конституирующий структуру объективного значения, представленного в системных связях слова. «Внутренняя форма есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [там же]. Это отношение реализуется в конкретной речевой деятельности во взаимодействии акустического образа, мотива речевой деятельности, познавательного актуального признака объекта, в том числе и ассоциативного, и акустической оболочки слова, выполняющей одновременно функции интегрирования всех представленных компонентов и их объективации. Поэтому внутренняя форма слова в процессе коммуникации может варьировать, приводя к динамическим процессам в структуре значения: «никто не думает при слове именно того, что другой»; «всякое понимание есть вместе непонимание»; «при понимании мысль говорящего не передается слушающему; но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, сходное с местом мысли говорящего. Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собой. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу

кой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня 1989, с. 138]. Отсюда вытекает, что динамика значения как познавательной структуры обусловлена связями самих компонентов этой структуры, а не характером референциальных связей единиц языка. Последние, конечно, могут стать толчком к изменению значения слова, но сам характер изменения будет зависеть от внутреннего процесса речесмыслопорождения индивида. Концепция А. А. Потебни позволяет представить значение как устойчивую, принципиально динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности и потому задающую определенный способ понимания слова.

Представляется, что категория личностного смысла Л. С. Выготского может объяснить и принципиальный динамизм значения слова, и его системность. Личностный смысл – это актуальная для индивида в рамках данной конкретной деятельности, в том числе вербальной, **значимость предмета деятельности**, которым может быть предмет, действие, событие и пр. Значимость предмета деятельности определяется системой психологических факторов, вызывающих устойчивую актуализацию цели по типу функциональной системы [Ухтомский 1966]. Это, с одной стороны, объясняет подключение «соматического компонента» к формированию значения, с другой – позволяет объяснить процесс интеграции различных обстоятельств смыслообразования (ценностей и компетентностей индивида, социальных условий и др.) подчинением функциональной (смысловой) доминанте. Поэтому один и тот же предмет / действие / событие может приобретать для индивида разную значимость в разных деятельности и порождать, следовательно, разные личностные смыслы.

Личностный смысл формируется под воздействием иерархической системы мотивов деятельности (ведущего и производных) и детерминируется ведущим мотивом. «Предмет потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане – мы называем мотивом деятельности» [Леонтьев 1971, с. 1]. Мотивы, как правило, по А. Н. Леонтьеву, актуально не сознаются, но субъект вполне осознает значимость предмета деятельности – личностный смысл, который и делает доступным сознанию субъективное и «сиюминутное» значение тех или иных обстоятельств и действий. Следовательно, мотив

выполняет функцию побуждения к смыслопорождению и, формируя смысловую доминанту, становится образующей личностного смысла. При этом субъективные переживания «соотносительны мотивам», но не являются ими.

По сути личностный смысл – это функциональный смысл, и вне внутренней активности субъекта не возникает («первая предпосылка всякой деятельности есть субъект, обладающий потребностями» [там же]), хотя сама эта активность осознается индивидом далеко не всегда и может проявляться вообще как некое «значащее переживание». Признание функциональности личностного смысла позволяет считать, что таковым обладает не только действие, в частности речевое, но и обстоятельства и условия, в которых оно совершается, в том числе и социальные: «Никакая живая система как отдельность не может поддерживать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее» [там же]. Такая субъективная значимость предмета деятельности индивида не может осознаваться вне опосредствования языком. По мысли Л. С. Выготского, основная особенность психических свойств человека заключается именно в их опосредствованном характере. Функцию опосредствования обеспечивают знаки, с помощью которых осуществляется социальная детерминация индивида, поскольку с их помощью человек присваивает некоторое социально-культурно актуальное содержание, встраивает его «внутри» своей психики, и таким образом данное содержание становится уже внутренним, психическим, компонентом индивида. Поэтому применение знаков решительно перестраивает психику, давая возможность резко изменить сам характер психической активности человека. Л. С. Выготский отмечает, что основной частью процесса развития понятий и становления речи является «функциональное употребление знака в качестве средства активного направления внимания, расчленения и выделения признаков, их абстрагирования и синтеза», и подчеркивает, что образование понятия и приобретение словом значения – результат сложной активной деятельности, в которой участвуют все основные интеллектуальные функции. (Здесь уместно вспомнить положение Ч. С. Пирса, перекликающееся с представленной позицией

Л. С. Выготского, о том, что сами *знаки* должны рассматриваться в их *процессуальных* характеристиках. *Мысль никогда не совпадает со своей знаковой формой, а понимание знаков представляет собой процесс приближения к содержанию, фиксированному с помощью знака*).

Именно знак / слово дает возможность включать в мыслительный процесс не только сформированные понятия, но и другие различные формы реализации личностных смыслов, лишь функционально сходные с понятием. Это возможно потому, что коммуникация как социальный процесс в основном направлена на взаимопонимание. Вне взаимопонимания звуковой комплекс не способен приобретать определенное значение: *«Без этого функционального момента взаимного понимания никакой звуковой комплекс не мог бы стать носителем какого-либо значения и не могло бы возникнуть никакое понятие»* [Выготский 1934, с. 108] (курсив наш. – В. П.). Только включаясь в процесс коммуникации, звуковой комплекс становится словом – звуковым комплексом, соотносимым с определенным содержанием. И этого достаточно для актуализации личностного смысла.

В отличие от значения, которое конвенционально закрепляется за тем или иным словом, личностный смысл может быть соотнесен с разными словесными единицами, но обязательно и при восприятии, и при продуцировании / понимании речи человек фиксирует личностный смысл тем или иным словом – другого способа объективации смысла нет. Понимание слова обеспечивается интеграцией ментальных данных об опыте оперирования с ним. Интеграция же специфически отражается в ассоциативно-смысловом поле, которое создает общее представление о переживаемом индивидом значении и которое коррелирует со структурой лексического значения слова, выделяемой в семантическом анализе. Следует подчеркнуть важность эмоционально-оценочного смысла при образовании ассоциативно-смыслового поля. Внутренняя, ментальная, структура детерминруется системой иерархических мотивов деятельности, и, в полном согласии с известным положением В. К. Виллюнаса, эти мотивы внешне проявляются как эмоционально-оценочные компоненты значения слова. Мотив деятельности обнаруживается именно в личностном смысле, а он объективируется в ассоциативно-смысловых полях и может быть смоделирован на основе его компонентов-ассоциатов;

в ассоциате активируется деятельностно обусловленное содержание стимула. Поэтому, будучи психологически реальным, личностный смысл может быть объективирован в слове. Так, в контексте *Я от тебя не утаю: Ты прячешь губы в снег жасмина* (Б. Пастернак) метафора *снег (жасмина)* представляет синкретизм актуальных признаков цвета, прохлады цветов жасмина и эмоционального состояния личности. Возникает личностный смысл, содержание которого, скорее, наглядно-эмоционально, но представлен он может быть только с помощью слова, которое, будучи конвенционально закреплено за определенным понятием, выполняет в конкретной речевой деятельности функцию интеграции разных, но значимых для индивида признаков объекта деятельности.

Главное для коммуникантов – не уяснить строгую иерархическую структуру некоего константного «лексического значения», а понять личностный смысл, актуализируемый говорящим с помощью слов, функционально замещающих какие-то смысловые образования, причем не обязательно понятия: «...слова, не достигшие ступени вполне развитых понятий, перенимают функцию этих последних и могут служить средством сообщения и понимания между говорящими людьми... *развиваются те формы мышления, которые должны рассматриваться не как понятия, но как функциональные эквиваленты*» [Выготский 1934, с. 123] (курсив наш. – В. П.). Эти формы способны, с одной стороны, представлять личностный смысл как содержание деятельности индивида, актуальное «здесь и сейчас», с другой – функционально замещаться словами в речевой деятельности, подобно понятиям, и тем самым обеспечивать коммуникацию. Такое понимание аргументируется последними экспериментальными психолингвистическими исследованиями, в частности утверждающими, что смысловое переживание значения единицы языка базируется на системе когнитивных ментальных опор, связанных с той или иной вербальной единицей, и определяется актуализацией ассоциативных связей между опорами не столько вследствие условий конкретной речевой деятельности, сколько вследствие содержания смыслового инварианта опор – личностного смысла [Голубева 2016]. Такая гипотеза вполне согласуется с базовым положением теории самоорганизации и методологии психолингвистики, согласно которому структура окружающей среды только «запускает» структурные изменения

в мыслительной деятельности человека, но не определяет их и не управляет ими: «То, что мы принимаем как некое простое восприятие чего-то, в действительности несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры»; «всякое познание есть действие со стороны познающего, т. е. всякое познание зависит от структуры познающего» [Матурана, Варела 2001, с. 30].

Исследование: основная часть

О формировании таких функциональных эквивалентов понятий Л.С. Выготский подробно говорит, затрагивая проблемы онтогенеза речи. Начало использования ребенком первых слов показывает, что их содержание еще не совпадает со значениями, которые приписывает словам взрослый человек. Наблюдаемые различия связаны с особенностями детского мышления, которое в этом возрасте психологи называют наглядно-действенным. Это значит, что картина мира маленького ребенка пока состоит исключительно из тех впечатлений, которые он получает в процессе взаимодействия с предметами. Образ воспринимаемого при этом предмета и будет для него значением произносимого слова: «...понятие, особенно для ребенка, связано с тем чувственным материалом, из восприятия и переработки которого оно рождается; чувственный материал и слово являются оба необходимыми моментами процесса образования понятий, и слово, оторванное от этого материала, переводит весь процесс определения понятия в чисто вербальный план, не свойственный ребенку» [Выготский 1934, с. 117].

Интересно, что с этой особенностью детского мышления связаны два явления, которые при поверхностном взгляде кажутся противоположными. С одной стороны, значения слов, используемых ребенком, могут быть более узкими, чем нормативные: слово *би-би* ассоциируется для него только с любимой игрушечной машиной и не распространяется на другие, а слово *ко* относится только к домашнему питомцу, к которому он искренне привязан, и другие кошки *ко* не называются. С другой стороны (и это по мере развития мышления и речи происходит чаще), значение «детского» слова может представляться взрослым «очень широким» и специфическим. Например, мальчик в возрасте одного года и двух месяцев озадачивал взрослых, называя воду, чай и дождь словом *душ* (душ): мальчик любил принимать душ и называл так все, что имеет свойство течь. Таким образом, даже только

начиная использовать слова для обобщения, ребенок может выбирать для этого не тот категориальный признак, который принято соотносить с данным словом у взрослых; *ав-авом* может оказаться не только любое животное, внешне напоминающее собаку, но, как показывает практика, неодушевленный меховой предмет и даже человек в шубе. И можно только догадываться о том, какие признаки легли в основу обобщения ребенком, который легко узнавал различные породы собак в книжках, а увидев впервые живую собаку, воскликнул: «Ой, она меховая!».

Эта способность пользоваться словом как категориальной меткой, постепенно формирующаяся у ребенка, вполне развита у взрослого носителя языка, а потому вполне понятно, что, пользуясь словом в речевой деятельности, индивид может использовать его для обозначения иного, нежели принято, категориального признака, и в этом специфика знаковой деятельности.

Уже в первых опытах использования слова для фиксации некоего обобщения выявляется главное: механизм обобщения «запущен» словом, *опосредствован словом* (любым звуковым комплексом, выполняющим у ребенка функцию слова; «всякое слово уже обобщает»). Категоризация может осуществляться по любому основанию, поэтому ее содержательная сторона принципиально ничем не ограничена. Однако именно связь со словом – *общественно* обусловленным знаком – приводит к тому, что, всё больше социализируясь, ребенок использует те стратегии категориального мышления, которые частотны у взрослых, а детские слова будут приближаться по значению к словам взрослых. Важно при этом, что все высказывания объединяются тем, что «включают в свою структуру как центральную и основную часть всего процесса в целом употребление знака как основного средства направления и овладения психическими процессами» [Выготский 1996, с. 124]. Так, по Л. С. Выготскому, зарождается смысловое строение сознания: происходит движение от восприятия мира к его осмысливанию. При этом сначала «развиваются те формы мышления, которые должны рассматриваться не как понятия, но как функциональные эквиваленты» [там же, с. 123].

Исследование онтогенеза речи позволяет приблизиться к ответу на важный для лингвистики и психологии вопрос, «почему при функциональном тождестве задач или целей формы мышления, с помощью

которых ребенок разрешает эти задачи, глубоко отличны друг от друга на каждой возрастной стадии» [Выготский 1996, с. 126] и как формируются понятия, а значит, понять и представить «формы существования» личностного смысла, а также характер их вербальной репрезентации, а следовательно, наметить параметры динамической модели смыслообразования.

Путь образования понятий у ребенка, по Л. С. Выготскому, состоит из трех основных «ступеней», которые подразделяются на фазы (этапы).

Первая ступень – образование неоформленного и неупорядоченного множества на основе любого значимого для ребенка признака, далеко не обязательно соотносимого с реальными свойствами вещей, например, *атя* – дерево, детская коляска, проходящий мимо человек. Значение у такого «слова» диффузное, может расширяться совершенно ненаправленно; оно заменяет ряд внешне связанных впечатлений ребенка. Такое значение Л. С. Выготский называет «неоформленным синкретическим сцеплением отдельных предметов» в единый образ, причем «крайне неустойчивый», или синкретом. Синкрет может совпадать / частично совпадать со значением слова у взрослых. Реализуется возникновение подобных значений в деятельности, которая сопряжена сначала «с периодом проб и ошибок» в определении *оснований для образования синкретических образов*, далее актуализируются пространственные и временные признаки предметов (при всё той же субъективности оснований обобщения), наконец, происходит объединение ранее сформированных групп.

Вторая ступень – образование комплексных значений (комплексов), «мышление в комплексах». Здесь предметы объединяются не на основании только субъективных связей, но также и на обобщении объективных связей между предметами. Но это еще не понятия: в основе комплекса «лежит не абстрактная и логическая, но конкретная и фактическая связь между отдельными предметами, входящими в его состав» [Выготский 1996, с. 139], например, ребенок употребляет слово *мех* для называния своей шубки и мягкой игрушки. *Любая связь между конкретными предметами может стать основанием для образования комплекса*, но эти предметы должны иметь реальный сходный признак: цвет, фактуру, расположение в пространстве, время, в которое они были замечены ребенком, и т. д. Причем формирование

комплексов тоже связано с их постепенным усложнением: сначала комплексы возникают на основе любых ассоциативных связей между реальными признаками предметов (*жютя* ‘желтый’ – желтая игрушка уточка, желтый тюльпан, желтая чайная чашка), потом – на основе взаимного дополнения по какому-то признаку (*утё* ‘утро’ – стакан, салфетка, ложка, каша на столе). Такие связи устанавливаются уже не на основе субъективных эмоциональных связей (синкретов), не на основе ассоциативных связей повторяющихся признаков реалий, а на основе связей и отношений, которые ребенок выявляет в своем практическом, действенном и наглядном, опыте. Далее комплекс еще более усложняется и становится цепным, когда, например, к зеленому треугольнику ребенок подбирает несколько «угловатых» фигур, и если последняя окажется, скажем, синего цвета, то может начать подбирать предметы синего цвета, но уже не «угловатые», а любой иной формы. Цепной комплекс отличается от понятия тем, что он «лишен всякого центра» и не имеет иерархической структуры. Он в принципе открытое значение.

На следующем этапе образуются псевдопонятия – признак объединения является диффузным, неопределенным, и это происходит в областях уже не- наглядного и не-практического мышления. В функциональном смысле оно эквивалентно понятию, но построено по иным законам обобщения. Л.С. Выготский подчеркивает, что детские комплексы как формы мышления, «соответствующие значению слов, развиваются не свободно, не спонтанно, по линиям, намеченным самим ребенком, но по определенным направлениям, которые предначертаны для развития комплекса уже установившимися в речи взрослых значениями слов» [Выготский 1996, с. 147] (курсив наш. – В. П.).

Но взрослые, актуализируя в речи значения слов, не могут передать ребенку своего «готового» способа мышления; ребенку *надо приобрести формы мышления, сходные со «взрослыми»*, однако возникающие в ходе своих, индивидуальных интеллектуальных операций, своим способом мышления: «... акты мышления, совершаемые ребенком с помощью речи, не совпадают с операциями, производимыми в мышлении взрослого человека при произнесении того же самого слова» [там же, с. 165].

Значит ли это, что формы мышления у детей и взрослых резко различаются? Да, потому что у ребенка только формируются многие

характерные для «взрослого мышления» формы. Нет, потому что все перечисленные формы в действительном процессе мышления находятся в сложных и неоднозначных связях и *не исчезают с взрослением ребенка*: «В мышлении взрослого человека мы на каждом шагу наблюдаем переход от мышления в понятиях к мышлению конкретному, комплексному, к мышлению переходному»; «в псевдопонятиях (общих представлениях о вещах, по Л. С. Выготскому. – В. П.) происходит и мышление в нашей обыденной жизни чрезвычайно часто» [Выготский 1996, с. 167].

На всех этих ступенях формирования понятия «функция, выполняемая здесь словом, не есть функция семасиологическая, осмысливающая. Оно указывает, называет вещь. Другими словами, слово является здесь не знаком некоторого смысла, которым оно связано с актом мышления, а *чувственно данной вещи, ассоциативно связанной с другой чувственно воспринимаемой вещью*» [Выготский 1996, с. 165] (курсив наш. – В. П.), и актуализация этой ассоциативной связи и составляет в этом случае личностный смысл конкретной деятельности ребенка.

Наконец, последняя ступень в формировании понятий – «развитие расчленений, анализа, абстракций», что позволяет ребенку оторваться от конкретной ситуации, конкретной связи признаков и синтезировать ранее выделенные признаки на новой основе; «абстрактный синтез становится основной формой мышления», и *возможен этот процесс только на базе слова или другого знака*. При этом различные генетические формы мышления сосуществуют, «как в земной коре сосуществуют напластования самых различных геологических эпох» [там же, с. 175].

Генетически разнообразные формы мышления принципиально выполняют одну и ту же функцию фиксации личностного смысла, поскольку механизм обобщения развивается уже на первых этапах становления человеческого мышления благодаря использованию звуковых комплексов, функционально идентичных слову. Именно в силу своей разнородности формы эти сосуществуют в мышлении взрослого человека; они не превращаются одна в другую, а обслуживают разные типы деятельности, требующие различной степени и характера обобщения. Более того, именно в силу сформированности механизма категоризации взрослый человек легко объединяет реалии

по любым актуальным для него основаниям, а развитая языковая способность позволяет представлять / называть эти основания даже и эмболически, когда важна не сама по себе номинация реалии, а ее прагматически понятная функция: *возьми эту иткуовину, зацепи-ка этой чепуховинкой* и т. п. При этом Л. С. Выготский подчеркивает, что индивид может в своей деятельности использовать знаки или оказаться от них, использовать разные формы обращения со знаками и т. д. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к знаку как орудию мышления, в самом способе использования орудия проявляется активность индивида.

Результаты исследования

Для понимания того, почему в реальных мыслительных процессах для формирования личностного смысла реализуются все представленные (и, вероятно, иные) формы мышления, необходимо акцентировать, что процесс познания осуществляется на единой перцептивно-аффективно-когнитивной базе, содержание которой переструктурируется под воздействием конкретного мотива и целей деятельности индивида, и образуется смысловая функциональная система с доминирующим личностным смыслом. Следовательно, порождение значения языкового знака (и речевого произведения в целом) возможно только как интегрированное действие всех систем организма человека. Иначе объяснить, почему в мышлении взрослого объединяются различные формы мышления в понятиях и мышления конкретного, комплексного, «переходного», мышления, невозможно.

Анализ результатов

Утверждение, в соответствии с которым в нашем теле всё важно для познавательной деятельности, актуально для современной психолингвистики. Широкое признание в последние десятилетия получила так называемая **корпоральная семантика**, представители которой полагают, что тело присутствует в дискурсе во многих формах невербального «прочтения мира», которое зависит от контактов тела со средой. Невербальные знаки, по Хорсту Рутрофу, составляют глубинную структуру языка, а языковое значение – это ассоциация между вербальными и невербальными знаками. Язык, утверждает ученый, – это схема, посредством которой мы можем отсылать собеседника к миру, если знаем соотношение «пустых» языковых знаков

и глубинных невербальных. При актуализации значения именно тело обеспечивает квазиперцептивное отображение мира [Ruthrof 1997]. Х. Рутроф считает, что вербальные знаки паразитируют на невербальном семиозисе, а задача корпоральной семантики – объяснить, какую роль играет тело при формировании не только конкретных, но и абстрактных понятий и даже функциональных слов (псевдослов). Он подчеркивает, что ментальные репрезентации в большей мере, чем это принято считать, создаются под социальным контролем (ср.: Выготский: «мышление совершается в слове»), а дефиниции значений подвержены значительному варьированию, поскольку значение – это функциональное образование.

Эти взгляды разделяет и А. А. Залевская: «Семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры» [Залевская 2004, с. 57].

В формировании языковой способности огромную роль играет программа обобщения всех внешних и внутренних воздействий, перерабатываемых мозгом, в которой язык выполняет интегративную функцию, объединяя результаты переработки всех сенсорно-аффективно-когнитивных форм деятельности. В русле корпоральной семантики работают и сторонники теории воплощенного значения» [Johnson 1987]. Оно также базируется на идее о том, что мыслительные процессы всегда телесно детерминированы: значение формируется под воздействием органических процессов, происходящих в нашем теле, и в значительной степени обусловлено нашими сенсомоторными возможностями и способностью испытывать чувства и эмоции. М. Джонсон полагает, что значение нельзя сформировать вне организма определенного типа, живущего в определенной среде, поэтому воплощенное значение (разум) является результатом эволюционного процесса, в котором абстрактное мышление «надстраивается» над формами перцептивной и моторной деятельности и использует эти формы. Значение не является конструктом внетелесного разума, подчеркивает ученый. Основная роль в формировании значения принадлежит движению, которое осуществляется в среде и поэтому предполагает постоянное взаимодействие с теми или иными аспектами среды. Это, по М. Джонсону, «факт монументальной важности». Освоение окружающего пространства, согласно данным многочисленных экспериментов, начинается еще в утробе матери

и продолжается в течение всей жизни. Было также установлено, что поражение мозга, особенно теменных долей, изменяет восприятие человеком своего собственного тела.

Воплощенный разум социально и культурно обусловлен: общество и культура, в которых индивид живет, помогают ему интерпретировать и кодировать свои ощущения. Отсюда понимание мира – это не только результат рефлексии, это и способы взаимодействия с миром как принципиально познаваемой реальностью: телесного, ценностного, эмоционального, культурного, языкового, исторического.

Исходя из сказанного «значение формируется под воздействием органических процессов, происходящих в нашем теле, и в значительной степени обусловлено нашими сенсомоторными возможностями и способностью испытывать чувства и эмоции» [Johnson 1987, с. 9]. Всё то, что мы традиционно приписываем разуму, – восприятие, концептуализация действительности, воображение, интенции и т. д. – возникло и эволюционирует как часть процесса, в котором организм стремится к выживанию, росту, эффективному функционированию в различных средовых условиях.

Как видим, сторонники корпоральной семантики, конечно, не ссылаются на Л. С. Выготского, но по сути никаких новых постулатов, кроме положений, выдвинутых и разработанных еще в его работах, не предлагают, хотя, что вполне естественно, терминологию используют иную.

Одной из продуктивных возможностей исследования содержательной стороны языкового знака для создания динамической теории значения можно считать подход, основанный на противопоставлении психологического значения и личностного смысла, которое было предложено А. Н. Леонтьевым. Под психологическим значением понимается то, «что открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового значения, оно составляет содержание общественного сознания» [Леонтьев 1983, с. 297]. (Основной и постоянной характеристикой психологического значения А. Н. Леонтьев считает «отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека»). Следовательно, психологическое значение представляет обобщенный

культурно-исторический опыт конкретного общества, репрезентированный в знаковых системах, в том числе и в языке. Поэтому подчеркнем, что слово А. Н. Леонтьев называет лишь частным случаем фиксации психологических значений, тем самым допуская возможность как неязыковой (предметной) их фиксации. Очевидно, что психологическое значение А. Н. Леонтьева содержательно сопоставимо с понятием – мыслью, отражающей в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними.

Отражение действительности индивидом и присвоение им психологического значения возникает только в системе его индивидуальных деятельностей. Поэтому А. Н. Леонтьев, вслед за Л. С. Выготским, определяет личностный смысл как «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [Леонтьев 1983, с. 147], акцентируя, что различение психологического значения и личностного смысла *«относится не ко всему отражаемому содержанию, а лишь к тому, на которое направлена деятельность субъекта»* [Леонтьев 1983, с. 320] (курсив наш. – В. П.). Индивид, с одной стороны, уясняет знания о мире, закрепленные в системе «объективных» словесных значений, с другой – решает «задачу на смысл», осознавая содержание этих значений в рамках своей конкретной деятельности, для себя, «моего собственного действия, моего поведения, меня самого» [Леонтьев 1983, с. 237]. Выражение и передача личностного смысла другим индивидам необходимы, так как личностный смысл – существенный момент познания, позволяющий выявить субъективно важные связи явлений и предметов: «Нам всем приходится решать задачи на смысл. И я, естественно, найдя решение этой задачи в той или иной связи, стоя перед той или иной проблемой, перед тем или иным явлением действительности, могу и необходимо ставлю перед собой задачу ... открыть этот смысл другим, т. е. передать его» (курсив наш. – В. П.) [Леонтьев 1983, с. 237].

Индивидуальное сознание, таким образом, представлено, по А. Н. Леонтьеву, системой личностных смыслов, и психологическое значение входит в личностный смысл как необходимая, но не исчерпывающая его часть. Именно во взаимосвязи психологического значения и личностного смысла заключена основная динамика сознания:

«...устранение личностного отношения ... как бы подразумевает устранение сознания как феномена жизни, как подлинного регулятора ее» [Леонтьев 1983, с. 237]. Поэтому между психологическим значением и личностным смыслом возможны разнообразные отношения: а) включения, когда личностный смысл возникает как актуализация одного из содержательных компонентов психологического значения. *Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит, / Кто мой испуг изобразит росе...* (Б. Пастернак), где актуализируется только один из существенных признаков психологического значения *вскочить* – ‘внезапно подняться’; б) пересечения: *Пусть ветер, по таволге веющий. Ту капельку мучит...* (Б. Пастернак), когда семантически сопрягаются смысловые поля слов *мучить* и *трепать* по признаку ‘причинять боль’, который для первого и второго слов является ядерным (*мучить* – причинять кому-либо муки, страдания; *трепать* – дергать, тормошить, причиняя боль). Выделенный интегративный признак обоих смысловых полей определяет характер действия, актуального для продуцента речи, – личностный смысл; в) исключения. В последнем случае речь идет об использовании языковой единицы для репрезентации смысла, конвенционально с ней не соотносимого ни по ядерным, ни по периферийным семам, ни ассоциативно. Чаще отношения такого типа характеризуют символические художественные структуры, в которых слово (слово-сочетание) может стать репрезентантом эстетически содержательных личностных смыслов: *полынь* – символ мудрости в творчестве М. Волошина, *солнце* – символ поэзии у К. Бальмонта и др.

Современные исследователи активно интересуются именно характером включения личностных смыслов и психологического значения как динамичной познавательной структуры в речемыслительный процесс, включения, осуществляемого с помощью знака. Стабильные компоненты такой структуры позволяют сохранять тождественность слова, другие же функционально перестраиваются для выражения субъективно актуального содержания данной речевой деятельности.

Заключение

Таким образом, основания процессуальной модели значения задаются акцентированием следующих положений. Во-первых, личностный смысл как система субъективных значений, стоящих за словом в конкретной речевой деятельности, принципиально динамичен.

Во-вторых, мышление человека способно оперировать разными непонятийными формами, функционально соотносимыми со словом. В-третьих, личностный смысл, в отличие от психологического значения, не имеет стабильной закреплённости за одним и тем же словом и способен репрезентироваться разными вербальными единицами. Введение понятия личностного смысла в моделирование процессов смыслопорождения полностью реализует методологический принцип антропоцентризма, поскольку: а) личностный смысл порождается функционально под влиянием; б) ведущего мотива (речевой) деятельности индивида на базе всей его; в) перцептивно-аффективно-когнитивной системы. Вместе с тем не исключается возможность моделирования инвариантных структур личностных смыслов – значений как научных объектов – на базе исследования социально обусловленных знаков языка, выполняющих функцию стабилизации личностных смыслов и репрезентирующих их в процессе коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С.* Мышление и речь: психологические исследования. М.–Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. 325 с.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1996. 352 с.
- Голубева О. В.* Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2016. 345 с.
- Залевская А. А.* Телесность / корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М., Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. Вып. 8. С. 57–64.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. 320 с.
- Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 147 с.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001. 224 с.
- Пищальникова В. А., Сонин А. Г.* Общее языкознание. М. : Академия, 2009. 446 с.
- Потебня А. А.* Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
- Ухтомский А. А.* Доминанта. М.–Л. : Наука, 1966. 273 с.
- Ruthrof H.* Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. Toronto : University of Toronto Press, 1997. 321 p.
- Johnson M.* The Body in the mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason. The University of Chicago Press, 1987. 233 p.

УДК 81'373

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент, заведующая каф. лексикологии
и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nachakafedra@gmail.com

ШИРОКОЗНАЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ И ИХ УЧАСТИЕ В АД НОС КАТЕГОРИЗАЦИИ (на материале современного французского языка)

В статье рассматривается главная функция широкозначных имен – функция ad hoc категоризации, представляющая собой ситуативную деятельность, носящую субъективный характер, выражающую определенную точку зрения и изменяющуюся от человека к человеку, от одного типа деятельности к другому. Ad hoc категории трактуются как естественные. Показано, что они могут быть репрезентированы в дискурсе, подобно системным категориям, в виде четких групп и подгрупп. Представлен механизм их адаптации к типу дискурса, заключающийся в разнообразном лексико-семантическом наполнении атрибутов.

Ключевые слова: широкозначные антропонимы; ad hoc категоризация; ad hoc категории; типы дискурса; модель «широкозначный антропоним + атрибут»; динамический характер категорий.

I. A. Syomina

Doctor of Philology (Dr.habil.), Associate Professor,
Head of Department of French Lexicology and Stylistics,
the French Faculty, MSLU; e-mail: nachakafedra@gmail.com

FRENCH ANTHROPONYMS WITH WIDE SEMANTICS AND THEIR ROLE IN THE AD HOC CATEGORIZATION

The article is concerned with the main function of wide-meaning names – the ad hoc categorization function, which represents the situational action with a subjective character, which in its turn shows a particular perspective that changes from person to person and from one type of action to another. Ad hoc categories are considered to be natural. It is shown that they can be represented in discourse similarly to system categories as precise groups and sub-groups. It is explained that the mechanism of their adaptation to any type of discourse consists in different lexical-semantic filling of attributes.

Key words: wide-meaning anthroponyms; ad hoc categorization; ad hoc categories; types of discourse; the “wide-meaning anthroponym + attribute” model; the dynamic nature of categories.

В настоящее время всё большую популярность приобретают теории, в которых категории трактуют как динамическую сущность. Для иллюстрации данной точки зрения благодатным материалом является категория широкозначных антропонимов, которую мы рассматриваем как естественную. В предыдущих исследованиях было показано, что построение категорий является важнейшей коммуникативной функцией широкозначных антропонимов, обладающих достаточным уровнем семантической обобщенности. При этом выполнять эту функцию они могут как в системе языка, так и в дискурсе [Петровский 1995]. Последнее означает, что функция категоризации рассматривается не только как системообразующая, но и как когнитивно-дискурсивная. Таким образом категоризация понимается нами как когнитивный процесс, нацеленный на упорядочение, иерархизацию опыта, который способен разворачиваться по ходу дискурсивной деятельности.

Рассмотрение концептуальных категорий в качестве стабильных когнитивных структур с более или менее устоявшимися способами вербализации продолжает доминировать в когнитивной лингвистике. Однако относительно недавно популярность приобрела идея, в соответствии с которой категория конструируется в текущем режиме, при этом подчеркивается динамика построения категорий и концептов в ходе дискурсивной деятельности человека. Сторонники нового подхода в противовес трактовке категорий как фиксированных сущностей предлагают их динамическое описание в режиме on-line, т. е. во время их создания, в момент их использования в дискурсе. Подобные категории конструируются для решения текущих задач, хранятся в кратковременной памяти, в отличие от системных категорий долговременной памяти индивидов, и получают название *ad hoc* категорий [Schmid 2000]. Соответственно *ad hoc* категоризация – это категоризация, которая осуществляется в ходе конкретной деятельности, включая дискурсивную. При этом можно воссоздавать старые категории и субкатегории, перестраивая и уточняя их и создавая новые. Например, представляется возможным уточнить категорию ЧЕЛОВЕК за счет углубления категоризации, выделяя внутри этой категории новые субкатегории.

Основываясь на экспериментальных данных, исследователи приходят к выводу о том, что «основополагающие идеи о стабильных категориях и стабильных концептах не привели к значительному

прогрессу», «понятие фиксированных категорий с постоянными репрезентациями является мифом», а «такое свойство концептов, как фиксированность, должно получить иное объяснение» [Smith 1997, с. 163].

Таким образом, если на начальных этапах при исследовании естественной категоризации было важно выявить и изучить ее универсальные принципы, например, наличие ядра и периферии естественных категорий, принцип «семейного сходства», кластеризацию и т. д., то в настоящее время в изучении категоризации наблюдается смещение акцента: категоризация рассматривается как ситуативная деятельность, имеющая субъективный характер. Отмечается, что она выражает определенную точку зрения, изменяющуюся от человека к человеку, от одного типа деятельности к другому. Умберто Эко высказывает мысль о том, что все уровни категоризации представляют проблему для исследователей, поскольку связаны с субъективным выбором говорящего человека. Он предлагает использовать при описании категории вместо понятия иерархической структуры (иерархии) концептов, носящей жесткий характер системы, структуру ассоциативную, с ассоциативными связями, имеющими сиюминутный характер. Подобное предпочтение объясняется тем, что ассоциации в значительной степени больше ориентированы на сиюминутную деятельность человека, хотя и хранятся в долговременной памяти. Кроме того, они чувствительны к контексту, они меняются и т. д. [Есо 1984, с. 46–86].

Подчеркивается важная роль совокупного опыта при создании категории, а также связь элементов, из которых она создана, с прошлым, настоящим и с текущим моментом. Прошлое представляет собой аккумулярованное воспоминание о предшествующем опыте, который оказывает постоянное влияние на наши «пути познания». Отмечается, что подобное накопление длительных изменений очень важно, ибо обеспечивает стабильность в постоянно меняющейся системе за счет того, что определенные модели нашего опыта, благодаря многократному использованию, становятся закономерностью, превращаясь из слабых тенденций в поведении и мышлении в сильные, практически зафиксированные тенденции [Smith 1997, с. 175–176].

В результате экспериментов, проведенных исследователями Л. Барсалоу, К. Саломон, Л. Ву, Л. Смит, Л. Самуэлсон [Barsalou,

Salomon, Wu 1999; Smith 1997], было показано, что важную роль в распознавании входящей информации, потенциально значимой для индивидуума в данное время для ее отнесения к категории, играет селективное внимание. Последнее «способствует» фокусированию когнитивной системы на том подмножестве информации, которое потенциально значимо в данном контексте. Фактически селективность связана со способностью выделять схожие черты и усиливать отличительные характеристики имеющихся стимулов. Выделяемая черта зависит от контекста, в котором предмет обрабатывается и воспринимается. Другими словами, рассмотрение определенного подмножества знаний, к которому имеет доступ определенный стимул, влияет на то, каким образом мы классифицируем этот стимул. Так, «существует связь одной мысли с другой мыслью, следующей за ней, то есть значение события зависит от его места в потоке событий: если мы сначала думаем о еде, а затем о лягушках, мы будем думать по-другому, чем если бы мы думали о прудах, а затем о лягушках» [Smith 1997, с. 175].

В настоящее время проводится значительное количество экспериментов по выявлению возможностей человека спонтанно создавать категории, определять релевантные и нерелевантные компоненты этих категорий. Для теории познания результаты подобных исследований очень важны, ибо проясняют некоторые теоретические утверждения о процессе формирования *ad hoc* категорий. В ходе подобных экспериментов испытуемым, например, предлагается набор элементов и ставится задача – назвать тот, который не может быть включен в данный список. Так, в наборе элементов «молоко», «цыпленок», «ферма», «картофель» неподходящим элементом является слово «ферма», обозначающая несъедобный предмет, а в группе слов «молоко», «цыпленок», «ферма», «компьютер» в качестве неподходящего элемента выступает слово «компьютер»: ведь в данном случае все элементы, кроме компьютера, принадлежат к категории «предметы, которые можно обнаружить на сельскохозяйственной ферме» [Vega Moreno 2007, с. 156].

Ad hoc категория может быть создана специально с целью решения той или иной задачи и больше не использоваться испытуемым субъектом. Аналогично элементы, сгруппированные для создания задачи, могут мысленно более не группироваться субъектом в рамках

той же категории. Возможное объяснение того, что делает элемент «ферма» релевантным в одном случае и нерелевантным в другом, заключается в том, что субъект использует доступ к различным подмножествам знаний о ферме в каждом отдельном контексте. Качество «съедобность», являющееся отличительной чертой в наборе слов «молоко», «цыпленок», «картофель», заставляет субъекты выделять качество «несъедобный» из своих знаний о ферме.

Данный пример демонстрирует способность субъектов спонтанно создавать категории и определять значимые и незначимые компоненты этих категорий. Однако существует и обратная задача: вместо того, чтобы предлагать испытуемым создать категорию на основе списка неких элементов, им предлагается название категории с просьбой перечислить значимые для нее компоненты. Например, настольная игра *Scattergories* предлагает участникам следующие категории: «предметы, вызывающие аллергию»; «предметы, которые можно найти на пляже»; «предметы, которые могут отскакивать»; «актрисы, бывшие замужем за актерами, например Николь Кидман»; «главные герои европейских романов, например Тесс из рода д'Эбервиллей» и т. д. В каждом случае участники должны предложить релевантные компоненты для данных избранных категорий и представить наибольшее количество верных ответов [Vega Moreno 2007, с. 158].

Исследования *ad hoc* категорий психолога Л. Барсалоу, уделяющего большое внимание вопросу их формирования, функционирования и значения для теории памяти, в частности механизму извлечения информации из памяти, ее классификации и реорганизации, показывают, что люди постоянно создают *ad hoc* категории. Например, они могут создать категорию «продукты для диеты», планируя сбросить вес; *ad hoc* категорию «чем можно занять соседских детей в дождливый день», когда они присматривают за детьми; *ad hoc* категорию «достопримечательности Мадрида», планируя отпуск, и т. д. Хотя подобные категории играют важную роль, они, как правило, носят временный характер: формируются, используются и затем забываются. В некоторых случаях, когда часто создается одна и та же категория, она может фиксироваться в памяти. Так, для людей, сидящих на диете или присматривающих за детьми, вышеупомянутые категории «продукты для диеты» и «чем можно занять соседских детей в дождливый день» могут стабилизироваться в памяти. Однако, как правило, *ad hoc*

категории отличаются от общепринятых таксономических категорий (например, птицы, фрукты, автомобили, мебель) тем, что они не хранятся в памяти постоянно.

Тем не менее одни и те же компоненты могут образовывать как *ad hoc*, так и таксономические категории. Например, определенный компонент, скажем, «яблоко», может принадлежать не только к неопределенному диапазону *ad hoc* категорий («продукты для пикника», «предметы, которые могут упасть вам на голову», «продукты для десерта» и т. д.), но к ограниченному числу общепринятых таксономических категорий, а именно – «фрукты» и «пища».

Результаты экспериментов подтвердили предположение о том, что *ad hoc* категории также обладают прототипической структурой. Так, для *ad hoc* категории «продукты для диеты» типичными качествами являются «обезжиренные» или «низкокалорийные». Вместе с тем обезжиренные и низкокалорийные продукты (например, овощи и обезжиренное молоко) могут рассматриваться не только как релевантные компоненты, но также как типичные, или прототипические.

По мнению Л. Барсалоу, человек способен создавать специальные категории в режиме *on-line* (например, категории «вещи, которые могут упасть на голову», «места, где можно спрятаться, чтобы не быть убитым мафией» и т. д.) путем подбора значимых для данных категорий компонентов, хранимых в долгосрочной памяти. В то же время исследователь обнаружил, что в данном случае релевантными для той или иной *ad hoc* категории являются разные компоненты, в зависимости от национальности людей, их точек зрения, ситуации, времени. Так, различные испытуемые (домохозяйка, китаец, университетский профессор и т. д.) называли различные компоненты для одной и той же категории «птица». Одним из возможных объяснений расхождений в наборе релевантных для одной и той же категории компонентов заключается в следующем: люди хранят широкий диапазон информации о категориях в долгосрочной памяти. Подобные знания являются устойчивыми и в основном идентичными для всех людей. Если люди не отличаются по объему знаний, хранимых для определенной категории, они отличаются в подборе подмножества знаний, выделяемых из памяти в различных ситуациях.

Согласно Л. Барсалоу, категории – это группы объектов определенно-го онтологического типа (например, *свадьба, газеты, пианино* и т. д.),

значительная часть информации о которых хранится в долгосрочной памяти, а «замыслы» – это различные когнитивные представления об определенной категории, создаваемые людьми в рабочей памяти в определенной ситуации путем подбора различных подмножеств информации, которой они обладают относительно данной категории [Barsalou 1982, 1989, 1986]. Различные люди в различное время или один и тот же человек в различных ситуациях могут таким образом создавать различные варианты единой таксономической категории.

Релевантность той или иной информации об определенной категории зависит также от контекста: информация, остающаяся нетипичной и редко востребованной в большинстве контекстов, становится необходимой в определенных ситуациях. Например, хотя качество «съедобный» не является типичным словом, активизируемым в памяти в контекстах со словом «лягушка», оно становится частотным в контексте французского ресторана; качество «воспламеняемый», которое обычно не активизируется в большинстве контекстов со словом «газета», становится релевантным. По этому поводу Л. Барсалоу пишет: «В определенной ситуации разные люди задействуют разные подмножества свойств объектов исходя из своих знаний о категории. Данные, отличающиеся подмножествами свойств, я называю представлением / замыслом (*conception*)» [Barsalou, 1993, с. 34]. В контексте «разведения огня». Приведенные выше примеры свидетельствуют в пользу вариативности категорий, зависящей от контекста, как одного из факторов, влияющих на набор релевантных признаков. Определенная информация (например, «воспламеняемый») об определенной категории (например, газета) «сверяется» в памяти значительно быстрее (на 145 миллисекунд) в контексте, где эта информация является уместной (например, «разговор о костре»), чем там, где эта информация рассматривается изолированно или в нейтральном контексте [Barsalou 1982].

Таким образом, результаты экспериментов [Barsalou 1986] заставили исследователей пересмотреть представления о том, что категории образуются лишь вокруг готовых шаблонных прототипов. Напротив, оценки прототипов для определенной категории варьируются в зависимости от контекстов, времени, национальности, точек зрения и т. д.

Анализ дискурсивного функционирования широкозначных антропонимов подтверждает еще раз точку зрения о том, что *ad hoc* категоризация рассматривается как ситуативная деятельность, носящая

субъективный характер. Она выражает определенную точку зрения и изменяется от человека к человеку, от одного типа деятельности к другому. *Ad hoc* категории создаются в ходе дискурсивной деятельности для решений текущих задач и носят динамический характер.

Продemonстрируем это на лексико-семантическом наполнении модели «широкозначный антропоним + атрибут», которые являются чувствительными к типу дискурса, обеспечивая адаптацию процессов категоризации к контексту дискурсивной деятельности.

Лексико-семантическое наполнение атрибутов позволяет соотнести содержание синтаксических конструкций, образующихся во всех типах дискурса по одним и тем же 12 моделям, со специальными понятиями того или иного типа дискурса и построить в дискурсе соответствующие категории и субкатегории. Эти факты указывают на гибкость широкозначных единиц, согласующих свое функционирование с каждым типом дискурсивной деятельности.

Наполняемость атрибутов синтаксических конструкций составляют когнитивные классификационные признаки (по Дж. Лакоффу, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стернину), которые способствуют конкретизации метакатегории ЧЕЛОВЕК, репрезентируемой широкозначными антропонимами.

Так, в юридическом дискурсе на основе классификационных признаков атрибутов синтаксических конструкций мы выделяем такие субкатегории, как:

- «Лицо, совершившее преступление или правонарушение» – *une personne ayant commis un crime ou un délit*;
- «Лицо, виновное в совершении правонарушения» – *toute personne coupable de l'infraction*;
- «Лицо, предпринявшее попытку совершения ограбления в составе организованной банды» – *toute personne qui a tenté de commettre un vol en bande organisée*;
- «Лицо, предпринявшее попытку совершить вымогательство в составе организованной банды» – *toute personne qui a tenté de commettre une extorsion en bande organisée*;
- «Лицо, предпринявшее попытку совершения преступления в виде убийства или отравления» – *toute personne qui a tenté de commettre les crimes d'assassinat ou d'empoisonnement*;

- «Лицо, которое сознается в совершении одного или нескольких преступлений» – *une personne qui reconnaît avoir commis un ou plusieurs crimes* и т. д.

Перечисленные признаки можно объединить в категорию «Лицо, нарушающее закон» – *une personne qui enfreint la loi*, которой противопоставляется категория «Лицо, действующее в соответствии с законом» – *une personne qui agit conformément à la loi applicable*. Обе категории объединяются в рамках категории «Человек как субъект права», являющейся самой крупной антропонимической категорией в юридическом дискурсе. Эта категория, как правило, не находит эксплицитного выражения в юридических текстах, однако реконструируется на основе многочисленных концептуальных признаков, содержащихся в атрибутах синтаксических конструкций с ядерными широкозначными антропонимами.

Таким образом, атрибуты некоторых синтаксических конструкций могут содержать некий обобщенный классифицирующий признак, который актуализируется, например, через такой классификационный индикатор, как совершить преступление или правонарушение – «*commettre un crime ou un délit*». В других конструкциях признак носит менее обобщенный, более конкретизированный характер, например, когда содержит указание на конкретный вид совершенного преступления или правонарушения:

- (совершать) убийство или отравление – *(commettre) les crimes d'assassinat ou d'empoisonnement*;
- ограбление в составе организованной банды – *un vol en bande organisée*;
- вымогательство организованной бандой – *une extorsion en bandes organisées*.

Более обобщенный концептуальный признак приводит к созданию на базе соответствующей атрибутивной конструкции более крупной дискурсивной категории «Лицо, совершившее преступление», занимающей более высокий уровень в иерархии, чем менее обобщенный признак, приводящий к созданию менее крупных категорий, занимающих менее высокий уровень в иерархии, например подкатегория «Лицо, совершившее убийство».

Таким образом, в пространстве конкретного дискурса атрибутивные конструкции (точнее, их атрибуты) указывают на разные по

широте концептуальные признаки, что приводит к созданию более или менее крупных *ad hoc* категорий.

Анализ корпусов текстов также показал, что если в юридическом дискурсе на базе атрибутивных конструкций выявляются одни *ad hoc* категории, то, например, в научном (психологическом) дискурсе содержащиеся в атрибутах концептуальные признаки позволяют выделить другие (суб)категории, связанные с характеристикой человека как объекта данной науки, например:

- «Человек, контролирующий свои эмоции» – *les personnes qui sont capables de contrôler leurs émotions, de faire preuve d'enthousiasme et d'empathie*;
- «Человек, находящийся под влиянием своих эмоций» – *la personne qui se trouve sous l'empire d'une détresse angoissée; la personne qui est en train de dramatiser; la personne souffrant de dépendance; la personne psychologiquement perturbée; les personnes souffrantes; les personnes très tendues et angoissées*;
- «Человек, испытывающий необходимость в оживлении эмоций» – *les personnes qui nécessitent dans le domaine de la vie émotionnelle quelque reprise*;
- «Человек, вызывающий некоторые эмоции» – *les personnes envers lesquelles nous ressentons quelque chose* и т. д.

Данные субкатегории могут объединяться в более крупную категорию «Человек и его эмоции», которая репрезентирует человека с точки зрения одного из важнейших его психических процессов, изучаемых общей психологией, связанных «с его переживанием в различной форме внутренних отношений человека к тому, что происходит в его жизни, что он познает или делает» [Петровский 1995, с. 239]. Категория «Человек и его эмоции», равно как и многие другие категории данного типа дискурса – «Человек и его психическое здоровье»; «Человек и его характер»; «Человек и его способности» и пр. – не представлены в текстах по психологии эксплицитно, а реконструированы в ходе анализа классификационных признаков, выявленных на основе анализа атрибутивных конструкций с зависимыми атрибутами.

Аналогичную картину, когда атрибут получает соответствующее типу дискурса лексико-семантическое (а значит, концептуальное) наполнение атрибутов, можно продемонстрировать также на примере философского дискурса.

Представляется справедливым говорить о трех крупнейших субкатегориях, выделяемых в рамках категории ЧЕЛОВЕК философского дискурса. Данные субкатегории соответствуют основным параметрам, или аспектам человека, как объекта познания, каким он представлен в философии. Эти субкатегории, по словам Ю. С. Степанова [Степанов 1997, с. 698], представляют собой три линии естественной параметризации, или аспектуализации человека, присутствующие во всех культурах и во многих из них «концептуализованные», т. е. имеющие особые формы выражения:

- А. Человек в отношении к «Миру» и к «Богу».
- Б. Человек в отношении к себе подобным, к своему роду, клану, племени, вообще в отношении к «Своим» и «Чужим».
- В. Человек в отношении к обществу.

Данные параметры в полной мере проявляются в философском дискурсе на основе атрибутивных конструкций с зависимыми атрибутами, имеющими определенное семантическое наполнение. Так, в составе категории «Человек в отношении к “Миру” и “Богу”» могут быть выделены такие субкатегории, как:

- «Человек смертный» – *l'homme mortel*.
- «Человек естественный как часть природы» – *l'homme de la nature, l'homme naturel*.
- «Человек как Божия истина» – *l'homme qui est la vérité de Dieu dans lequel ses déterminations ont été projetées*.
- «Человек, созданный Богом» – *l'homme créé*.
- «Человек, созданный по образу Земли и по сходству с Богом» – *l'homme étant à l'image de la Terre, puisqu'il a un corps, et a la ressemblance de Dieu, puisqu'il est doté d'un intellect*.
- «Человек божественный» – *l'homme divin*.
- «Человек – носитель Божией милости» – *l'individu porteur de la grace divine* и т. д.

В рамках категории «Человек в отношении к себе подобным» можно назвать такие субкатегории, как:

- «Человек нравственный» – *un homme d'une moralité positive et active; un homme qui vit en fonction de la conscience morale; un individu moral*;

- «Человек справедливый» – *un homme juste*.
- «Человек добродетельный» – *l'homme vertueux*.
- «Человек, нарушающий нравственные законы» – *l'homme qui enfreint les lois morales* и т. д.

В категорию «Человек в отношении к обществу» мы включаем такие субкатегории, как:

- «Человек, создающий социальную реальность» – *des hommes qui construisent la réalité sociale*.
- «Человек – политический деятель» – *l'homme politique*.
- «Человек во власти» – *l'individu qui gouverne*.
- «Человек – субъект государства» – *les individus qui sont les sujets de l'Etat*.
- «Человек Республики» – *l'homme de la République* и т. д.

Можно наблюдать влияние дискурса на выбор и употребление широкозначных антропонимов. Такое влияние проявляется, в частности, в том, что в каждом типе дискурса человек рассматривается с определенной точки зрения: в юридическом дискурсе – как субъект права, в философском и научном дискурсах – как объект познания, в дискурсе СМИ – как объект социальных отношений. Подобная активность, проявляемая не только атрибутивной конструкцией, но и дискурсивной внешней средой, свидетельствует о слиянии внутренней (принадлежащей конструкции) и внешней (принадлежащей дискурсу) информации, что представляет собой процесс информационного взаимодействия. В процессе подобного взаимодействия проступает принцип обратной связи: атрибутивная конструкция → дискурс, дискурс → атрибутивная конструкция.

Итак, квалификативный анализ дискурсивного употребления антропонимов показывает, что одни те же широкозначные антропонимические единицы в различных типах дискурса, благодаря разному содержательному наполнению атрибутов, демонстрируют адаптивную способность, приспосабливаясь к дискурсивной среде и образуя в этих целях *ad hoc* (суб)категории, значимые для соответствующего вида деятельности.

При этом на общий характер лексико-семантического наполнения атрибутивных конструкций оказывает влияние тип дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петровский А. В.* Введение в психологию. М. : Издат. центр «Академия», 1995. 496 с.
- Семина И. А.* Когнитивно-функциональное описание широкозначных имен существительных: антропонимы французского языка. М. : Тезаурус, 2013. 352 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Barsalou L. W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences 22, 1999. P. 577–600.
- Barsalou L. W., Salomon K. and Wu L.* Perceptual simulation in conceptual tasks // Cultural, Typological and Psychological Perspectives in Cognitive Linguistics : The Proceedings of the 4th Conference of the International Cognitive Linguistics Association. – Vol. 3 / M. Hiraga, C. Sinha and S. Vilcox (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 1999. P. 209–227.
- Barsalou L. W.* Context-independent and context-dependent information in concepts // Memory and Cognition 10. Malibus : Krieger Pub. Co., 1982. P. 82–93.
- Barsalou L. W.* Intraconcept similarity and its implications for interconcept similarity // Similarity and Analogical Reasoning / S. Vosniadou and A. Ortony (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 76–121.
- Barsalou L.W., Medin D.* Concepts: fixed definitions or context-dependent representations // Cahier de Psychologie Cognitive 6. 1986. P. 187–202.
- Barsalou L. W.* Flexibility, structure and linguistic vagary in concepts: Manifestations of a compositional system of perceptual symbols // Theorie of Memory / A. C. Collins, S. E. Gathercole, and M. A. Conway (eds.). London : Lawrence Erlbaum, 1993. P. 29–101.
- Barsalou L. W.* Context-independent and context-dependent information in concepts // Memory and Cognition 10. Malibus : Krieger Pub. Co., 1982. P. 82–93.
- Eco U.* Semiotics and the Philosophy of language. Bloomington : Indiana U.P., 1984. 568 p.
- Schmid H.-J.* English abstract nouns as conceptual shells: from corpus to cognition. Berlin–New-York : Mouton de Gruyter, 2000. 457 p.
- Smith L. and Samuelson L.* Perceiving and remembering: category stability, variability and development // K. Lamberts and D. Shanka (eds.). Knowledge, Concepts and Categories. Hove, UK : Psychology Press, 1997. P. 161–196.
- Vega Moreno R. E.* Creativity and Convention. The pragmatics of everyday figurative speech. London : John Benjamins Publishing Company, 2007. 243 p.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА: НА СТЫКЕ РАЗНЫХ ПАРАДИГМ

УДК 811. 11

Е. Г. Беляевская

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. стилистики английского языка факультета английского языка,
Московский государственный лингвистический университет;
тел.: +7 (499) 245 13 60

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ (на материале британской прессы)

Статья посвящена изучению языковых и когнитивных механизмов, обуславливающих формирование в дискурсе смыслов, не соотносимых напрямую со значениями языковых единиц, составляющих дискурс. Анализируются стратегии использования модификации фреймовых структур события и стратегия расширения смыслового объема языковых единиц, составляющих дискурс. Рассматривается связь изменения фокусировки фрейма события, обуславливающего новую интерпретацию предлагаемой информации, с такими явлениями, как интертекстуальность, подтекст, пресуппозиция, образность (включая концептуально-метафорическую репрезентацию), а также введение дополнительной информации, имеющей лишь косвенное отношение к предмету сообщения.

Ключевые слова: медиадискурс; событие; фрейм; подтекст; концептуально-метафорическая репрезентация; пресуппозиция; интертекстуальность; цитация; интерпретация; оценка.

E. G. Beliaevskaya

Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor at the Department of English Stylistics,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University;
tel.: +7 (499) 245 13 60

STRATEGIES OF INDUCING HIDDEN SENSES IN MEDIADISCOURSE (Based on the British Press)

The paper considers language and cognitive mechanisms accounting for the formation of hidden senses seemingly not directly derived from the sum total of the meanings of language units constituting discourse. Two interrelated strategies

are discussed – one of modifying event frame structures underlying discourse and the other aimed at developing and expanding the semantic scope of the elements of discourse. A new interpretation of the information conveyed by media discourse is effected by a shift of the focus of the event frame construed by such factors as intertextuality, inferred implication, presupposition, imagery (including conceptual metaphoric representation), as well as introduction of additional information loosely associated with the event described in media discourse.

Key words: media discourse; event; frame; event structure frame; inferred implication; conceptual metaphoric representation; presupposition; intertextuality; interpretation; evaluation.

Хорошо известно, что сумма значений слов, составляющих высказывание, далеко не всегда позволяет точно определить общий смысл этого высказывания. Так, в разных коммуникативных ситуациях одна и та же фраза *'I feel like a cup of coffee'* (~ Я бы сейчас выпил чашечку кофе) может приобретать самые разные смыслы. Например, это высказывание может быть просьбой налить чашку кофе, предложением пойти в кафе, выражением нежелания продолжать разговор, указанием на то, что говорящий плохо себя чувствует и т. д. Совершенно очевидно, что в реальной коммуникации тот коммуникант, для которого приведенная выше фраза предназначена, не будет исходить только из ее буквального значения и, следовательно, не совершит коммуникативной ошибки и легко декодирует коммуникативный замысел говорящего. Когнитивные механизмы, обеспечивающие адекватное декодирование смысла, передаваемого в процессе коммуникации, можно представить в виде системы фреймов. Обращение к фреймам обусловлено тем, что именно фреймы, являясь когнитивными структурами, репрезентирующими некое **стереотипное** представление о ситуациях и категориях окружающей действительности, задают ту точку отсчета, благодаря которой слушающий может оценить, насколько любое высказывание соответствует конкретной ситуации. Если же некоторое высказывание, на первый взгляд, ситуации не соответствует, хотя и реализуется в ней, то знание фрейма, т. е. стереотипа, лежащего в основе ситуации, позволяет уточнить смысл высказывания и правильно его интерпретировать.

Для описания процесса декодирования непрямого смысла, заложенного во фразу *'I feel like a cup of coffee'*, необходимо привлечь не один фрейм, а целую систему фреймов. Во-первых, это должен быть фрейм, фиксирующий локализацию коммуникативной ситуации

и совместные действия участников коммуникации. Интерпретация высказывания будет зависеть от того, находятся ли коммуниканты в помещении или идут по улице, сидят ли они в офисе или в кафе, говорят наедине или окружены другими людьми и т. д. Во-вторых, в систему необходимых для интерпретации высказывания фреймов должен входить фрейм, соответствующий теме, обсуждаемой участниками коммуникации. Тестируемая фраза может соответствовать теме обсуждения (например, если разговор происходит в ресторане и обсуждается меню), но может и не соответствовать теме обсуждения (например, если обсуждаются условия контракта в ходе переговоров). В последнем случае фраза 'I feel like a cup of coffee' может указывать на завершение переговоров, сигнализировать о нежелании продолжать обсуждение, передавать информацию о резком несогласии с мнением собеседника и др. И, наконец, в-третьих, следует учитывать фрейм (или фреймы), содержащие информацию о физическом или эмоциональном состоянии человека и о возможном влиянии кофе на состояние человека. Знание того, что кофе повышает артериальное давление и придает силы, позволяет понять, что рассматриваемая нами фраза может означать, что говорящий сообщает о своем плохом самочувствии и о необходимости выпить кофе, для того чтобы его улучшить.

Предложенный нами анализ демонстрирует исключительную вариативность смыслового содержания одного и того же высказывания в зависимости от коммуникативной ситуации, а также отсутствие взаимно однозначного соответствия между формой высказывания и смыслом, который эта форма передает. Кроме того, неслучайно приведенный нами пример относится к устной коммуникации, поскольку смысловая вариативность достигает своего максимального объема именно благодаря ситуативности устной речи, что хорошо известно из общей теории семантики.

Можно полагать, что при переходе от устной коммуникации к письменной смысловая вариативность дискурса должна снижаться, поскольку фиксация информации в виде письменного текста устанавливает его связь с определенной ситуацией коммуникации в рамках модели «автор – читатель» и с определенной темой (сюжетом). Автор закладывает определенную информацию в текст, продуцируемый им в ходе дискурсивной деятельности, имея в виду некоторого читателя

(группу читателей) и программируя свое воздействие на получателя информации. Казалось бы, в письменном дискурсе изложенные нами выше условия формирования смысловой вариативности, характерные для устной речи, не должны активно действовать, вследствие чего возможности интерпретации и ре-интерпретации письменного текстового сообщения должны быть меньше, чем в устной коммуникации. Однако никто из исследователей не отрицает того факта, что интерпретационный потенциал письменного текста остается весьма значительным, и в письменном сообщении сохраняется возможность его различного понимания и различного толкования, причем в весьма широких пределах.

Большинство лингвистов признают существование весьма далеких друг от друга интерпретаций произведений художественной литературы: имеется большое количество подобных интерпретаций, когда практически каждый литературовед выступает с собственной версией анализа смыслов, заложенных в том или ином художественном произведении. С точки зрения лингвистического анализа намного больший интерес представляет изучение информационно-аналитического медиадискурса, где, по крайней мере, по заявлениям авторов, присутствует не столько оценочная составляющая, сколько объективная составляющая, т. е. описание происходящих в мире событий с опорой на факты и конкретные детали. Такая форма изложения должна, по логике вещей, требовать ясности, точности и однозначности дискурса. Однако смысловая многомерность информационно-аналитического дискурса не только не нивелируется, но даже возрастает.

Целью данной статьи является рассмотрение когнитивных механизмов и языковых средств, посредством которых автор письменного дискурса может повысить информационный объем своего сообщения за счет активизации дополнительных, «скрытых» или «неявных», смыслов. Исследование проводилось на материале современного Британского медиадискурса (в основном, на материале журналов *The Economist* и *The Sunday Times Magazine*, а также газет *The Times* и *The Sunday Times*).

Поставленная нами проблема поиска источников смысловой многомерности дискурса или его «неоднозначности» далеко не впервые поднимается в лингвистической литературе. Практически любое исследование смысловой структуры текста содержит указание на

существенную модификацию семантики языковых единиц в тексте, а также на большое количество не только эксплицитных, но и имплицитных смысловых приращений, возникающих в тексте (см. например, [Гальперин 1981; Звегинцев 1957; Кузнецов 1982]). Анализируя систему различных смыслов, реализующихся в тексте, И. Р. Гальперин выделяет категорию *подтекста*, которую он соотносит со скрытой информацией, порождаемой способностью единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также способностью предложений внутри сверхфразовых единств приращивать смыслы [Гальперин 1981, с. 28]. И. Р. Гальперин подчеркивает, что подтекст коррелирует, но не совпадает, с тем, что в разных исследованиях обозначается такими терминами, как *приращение смысла*, *пресуппозиция*, *смысловая двуплановость*, *контрапункт*, *символ*, *коннотация*, *импликация*, *ассоциация*, *оценка*, *модальность* [Гальперин 1981, с. 41–50].

Изучая этот список, можно сделать вывод о том, что среди этих терминов есть указания на результат (*приращение смысла*, *двуплановость*), указания на связь с другими категориями текста (*модальность*, *оценка*) и указания на источник возникновения новых смыслов в дискурсе. В связи с задачами исследования нас в данном случае в наибольшей степени интересует последний аспект.

Проведенное нами изучение языкового материала показало, что можно выделить две основные стратегии формирования скрытых смыслов в медиа-дискурсе: 1) *стратегию расширения смыслового объема языковых единиц, составляющих дискурс*; 2) *стратегию модификации концептуальной структуры события, составляющего предмет сообщения в медиадискурсе*.

Обе стратегии тесно связаны между собой и имеют общее когнитивное основание – фреймовые структуры, позволяющие использовать (привлечь и актуализировать) энциклопедическое знание и фоновое знание о мире, стоящее за объектом обозначения или предметом сообщения. Кроме того, за редким исключением обе стратегии действуют совместно и разделяются нами только для удобства описания.

Рассмотрим сначала *стратегию расширения смыслового объема языковых единиц, составляющих дискурс*. В англоязычном информационно-аналитическом медиадискурсе, особенно в так называемой качественной прессе, традиционно принято избегать излишней эмоциональности и резких оценок, поскольку считается, что основой

газетной и журнальной аналитики должна быть спокойная, весомая и объективная аргументация. В настоящее время эти журналистские установки претерпевают некоторые изменения: даже в новостном дискурсе отмечается увеличение количества эмотивных и оценочных слов. При этом одной из наиболее устойчивых тенденций в языке англоязычной прессы является использование безоценочной лексики для придания ей в дискурсе положительной или (чаще) отрицательной оценочности. В частности, в статьях, посвященных России, обычно упоминается тот факт, что Россия – очень большое государство.

1. Russia is a *vast* country with its own interests in both Europe and Asia (The Economist May 9th 1998, p. 17) – *Россия огромная страна, которая имеет свои интересы и в Европе, и в Азии.*

But Russia is *too big* a country for Europe to contain (The Economist October 23rd 1999, c. 15) – *Россия слишком большая страна, чтобы войти в (объединенную) Европу.*

Чтобы подчеркнуть размеры России часто используется противопоставление «огромной России» и «крошечных государств» вокруг нее или в пределах Российской федерации:

2. An array of *tiny* nations (The Economist October 2nd 1999, p. 18)
множество крошечных государств;

a *statelet* (within federal Russia) (The Economist October 2nd 1999, c. 18)
крошечное государство в составе Российской Федерации.

Интерпретация этих и аналогичных контекстов основывается на presupпозиции того, что большое государство легко может завоевать соседнее маленькое государство. Постоянное напоминание о том, что Россия – это самая большая европейская страна, и сравнение размеров территории России и размеров территорий других стран Европы создает определенную импликацию – ощущение угрозы, исходящей от России, несмотря на то, что прямо об этом ничего не было сказано. Несколько подобных употреблений прилагательного *big* и его синонимов в разных контекстах, связанных с Россией, – и читатель начинает устойчиво ассоциировать Россию и ее громадную территорию с агрессией (см. подробнее [Беляевская 2008]).

В рассмотренном выше случае смысловое приращение в медиадискурсе формируется, во-первых, благодаря расширению смыслового содержания слова 'big' до всего информационного блока (фрейма), за

ним стоящего, и, во-вторых, благодаря неоднократному повтору соответствующих контекстов, закрепляющих семантическое приращение. Отметим также, что повтор может осуществляться в пределах одного текста, становясь, таким образом, стилистическим приемом, но может реализовываться в нескольких текстах одного или нескольких разных изданий вследствие действия принципа интертекстуальности.

Приращение смысла и активизация скрытых импликаций может также происходить вследствие оживления образа, закрепленного в концептуальном основании семантики слова. Так, у английского глагола *to unravel* лексикографические источники фиксируют следующие значения:

- 1 understand something complicated by thinking about it for a long time (*распутывать сложную проблему*);
- 2 if a process or a project unravels, it begins to fail (*распадаться (о процессе или проекте)*);
- 3 if a piece of clothing unravels, or if you unravel it, its fibers become separated from each other [Macmillan 2002] (*распускать на нити ткань или вязание*).

Третье значение – *распускать связанное или сплетенное полотно* – исторически является первичным, однако в настоящее время в силу экстралингвистических (в основном культурологических) причин используется достаточно редко. В двух первых значениях данный глагол также нечасто используется в политическом медиадискурсе, однако второе значение (*разъединить на части*) три раза реализуется в статье Лоренса Фридмана (Lawrence Freedman):

3. A vote to leave would sharply weaken Britain and the EU on the world stage, and could lead the Continent to **unravel** – *голосование в пользу выхода из ЕС сильно ослабит Великобританию и Евросоюз на мировой арене и может привести к распаду всего европейского континента*.

The effort to **unravel** our relationships with the EU and then forge the new ones...; – *попытки **расторгнуть** наши существующие отношения с ЕС и на их месте создать новые ...*

The most serious risk of Brexit is that it would lead to a more general **unraveling** (*The Sunday Times*, 19.06 2016, с. 22) – *самой серьезной опасностью выхода Великобритании из ЕС является то, что это может привести к еще большим масштабам дезинтеграции*.

Автор статьи неслучайно выбирает глагол *to unravel* для реализации своего прагматического замысла, поскольку во всех его значениях сохраняется сильная ассоциативная связь с мотивирующей основой – образом распускаемого на нити полотна. Использование глагола *to unravel* к описанию возможных последствий выхода Великобритании из Евросоюза формирует в дискурсе целый ряд важных дополнительных смыслов. Формируется образ сложной конструкции Евросоюза, который подобен тщательно вытканному полотну, где каждая нить связана со всеми остальными, что требует значительного времени и много усилий. Далее читатель должен сделать вывод о том, что Великобритания, став той нитью, которая будет удалена из полотна, не только разрушит его, но и сведет на нет работу большого количества людей, которая проводилась в течение многих десятилетий.

Совершенно очевидно, что расширение смыслового объема лексических и фразеологических единиц в дискурсе невозможно без активизации ассоциаций, продуцируемых концептуальным основанием лексемы или фразеологической единицы, а также без обращения к фоновым энциклопедическим знаниям о мире и о событиях, описываемых в дискурсе. Здесь могут представиться две возможности: во-первых, информационный потенциал языковой единицы, используемой в дискурсе, может входить во фрейм описываемого события или быть родственным ему (как в примере (3)), но может активизировать ассоциации, на первый взгляд, абсолютно не соответствующие фрейму описываемого события. Так, например, английский глагол *to cherrypick* (to cherry-pick) имеет значение *to choose only the best things or people out of a group* [MED] (*выбирать только лучшее из имеющегося*) и легко декодируемое образное основание, приводящее к формированию отрицательной оценки, редко фиксируемой словарями, по-видимому, вследствие ее очевидности. Семантика глагола *to cherrypick* мотивируется осуждаемой правилами поведения манерой собирать вишенки с общего торта (ср.: *the cherry on the top*; *the cherry on the cake* – something else that is pleasant to have in addition to what is expected). Таким образом, в контексте PM MAY would not be allowed to ‘cherry-pick’ terms of the Brexit deal – *премьер-министру Мэй не будет позволено произвольно выбирать наиболее выгодные условия в соглашении о выходе Великобритании из ЕС (Euronews 19.01 2017)* формируется дополнительный смысл – указание на то, что премьер-

министр Великобритании хочет при выходе из ЕС сохранить все выгоды от пребывания страны в Евросоюзе, отказавшись при этом от тех условий членства, которые Великобритания выполнять не стремится. И семантическое приращение, и отрицательная коннотация в данном дискурсе возникает благодаря фоновым знаниям о культуре социума, являющимся мотивационным основанием семантики глагола *to cherrypick*.

Как мы видим, стратегия активизации скрытого смыслового потенциала языковых единиц по необходимости сочетается с использованием информации, содержащейся во фреймах, составной частью которых эти языковые единицы являются. В свою очередь, стратегия модификации концептуальной структуры события, составляющего предмет сообщения в медиадискурсе, строится с учетом возможностей смыслового расширения семантики тех языковых единиц, которые составляют дискурс.

Совершенно очевидно, что медиадискурс представляет читателю *интерпретацию* событий. Журналисты стремятся, прежде всего, сформировать *оценочное* отношение к происходящему, и это означает, что структура события, т. е. фрейм, репрезентирующий информацию об основных терминалах ситуации, должен быть модифицирован так, чтобы по инференции создавать у читателя требуемые отрицательные (или положительные) ассоциации. Для этого необходимо сформировать новый, по сравнению со стереотипом, фокус фрейма, что можно обозначить как ***стратегию модификации концептуальной структуры события, составляющего предмет сообщения в медиадискурсе***. Прежде всего, остановимся на вопросе о том, что следует считать *модификацией* фрейма.

Фрейм как концептуальная структура, лежащая в основе некоторого фрагмента действительности, представляет собой не просто один «кадр», указывающий ту или иную ситуацию, но гибкую динамическую структуру, где каждая концептуальная составляющая может быть акцентирована или, наоборот, затемнена, с тем, чтобы отобразить различные варианты исходной ситуации, имеющие место в реальной жизни. Подобное перемещение внимания с одной части фрейма на другую обычно на основании операций естественного вывода обеспечивает изменение оценочности в описании соответствующей ситуации. Формирование новой оценки в дискурсе, по-видимому, не

следует считать актуализацией скрытых смыслов, поскольку эта оценка очевидна и обязательно декодируется читателем. Если в контексте фрейм модифицируется только за счет переноса фокуса внимания читателя с одного терминала фрейма на другой, то смысловые приращения возникают за счет стратегии активизации смыслового потенциала языковых единиц, как это было в примере (3).

Иными словами, в рассматриваемом нами языковом материале в качестве исходного фрейма, в основном, выступает «выход Великобритании из ЕС». В частности, одной из возможных дискурсивных реализаций этого фрейма является пример (3), в котором общая конструкция фрейма не претерпевает существенных изменений. В дискурсивной реализации фрейма здесь имеет место перемещение фокуса внимания на терминал «последствия выхода Великобритании из ЕС» и одновременно выбор слова *to unravel* для описания этих последствий.

Однако в дискурсивной практике базовые фреймы могут претерпевать и более существенные модификации. Рассмотрим в качестве примера статью А. А. Гилла (A. A. Gill), посвященную обсуждению проблем выхода Великобритании из ЕС, где автор полемизирует со сторонниками выхода страны из ЕС, которые в качестве основного аргумента выдвигают положение о том, что они хотят снова вернуть себе свою страну (we want to 'get our country back', give me my country back (букв. мы хотим вернуть свою страну назад; верните мне мою страну). С точки зрения фреймовой структуры события данный аргумент относится к терминалу «последствий», поскольку в результате выхода из ЕС Великобритания возвращает себе право самостоятельного, без консультаций с Брюсселем, принимать решения относительно своей внутренней и внешней политики. Однако А. А. Гилл обыгрывает идею возвращения Великобритании на прежние позиции, вводя в описание новый фрейм «история Великобритании». Соответственно, вся фреймовая структура события модифицируется (перестраивается): в фокус фреймовой сети выходит идея того, что представляла собой Великобритания на разных этапах своего развития в XX в. В эту фреймовую структуру «выход Великобритании из ЕС» входит в качестве терминала.

Формирование нового фокуса во фрейме осуществляется следующим образом. Сначала А. А. Гилл задает вопрос: «Back from what? Back

from where?» («Назад откуда? Назад к чему?») и далее сам отвечает на эти вопросы, объясняя, что движение назад фактически означает:

4. Back from the brink; back from the future; back-to-back; ... back ... to country lanes and church bells; ... back to vicars-and-tarts parties; ... back to Victoria sponge ... back to gooseberries not avocados; ... it's a desire to shuffle back to regret-curdled inward-looking yesterday; ... we want to put the great back in Britain; ... want back so badly; ... we won't notice it coming back (*A.A.Gill on Brexit. The Sunday Times magazine, June 12 2016, с. 16–19*) – *назад от обрыва; назад от будущего; спина к спине; назад к деревенским аллеям и церковным колоколам; назад к вечерам у викария, где подают сладкие булочки; назад к викторианским бисквитным пирогам с кремом; назад к крыжовнику, а не к авокадо; это желание шарахнуть назад к погруженному в себя вчера, полному застаревших сожалений; мы хотим вернуть в Британию всех великих; так страстно хотим назад; мы не заметим, когда прошлое вернется.*

Большую роль в изменении фокуса фрейма в этих контекстах играет английское наречие *back*, которое имеет в своей семантической структуре целый ряд пространственных значений, объединенных общим указанием на *движение назад*, которое в разных лексико-семантических вариантах конкретизируются как *in the direction behind you; away from someone or something; returning to a place or person; as a reply; in a place that you have mentioned before; to the beginning (of a journey or a book)* [Macmillan 2002]. В семантике данного наречия сочетаются конкретные и абстрактные смыслы, а также формируются временные значения: *used for speaking about a period of time in the past* [Macmillan 2002]. Соединение в одном контексте наречия *back* в разных значениях, в том числе и в функции пост-позитива, и существительного *back (back-to-back)* создает многомерный ассоциативный семантический фон.

Следует также отметить, что использование слова 'back' формирует **метафорическую картину движения страны по оси времени** вперед в будущее и назад в прошлое.

Однако многократный повтор слова *back* – это далеко не самый важный языковой механизм, действующий в данном дискурсе. А. А. Гилл постоянно апеллирует к эпохе Британской империи, к Викторианской Англии, к тем временам, когда Британия начала терять свои колонии. Упоминаются великая английская литература, английские традиции,

факты и события английской культуры, а также многое другое, для того чтобы донести до читателя основную мысль о том, что выход из ЕС – это регресс, и что сейчас Великобритания живет намного лучше, чем она жила, например, в начале XX в. Изменение фокуса исходного фрейма «выход Великобритании из ЕС» с настоящего времени на прошлое и будущее существенно модифицирует всю фреймовую конструкцию, порождая при этом по инференции многочисленные дополнительные смыслы. В частности, появляется новый смысл: в сущности Великобритании особенно нечем гордиться в прошлом, и у Великобритании нет будущего без Евросоюза.

Изучение полемики, развернувшейся в британской прессе накануне референдума 2016 г. о выходе Великобритании из ЕС, показывает, что реальное обсуждение условий и последствий выхода обычно проводится на фоне апелляции к истории разных стран и сравнения Великобритании с другими странами Европы (чаще всего с Францией и Россией (точнее, с СССР)). Авторы также часто прибегают к таким понятиям, как *национальный характер* (the British national character) и *необходимость рассчитывать только на себя* (self-reliance). Иными словами, если бы фрейм «выхода Великобритании из ЕС» доминировал, то в дискурсе преобладали бы лексико-фразеологические блоки, отражающие то, что не устраивает Великобританию в Евросоюзе, какие преимущества эта страна имеет, находясь в числе членов ЕС, и какими могут быть последствия сохранения членства Великобритании или выхода ее из этой организации. Однако в британском медиадискурсе значительную часть любого текста, посвященного рассматриваемой нами тематике, составляют аллюзии на исторические факты, явления культуры, другие страны и др.:

5. If we stay in the EU, we will be consigning ourselves to a future that resembles the old USSR: no dissent, no alternative point of view permitted. ... The EU does not like the idea of a nation state. It wishes, in its heart, to abolish the concept. This is understandable if you are a German or an Italian and your country was cobbled together by some charismatic dictator only 150 years ago. ... (Rod Liddle on Brexit. The Sunday Times magazine, June 12 2016, с. 20–23) – *Если мы останемся в ЕС, мы обречем себя на будущее, которое будет напоминать прежний СССР: никаких несогласных, никаких альтернативных точек зрения... ЕС не любит идею национального государства. В глубине души он хотел бы убрать само это понятие. Это можно было бы понять, если вы*

были бы немцем или итальянцем и если бы ваша страна была быстро и не очень умело собрана по кусочкам неким харизматичным диктатором всего лишь 150 лет назад.

Таким образом, можно констатировать, что для рассматриваемого массива медиатекстов характерна высокая степень интертекстуальности. В медиадискурсе не только описываются одни и те же события, но и используются постоянные перекрестные ссылки на мнения одних и тех же политиков, приводятся и интерпретируются одни и те же цитаты. В медиаматериалах, посвященных одной тематике, проводятся близкие исторические параллели, полемика основывается на сходных аргументах, а также на опровержении тех мнений, с которыми автор медиатекста не согласен.

Причины конструктивного сходства тематически близких медийных материалов заключаются в том, что они основываются на одних и тех же событийных фреймах, формируемых одними и теми же информагентствами. Кроме того, как показывает наше исследование, в британской прессе используется более или менее единый арсенал средств, которые могут быть использованы для модификации исходного фрейма (или исходной системы фреймов). Всё разнообразие интерпретаций, различия в подаче информации, представление своего индивидуального видения происходящих событий, выражение своего индивидуального мнения и отстаивание своей позиции в полемике обусловлено индивидуальным конструированием концептуального основания авторского сообщения из имеющего набора средств и механизмов.

В этом плане можно ввести понятие **метадискурса медийных сообщений** (см. об этом подробнее [Беляевская 2016]) для обозначения тех концептуальных структур, которые лежат в основе формирования речевого произведения. Эта концепция предполагает, что в медийном сообщении помимо собственного информации о фактах и событиях, которые необходимо донести до читателя, можно выделить ту индивидуальную когнитивную программу, которой следует автор, для того, чтобы оказать максимальное воздействие на получателя информации и сделать предлагаемую точку зрения максимально обоснованной. Эта программа (метадискурс) включает в себя авторский отбор информации и языковых средств ее вербализации, авторское выделение в описываемых событиях наиболее важных

моментов и авторскую оценку, в результате чего в дискурсе формируется авторское видение предмета сообщения с учетом авторской модели адресата. Реконструкция закономерностей конструирования дискурса с обращением к анализу его метадискурса погружает текст в квазиреальную ситуацию коммуникации, что в некотором смысле стирает грань между устной коммуникацией и письменной коммуникацией. В обоих случаях имеется некоторая информация, которая предоставляется вниманию слушающего или читающего реципиента, и в обоих случаях автор продумывает или интуитивно использует метадискурс – способы трансляции информации, в наибольшей степени соответствующие авторскому замыслу.

Мы полагаем, что источником семантической и смысловой многомерности дискурса, а также источником появления в дискурсе скрытых, неявных, смыслов *непосредственно является его метадискурсивная составляющая*, конструируемая с учетом рассмотренных нами стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г. Образ России как концептуальная структура // Русское слово в русском мире: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности. Сб. научных статей. М. : ЦП «Васиздаст», 2008. С. 67–99.
- Беляевская Е. Г. К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. 2016. С. 137–149.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
- Звегинцев В. А. Семасиология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. 324 с.
- Кузнецов А. М. О семантической неопределенности языковых единиц в составе текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М. : Наука, 1982. С. 41–50.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan, 2002. 1692 p.

УДК 81'22

Е. И. Карпенко

кандидат филологических наук, каф. лексикологии и стилистики
немецкого языка, факультет немецкого языка,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: elena_karpenko@list.ru

СЦЕНАРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (на историческом материале)

В статье рассматривается возможность применения сценарного моделирования в лингвокультурологических диахронических исследованиях. Целью данного метода является экспликация установок культуры, в которой создан текст. Культурный сценарий рассматривается в качестве концептуального посредника между установкой культуры и знаками языка (в основном, фразеологизмами различной протяженности). Структура сценария предполагает стереотипную схему развертывания типичного события: от пред-события через центральное событие сценария к пост-событию. Под установками культуры понимаются духовно-нравственные прескрипции, обобщающие ценностный опыт лингвокультурного сообщества. Установки культуры, носящие имплицитный характер и не вербализирующиеся в языке и тексте, нуждаются в специальных методиках экспликации. В них может быть использован метод сценарного моделирования, позволяющий считать интендируемое отклонение от конвенциональной структуры культурного сценария «сигналом» установки культуры. Данный тезис проиллюстрирован на примере поэмы Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» (ок. 1190 г.).

Ключевые слова: скрипт; культурный сценарий; установки культуры; сценарное моделирование; фразеология.

E. I. Karpenko

PhD (Philology), Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: elena_karpenko@list.ru

SCRIPT MODELLING IN LINGUO-CULTURAL STUDIES (on Historical Texts)

The paper discusses the potential of script modelling in diachronic linguo-cultural studies. This method aims to reveal cultural prescriptions on which (historical) texts are based. Cultural scenario is a kind of conceptual pattern «lying» between cultural prescriptions and verbal expressions (mostly idioms). Any cultural scenario is proved to contain pre-peak, peak and post-peak episodes that describe the conventional plan of a standard event (according to R. E. Longacre). In case cultural prescriptions don't have verbal representations in language or texts they need to be revealed by a special linguistic method. On the example of Hartmann von Aue's poem «Der arme Heinrich»

(1190) the author shows that the intentional transformation of the conventional culture scenarios can indicate implicit cultural prescriptions.

Key words: script; culture scenarios; culture prescriptions; script modelling, phraseology.

На протяжении последних десятилетий лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует способы отображения в языковых знаках (фразеологизмах) материальной культуры и менталитета народа, заключенного в «концептах, стереотипах, эталонах, символах, мифологемах и т. п. знаках национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 1996, с. 215]. Данная задача успешно решается в трудах М. Л. Ковшовой, И. В. Зыковой (см. [Ковшова 2013; Зыкова 2014]).

В лингвокультурологической школе В. Н. Телия методологическая «ставка» была сделана на когнитивное понимание языкового значения. Структурированное во фрейм (в том числе акциональный), лексическое / фразеологическое значение способно «встраиваться» в структуры знания о мире – «прототипы, фреймы (сценарии), являющиеся своего рода концептуальными посредниками между собственно языковым значением и обозначаемой действительностью» [Телия 1996, с. 91].

В данной статье в качестве «концептуальных посредников» рассматриваются культурные сценарии: сценарное моделирование направлено на выявление установок культуры, транслируемых при помощи языковых значений; а также обсуждается возможность применения данного метода на историческом текстовом материале.

В основе культурных сценариев лежат когнитивные скрипты, описывающие привычные ситуации как стереотипные смены событий [Краткий словарь когнитивных терминов 1997, с. 172]. Такие скрипты структурируют повседневный опыт; при интерпретации текста и дискурса содержащееся в них знание относится к сфере пресуппозиций. Культурный сценарий формируется в результате функционирования когнитивного скрипта в значимой семиотической системе культуры (в Библии, литературе, искусстве, кинематографе)¹. Речь идет не

¹ Ср.: «Под культурным сценарием мы понимаем вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события, участниками которого каждый раз становятся разные лица, эксплицирующий жизненные представления, коммуникативно-этические нормы и ценностные установки носителей лингвокультурной общности» [19, с. 32].

столько о знании об акантах и последовательности совершаемых ими действий, сколько об отношении к ним представителей лингвокультурного сообщества. Культурный сценарий, в отличие от скрипта, концептуализирует ценностно-значимый опыт: с функционированием сценариев в панхронии связано формирование культурных (духовно-нравственных, эмоциональных)¹ концептов, таких как ГНЕВ, СТЫД, СОВЕСТЬ, (СО)СТРАДАНИЕ и других, содержащих информацию ценностного характера.

Как и любая социокультурная модель, культурный сценарий предполагает редукцию сложных знаний с возможностью последующего извлечения любого элемента модели из культурного фона (деФ-зоны) в зависимости от дискурсивных потребностей адресанта [Ирисханова 2014, с. 149]. Очевидно, что при интерпретации текста и дискурса содержание культурных сценариев относится к сфере фоновых знаний.

Культурные сценарии – сложные когнитивные структуры, представляющие собой хронологическое развертывание цепи событий: от пред-события к центральному событию сценария, завершающегося пост-событием [Longarce 1985; Карпенко 2016]. Любой элемент сценария может содержать в виде фреймов и микрофреймов культурные знаки других типов, например, эталоны и / или стереотипы.

Культурные сценарии в данном случае являются концептуальными посредниками между целыми текстами и теми установками культуры, в пространственно-временном континууме которой тексты созданы. Под установками культуры традиционно понимают «морально-нравственные ориентиры человека как личности во всех сферах его социального и духовного бытия» [Ковшова 2013, с. 52]. К эксплицитным установкам культуры относят прескрипции, зафиксированные в религиозных текстах, в пословицах, в эталонах обиходного опыта [Телия 1996, с. 219]. Трудность вербализации установок культуры связана с тем, что многие из них носят имплицитный характер, проявляясь в выборе и организации языковых единиц и их форм для создания сообщений о мире, для обмена мыслями и чувствами между людьми в их различных коммуникативных практиках [Ковшова 2013, с. 53]. Вопрос о типологии и иерархии установок культуры остается открытым: они

¹ Вопросу типологии концептов посвящена обширная лингвистическая литература, см., например, [16].

могут охватывать разные дискурсы, знаковые системы культуры, временные (хронологические) пласты культуры [Опарина 2004].

Сценарное моделирование, применяемое для экспликации установок культуры, может быть эффективно использовано в диахронических исследованиях. Как известно, средневековые тексты «зашифрованы дважды» (по Ю. М. Лотману); вторичное кодирование текста осуществляется дополнительными кодами (общеэпохальными, жанровыми, стилевыми, функционирующими в пределах всего национального коллектива или узкой группы вплоть до индивидуальных), а реконструировать закодированную ими информацию можно «на основании только внешних по отношению к ним источников» [Лотман 1973, с. 20]. Фоновые (социокультурные) знания, структурированные в культурном сценарии, дают представление о ценностных аспектах культурной эпохи, современной автору текста.

Мы полагаем, что «сигналом» той или иной установки культуры может служить интендированное отклонение от конвенциональной структуры культурного сценария. Проиллюстрируем данное утверждение на примере поэмы Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» (ок. 1190 г.).

Концептуальной основой поэмы «Бедный Генрих» служит культурный сценарий ИСПЫТАНИЕ ПРАВЕДНИКА. Конвенциональная структура сценария предполагает, что в пред-событии сценария на праведника обрушиваются (на первый взгляд незаслуженные) несчастья (болезнь, бедность), центральным событием сценария является прохождение праведником испытаний, результатом которых в пост-событии должно стать нравственное исправление и, как следствие, избавление страдальца от тягот (телесное исцеление).

Подобную концептуальную основу имеет библейская Книга Иова: праведный Иов лишился сначала своего состояния, затем слуг и детей, наконец, здоровья. Гонцы один за другим приносят Иову страшные вести: немецкий фразеологизм *Hiobsbotschaft* / *Hiobspost*, («печальное известие», а дословно «весть для Иова») свидетельствует о вербализации пред-события культурного сценария в лексико-фразеологической системе языка.

Сначала Иов терпеливо переносит страдания, повторяя:

der HERR hat's gegeben, der HERR hat's genommen: der Name des HERRN sei gepriesen! [Hiob 1: 21] (LB¹)

¹ LB – Luther-Bibel.

Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно! [Иов 1: 21] (РСП¹).

Эта часть библейского сценария закреплена в паремиологической системе языка, ср.:

рус. Бог дал, Бог взял

нем. Der Herr hat's gegeben, der Herr hat's genommen.

Дополнительные страдания праведнику доставляют его друзья – Елифаз, Вилдад и Софар, которые не только не утешили его, но и несправедливо обвиняли в показной праведности, ибо Бог, по их мнению, не посылает столь страшных испытаний незаслуженно [Энциклопедия Библейская 2002, с. 303]. Данный эпизод центрального события сценария выделен в итальянском фразеологизме *amici di Giobbe*, которое дословно означает «друзья Иова» и используется для характеристики надоедливых советчиков [Карпенко 2013, с. 182].

Постепенно Иов склоняется перед натиском испытаний, начинает упрекать Бога и проклинает день своего рождения. Бог открывает Иову свое величие, и тот раскаивается:

Ich hatte von dir mit den Ohren gehört; aber nun hat dich mein Auge gesehen. Darum *spreche ich mich schuldig und tue Buße in Staub und Asche* [Hiob 42: 5–6] (LB).

Ср.:

Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я *отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* [Иов 42: 5–6] (РСП).

В пост-событии сценария Бог снова благословляет Иова, возвращает семью и все потерянное в двойном размере.

Библейский культурный сценарий НЮВ / ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ сфокусирован на идее терпеливого перенесения страданий с твердым упованием на помощь Божию. Несмотря на то, что в Книге Иова отчетливо прослеживается мотив сопротивления Божьему миропорядку, уже в средневековой литературе Иов становится воплощением христианского стоицизма [Карпенко 2012, с. 87].

Поэма Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» не только имеет в основе нарратива культурный сценарий ИСПЫТАНИЕ ПРАВЕДНИКА, но и содержит эксплицитные аллюзии на образ библейского Иова. На

¹ РСП – Русский Синодальный перевод Библии.

первый взгляд страдание Генриха (как и страдание Иова) незаслуженно. Однако именно оно раскрывает духовный изъян героя, подлежащий исправлению.

В светском отношении Генрих представляет собой идеал рыцаря: обладает всеми «высокими» добродетелями: *êre, triuwe, zuht, milte, geburt, richeit*, он – «зеркало, отражающее все радости мира» [Aue 2011, с. 7].

Его духовный изъян проявляется в болезни: как некогда Иова, Генриха поразила проказа (*in ergreif diu miselsuht* [Aue 2011, с. 11]). Образцовый рыцарь отличается от библейского праведника отношением к этому испытанию, а именно – отсутствием терпения: *dô schiet in sîn bitter leit von Jôbes geduldigkeit* [Aue 2011, с. 11]. Иов переносил свои испытания с терпением (*mit geduldigem muote* [Aue 2011, с. 12]) ради спасения души (*durch der sêle gemach* [Aue 2011, с. 12]), благодарил за них Бога (*des lobete er got* [Aue 2011, с. 12]) и был радостен (*und vreute sich* [Aue 2011, с. 12]). Чтобы показать несовершенство Генриха, в этом месте нарратива Гартман фон Ауэ отклоняется от конвенциональной структуры культурного сценария, бытующего в Средневековье. Генрих огорчен (*trûric* [Aue 2011, с. 12]) и опечален (*unvrô* [Aue 2011, с. 12]); в отчаянии¹ он проклинает день своего рождения (*vervluochet und verwâzen / wart vil dicke der tac, / dâ sîn geburt ane lac* [Aue 2011, с. 12]), что, как ни парадоксально, противоречит конвенциональной структуре средневекового культурного сценария.

Пропозиция с элементами оценочной модальности (*dô tete der arme Heinrich leider niender alsô* [Aue 2011, с. 12]) одновременно

¹ Ср. в переводе Льва Гинзбурга:

Он, погрузясь в кромешный мрак,
поник, осунулся, обмяк,
забилося сердце глухо
за недостатком духа.

И стал его бессмыслен взгляд,
и мед преобразился в яд,
и тучей день затмился:
так тяжко он томился.

И свет в очах его померк,
он мир презрел и жизнь отверг,
прокляв без снисхождения час своего рожденья
[Ауэ Гартман фон].

выявляет и соответствующий эпохе идеал поведения, и эксплицирует неодобрение автором настроения Генриха.

По нашему предположению, отклонение в конвенциональной структуре сценария маркирует определенную установку культуры. Действительно, к концу XII в. представителю рыцарского сословия было недостаточно иметь только светские добродетели, ему надлежало быть примерным христианином.

В целом, для многих героев Гартмана фон Ауэ характерно преодоление какого-либо порока, ставшего избытком определенной добродетели. Генрих имел все в избытке [Aue 2011, с. 5–7], тогда как идеал куртуазной жизни – *diu maze* – состоял в умеренности, гармонии и равновесии. Результатом избытка земных благ стала гордыня, отсутствие упования на Бога, желание Генриха излечиться земными средствами [Aue 2011, с. 15–16].

Итак, испытания, которые проходит Генрих, направлены на стяжание смирения. На этом пути он осознает свою основную ошибку – желание снискать уважение и богатство «без Бога»:

...als alle werlttören tuont,
den daz rætet ir muot,
daz si ère unde guot
âne got mügen hân¹ [Aue 2011, с. 26].

Генрих становится на путь Иова (возвращение к конвенциональной структуре культурного сценария) и, неслучайно, повторяет основную мысль библейского сюжета о том, что все дается Богом [Aue 2011, с. 26]². Апофеозом его испытаний становится благодушный (!) отказ от исцеления ради спасения жизни невинной жертвы (*der arme Heinrich*

¹ Ср. в переводе Льва Гинзбурга:

Так я, глупейший из глупцов,
вообразил в конце концов,
что обойдусь без Бога,
имеючи столь много... [Ауэ Гартман фон].

² Ср. в переводе Льва Гинзбурга:

Но позабыл я лишь одно:
всё это Богом мне дано,
а то, что Им дается,
то и назад берется [Ауэ Гартман фон].

ez emphienc / tugentlichen unde wol [Aue 2011, с. 81]). Только теперь Генрих становится образцовым рыцарем (*ein vrumer ritter*) [Aue 2011, с. 81]:

daz begunde er allez kēren
stæteclichen hin ze gotē
und warte sīnem gebote
baz dan er ê tæte¹ [Aue 2011, с. 85].

Неслучайно, в заключительной части поэмы восстанавливается пост-событие, соответствующее конвенциональной структуре культурного сценария: Бог исцеляет Генриха (*machete in da zestunt / reine unde wol gesunt* [Aue 2011, с. 83]) и дарует ему еще большее богатство и почет, чем прежде (*er war rīcher vil dan ê / des guotes und der êren* [Aue 2011, с. 85]).

Итак, ключевые моменты нарратива (обнаружение порока, осознание вины, исправление и исцеление) маркируют вербальные манифестации библейского культурного сценария ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ:

in ergreif diu miselsuht; Jôbe, dem edeln und dem rīchen; Jôbes geduldigkeit; Jôb der guote; mit geduldigem muote; des lobete er got; er sī versuochte ...sam Jôben den rīchen; machete in ...reine unde wol gesunt; alsus bezzerte sich (der guote herre Heinrich); er war rīcher vil dan ê; warte sīnem gebote baz dan er ê tæte.

В основе творческой работы автора с конвенциональной структурой культурного сценария (его трансформации с последующим восстановлением) – установка средневековой рыцарской культуры, предписывающая представителю данного сословия быть добродетельным христианином, идеал которого воплощал ветхозаветный праведник Иов – символ набожности, праведности, терпеливого перенесения страданий и упования на Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ауэ Гартман фон. Бедный Генрих / пер. Л. Гинзбурга URL : facetia.ru/node/1317.

Библия. Русский Синодальный перевод. URL : www.bibleonline.ru/bible/rus/

¹ Ср. в переводе Льва Гинзбурга: «Но жить он стал иначе: достойней, чище, строже, в согласье с волей Божьей» [Ауэ Гартман фон].

- Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с.
- Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Карпенко Е. И. Имя и событие // События в коммуникации и когнитии. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 96–104. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 7 (746). Сер. Языкознание).
- Карпенко Е. И. Символизация библейских имен и установки культуры // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М. Л. Ковшова. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 262–264.
- Карпенко Е. И. Варьирование концептуальной структуры библейского сюжета в религиозной драме XVI века // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 3. URL : www.tverlingua.ru
- Карпенко Е. И. Почему беда не приходит одна: размышление об одном архетипическом представлении // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород : ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 2013. С. 180–185. (Сборник научных трудов по итогам III Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г.).
- Карпенко Е. И. «Плохая новость» для теологии и литературы? («Иов Многострадальный» в немецком языке и в немецкоязычной художественной литературе) // Проблемы взаимодействия языка и религии. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2012. С. 85–89. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 4 (637). Сер. Языкознание).
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. 2-е изд. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 456 с.
- Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 46. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 48–57.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 243 с.
- Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки / отв. ред. И. Ф. Муриан. М. : Наука, 1973. С. 16–22.
- Опарина Е. О. Установка культуры и диапазон метафоризации. К вопросу о мотивах образной концептуализации // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 53–59.

- Пименова М. В. Коды культуры и типы концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 11. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2013. С. 121–130.
- Рахманова Н. И. Фразеология в контексте средневековой этики // Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста / сб. науч. тр. М. : МГЛУ. Вып. 465. 2002. С. 116–127.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Шалина И. В. Культурный сценарий «жизнь в деревенской семье»: из опыта лингвокультурологической интерпретации // Вестник Томского государственного университета. № 320. Март, 2009. С. 31–37.
- Энциклопедия Библейская. М.: Локид-Пресс, 2002. 768 с.
- Aue Hartmann von. Der arme Heinrich. Mittelhochdeutsch. Neuhochdeutsch. Stuttgart : Reclam, 2011. 136 S.
- Longarce R. E. Interpreting Biblical stories // Discourse and Literature / ed. by Teun A. van Dijk. Vol. 3. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 169–181.
- Luther-Bibel von 1984: Das Bibelportal der Deutschen Bibelgesellschaft. URL : www.bibelwissenschaft.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/lesen-im-bibeltext/

УДК 81'1

С. К. Куприянова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ);
e-mail ksaglr@yandex.ru

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО И КАЛМЫЦКОГО
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(на материале русских и калмыцких паремий)**

Статья посвящена изучению универсальных и национально-специфических особенностей русского и калмыцкого коммуникативного поведения, отраженных в пословицах и поговорках исследуемых лингвокультур и проявляющихся в особенностях ведения диалога, использования РА, угрожающих позитивному / негативному лицу собеседника, коммуникативных тактик сближения / дистанцирования.

Ключевые слова: максимы кооперации Г. Грайса; максимы вежливости Дж. Лича; стратегии позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона; речевые акты, угрожающие потерей лица; паремия; речевой этикет; коммуникативное поведение; коллективистский / индивидуалистический тип культуры; культуры с высоким / низким уровнем избегания неопределенности.

S. K. Kupriyanova

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University (MSLU); e-mail: ksaglr@yandex.ru

**UNIVERSAL AND CULTURAL FEATURES OF RUSSIAN
AND KALMYK COMMUNICATIVE BEHAVIOR
(an Analysis of Russian and Kalmyk Proverbs and Sayings)**

The article aims to reveal universal and cultural characteristics of Russian and Kalmyk communicative behaviour by analyzing proverbs and sayings of the given linguocultures and by focusing on the specific ways of maintaining dialogue, the use of face threatening acts (FTA), and communicative tactics of minimizing or maximizing distance between communicants.

Key words: G. Grice's maxims; G. Leech's maxims; positive and negative politeness strategies; face threatening acts (FTA); proverbs and sayings; speech etiquette; communicative behaviour; collectivistic / individualistic type of culture; cultures with high / low Uncertainty avoidance index.

Коммуникативное поведение как один из важнейших видов человеческой деятельности стало предметом научного анализа только

в последние десятилетия XX в. Одним из важнейших результатов исследования речевой коммуникации стали работы Г. Грайса, Дж. Лича, П. Браун и С. Левинсона, благодаря которым начался новый этап познания механизма межличностной коммуникации.

Цель статьи заключается в том, чтобы установить универсальные и национально-специфические особенности русского и калмыцкого коммуникативного поведения, нашедшие отражение в соответствующих паремиях, в их соотношении с принципами речевого поведения, установленными в лингвопрагматике.

Приступая к рассмотрению принципов лингвопрагматики в русских и калмыцких паремиях необходимо пояснить, что русская и калмыцкая культуры относятся к разным типам культур, что определяет тип коммуникативного поведения. Русская культура относится к коллективистскому типу: говорящим свойственно проявлять эмоции, вмешиваться в дела других, давать советы; барьеры между незнакомыми людьми преодолеваются быстро; социальная, возрастная, профессиональная дистанция не всегда принимается во внимание [Прохоров 2007, с. 181; Ларина 2009, с. 150; Райтмар 2003, с. 85].

Калмыцкую культуру можно охарактеризовать как коллективистическую с элементами индивидуализма. Калмыцкому коммуникативному поведению свойственны сдержанность в проявлении эмоций, осторожное обращение со словом, позиция невмешательства в дела других, наличие границ и дистанции между коммуникантами, несоблюдение которых осуждается обществом. Такое индивидуалистическое поведение подчиняется строгим правилам коллектива [Минаев URL: www.nutug.ru/kulitura].

Русская и калмыцкая культуры различаются также по критерию Г. Хофстеде, который выделил культуры с высоким и низким уровнем избегания неопределенности, т. е. культуры с разным уровнем готовности культуры к риску [Хофстеде 2014, с. 18]. По Г. Хофстеде, калмыцкую культуру можно отнести к культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, в которых ценятся традиции и устои, следование установленным правилам поведения. Напротив, русскую культуру можно отнести к культурам с низким показателем избегания неопределенности, что характеризуется проявлением личной инициативы, приемлемостью риска, восприятием изменений и новых идей, принятием иных точек зрения.

Рассматривая различные теории речевого общения, необходимо обратиться к одному из основных постулатов лингвопрагматики – принципу кооперации Г. Грайса, сформулировавшему максимы количества, качества, релевантности и манеры [Грайс 1985, с. 222–223]. Лингвисты неоднократно поднимали вопрос о степени универсальности этих максим для различных типов коммуникации и различных лингвокультур. Наши данные свидетельствуют о сходстве в реализации принципа кооперации в русскоязычной и калмыцкой культурах.

Так, в паремиях предлагаются схожие рекомендации относительно количества информации, которую следует сообщать собеседнику (12 паремий в калмыцком языке, 22 – в русском). Любопытно, что все они отклоняются от максимы количества Грайса в сторону недосказанности, утаивания части информации: паремии призывают к осторожному отношению к слову как к потенциальному источнику опасности. На это обстоятельство указывал Ю. В. Рождественский: фольклорные правила речевого этикета рекомендуют принимать любую речь и отдавать слушанию предпочтение перед любым действием, включая говорение [Рождественский 1979, с. 22].

Так, калмыцкие паремии о речи рекомендуют говорящему сообщать минимум информации и быть осмотрительным в выборе слова и собеседника:

Үүлин батнь – шаглар, үгин батнь – кемжэнэ. – *Крепкий из швов – строчка, крепкое из слов – не знаю* [Тодаева 2007, с. 269];

Ухан угад үг келсн йорал уга савд ус кесн эдл. – *Глупому говорить слово, что в бездонную посуду лить воду* [Тодаева 2007, с. 224];

Шуурдг уга хожулд сүкэн битгэ бар, сурһмж уга күүнд битгэ бар. – *Не ломай топор, возясь с крепким бревном, не трать зря слов, имея дело с невоспитанным человеком* [Тодаева 2007, с. 323];

Нуувран гергндэн бичэ кел. – *Свои тайны не раскрывай жене* [Тодаева 2007, с. 558].

В русской лингвокультуре существуют похожие паремии:

Больше думай, меньше говори [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 25].

Больше знай, да меньше бай, а то язык отрежут [Зимин 2012, с. 366].

Больше слушай, меньше говори [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 5].

Ешь больше, а говори меньше! Ешь калачи, да поменьше лепечи!
Меньше говорить – меньше греха [Даль 2003, с. 278].

Меньше говори – больше услышишь [Зимин 2012, с. 376].

Язык до добра не доведет [Даль 2003, с. 279].

В пословицах и поговорках изучаемых лингвокультур широко представлена **максима качества Г. Грайса** (114 русских паремий, 100 – калмыцких). Как русские, так и калмыки не приемлют ложь и клевету в общении. Такое неодобрительное отношение видим в русских паремиях:

Кто врет, того бы под гнет [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 147].

Кто лжет, тот и крадет; Кто лукавит, того черт задавит [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 149].

Кто не врет, тот спокойно живет [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 151].

В калмыцкой лингвокультуре сказать ложь значит опозорить себя:

Үнэн чилэхэр, үкрэн чилэ.

Чем лишиться правды, лучше лишиться коров.

Үнэн келснд үкл уга.

Говорящему правду нет смерти.

Үннэр йовхла үкр тергэр туула күцнэ.

Кто живет по правде, честно, тот и на бычьей телеге догонит зайца [Тодаева 2007, с. 405].

Үннинь келхлэ үксн моһа һүрвкнэ.

Если говорить правду, то даже убитая змея может зашевелиться.
[Тодаева 2007, с. 406].

Максима способа Г. Грайса также отражена в паремиях исследуемых лингвокультур (11 русских паремий, 30 калмыцких). Относительная немногочисленность русских паремий, соотносящихся с максимой способа, объясняется, по-видимому, тем, что в русской культуре краткость и молчаливость не считаются основной коммуникативной ценностью. Однако паремии, отражающие максиму способа Г. Грайса, присутствуют и в русском паремиологическом фонде:

Коротко да ясно, оттого и прекрасно; Короткую речь слушать хорошо, под долгую речь думать хорошо [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 141].

Умей сказать много в немногих словах [Зимин 2012, с. 376].

Хорошее вдвойне хорошо, когда оно коротко [Зимин 2012, с. 377].

Присущая калмыцкой лингвокультуре сдержанность и немногословность повлияла на более широкую представленность максимы способа Г. Грайса в калмыцких паремиях:

Хамр дотр хаһрха амн бээнэ гиж битгэ шальшад бэ. – *Не болтай на том основании, что под носом есть дырявый рот* [Тодаева 2007, с. 530].

Угин ахрнь сэн, дееснэ утнь сэн. – *В словах краткость хороша, а в веревке – длина* [Тодаева 2007, с. 269].

Максима отношения Г. Грайса (говори по существу, т. е. не отклоняйся от темы) найдена нами только в русской лингвокультуре (8 единиц):

Говорят про Фому, а он про Ерему [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 64].

Зачал за здоровье, а свел за упокой [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 106].

Начал смехами, кончил слезами; Начали гладью, а кончили гадью [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 204].

Максиму отношения Г. Грайса можно соотнести с правилами ведения беседы Ю. В. Рождественского, который выделил ряд паремий с указаниями на типичные ошибки в построении беседы: «Отвечает тогда, когда его не спрашивают» (указание на ошибку в порядке ведения беседы); «Дед говорит про курицу, а бабка про утку» (указание на ошибку в теме беседы); «Вы слушайте, а мы будем молчать» (указание на ошибку в умолчаниях); «Глухой слушает, как немой речь говорит» (указание на ошибку в избрании собеседника) [Рождественский 1979, с. 31]. Любая из указанных ошибок может привести к прекращению беседы.

Поскольку принцип кооперации Г. Грайса был разработан преимущественно применительно к дискурсу, нацеленному на обмен информацией, в обыденной речи, где говорящие ставят перед собой разнообразные коммуникативные цели, этот принцип часто нарушается. Это не удивительно, так как Г. Грайс был логиком, а не лингвистом-прагматиком.

Одним из первых исследователей, попытавшихся дополнить постулаты Г. Грайса правилами вежливости, была Р. Лакофф [Lakoff

1973]. Теория Р. Лакофф и постулаты Г. Грайса привлекли внимание Дж. Лича к тому, как реально проходит неподготовленное непринужденное общение, и выявили ограниченность положений Г. Грайса. Так, по мнению Дж. Лича, принцип кооперации Г. Грайса не может объяснить частоту использования в речи косвенных способов выражения смысла высказываний, и то, в каком отношении находятся значения высказываний и их импликатура [Leech 1983, с. 80].

Предположив, что нарушения постулатов принципа кооперации Г. Грайса происходят из-за желания говорящего быть вежливым по отношению к слушающему, Дж. Лич разрабатывает принцип вежливости («своди к минимуму выражение невежливых убеждений; своди к максимуму выражение вежливых убеждений [Leech 1983, с. 81]), включающий в себя максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech 1983, с. 132].

В исследуемых лингвокультурах максимы вежливости Дж. Лича представлены в поговорках, относящимся к разным речевым актам (далее – РА). Несмотря на то, что обе исследуемые культуры относятся к коллективистским, существенные различия в коммуникативном поведении двух народов наблюдаются в использовании **РА просьбы, совета, критики**; это те речевые акты, которые, в терминологии П. Браун и С. Левинсона, угрожают говорящим потерей лица. Такие черты русской культуры, как коллективизм, сердечность, искренность в общении смягчают директивный характер РА просьбы, совета и даже критики, поэтому эти РА поощряются в русской культуре: они интерпретируются не столько как вторжение в личное пространство собеседника, сколько как выражение заботы [Ларина 2009, с. 143].

Это находит отражение и в паремиологическом фонде, в частности, в поговорках, касающихся советов (13 поговорок в русской лингвокультуре, 4 – в калмыцкой); эти поговорки соотносятся с **максимой такта Дж. Лича**. В русских поговорках находим следующие рекомендации:

За спрос денег не берут; Попытка – не пытка (не шутка), а спрос не беда; Спрос не грех, отказ не беда [Даль 2003, с. 152].

Кто не слушает советов, тому нечем помочь [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 151].

Не послушался нас, так плачься на себя [Даль 2003, с. 444].

Совет дороже денег [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 290].

Русское речевое поведение характеризуется большей регулятивностью: каждый может вмешиваться в дела других, давать непрошенные советы, делать замечания и критиковать [Ларина 2009, с. 65].

В калмыцкой культуре, наоборот, просить чего-либо, советовать (особенно давать непрошенные советы), делать замечания и критиковать, особенно незнакомых людей, считается неуважением и вмешательством в чужую жизнь. Можно просить совета, но не давать его без спроса, нельзя отказывать другому в просьбе, но сама просьба осуждается:

“Ас” гиснэс “ав” гисн деер. – *Чем говорить «дай», лучше сказать «бери»* [Тодаева 2007, с. 344].

Сурхла му, сурсиг эс күцэсн – даву му. – *Просить плохо, но не удовлетворить просьбу еще хуже* [Тодаева 2007, с. 461].

Однако просить совет не возбраняется:

Бүгдэрн зөвчлвл гем уга, бүлэн усар унавл кир уга. – *Если все будут советоваться – не произойдет ошибки, если мыть теплой водой – не будет грязи* [Тодаева 2007, с. 294].

Максима одобрения Дж. Лича соотносится с **РА критики**. В русской культуре критика, как и совет, считается знаком проявления солидарности и заботы, поэтому замечания и критика воспринимаются с благодарностью (33 паремии):

Любишь мир, люби и критику; Кто не любит критики, тот не хочет исправляться [Большой сборник пословиц].

Лучше умного упрек, чем глупого похвала [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 168].

В калмыцкой лингвокультуре такое речевое поведение считается недопустимым (22 паремии):

Күүнэ эндү үзхлэрн эврэннь эндүһэн үзх кергтэ. – *Замечая чужие недостатки, надо видеть и свои* [Тодаева 2007, с. 561].

Медлһ уга күмн бусдыг келхд бахта, медлһтэ күмн бийэн кинхд чадмһта. – *Необразованный человек горазд осуждать других, образованный же отличается сдержанностью* [Тодаева 2007, с. 245].

Как видим из примеров, калмыцкое коммуникативное поведение характеризуется осторожностью и сдержанностью.

Максима скромности Дж. Лича нашла наибольшее количественное выражение в калмыцкой лингвокультуре – 95, в русской лингвокультуре – 40 паремий. В обеих культурах хвастовство своими талантами и достижениями для самоутверждения или самопрезентации считается нарушением речевого этикета:

Скромность всякому к лицу [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 286].

Кто хвалится, тот с горы свалится; Чем похвалишься (хвалился), тем и подавишься (подавился) [Даль 2003, с. 527].

Көр бардм – таг, көндэ зөрг – хоосн. – *Хвастовство и бахвальство абсолютно ни к чему, ложная храбрость совершенно напрасна* [Тодаева 2007, с. 514].

Ки бодл чееж дүүргнэ, көр бий бирна. – *Пустые думы грудь наполняют, хвастливые слова самого губят. Күүнэ мунь көр болдг, күлгин мунь жора болдг. – Худший из людей бывает хвастливым, худший из рысаков бывает иноходцем* [Тодаева 2007, с. 515].

Максима симпатии Дж. Лича, рекомендуемая выражение доброжелательности по отношению к собеседнику, отражена в 60 русских и 53 калмыцких паремиях. Как в русской, так и в калмыцкой лингвокультурах ценится доброжелательность и гостеприимство:

Не будь в людях приметлив, а будь дома приветлив [Даль 2003, с. 571].

От доброго слова язык не усохнет. По привету и собака бежит. Добрый привет и кошке люб [Даль 2003, с. 537].

Ласковое слово и кость ломит [Даль 2003, с. 284].

Калмыцкие паремии также говорят о ценности благожелательного отношения к людям:

Менд гидг үгтэ йов, мелмлзгсн сээхн седклтэ йов. – *Живи со словом привета, живи, проявляя великодушие* [Тодаева 2007, с. 236].

Увлин тенгр бората болдг, үүрсг күн гиичтэ болдг. – *Зимнее небо бывает снежным, а дружелюбный человек гостеприимным* [Тодаева 2007, с. 156].

Олнта сэн йоввл орн хоосн хоцрх уга. – *Если хорошо относиться к людям, страна не будет отсталой* [Тодаева 2007, с. 81].

Направленность русского речевого этикета на сохранение и заботу, прежде всего, собственного лица, а не лица слушающего, в отличие

от калмыцкого речевого этикета, определяет особенности отражения *максимы согласия Дж. Лича* в обеих культурах (20 русских и 17 калмыцких паремий). В русской культуре ценится умение доказать свою правоту; спор воспринимается как некое соревнование между собеседниками, допускается категоричное выражение несогласия, эмоциональность в ведении спора:

Без спорного слова не беседа [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 19].

Трудно быть вежливым в споре, когда ты прав [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 19].

Напротив, в калмыцкой культуре высоко ценится бесконфликтное и компромиссное общение:

Мергнлэ бичэ марһ, мөтрэлэ бичэ урлд. – *С мудрым не спорь, с конным не состязайся в беге* [Тодаева 2007, с. 251].

Эвдрлдхлэ – керүл, эвлхлэ – тосн. – *При раздоре и разногласии – ссора, при согласии и мире – благо* [Тодаева 2007, с. 552].

Максиму великодушия Дж. Лича можно назвать максимой «небрежения» собеседника. Фактически она предохраняет собеседников от доминирования в ходе речевого акта. Приводя максимы Лича, Н. И. Формановская указывает, что великодушный человек снисходителен к другим. Великодушие заключается и в том, чтобы облегчить собеседнику совершение неблагоприятных речевых действий типа отказа. Поскольку максима великодушия Дж. Лича выражается преимущественно в языковом оформлении (косвенные высказывания просьбы, выражение сомнения в возможности выполнении просьбы и т. п. [Формановская 2007, с. 102]), то в паремиях максима великодушия не может быть выражена в полной мере.

Понятие вежливости было положено в основу теории универсалий вежливости П. Браун и С. Левинсона, ключевыми понятиями которой являются *позитивное лицо (Positive Face)* – быть положительно оцененным окружающими и *негативное лицо (Negative Face)* – не испытывать препятствий в своих действиях [Brown, Levinson 1988, с. 18]. Под вежливостью авторы понимают умение коммуникантов правильно применять стратегии позитивной или негативной вежливости для того, чтобы все участники коммуникации могли сохранить лицо в процессе коммуникации.

В русской коммуникации такое равновесие не всегда легко достижимо, поскольку собеседники нередко стремятся к улучшению своего позитивного лица даже в ущерб лицу собеседника. На это указывает Н. Н. Германова, отметившая, что русский этикет ориентирован на сохранение позитивного лица, даже в ущерб негативному, причем говорящий озабочен, прежде всего, сохранением своего лица, нежели лица собеседника [Германова 1993, с. 31]. О русской культуре как о культуре с минимальной зоной личной автономии, следствием чего является вмешательство в личную сферу собеседников, писали в своих работах Т. В. Ларина, Р. Райтмар, В. А. Сергеева, В. В. Пикалова и др. [Ларина 2009; Райтмар 2003; Сергеева 2006; Пикалова 2005].

Большинство стратегий позитивной и негативной вежливости касаются языкового оформления высказываний, поэтому не все стратегии могут быть отражены в паремиях. Отметим те паремии, которые соотносятся со стратегиями позитивной и негативной вежливости, и не были затронуты ранее в описании максим вежливости Дж. Лича.

Оценка использования *шутки* как стратегии позитивной вежливости (20 калмыцких паремий, 23 русских паремий о шутке) в русских паремиях совпадает с позицией П. Браун и С. Левинсона, которые считают, что шутка используется для того, чтобы подчеркнуть общие знания или разделяемые ценности и тем самым создает непринужденную обстановку для собеседника [Brown, Levinson 1988, с. 130]:

За шутку не сердись, а в обиду не давайся [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 103].

Кто шутки любит, того все любят [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 154].

Но в то же время в русских паремиях находим и совершенно противоположные советы:

Шутка в добро не введет [Русские пословицы и поговорки 1988, с. 333].

Нет лучше шутки, как над собою [Даль 2003, с. 631].

Умей пошутить, умей и перестать [Даль 2003, с. 633].

В калмыцком речевом поведении, ориентированном преимущественно на сохранение лица собеседника, к шутке и подшучиванию относятся неодобительно:

Шог үг шорла эдл. – *Язвительная шутка подобна уколу итыком.*

Шог үг хурц шорин чингэ. – *Ироничное язвительное слово, что остроконечный штык* [Тодаева 2007, с. 555].

Наадна үг төрт харш, төмр чөдр келд харш. – *Шутки-забавы – делу помеха, железные пути – ногам помеха* [Тодаева 2007, с. 557].

Определенное расхождение правил калмыцкого речевого этикета и установленных П. Браун и С. Левинсоном универсалий вежливости наблюдается также в случае употребления обращений ты / Вы. Согласно установленным ими стратегиям позитивной вежливости, обращение на «ты» не обязательно свидетельствует о недостаточном уважении: оно может указывать на общность интересов, появление чувства солидарности [Brown, Levinson 1988; с. 104] и, следовательно, приводить к устранению коммуникативных барьеров. В калмыцком обществе, напротив, существует строгое соблюдение правил уважения и почитания младшими старших людей. Среди калмыков в знак уважения принято обращаться к людям пожилого и старшего возраста на «та» («вы»). В беседе инициатива и право задавать вопросы всегда принадлежит старшим: *ахнь келдг, дунь соңсдг* (старший брат говорит, младший слушается) [Тодаева 2007, с. 58].

Надо отметить, что большая часть стратегий позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона (выражайтесь косвенно; предоставляйте слушающему возможность не совершать действие, к которому его побуждают; выражайте симпатию, понимание; будьте оптимистом; демонстрируйте подчеркнутый интерес к слушающему) касается, прежде всего, языкового оформления высказываний (использование неопределенно-личных предложений, пассива, модальных конструкций, вводных слов и т. п.) и потому не может быть отражена в полной мере в поговорках. Однако нетрудно заметить, что общая направленность поговорок в калмыцкой лингвокультуре сводится к уменьшению импозиции на собеседника.

Подводя итоги, следует сказать, что в русских и калмыцких поговорках сходным образом отражены максимы принципа кооперации Г. Грайса; совпадает даже тенденция к отклонению от максимы количества в пользу умолчания и сокрытия информации. При этом большое число поговорок, соотносящихся с максимой качества, подчеркивает общечеловеческую ценность правды в коммуникативном поведении каждого народа.

Максимы принципа вежливости Дж. Лича, напротив, нашли неодинаковое выражение в исследуемых поговорках. Так, максима

скромности Дж. Лича более широко представлена в калмыцкой лингвокультуре (95 примеров), чем в русской (40 примеров), что, по нашему мнению, указывает на национально-специфическую особенность калмыцкого коммуникативного поведения – скромность и невмешательство в дела собеседника.

Для калмыцкого коммуникативного поведения характерна большая дистанция между собеседниками, что приводит к различиям в отражении в паремиях максимы такта Дж. Лича: в калмыцкой культуре просьба не одобряется (просить можно только совета), в русской культуре, отличающейся меньшей дистанцией между говорящими, отношение к просьбам совершенно иное: можно и просить, и давать советы.

Характер представления в русских паремиях максимы одобрения Дж. Лича отражает позитивное отношение русского народа к критике, которую принимают с благодарностью, в отличие от калмыцкой культуры, где к критике относятся как к акту вмешательства. В обеих культурах не одобряется похвальба (максима скромности Дж. Лича), а коллективистский характер обеих культур выражается в подчеркивании общечеловеческой ценности доброжелательного отношения к людям (максима симпатии Дж. Лича).

В результате изучения калмыцких и русских паремий о речи можно сказать, что калмыцкое коммуникативное поведение характеризуется большей сдержанностью в общении, сохранением дистанции между коммуникантами (особенно между незнакомыми), сохранением позитивного лица слушающего, иногда в ущерб собственному. Русское коммуникативное поведение, наоборот, в силу меньшей дистанции между коммуникантами ориентировано, прежде всего, на сохранение позитивного лица говорящего иногда в ущерб слушающему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой сборник пословиц. URL : posloviz.ru/
Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М. : Прогресс, 1985. С. 21–237.
Германова Н. Н. Коммуникативные стратегии комплимента и проблемы типологии речевых этикетов // Сборник научных трудов МГЛУ. Язык и модель мира. 1993. Вып. 416. С. 27–39.
Даль В. И. Пословицы русского народа М. : Издательство АСТРЕЛЬ ; Издательство АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2003. 736 с.

- Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-Пресс, 2012. 729 с.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Минаев С. Национальный характер калмыков // NUTUG.ru. [Электронный ресурс]. URL : www.nutug.ru/kulitura/minaev7.htm
- Пикалова В. В. Этнокультурные нормы речевого поведения в паремиологических единицах английской и русской лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
- Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение. 3-е изд., испр. М. : Флинта Наука, 2007. 328 с.
- Райтмар Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М. : Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
- Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М. : Высшая школа, 1979. 224 с.
- Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. М. : Художественная литература, 1988. 431 с.
- Сергеева А. В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., испр. М. : Флинта Наука, 2006. 320 с.
- Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста : ЗАО НПП « Джангар », 2007. 839 с.
- Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007. 480 с.
- Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
- Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 345 p.
- Lakoff R. T. The Logic of Politeness or Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. New York : Longman Group Limited, 1983. 250 p.

УДК 811.11

А. И. Маковеева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: alinamakoveyeva@gmail.com

ПРОБЛЕМА ФОРМАТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Данная статья посвящена проблеме социального познания и его форматирования в лингвистике и смежных с ней областях. В частности, рассматриваются такие структуры, как культурные модели, идеализированные когнитивные модели и ряд других ментальных конструктов, используемых лингвистами для анализа социально значимых явлений языка. Особое внимание уделяется понятию стереотипа и современным методам его исследования в рамках различных подходов.

Ключевые слова: социальное познание; структуры стереотипных знаний; стереотипизация; стереотип; ассоциативный эксперимент; контент-анализ.

A. I. Makoveyeva

Ph.D. Student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: alinamakoveyeva@gmail.com

ON FORMATTING SOCIAL KNOWLEDGE IN LINGUISTIC STUDIES

The article focuses on social cognition and structures of social knowledge, such as context models, idealized cognitive models (ICM), cultural scripts and stereotype, which are used by linguists to analyze socially relevant language phenomena. Special emphasis is placed on the concept of social stereotype and on various approaches to its research.

Key words: social cognition; cognitive structures; stereotyping; stereotype; association experiment; content analysis.

Интерес к социальной обусловленности познания отражается во многих науках. Термин *социальная когниция* встречается в разных гуманитарных областях знания, таких как философия, антропология, психология, лингвистика.

По М. Веберу, в качестве предмета социального познания выступает индивидуальная действительность, интерпретируемая с точки зрения культуры, а характерной чертой социального познания является единство социальных законов, с одной стороны, и намерений, интересов и целей человека – с другой [Вебер 1990].

Важно отметить и связь социального познания с ценностями и мировоззрением. В гуманитарных науках ценности входят в само содержание знания. Ценностные ориентации помогают разграничивать существенное для человека и второстепенное, определяют его мотивацию. Социализация личности предполагает усвоение принятой в данном социуме системы знаний.

Исследования, посвященные форматированию социального знания, проводились Т. ван Дейком [Dijk, Kihntsh 1983], Дж. Лакоффом [Lakoff 1987], У. Квастгоф [Quasthoff 1989], А. Вежбицкой [Вежбицкая 2002], Е. Бартминьским [Бартминьский 2005], и др. Учеными были предложены такие структуры, как ситуативные модели, идеализированные когнитивные модели (далее – ИКМ), культурные скрипты, стереотипы, культурные модели.

Все перечисленные конструкторы связаны с системой ценностей той или иной культуры, разделяются большинством ее представителей и возникают в результате повторяющегося социального опыта, однако в лингвистике они исследуются применительно к разным языковым явлениям и типам текста (дискурса). Так, Дж. Лакофф изучает культурные модели на материале отдельных метафорических выражений, а Н. Куинн исследует их, анализируя тексты устных интервью [Lakoff 1987; Quinn 1987]. Т. ван Дейк, обращаясь к проблеме структурирования коммуникативных событий, вводит понятие ситуационной модели и изучает их в контексте проявления расизма в дискурсе школьных учебников, выпусков новостей, интервью [Dijk, Kihntsh 1983, с.169].

Одним из понятий, которое всё чаще употребляется в современной лингвистике для описания социальных аспектов построения значений, является понятие *культурной модели*. Данный термин впервые появился в когнитивной антропологии в рамках теории схем, которая представляет культурное (фактически, социальное) познание как систему взаимодействующих систем координат, как когнитивную структуру, интерпретирующую окружающий мир. Схема связывает культуру и психику людей в процессе их социализации и влияет на их действия [D'Andrade 1989].

В рамках антропологической парадигмы выделяют разные классификации культурных моделей в зависимости от целей, степени выраженности или обобщенности, способа актуализации: эксплицитные и имплицитные, частные и общие, языковые и неязыковые модели [Shore 1998].

Данный термин стал применяться лингвистами в силу того, что культурные модели проявляются не только в поведении, традициях и артефактах культуры, но и реализуются в языке. Особое внимание уделяется тому, каким образом эти модели воспроизводятся в дискурсе. Так, Н. Куинн, проанализировав отрывки интервью супружеских пар о браке, определила, что культурная модель MARRIAGE реализуется в виде повторяющихся в тексте метафор (*Marriage is a manufactured product / an ongoing journey / a durable bond / an investment*) и пропозиций (*marriage is enduring / errorful / difficult / mutually beneficial*) [Quinn 1987, с. 179].

Подобным образом А. Вежицкая вводит понятие культурного скрипта. Исследователь отмечает, что культурные скрипты представляют собой общепринятые в культуре и отражающиеся в языке мнения «о том, что хорошо и что плохо, что можно, что нельзя» [Вежицкая 2002, с. 6]. В отличие от других конструкторов социального познания, в лингвокультурных скриптах главным параметром является оценочная составляющая. Отметим, что в работах А. Вежицкой акцент делается на нормах поведения (в том числе, речевого) представителей какой-либо культуры в определенных коммуникативных ситуациях, а скрипт структурируется в виде набора семантических примитивов – базовых концептов, универсальных для всех культур. Различие между культурами исследователь видит в разнообразии конфигураций этих концептов в составе скриптов.

В рамках когнитивной лингвистики также была предложена теория идеализированных когнитивных моделей (далее – ИКМ). Дж. Лакофф вводит понятие ИКМ, которая представляет собой гештальт, комплексное целое, структурированное на основе следующих принципов: пропозиционной и образно-схематической структур, метафорическом и метонимическом отображении. Соответственно Дж. Лакофф выделяет нескольких видов ИКМ (пропозициональные и образно-схематические, метонимические и метафорические), которые могут иметь радиальную (включать в себя множество моделей) или иерархическую структуру [Lakoff 1987]. Когнитолог подчеркивает, что ИКМ не всегда точно репрезентируют действительность. В зависимости от контекста, некоторые свойства объектов, несущественные в данной ситуации, могут не учитываться.

Хорошо известен пример Дж. Тейлора, который рассматривает ИКМ для слов *jogging* и *running*. Он отмечает, что *jogging*

ассоциируется со здоровым образом жизни, физическими нагрузками для поддержания формы представителями среднего класса. В данном случае исключается ряд параметров, допустимых для *run*: в качестве субъекта, совершающего действие, не может выступать ребенок, животное и т. д., слово не может указывать на целенаправленное действие (*jog to catch a bus*) или использоваться в контексте соревнования [Taylor 1996, с. 25–27].

В отличие от ИКМ, культурных моделей и лингвокультурных скриптов, являющихся обобщенными представлениями об окружающих объектах и их свойствах, ситуационные модели являются репрезентациями целых ситуаций с учетом контекста, в том числе коммуникативного. Под ситуационными моделями Т. ван Дейка понимают особый вид структурной организации знания в памяти человека, а именно, когнитивные репрезентации ситуаций, находящиеся в эпизодической памяти и представленные в дискурсе [Дейк 1989, с.103]. Носители языка описывают ситуации при помощи текстов и составляющих их предложений. Синтаксические структуры связаны с коммуникативными актами, состоящими из функциональных категорий, которые, в свою очередь, отражают строение моделей действительности – предиката, обычно выраженного глаголом, и аргументов.

Ситуационные модели включают в себя как общее (разделяемое в обществе и культуре), так и уникальное (основанное на личном опыте) знание человека относительно реальной ситуации. Данным конструктам присущи фрагментарность и неполнота в силу того, что человек не может обладать всеми знаниями об окружающем его мире, а также разная степень обобщенности. Так, например, сложное действие «путешествие» может быть представлено одним предложением, а в действительности оно включает в себя сложную последовательность событий и действий [Дейк 1989, с. 79].

Следовательно, когнитивные модели социально обусловлены и одновременно субъективны, так как каждый человек интерпретирует реальные события с различных точек зрения, с различными целями и разными способами. Одни и те же действия могут быть оценены по-разному в зависимости от социального контекста и установок и мнений говорящего: например, передача предмета от одного лица другому может стать «подарком» или «делкой» [Дейк 1989, с. 82].

Фактически все упомянутые выше структуры, а именно: культурные модели, скрипты, ИКМ и ситуационные модели, являются структурами знаний, разделяемыми членами социума в долговременном режиме и представляющими фрагмент опыта обобщенно и в сокращенном виде. Соответственно, в основе их формирования лежат когнитивные процессы стереотипизации. Под стереотипизацией мы понимаем процесс структурирования совокупного опыта людей, в ходе которого образуются разделяемые членами общества когнитивные модели, репрезентирующие в компрессированном, усеченном виде социально значимые объекты (людей, события, предметы, явления), и которые, как правило, содержат их оценку.

Процесс стереотипизации является предметом изучения многих дисциплин: социологии, психологии, антропологии, лингвистики и др. В рамках каждой из них рассматриваются разные виды стереотипов: социальные, этнические, гендерные и иные стереотипы. При этом они не образуют единой классификации, и один и тот же феномен может быть рассмотрен как культурный, лингвистический и социальный. Так, в когнитивной лингвистике в рамках теории категоризации Дж. Лакофф рассматривает социальный стереотип как случай метонимии, в ходе которой подкатегория становится представителем категории в целом, что упрощает вынесение суждений о явлениях и людях [Lakoff 1987]. В том или ином обществе существует некий набор стереотипов, репрезентирующих социально значимые категории. Так, в силу существующих культурных ожиданий, мать-домохозяйка будет считаться лучшим примером категории матери вообще. Таким образом, в когнитивной лингвистике стереотип может одновременно рассматриваться как явление когнитивное, лингвистическое и социальное.

Отметим, что впервые термин социального стереотипа был введен У. Липпманом [Липпман 2004]. Он определяет стереотип как упрощенное, схематичное представление человека о том или ином понятии, не вытекающее из его собственного опыта. Исследователь подчеркивает, что стереотипы, с одной стороны, служат для экономии усилий в ходе познания мира, а с другой – передают широко разделяемую общественную позицию. Среди особенностей стереотипов У. Липпман называет спонтанность возникновения, влияние на формирование традиций, упрощенное и необъективное представление реальности, оценочность.

Исследователь отмечает также, что стереотипы находят выражение в языке: произнесенные слова и другие внешние стимулы могут активировать часть системы стереотипов, в результате чего новые впечатления проявляются в сознании одновременно с уже сложившимся мнением [Липпман 2004].

Непосредственно к взаимосвязи понятия стереотипа и языка первым обратился философ Х. Патнэм. Он различал обыденную и научную (экспертную) трактовку стереотипа. В обыденном употреблении стереотип понимается как «общепринятое (часто предумышленное) представление о том, на что похож, чем является и как ведет себя X» [Патнэм 1999, с. 207]. Предложив понятие «лингвистическое обязательство» (*linguistic obligation*), ученый расширил данный термин. Он утверждал, что в определенном языковом коллективе существуют некоторые общепринятые представления (стереотипы) о том или ином явлении и предмете. Однако внутри языкового коллектива происходит «разделение труда». Это означает, что «специалисты» (эксперты) обладают расширенным знанием о понятии, знают научные критерии определения значения слова, в то время как остальные члены языкового коллектива пользуются минимальной информацией, включающей стереотип слова, достаточной для его понимания и употребления в речи.

В лингвистике явление стереотипа рассматривает Е. Бартминьский. Он отмечает, что стереотипы присутствуют во всем лексиконе языка и могут быть выражены не только в простых концептах или элементарных стереотипных суждениях, например, *собаки кусаются*, но и в виде сложных стереотипных представлений о комплексе событий. Стереотипные суждения являются неосознанным приписыванием каких-либо свойств всем представителям класса, «неточной субъективной генерализацией» [Бартминьский 2005, с. 162]. Этот автор выделял несколько разновидностей стереотипов: стереотипы-образы (стереотипы «типичных» представителей класса) и стереотипы-образцы (стереотипы «идеальных» представителей класса), стереотипы-примеры (выражения категории, известные носителям языка), стереотипы-эксцессы (конкретные примеры, например, в литературе) [Бартминьский 2005, с. 166].

Ссылаясь на тесную связь вербального выражения социального стереотипа и текста, немецкая исследовательница У. Квастгоф расширяет

определение социального стереотипа. Она описывает его не только как феномен уровня языковой реализации, но и как когнитивную структуру, которая отражает знания о мире, характерные для рассматриваемой культуры, и которая может не обладать при этом фиксированной языковой формой и выражаться имплицитно [Quasthoff 1989].

Следуя идеям У. Квастгоф, В. З. Демьянков отмечает оценочную оппозиционность стереотипов, которые выстраиваются на основе дихотомий «положительное / отрицательное», «правильное / неправильное», «должное / недолжное» и пр. Внимание исследователя направлено прежде всего на те стереотипы, которые существуют по отношению к различным социальным группам. Таким образом, стереотип выступает как мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 177–179].

Отдельным направлением в изучении стереотипов в лингвистике являются психолингвистические исследования, в которых моделирование стереотипов осуществляется методом ассоциативного эксперимента. Так, представители Московской психолингвистической школы Ю. Н. Караулов, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др. исследуют ассоциативно-вербальные сети, отражающие в том числе стереотипные знания той или иной культуры [Ушакова 2004, с. 6]. На основе данных ассоциативных экспериментов моделируются так называемые образы языкового сознания, определяемые как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей и ассоциативных тезаурусов как совокупности этих полей» [Тарасов 2000, с. 24]. Метод ассоциативного эксперимента позволяет составить языковой тезаурус носителя языка, который, в свою очередь, представляет языковое сознание индивида. При этом выделяется «ядро» сознания, ориентирующее носителя языка в окружающей действительности на протяжении жизни.

Данный подход позволяет структурировать совокупные стереотипные знания в том или ином обществе, однако в большинстве случаев не учитывает индивидуальную вариативность и механизмы ее формирования.

Среди ограничений подхода важно отметить и то, что, как полагают некоторые ученые, ассоциативный эксперимент позволяет

рассмотреть лишь ранее выработанные межсловесные отношения, не принимая во внимание проявления «языкового сознания», связанные с динамическими процессами в словесных структурах, с включением грамматических стереотипов, с интенциями коммуникантов [Ушакова 2004, с. 7–9].

Проблема форматирования стереотипных знаний решается также в лингвистической концептологии, в рамках которой данная структура исследуется, главным образом, применительно к семантике отдельных слов или лексических подсистем. Значение рассматривается здесь как часть концепта, «называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта» [Стернин, Попова 2007, с. 65]. Стереотипы сознания задаются культурой и наряду с концептосферой образуют картину мира индивида [там же, с. 37].

В. И. Карасик указывает на то, что лингвокультурный концепт включает в себя три составляющих: понятийную, образную и ценностную [Карасик 2002]. В качестве ценностного элемента выступают стереотипные и прототипические конструкты (например: «шотландцам свойственна жадность»; «иномарка – признак богатства»), позволяющие включить концепт в общий культурный контекст [Слышкин 2004, с. 31].

Сходным со стереотипом является и понятие лингвокультурного типажа, также введенное В. И. Карасиком. Это «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2009, с. 179]. Так, типаж «чудака» – образ человека, поведение которого отличается забавными странностями, который занимается каким-либо специфическим делом и не причиняет никому неудобств. Терпимость к «чудакам» является существенной характеристикой английской ментальности, отражающей определенные нормы поведения в данной культуре, необходимые для успешной коммуникации [Карасик 2009, с. 251–252]. Лингвокультурный типаж отражает стереотипные представления о личности, однако является менее устойчивым.

В современной лингвистике стереотип становится не только инструментом описания семантики слов и их классов, но и средством анализа дискурса. Так, понятие стереотипа рассматривается в рамках

теории критического анализа дискурса, в котором подчеркивается необходимость интеграции когнитивного и социодискурсивного подходов. В частности, Р. Водак, анализируя «социальные практики» и стратегии коммуникативного поведения в ходе восприятия и понимания новостей, установила, что информация запоминалась избирательно, а в пересказе новостей и комментариях участников всегда отражались личный опыт и собственное видение их дальнейшего развития. Пересказ зависел как от фоновых знаний, так и моделей отображения стереотипных ситуаций, существующих в сознании говорящих [Wodak 1996].

В качестве еще одного примера исследований стереотипов в дискурсе приведем работу А. А. Клиновской, посвященную актуализации общественных стереотипов в журнальном дискурсе немецкого языка [Клиновская 2007]. В работе выделяются и систематизируются как вербальные средства актуализации стереотипов разных уровней, так и невербальные (фотографии, графики, схемы и др.). Основой систематизации данных единиц служит теория функционального поля А. В. Бондарко [Бондарко 2005]. В качестве ядра А. А. Клиновская выделяет антропонимы, не содержащие оценки; к ближайшей периферии относятся отдельные оценочные и эмотивные номинации социальных групп. Дальнейшую периферию составляют предложения, дающие оценочную характеристику социальной группе через метафоры, указывающие на действия социальной группы, или невербальные средства актуализации стереотипа [Клиновская 2007].

В целом, как показал анализ литературы, структуры социального знания изучаются в лингвистике с применением разных методов. Выше мы отметили такие методы, как когнитивное моделирование, компонентный анализ лингвокультурных концептов, ассоциативного эксперимента, критический анализ дискурса.

Помимо перечисленных методов, в целях реконструкции стереотипов из массивов текстов используется метод контент-анализа. Для иллюстрации приведем исследование Т. И. Снеговой, в котором изучается стереотипный образ юриста у носителей русского языка. В качестве единиц анализа выступают отдельные словоформы и словосочетания (*юрист, судья, прокурор* и пр.), выделенные методом сплошной выборки, при этом обозначения объектов и их свойств разделены на негативные, нейтральные и положительные. В исследовании определяется

частотность употребления анализируемых единиц и делается вывод об их стереотипности, исходя из того, что показателем их стереотипности является процентное соотношение случаев употребления трех наиболее частотных слов к общему числу словоупотреблений [Снегова 2005].

В целом, преимущество контент-анализа видится в возможности обрабатывать большое количество текстов, а также в строгом алгоритме проведения процедуры, при котором смысловые и символические единицы переводятся в количественные, фиксируются и обрабатываются, что позволяет получать объективные данные. Однако, как и любой метод обработки информации, контент-анализ имеет ряд ограничений. В частности, некорректно выделенные категории анализа могут привести к поверхностным и неточным результатам, поэтому необходимо подтверждение полученных результатов другими методами для обеспечения триангуляции [Пашинян 2012].

Итак, в современных лингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к проблеме форматирования социальных знаний. В когнитивной лингвистике, социолингвистике, критическом анализе дискурса, психолингвистике и др. описываются различные социокогнитивные структуры, которые служат инструментом для анализа широкого спектра языковых явлений. Вместе с тем отмечается необходимость поиска эффективных качественных и количественных методов анализа языковых данных, а также интеграции подобных методов для решения проблемы форматирования стереотипных знаний.

В целом, анализ литературы, посвященной стереотипным структурам знаний, показал, что в данной области лингвистических исследований существуют определенные лакуны. Помимо необходимости дальнейшего совершенствования методов в направлении триангуляции, следует выделить также целесообразность исследования процессов (вос)производства стереотипов в непосредственной дискурсивной деятельности групп людей, относящихся к разным социальным группам. Так, на наш взгляд, сопоставление стереотипов в речи взрослых и детей позволило бы показать процессы стереотипизации в их дискурсивной и возрастной динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с польск.]. М. : Индрик, 2005. 528 с.

- Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. 478 с.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
- Вежебицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 2 (4). С. 6–34
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
- Карасик В. И. Языковые Ключи. М: Гнозис, 2009. 406 с.
- Клиновская А. А. Лингвокогнитивные особенности актуализации общественных стереотипов в политическом журнальном дискурсе ФРГ : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 210 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.
- Липпман У. Общественное мнение : пер. с англ. М. : Институт Фонда Общественное мнение, 2004 (1922). 384 с.
- Патнэм Х. Значение «значения»: [пер. с англ. № 151] // Философия сознания. М. : ДИК, 1999 (1975). С. 164–235.
- Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. М. : ИД «Библио-Глобус ». № 5. С. 1–18.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград : Вестник ВГУ, 2004. № 1. С. 29–34.
- Снегова Т. И. Стереотипный образ юриста в языковом сознании россиян XX столетия : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
- Стернин И. А., Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
- Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : ИЯ РАН, 2000. С. 7–22.
- Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.–Барнаул, 2004. С. 6–17.
- D'Andrade R. G. Cultural Cognition // M. I. Posner (ed.). Foundations of Cognitive Science. Cambridge, MA : MIT Press, 1989. P. 795–830.
- Dijk T. van., Kihntsh W. Strategies of Discourse Comprehension // Handbook of Language and Social Psychology. New York : Academic Press. 1983. 389 p.
- Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

- Quinn N.* Convergent evidence for a Cultural model of American marriage // Cultural models in language and thought / D. Holland, N. Quinn (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 173–192.
- Quasthoff U. M.* Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes // Language, Power and Ideology Studies in Political Discourse. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 181–196.
- Shore B.* Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning. Oxford : OUP, 1998. 448 p.
- Taylor J.* On Running and Jogging // Cognitive Linguistics 7–1. Walter de Gruyter, 1996. P. 21–34
- Wodak R.* Disorders in Discourse. London : Longman, 1996. 200 p.

УДК 81'1

Р. М. Мукашева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: rahat_77@mail.ru

ГЕНДЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (на материале публичных выступлений киргизских политиков)

Статья посвящена изучению особенностей политического дискурса Киргизии. Целью исследования являлось выявление гендерных особенностей коммуникативного поведения киргизских политиков на материале парламентских речей. Для изучения спонтанной речи политиков были определены параметры, позволяющие рассмотреть гендерные особенности речевого поведения политиков (длительность выступления, перебивание, выражение эмоций, категоричность выражения своего мнения и критика оппонента). Анализ материала показал, что речь женщин-политиков по ряду параметров подтверждает выводы других исследователей относительно гендерных особенностей женского коммуникативного стиля, однако наряду с этим в речевом поведении женщин-политиков наблюдается тенденция к использованию мужских коммуникативных стратегий доминирования под воздействием прагматических установок коммуникации и статусно-ролевых характеристик политиков.

Ключевые слова: политический дискурс; гендер; гендерное варьирование; коммуникативное поведение; стратегии доминирования.

R. M. Mukasheva

Post-graduate Student, Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: rahat_77@mail.ru

GENDER AND POLITICAL DISCOURSE (an Analysis of Kirghiz Politicians' Public Speeches)

The article analyzes Kirghiz political discourse with the aim of revealing gender features of Kirghiz politicians' communicative behaviour. The study is based on parliamentary speeches and is done with regard to chosen parameters (length of presentation, interruptions, demonstration of emotions, categoricity in expressing personal opinion and criticism of the opponent), which are considered essential for revealing the specific features of politicians' communicative behavior. The analysis shows that according to some parameters the speech of female politicians reveals gender particularities of female communicative style, which confirms the results of other researchers in this field. At the same time the conducted research revealed the tendency of female politicians to use male communicative domination strategies under the influence of pragmatic setting and politicians' status and role characteristics.

Key words: political discourse; gender; gender variation; communicative behavior; domination strategies.

Актуальность статьи обусловлена повышенным интересом к проблемам политической лингвистики как к самостоятельному направлению лингвистических исследований. Основным понятием политической лингвистики является политический дискурс, представляющий собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991, с. 6.]

На Западе политическая лингвистика зародилась еще в середине XX в., в России это направление лингвистики можно считать достаточно молодой областью исследований. Несмотря на это, в России уже есть научные школы, и известны имена многих ученых, завоевавших авторитет в данной области (Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Предметом научного анализа стали жанры и стили политического дискурса, политический язык, идиолекты политических лидеров России и западных стран, политическая метафора, коммуникативные стратегии и тактики, которые исследовались как в описательном, так и в сопоставительном плане (В. Н. Базылев, Е. И. Шейгал, В. И. Чернявская, А. П. Чудинов, А. М. Нехорошева и др.).

В Киргизии политическая лингвистика, развивающаяся под сильным влиянием российской науки, еще не имеет своего места в исследованиях киргизских лингвистов. Между тем политическая активность в стране высока, и материал для изучения имеется весьма интересный, что делает изучение политического дискурса киргизских политиков перспективным направлением исследований.

В изучении политического дискурса в Киргизии для нас представляют интерес гендерные особенности речевого поведения политиков. В последние десятилетия гендерные особенности коммуникативного поведения, т. е. гендерно маркированные стратегии и тактики, предпочтения в выборе лексики и синтаксических конструкций, характер типичной для мужчин и женщин образности и лежащих в ее основе ассоциативных полей находятся в центре внимания исследователей.

Всплеск интереса к этой проблематике принято связывать с работой Р. Лакофф «Язык и место женщины» (1975), в которой автор обосновывает «андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке» [Кирилина 1999, с. 39]. По мнению Р. Лакофф, вследствие социальной неуверенности женщины по сравнению с мужчинами проявляют в общении мягкость,

уступчивость и ориентацию на партнера по коммуникации. Дальнейшие исследования западных ученых показали, что женщины тяготеют к литературно правильной речи и употреблению подчеркнуто вежливых форм и используют «стратегию сотрудничества». Речевое поведение мужчин характеризуется нацеленностью на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. Подобные особенности установлены и на материале русскоязычной речи. Однако вопрос об универсальности гендерных особенностей коммуникативного поведения для всех языковых культур и всех типов дискурса остается открытым.

Особенный интерес представляет изучение особенностей проявления гендерного варьирования в различных видах институционального дискурса. Исследования в этом направлении позволили охарактеризовать гендер как «плавающий фактор», интенсивность проявления которого существенно варьирует [Кирилина 1999, 2004]. В целом, было показано, что в институциональном дискурсе влияние гендерного фактора ослабевает, и на первый план выходит социальное варьирование языка по линии социального статуса и социальной роли.

Это справедливо и для политического дискурса. Как показали работы в этом направлении [Куницына 2011, Киянова 2016, Карандеева 2016, Кодюшева 2016, Храброва 2010], речь политиков-мужчин и политиков-женщин не имеет существенных различий в плане выбора лексико-грамматических средств; определенные гендерные предпочтения были установлены лишь на уровне коммуникативных стратегий [Полякова 2007, Диасамидзе 2010].

Эти исследования проводились преимущественно на материале русского, английского и немецкого языков; исследования на материале неиндоевропейских языков практически отсутствуют.

В данной статье представлены результаты изучения политического дискурса в Киргизии в плане гендерных особенностей речевого поведения политиков. Киргизская Республика уже 25 лет является суверенным государством и развивается, в отличие от своих центральноазиатских соседей, на принципах демократии. В Киргизии в 2010 г. имел место прецедент вступления на пост президента женщины – Розы Отунбаевой, занимавшей этот пост полтора года до вступления в должность президента Алмазбека Атамбаева, что не столь мало для турбулентной киргизской истории. До настоящего времени Роза Отунбаева остается единственной женщиной в Центрально-Азиатском

регионе, занимавшей высший государственный пост, что является ярким доказательством того, что женщины Киргизии активно участвуют в политической жизни страны.

Изучение дискурса, в том числе мультимедийного, киргизских женщин-политиков представляется интересным в плане изучения гендерного фактора в политическом дискурсе. На сегодняшний день нами рассмотрен материал на киргизском и русском языках, позволяющий сделать вывод о гендерном факторе в речевом поведении известных политиков и общественно-политических деятелей Киргизии. Следует отметить, что на заседаниях Жогорку Кеңеша (киргизский парламент) политики выступают и на киргизском, и на русском языках, поскольку государственным языком в стране является киргизский язык, а русский имеет статус официального.

В настоящее время, по результатам выборов в 2015 г., парламент Киргизской Республики состоит из представителей 6 фракций, 120 депутатов, из которых всего 18 женщин (15 %).

Дебаты на заседаниях парламента Киргизской Республики представляют собой сочетание устного монологического и диалогического жанров политического дискурса. Они включают как монологические выступления членов правительства, председателей и членов парламентских комитетов с законопроектами, отчетами о работе и т. п., так и полемику, дискуссии по тому или иному вопросу.

Вопрос о том, как проявляется гендерный фактор в политическом дискурсе, и проявляется ли он в этом типе дискурса вообще, представляет несомненный интерес. Как было отмечено выше, исследователи, работавшие преимущественно с английским языком и другими европейскими языками, показали, что мужчины строят общение с позиций силы и стремятся к доминированию над собеседником, в то время как женщины демонстрируют слабость и в меньшей степени контролируют ход коммуникации. Однако в политике мужчины и женщины наделены равной властью, что ставит перед нами вопрос о том, в какой мере роль политика, наделяющая женщину силой и властью, влияет на коммуникативный стиль ее речевого поведения.

Для исследования языкового материала нами был использован метод сплошной выборки. В качестве материала исследования был отобран видеоматериал заседаний депутатов Жогорку Кеңеша, находящийся в открытом доступе в Интернете за 2012, 2013, 2015 и 2016 гг.

Как известно, при исследовании речевого поведения носителей английского языка были выявлены следующие тенденции межгендерной коммуникации: женщины говорят меньше, чем мужчины; женщины реже перебивают собеседника, чем мужчины; женщинам реже, чем мужчинам, удастся сменить тему разговора или ввести новую тему; женщины менее категорично, чем мужчины, выражают собственное мнение и часто прибегают к хеджированию; женщины чаще соглашаются с собеседником и реже выражают несогласие с ним; для речи женщин характерны минимальные реплики с целью поддержки собеседника; для речи женщин характерны хезитации; женщины чаще, чем мужчины, задают расчлененные вопросы; женщины чаще, чем мужчины, задают общие вопросы; женщины реже, чем мужчины, используют прямые директивы; женщины реже, чем мужчины, прибегают к сквернословью.

Для изучения спонтанной речи депутатов парламента Киргизской Республики нами были отобраны параметры, позволяющие рассмотреть гендерные особенности речевого поведения политиков-мужчин и политиков-женщин. Это ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПЕРЕБИВАНИЕ, ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ, КАТЕГОРИЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ СВОЕГО МНЕНИЯ И КРИТИКА ОППОНЕНТА.

От изучения некоторых упоминавшихся выше параметров пришлось по разным причинам отказаться. Это касается, в частности, минимальных ответов, поскольку формат съемок парламентских дебатов не дает возможности проследить за этим явлением, так как в поле зрения камеры оказывается чаще всего только говорящий, но не его собеседник. Неперспективным представляется также изучение хезитаций, сквернословия и расчлененных вопросов, поскольку хезитации и вульгаризмы в целом не характерны для политического дискурса, а расчлененные вопросы нетипичны для киргизского языка.

В статье мы также не будем останавливаться на тех параметрах, которые оказались представленными в речи политиков обоих полов в примерно одинаковом объеме или встречались достаточно редко (например, смена тематики дискуссии).

Анализ выбранного материала дал следующие результаты.

По ДЛИТЕЛЬНОСТИ парламентских выступлений показатели у мужчин выше, чем у женщин. В исследованном материале мужчины говорят больше, чем женщины. Этот вывод полностью согласуется

с наблюдениями европейских лингвистов, доказавших, что распространенное убеждение относительно болтливости женщин является не более чем мифом, так как в разнополых коллективах мужчины доминируют в коммуникации и говорят больше, чем женщины [Таннен 2005, Коатс 2005].

Хорошо вписываются в сложившиеся представления о гендерных особенностях речевого поведения и полученные данные о частоте ПЕРЕБИВАНИЯ. Исследователи справедливо связывают перебивание с попытками контролировать ход дискуссии и доминировать в коммуникации. В нашем материале мужчины перебивают собеседника чаще, чем женщины, преследуя при этом различные цели: опровергнуть утверждение оппонента, выразить свое мнение, внести уточнение. Женщины же, наоборот, в нашем материале в основном выслушивают оппонента, не прерывая, тем самым предоставляя ему возможность высказать свою точку зрения до конца.

Вот несколько типичных примеров¹.

Пример 1²

А. Ж. Саянова: И бул учурда дагы ошондой жазылыш керек болчу, кайсы, /ким/

И в этот раз тоже надо было также писать какой, /кто/

К. К. Исаев: /Аида / Женишбековна, туура бирок...

/Аида/ Женишбековна, правильно, но...

Пример 2³

А. Ш. Султанов: ...бирок, все равно, аларга заслуженный, жанагы, эмелерди бериш керек да, ошолор да ошонун ичине кирип кетипатат да бүгүнкү күндө (пауза), туурабы? (пауза). Мисал үчүн, айыл чарбасына эмгек сиңирген деген кызматкер, э-э, эл артисти деген, ошого окшогон /наамдар/

Но, все равно, им же надо заслуженный, это, давать, на сегодня это тоже входит в этот перечень (пауза), правильно? (пауза). Например,

¹ Знак // обозначает слово, на котором оппонент перебивает говорящего, и слово, сказанное перебивающим.

² Заседание Жогорку Кеңеша о внесении изменений в Конституцию от 2016 г. URL : www.youtube.com/watch?v=VKcCpswDB90

³ Заседание Жогорку Кеңеша об обсуждении законопроекта об отмене классных чинов от 2013 г. URL : www.youtube.com/watch?v=N4qsMF18B7g

Заслуженный работник сельского хозяйства, э-э, Народный артист, такие вот /звания/)

Д. Д. Бекешев: /Акылбек/ Шакирович, мындай да, может, вы думаете, что я не заслуженный, может другой депутат заслуженный, это ваше мнение, я не знаю, по какому критерию...

/Акылбек/ Шакирович, так, может, Вы думаете, что я не заслуженный, может другой депутат заслуженный, это Ваше мнение, я не знаю по какому критерию...

Пример 3¹

Член комиссии по экологии: Биз биринчи күндөн баштап, түзүлгөндөн /баштап/ (Начиная с первого дня, со дня создани,/начав/

К. А. Абдиев: /Биринчи/ күнүңүз кайсы күндөн башталды? (/Ваш/ первый день с какого дня начался?)

Как можно было ожидать, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ выражена больше у женщин, нежели чем у мужчин. Это отражается как в употреблении экспрессивно окрашенной лексики, так и в интонации. Женщины, как известно, более эмоциональны, нежели мужчины, что проявляется и в политическом дискурсе.

Вот несколько характерных примеров употребления эмоционально окрашенной лексики в выступлениях депутатов-женщин: «людырь»; «ездит на чьем-то горбу, я извиняюсь за сленг...»; «кто-то пахарь»; «если коллектив “зубастый”, в хорошем смысле...»; «здесь идет моральное, ну как сказать, неприятие к таким людям»; «продажные чиновники» (*И. Ю. Карамушкина*); «экология деген бул страшный нерсе» (*экология – это страшная вещь, Ж. А. Джолдошева*); «вранье» (*Ч. И. Джакупова*); «Мен сизге өтө жөнөкөй, өтө жөнөкөй суроо бердим, сиз ... (*Я Вам задала очень простой, очень простой вопрос, Вы..., А. Ж. Саянова*); «...албетте, сизге, комиссияга чоң рахмат, абдан чоң жумуш жасалган, бирок сиз бул жерден...» (...*конечно Вам, комиссии большое спасибо, сделана очень большая работа, но здесь Вы ..., Д. А. Ниязалиева*) и т. д.

Следует заметить, что во многих случаях эмоциональность проявлялась также в просодических характеристиках речи (ускорение

¹ Сессия Жогорку Кеңеша от 2012 г. URL : www.youtube.com/watch?v=kMuUO6SabKw

темпа, повышение громкости, специфические интонации), которые придавали речи женщин более импульсивный характер.

Таким образом, изучение речи женщин-политиков по таким параметрам, как *длительность выступления, перебивание, эмоциональность*, подтверждают выводы других исследователей относительно гендерных особенностей женского коммуникативного стиля.

Вместе с тем изучение параметров КАТЕГОРИЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ СОБСТВЕННОГО МНЕНИЯ и КРИТИКА ОППОНЕНТА дало неожиданные результаты. Традиционно считается, что категоричность высказывания и критика оппонента более характерны для мужчин, но в нашем исследовании подобное коммуникативное поведение оказалось присуще политикам обоих полов, причем в речи политиков-женщин оно проявлялось даже в большей степени. В нашем материале женщины-политики в киргизском парламенте категорично высказывают свое мнение и критикуют своих оппонентов-мужчин чаще, чем мужчины. Нижеприведенные примеры являются ярким доказательством того, что критический тон отличает многие высказывания депутатов-женщин:

Пример 4¹

И. Ю. Карамушкина: Я хочу Вас тоже спросить, Вы тоже тогда были при хорошей должности, все это наблюдали, видели. Кто мешал Вам тогда быть таким принципиальным?...

Пример 5²

Ч. И. Джакупова: Простите меня, на самом деле, это же вранье!

Пример 6³

Д. А. Нарматова: Эмне кызматыңыз үчүн алдыңыз деп өзүңүзгө суроо бердиңизби?

Вы задавали себе вопрос, за какие заслуги вы получили чин?

¹ Сессия Жогорку Кеңеша от 2012 г. URL : www.youtube.com/watch?v=kMuUO6SabKw

² Заседание Жогорку Кеңеша об утверждении правительства от 2012 г. URL : www.youtube.com/watch?v=xi69-tHwfIU

³ Заседание Жогорку Кеңеша об обсуждении законопроекта об отмене классных чинов от 2013 г. URL : www.youtube.com/watch?v=N4qsMF18B7g

Возможно, прямолинейные высказывания женщин-политиков в этих примерах связаны с тематикой заседаний. В этих видеоматериалах обсуждался острый социальный вопрос – законопроект об отмене классовых чинов, а также обсуждалась работа правительства. Социальные вопросы общества всегда были прерогативой женщин-политиков и большая часть их критики была направлена на законопроект об отмене классовых чинов для государственных служащих.

Вместе с тем в речи женщин-политиков чаще, чем у мужчин, присутствует такой параметр, как СМЯГЧЕНИЕ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Это доказывает, что женщины, несмотря на принципиальность своих высказываний, стараются, по возможности, обходить острые углы и смягчить свое негативное отношение к тому или иному вопросу. Соответственно, в речи женщин-политиков встречаются случаи хеджирования, целенаправленно ослабляющего иллюкутивную силу высказывания, что в меньшей степени характерно для выступлений политиков-мужчин. Приведем несколько примеров.

Пример 7¹

А. Т. Алтыбаева: ...анда мен ойлойм, биз, балким баягы госслужащийлердин каржылоо маселени, бир топ ошо баягы стимул маселеси чечилгенден кийин, балким, биз кайтып келебиз.

*...тогда, я думаю, мы **возможно**, после решения вопросов обеспечения госслужащих, многих таких проблем, как стимулирование, **возможно**, мы вернемся* (Р.М: к этому законопроекту).

Пример 8²

К. Б. Орозова: А может быть, бул талкууда турганча, экинчи варианты ойлоп туруп, экинчи вариантты сунуштап туруп, андан кийин муну кабыл алсак, анда мен ушул мыйзамды колдоп бермекмин да. Ошондуктан, буну бир аз эртерекпи деген ойдомун.

*А, **может быть**, пока это стоит на обсуждении, надо подумать о втором варианте, предложить второй вариант, и только потом принять этот проект, вот тогда я бы поддержала. Поэтому, я думаю, это **немного рановато**.*

¹ Заседание Жогорку Кеңеша об обсуждении законопроекта об отмене классовых чинов от 2013 г. URL : www.youtube.com/watch?v=N4qsMF18B7g

² Заседание Жогорку Кеңеша об обсуждении законопроекта об отмене классовых чинов от 2013 г. URL : www.youtube.com/watch?v=N4qsMF18B7g

К приемам смягчения категоричности высказывания в нашем материале также относятся инициальная похвала и эксплицитные извинения за критику. Приведем примеры:

Пример 9¹

К. Б. Орозова: Мыйзам жакшы, бирок талкууга коюш керек, сайтка коюш керек, элдин ой-пикирин алыш керек, андан кийин киргизсек болот.

Хороший закон, но надо вынести его на обсуждение, надо разместить на сайте, узнать мнение народа и только потом можно утвердить этот закон.

Пример 10²

Д. А. Ниязалиева: ...албетте, сизге, комиссияга чоң рахмат, абдан чоң жумуш жасалган, бирок, сиз бул жерден баарын бир жерге салып таштадыңыз.

...конечно вам, комиссии большое спасибо, проделана очень большая работа, но здесь вы всё смешали в одно.

Пример 11³

Ж. А. Джолдошева: ...канча адам келет ..., Жогорку Кеңештин алдына, кечирип коёсунар (пауза), сиз бир да жолу чыга элексиз.

...сколько приходят людей..., к зданию Жогорку Кеңеша, извините (пауза) вы еще ни разу не вышли к ним.

Пример 12⁴

Н. В. Никитенко: Вы извините, я не вижу здесь никакой логики.

Таковы итоги нашего исследования речевого поведения киргизских политиков во время парламентских заседаний. Материал показал перспективность исследования устного политического дискурса, который отличается неподготовленностью выступлений, спонтанностью

¹ Заседание Жогорку Кеңеша об обсуждении законопроекта об отмене классных чинов от 2013 г. URL : www.youtube.com/watch?v=N4qsMF18B7g

² Сессия Жогорку Кеңеша от 2012 г. URL : www.youtube.com/watch?v=kMuUO6SabKw

³ Сессия Жогорку Кеңеша от 2012 г. URL : www.youtube.com/watch?v=xi69-tHwflU

⁴ Заседание Жогорку Кеңеша об изменении закона о дошкольном образовании от 2015 г. URL : www.youtube.com/watch?v=nVOX4KiKaoE

реакций и эмоциональностью, за счет чего в нем ярче, чем в письменной коммуникации, реализуются гендерные особенности речевого поведения. Так, как было показано выше, в исследованном материале мужчины-депутаты в киргизском парламенте доминировали над женщинами по длительности выступлений и частоте перебивания, в то время как речь женщин-депутатов характеризовалась повышенной эмоциональностью, проявлявшейся как в просодических характеристиках их речи, так и в выборе лексических средств. Эмоциональность женщин также отчасти объясняет отмеченное нами парадоксальное сочетание категоричности высказывания при критике оппонента и попыток завуалировать негативный смысл высказывания. Вместе с тем необходимо отметить, что частые случаи критики оппонентов, в том числе и оппонентов-мужчин, в речи женщин-депутатов свидетельствуют о «гендерном сдвиге» в коммуникативном поведении политиков, уже отмеченном исследователями политического дискурса на другом языковом материале. Использование женщинами-политиками коммуникативных стратегий доминирования, обычно приписываемых речевому поведению мужчин, свидетельствует о значимости статусно-ролевого варьирования и ослаблении роли гендерного фактора в политическом дискурсе как одном из видов институционального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М. : Знание, 1991. 64 с.
- Диасамидзе Л. Р.* Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных текстов политических сетевых дневников (блогов) : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 224 с.
- Карандеева Л. Г., Кодюшева В. А.* Гендерная специфика лексико-морфологических средств реализации речевой агрессии в немецком парламентском дискурсе // Инновации в науке: сб. ст. по матер. LVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2016. № 6 (55). С. 124–133.
- Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 180 с.
- Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 252 с.

- Киянова К. А. Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель // Язык и текст. М. : Моск. гос. псих.-пед. ун-т, 2016. № 2. С. 76–85.
- Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык / пер. с англ. С. А. Коноваловой ; Моск. гос. лингвист. ун-т (МГЛУ) ; Лаборатория гендерных исследований. М. : Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
- Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 249 с.
- Полякова Л. С. Проявление гендерных стратегий в языке политика: на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 216 с.
- Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь : Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык / пер. с англ. О. А. Васьковой ; Моск. гос. лингвист. ун-т (МГЛУ) ; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
- Храброва Е. С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2010. 236 с.

УДК 81'42

В. С. Табакова

ст. преподаватель каф. немецкого языка переводческого факультета,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: Vika-tabakova@mail.ru

РОЛЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНКЕТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ ЕДИНОБОРСТВ

Статья посвящена методу анкетирования, используемому в спортивном дискурсе единоборств для сбора эмпирического материала. Анкетирование служит систематизации терминологических единиц и единиц специальной лексики, а также различных невербальных средств, используемых в дискурсе единоборств, в частности самбо. Полученные в ходе опроса данные имеют прикладное значение: результаты формируют основу для разработки мультязычного глоссария по самбо.

Ключевые слова: социолингвистика; анкетирование; спортивный дискурс; единоборства; терминологические единицы; глоссарий.

V. S. Tabakova

Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of the German Language,
the Faculty of Translation and Interpreting, MSU;
e-mail: Vika-tabakova@mail.ru

THE ROLE OF A SOCIO-LINGUISTIC QUESTIONNAIRE IN MODERN SPORTS DISCOURSE OF COMBAT

The article considers a questionnaire as a method used in sport discourse for collecting empirical material. A questionnaire serves as a method to systematize terminological units of specialized vocabulary as well as various sign systems used in the combat discourse, particularly in sambo. The obtained data provide the basis for the development of a multilingual glossary of sambo.

Key words: social linguistic; questionnaire; sport discourse; combat; terminological units; glossary.

Исследования в области спортивного дискурса являются актуальными в современном обществе в силу того обстоятельства, что спорт занимает одну из лидирующих позиций в формировании приоритетов, принципов и ценностей как отдельного индивида, так и общества в целом. В ходе нашего анализа институционального дискурса было установлено, что изолированное существование его разновидностей редко возможно; виды дискурса тесно связаны между собой, и это обстоятельство во многом обуславливает устойчивое существование

различных лингвистических феноменов во времени и в пространстве. Отметим, что спортивный дискурс находится при этом под влиянием институциональных факторов, позволяющих ему не только обеспечивать процесс коммуникации [Куликова 2015, с. 7], но и одновременно выполнять социально значимые задачи [Фомин 1989, с. 155].

Невербальное и вербальное общение являются ключевыми в процессе передачи информации от одного индивида к другому [Олянич 2003, с. 41]. Невербальное общение в той или иной степени отображается в иллюстративных источниках, книгах, журналах, буклетах, сводах правил и др. Им следует подчиняться, поскольку они выступают в роли институционально принятых законов и предписаний. Известно, что вербальное общение затрудняется из-за одновременного использования множества языков [Хохлова 2012, с. 100] в профессиональной среде [Ипатов 2009, с. 17]. По этой причине одним из условий успешного взаимодействия в социуме является, прежде всего, знание языка, а также интерес индивида к определенному объекту или явлению действительности. В нашем случае таковым является силовой спорт, а именно – его разновидность: самбо.

Бурное развитие данного вида спорта пришлось на до- и послевоенное время, а новый виток популярности самбо начался в нынешнее время, т. е. на рубеже XX и XXI вв. Этот факт послужил толчком к анализу специфики спортивного общения. Борьба самбо активно культивировалась в советский период в 23 спортивных обществах страны. В последние годы к упомянутому виду борьбы проявлялся интерес и за рубежом. Так, 1957 и 1960 гг. ознаменовались тем, что самбисты впервые вышли на международную арену. Были проведены соревнования между самбистами СССР и дзюдоистами Венгрии и ГДР. Классификация, систематика и терминология борьбы самбо сложились на основе практики работы спортсменов, тренеров и судей. Большую работу в этом направлении проделал Заслуженный мастер спорта, Заслуженный тренер СССР А. А. Харлампиев (1906–1979), который в ряде учебных пособий излагает классификацию, систематику и терминологию техники борьбы самбо.

В ходе нашего исследования мы установили социальную значимость самбо в мире и интерес к нему как к уникальному виду спорта. Однако продвижение и закрепление самбо в мировом сообществе нередко связано с проблемами институционального порядка. Самбо в настоящее время только завоевывает себе мировое признание, его

международный статус нуждается в постоянном подтверждении со стороны авторитетных институтов. Институциональная неопределенность самбо находит свое выражение и в отсутствии системного описания лингвистических средств, используемых для обслуживания данной разновидности спортивного дискурса. На этом основании мы ставим перед собой задачу систематизировать имеющийся языковой материал, который смог бы стать основой для разработки мультязычного глоссария по самбо.

Целью данной статьи является изучение терминологии самбо с учетом социолингвистических факторов. Отметим, что работа по сбору эмпирического материала с помощью анкеты / опросника началась еще перед процессом взаимодействия с испытуемыми. Нами были заранее подготовлены вопросы и представлены варианты ответов в анкете, что облегчило в дальнейшем респондентам работу с опросником (в том числе сокращение длительности размышлений, создание условий для выбора ответа сразу после ознакомления с вопросом и т. п.):

Таблица 1

Вопрос / Question / Frage

- Вы участвуете в мероприятии, связанном с самбо. Какой из вариантов использования терминологии Вы выберете?
- You are the member of the sambo competition. What kind of lexical terms would you choose to communicate with other participants?
- Sie nehmen an einem Sambo-Wettkampf teil. Welche Terminologie werden Sie gebrauchen, damit die Kommunikation stattfindet?

1	2	3
• Я использую терминологию самбо на русском языке • I use sambo terminology in Russian • Ich gebrauchte Sambo-Terminologie auf Russisch	• Я использую терминологию других единоборств • I use terminology of other combat arts • Ich gebrauchte Terminologie der anderen Kampfsportarten	• Я описываю понятия своими словами, не обращаясь к специальным терминам • I describe the main points with own words, without any special terminology • Ich beschreibe alle Begriffe mit eigenen Wörtern, ohne spezielle Lexik zu gebrauchen

Проведение любого опроса требует от разработчика выполнения и соблюдения процедурных моментов. Прежде всего, речь идет о качественной разработке вопросов, а также применении различных опросных методик с использованием технологии, основанной на принципе множественного выбора, в сочетании с так называемыми творческими вопросами. Итак, соблюдение баланса между вопросами, требующими длительного размышления и вопросами, не предполагающими особых интеллектуальных усилий, является необходимым условием для получения достоверных данных. Напомним, к наиболее востребованным методам социологического исследования относят: 1) наблюдение; 2) анкетирование (опрос); 3) интервьюирование; 4) тестирование.

Из всего многообразия методов опроса мы выбрали анкетирование, которое принято считать одним из наиболее часто и широко используемых инструментов в области современных социолингвистических исследований. Анкетирование предполагает разработку уникальной авторской анкеты. Напомним, что «анкета (*фр.* *enquete* – «расследование») представляет собой опросный лист [Адамчик 2005, с. 516], одновременно «анкетирование – это один из самых распространенных, едва ли не самый надежный метод получения социолингвистической информации. Он применяется главным образом при обследовании больших совокупностей говорящих, т. е. в макросоциолингвистических исследованиях» [Аврорин 1975, с. 270].

Статистика использования языковых средств в области спортивного дискурса требует обращения к средствам визуализации информации, а именно – графикам и таблицам. Сбор данных осуществлялся нами на международных соревнованиях, проходивших в Болгарии, Колумбии, а также странах Азии. Как составители мы опирались на метод личного наблюдения и применяли дискурс-анализ [Кубрякова 2000, с. 232] для изучения условий реальной ситуации при сохранении всей специфики коммуникативно-прагматической ситуации общения. Исходя из специфики анкетирования, мы сочли необходимым полученные нами результаты описать не только вербально, но и представить в обобщенном виде в формате круговой диаграммы (см. рис. 1, 2).

Обратимся к институциональным аспектам процедуры социолингвистического опроса. В процессе анкетирования испытуемым было

предложено самостоятельно ознакомиться с текстом анкет и лично его заполнить. В нашем эксперименте приняли участие 30 человек – представителей разных национально-языковых сообществ, обладающих своим уникальным опытом и способностью интерпретировать вопросы с позиции среднестатистического участника.

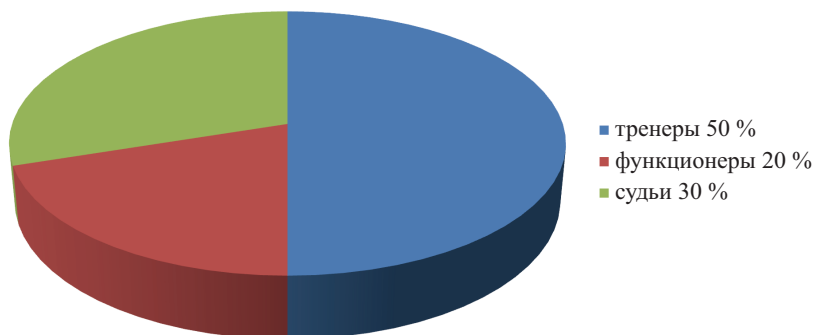

Рис. 1

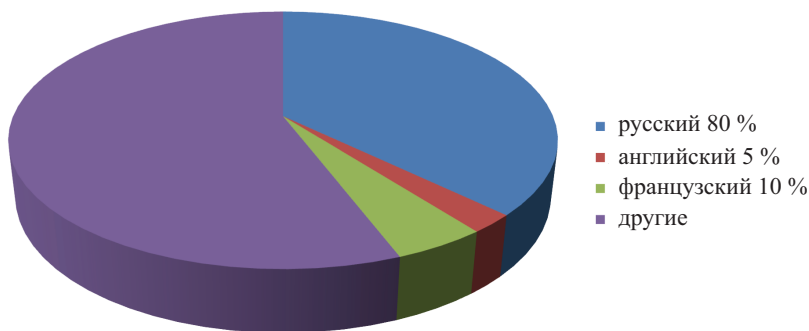

Рис. 2. Языковой состав опрошенных специалистов

Продуктивный анализ эмпирического материала требует особого внимания к формулировке вопросов, поскольку данный фактор оказывает влияние на восприятие адресантом информации. От качества вопроса в большой степени зависит процент получаемых ответов. По этой причине вопросы были сформулированы нами логично и оформлены стилистически максимально грамотно.

В части, касающейся требований, предъявляемых к созданию анкеты-опросника, были учтены такие аспекты, как содержание вопросов, непосредственная формулировка вопросов, последовательность вопросов и др.

В разработке анкеты мы опирались на утверждение Л. Я. Аверьянова о том, что «при правильной постановке и тщательной проверке социологического вопроса, при соблюдении всех правил его построения он становится формализованным, что позволяет, в свою очередь, оптимизировать процесс получения социальной информации. Результат опроса и всего исследования уже не будет зависеть от личностных качеств исследователя, от его умения наблюдать, слушать, анализировать и пр., и позволит получить надежную и достоверную информацию» [Аверьянов 1998, с. 290].

Мы полагаем, что подсказки в тексте анкеты / опросника не оказывают давления на респондента и не дают эффекта «навязывания» точки зрения со стороны составителей. Анкета / опросник не требует от наших испытуемых решения сложных задач и не занимает много времени.

Нам представляется необходимым также учесть экстралингвистические обстоятельства и место заполнения анкет / опросников, временные затраты на заполнение вышеупомянутых документов.

Согласно целям и задачам нашего исследования, необходимо проведение анкетирования – как группового, так и индивидуального. Данному виду опроса свойственны доступность и оперативность в силу того, что испытуемые локально находятся внутри одного пространства, а именно – спортивного комплекса, где проходят соревнования. Вопросы, включенные в состав разработанных нами анкет, носят обезличенный характер.

В лексический состав любого языка активно внедряются заимствования, т. е. иностранные слова, которые нередко остаются без перевода, так как участники коммуникации полагают, что их значение понятно широкому кругу реципиентов. Исходя из данного утверждения, мы считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство: в связи с недостаточностью изученности такого единоборства, как самбо, незнание терминоэлементов самбо, а также отсутствие перевода специальной лексики, используемой в самбо, приводит к тому, что анкета не может быть разработана и представлена

только на одном языке институционального взаимодействия. Таким образом, анкета была составлена нами на трех основных европейских языках – русском / немецком / английском с учетом многозначности многих терминов и проблемы подбора эквивалентов к специальной лексике русского языка, отражающей ключевые составляющие спортивного дискурса именно самбо.

В ходе разработки анкеты мы опирались на следующие рекомендации специалистов-лингвистов:

1. Исключили многосложные конструкции и конструкции латинского происхождения, вошедшие в лексикон образованных людей, но которые предположительно могут вызвать затруднения у опрашиваемых других групп социума.

2. Вопросы формировались с использованием нейтральной общеупотребительной лексики с тем, чтобы избежать употреблений жаргонизмов, элементов разговорного стиля и слов, принадлежность к какой-либо субкультуре.

3. Сложные слова и словосочетания были заменены на более простые. Это связано как с индивидуальными, так и социально-культурными параметрами респондентов. Это обусловлено временными рамками, отведенными для заполнения анкеты или опросного листа.

4. Вслед за С. Садменом и Н. Брэдбером, мы полагаем, что не следует употреблять специальные термины, если нет уверенности в том, что они известны всем опрашиваемым, или, если нет их разъяснения непосредственно в самой формулировке вопроса [Садмен, Брэдбер 2002, с. 60]. Однако если характер выборки является однородным, и большая часть респондентов пользуется примерно одинаковым профессиональным сленгом [Астафурова 1997, с. 43], его употребление не только уместно, но и прагматически обусловлено.

5. Факты и понятия при составлении вопросов были конкретизированы. Мы намеренно избегали употребления абстрактных существительных.

При первом знакомстве с анкетой или опросником респондент может испытывать дискомфорт. По этой причине мы сочли необходимым сделать краткое введение в виде нескольких предложений, чтобы определить испытуемым тему и получить ответы на непосредственно интересующую нас проблематику.

Ср.:

Вопрос / Question/ Frage

- Вы участвуете в мероприятии, связанном с самбо. Какой из вариантов использования терминологии Вы выберете?
- You are the member of the sambo competition. What kind of lexical terms would you choose to communicate with other participants?
- Sie nehmen an einem Sambo-Wettkampf teil. Welche Terminologie werden Sie gebrauchen, damit die Kommunikation stattfindet?

Графическое оформление представляется важным, так как испытуемый должен понимать без вмешательства составителей, в чем заключается вопрос, который предполагает ответ испытуемого, где необходимо пояснение, которое облегчает испытуемому знакомство с исследуемым феноменом (см. табл. 1, 2).

Анкета составлена в виде таблицы с указанием интересующих нас параметров. В первых столбцах анкеты представлены вопросы, требующие технического заполнения, ср.: имя, страна происхождения, язык общения в спортивной среде / сфере и деятельность (тренер, спортсмен, судья и т. д.):

Таблица 2

Анкета / Application Form / Fragebogen

Фамилия, имя / familyname, name / Familienname, Name	Страна / country / Land	Язык / language / Sprache	Статус / status / Status	Способ коммуникации / communication art / Kommunikationsweise			
				Термины самбо на русском языке / Sambo terms in Russian / Sambo-Begriffe auf Russisch	Заимствование из дру- гих видов единоборств		
					Дзюдо / Judo / Judo	Борьба / combat / Kampfart	Иное / other / Anderes
							Свое / Own / Eigenes

Далее следует часть таблицы, где наряду с вопросом представ-
лены варианты ответов, которые в таблице можно отметить любым

из символов, ср.: галочка, крестик, плюс и т. д. Указание страны интересует нас как разработчиков анкеты с той точки зрения, что нам нужно определить целевую аудиторию, включенную в общий социально-коммуникативный процесс [Леонтьев 1997, с. 318], сопровождающий единоборство самбо. Подобный вопрос, ориентированный на локус, позволит нам выделить или уточнить страны, заинтересованные в распространении самбо как одного из видов единоборств. В дальнейшем полученная информация даст возможность разработки и распространения терминологии самбо в различных национально-языковых сообществах [Садохина 2003, с. 312] с учетом специфики их культурных традиций и институционального взаимодействия. Важно также определить механизмы адаптации терминологии самбо в различных языках при одновременном сохранении единого терминологического пласта, релевантного для различных языков. Опрос респондентов проводился с учетом их институциональных характеристик. Так, в опросе приняли участие эксперты, а именно – тренеры, спортсмены, судьи. Всего было опрошено 30 специалистов, из них 50 % составили тренеры, 30 % судьи, 20 % функционеры (см. рис. 1).

Опрошенные специалисты являлись представителями 30 стран родной язык, для которых был: 80 % – русский, 10 % – французский, 5 % – английский, 5 % испанский и итальянский (см. рис. 2).

Отвечая на вопрос, какой терминологией специалисты пользуются при обучении, судействе и др. действиях, связанных с темой САМБО, мнение специалистов разделилось следующим образом: используют терминологию русского языка – 80 %, используют терминологию дзюдо – 10 %, используют терминологию борьбы – 7 %, ММА (смешанные боевые искусства) – 2 % и иное (разработанное самостоятельно) – 1 %. 100 % опрошенных считают, что должна существовать унифицированная терминология [Володина 1996, с. 67], которая была бы присуща только САМБО.

Календарь спортивной федерации самбо на 2017 г. включает следующие мероприятия, предполагающие наличие материала на иностранных языках по единоборству самбо.

Следует учесть тот факт, что русский вид единоборств самбо является особенным, присущим именной нашей культуре, поэтому составление глоссария по данному виду единоборства является актуальной

задачей, решаемой параллельно с задачей ознакомить представителей других культур с историей, традициями, особенностями, спецификой единоборства самбо. Следовательно, мы считаем необходимым обеспечить заинтересованных в данном виде спорта лиц справочной литературой на их языке общения. Глоссарий послужит нам помощью и опорой в разработке институциональных документов в дальнейшем.

Полученные данные социолингвистического опроса позволяют сделать вывод о том, что предпочтение в использовании терминологии самбо на русском языке у 80% опрошенных обусловлено тем, что данные респонденты являются представителями стран Содружества (СНГ), где русский язык использовался и используется наравне с основным национальным языком. Интерес к российской культуре получает новый виток развития, в то время как возникает сложность для представителей европейских стран и стран Азии ввиду отсутствия материалов на их языке общения. Анализ спортивного дискурса единоборств показывает, что коммуникантами, независимо от их социального статуса и личностных характеристик в определенных коммуникативно прагматических условиях, необходимо высказать свое мнение, убедить партнера по коммуникации в своей правоте, внести предложение, дать совет, высказать угрозу, выразить просьбу, выдвинуть требование, одним словом выполнить определенное «речевое действие» [Городникова, Добровольский 1998, с. 11]. Для реализации данной интенции реципиентам необходимо владение лексикой по теме единоборств на родном языке.

На основании вышесказанного можно предположить, что изучение социокультурного пространства с использованием методов социолингвистического исследования, а именно – анкетирования, позволит определить те практики спортивного дискурса, которые будут способствовать структурированию дискурса единоборств в соответствии с ценностями межкультурной коммуникации.

Анализ результатов, полученных в ходе проведенного нами анкетирования, позволяет сделать следующие выводы:

- анкетирование диктует использование однозначно сформулированных вопросов;
- сбалансированное применение различных видов вопросов в анкете позволяет соблюдать одинаковые условия для всех испытуемых;

- социолингвистический характер метода анкетирования позволяет одновременное проведение опроса представителей различных целевых групп, обеспечивая, таким образом, валидность полученных данных;
- очный характер анкетирования обеспечивает достоверность получаемой информации, исключая при этом возможность фальсификации данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов Л. Я.* Социология: искусство задавать вопросы. М. : Марс, 1998. 357 с.
- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л. : Наука, 1975. 309 с.
- Адамчик В. В.* Новый словарь иностранных слов. – Минск : Современный литератор, 2005. 1088 с.
- Астафурова Т. Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГЛУ, 1997. 47 с.
- Володина М. Н.* Термин как средство специальной информации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 80 с.
- Городникова М. Д., Добровольский Д. О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М. : Русский язык, 1998. 332 с.
- Ипатов Н. А.* Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ : автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. 22 с.
- Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М. : РАН ИНИОН, 2000. 232 с.
- Куликова Л. В.* Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2015. 182 с.
- Леонтьев А. А.* Психология общения : учеб. пособие для доп. образования. – 2-е изд., испр. и доп. М. : Смысл, 1997. 365 с.
- Олянич А. В.* Потребности – дискурс – коммуникация (потребностно-информационный подход к классификации дискурса) // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. Сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 37–49
- Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов / под ред. А. П. Садохина.* – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

- Садмен С., Брэдбер Н.* Как правильно задавать вопросы. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 382 с.
- Фомин Ю. А.* Актуальные социальные проблемы большого спорта. Омск : Изд-во ОГИФК, 1989. 310 с.
- Хохлова И. Н.* Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии // Актуальные проблемы филологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь : Меркурий, 2012. С. 98–101.

УДК 811.111:276.6:34

Т. В. Ускова

кандидат филологических наук, профессор каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области права
юридического факультета МГЛУ; e-mail: t-uskova@bk.ru

ТИПИЧНЫЕ ТРУДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные трудности, возникающие при использовании английского юридического языка, как у носителей языка, не являющихся профессиональными юристами, так и у переводчиков и юристов не носителей языка. Среди основных трудностей можно назвать несовпадение значений терминов, сложную структуру юридического текста, синонимию и омонимию.

Ключевые слова: английский юридический язык; юридический дискурс; термин.

T. V. Uskova

PhD (Philology), Professor for the Chair of Linguistics
and Professional Communication in Law, Law department, MSLU;
e-mail: t-uskova@bk.ru

TYPICAL DIFFICULTIES IN LEGAL ENGLISH USAGE

The article considers the main difficulties which arise when laymen or interpreters or non-English lawyers deal with legal English texts. Among the most obvious difficulties are complex structure of legal English texts and legal English discourse, synonyms and homonyms.

Key words: legal English; legal discourse; term.

В последние годы, в странах, использующих англо-саксонскую систему права, появилось немало ученых, призывающих упростить английский юридический язык, сделать юридические документы более понятными любому человеку, а не только профессионалу. Для того чтобы английский юридический язык стал более эффективным средством коммуникации, прежде всего необходимо определить аспекты, которые в наибольшей степени затрудняют понимание.

Первое, что вызывает сложности у всех, кто использует английский юридический язык, это технический вокабуляр юриста. Хотя некоторые лексические единицы данного вокабуляра известны многим, например, *judge*, *prosecutor*, *defendant*, о большей части технического вокабуляра юриста непрофессионалы имеют довольно смутное

представление: *wrongful imprisonment, preponderance of evidence*. Еще большие трудности могут вызывать юридические омонимы, которые кажутся знакомыми, но могут иметь значение, непривычное для неспециалиста. Например, *burglary* в языке повседневного общения имеет значение «кража со взломом», но в юридическом английском означает «проникновение в жилище в ночное время с целью совершить фелонию (тяжкое преступление, за которое может быть назначено наказание в виде тюремного заключения сроком от одного года и вплоть до смертной казни)». Однако есть термины, которые носитель языка-неюррист вообще не понимает: *testator, tortfeasor, estoppel* и др.

По словам П. М. Тиерсмы, наилучшим свидетельством того, что неюрлисты испытывают сложности с юридической терминологией, может служить тот факт, что во время судебного разбирательства присяжные, получившие от судьи инструкции, в которых им сообщается, в каком преступлении обвиняется подсудимый, какие элементы состава данного преступления должна доказать сторона обвинения и т. п., обращаются к толковым словарям, чтобы понять, что от них требуется [Tiersma 1999, с. 203]. И это происходит при том, что присяжным запрещено получать какую-либо дополнительную информацию, что включает и пользование словарями, таким образом, присяжные сами сознательно нарушают закон. В исследовании, проведенном американскими юристами, в котором рассматривались случаи нарушения присяжными запрета пользоваться дополнительными источниками информации, было выявлено, что присяжные искали определения таких слов, как *assault, battery, custody, insanity, malpractice, negligent, prudent* и многие другие [Tiersma 1995, с. 20].

Аналогичные проблемы возникают и при переводе данных терминов на русский язык. Рассмотрим определение термина *assault* в Black's Law Dictionary:

1. *Criminal & Tort law*. The threat or use of force on another that causes that person to have a reasonable apprehension of imminent harmful or offensive conduct; the act of putting another person in reasonable fear or apprehension of immediate battery by means of an act amounting to an attempt or threat to commit a battery.
2. *Criminal law*. An attempt to commit battery, requiring the specific intent to cause physical injury.

3. Loosely, a battery.

4. Popularly, any attack [Garner 1999, с. 109]

Из данной словарной статьи становится понятно, почему англо-русские словари предлагают перевод данного термина от значения «словесное оскорбление» до «оскорбление действием, попытка нанести побои». Тем не менее это не очень помогает при переводе, так как часто из контекста не понятно, какие действия имел в виду автор.

К этому можно добавить и проблему несовпадения дефиниций отдельных понятий, например в американской и российской правовой системах. Например, термин *battery* определяется в Black's Law Dictionary как *any unlawful beating, or other wrongful physical violence or constraint, inflicted on a human being without his consent* [Garner 1999, с. 84] и традиционно переводится «нанесение побоев» и является преступлением. Однако, в связи с внесением изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2016 г. термин *battery* перестал соответствовать русскому термину, так как статья 115 УК РФ описывает умышленное причинение вреда здоровью, а статья 116 УК РФ «Побои» предусматривает «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [Уголовный кодекс Российской Федерации]. Таким образом, действия, попадающие под описание статей 115 и 116 УК РФ, являются преступлениями, однако аналогичные действия в отношении лиц, не входящих в перечень, могут рассматриваться как административные правонарушения.

Следующей проблемой, с которой сталкиваются неюристы, являются архаичные формы, а также синтаксические конструкции, даже при условии, что их употребление обусловлено необходимостью. Использование *said* или *aforsaid, same, such* нетипично для современного языка повседневного общения, поэтому их использование в юридическом дискурсе, несомненно, приводит к затруднениям в понимании. То же можно сказать и о терминах, которые содержат *here-, there-, where-*, например, *hereof, therein, wherein*.

Дополнительные трудности вызывает использование малоупотребительных лексических единиц, типичных для официальных документов. Как отмечает в своей работе П. М. Тиерсма, не все носители языка понимают значение *initiate* или *terminate*, хотя все понимают *begin* и *end*. По его мнению, причина такого положения дел в том, что мы получаем представление о значении слова, когда видим или слышим, как оно используется. Таким образом большинство неюристов не сталкиваются с подобной лексикой в повседневной жизни и, следовательно, не знакомы с ее значениями, однако профессиональные юристы используют данные термины постоянно, поэтому их использование не затрудняет профессиональное общение [Tiersma 1999, с. 204].

Довольно частое использование безличных конструкций, использование существительных вместо местоимений *I* или *you*, является еще одним препятствием адекватного понимания английского юридического текста. Например, в договоре купли-продажи мы читаем: «*Vendor shall have the right to modify this clause with thirty days' notice to vendee*». Поскольку договор купли-продажи заключается между двумя сторонами, и логичнее было бы продавцу и покупателю, как сторонам по договору, обращаться друг к другу *I* и *you*, а не в третьем лице. Надо также учитывать тот факт, что не каждый покупатель знает, кто такие *vendor* и *vendee*, и кем он является в данном договоре [Tiersma 1999, с. 205].

Типичным для английского юридического дискурса является использование отглагольных существительных, полученных путем конверсии. Несмотря на то, что исследования показывают, что подобные формы обычно затрудняют понимание по сравнению с глагольными формами, они очень часто используются. Причем часто без особой необходимости. В договоре о предоставлении кредита можно встретить такую фразу: *In the event of default on the part of the buyer...* В данном предложении *default* существительное, хотя для облегчения понимания лучше было бы использовать глагол: *If the buyer defaults...*, в этом случае фраза стала бы короче и ее было бы легче понять [Tiersma 1999, с. 205].

Среди других причин, вызывающих неверное понимание английского юридического текста, можно назвать нетипичное использование модальных глаголов, многочисленных отрицаний, сложных и длинных предложений.

К трудностям понимания английского юридического текста может привести структура текста или дискурса. Общеизвестно, что события, изложенные в хронологическом порядке, проще для восприятия, чем события, изложенные хаотично. Логическое выстраивание текста также существенно влияет на восприятие информации. В большинстве случаев более важная информация подается в начале высказывания, более общая информация – до частной, обобщения – перед условиями или исключениями. Тем не менее все эти принципы довольно часто нарушаются в английских юридических текстах. Рассмотрим следующий пример:

Whoever, other than a special Government employee who serves for less than sixty days in a given calendar year, having been so employed as specified in subsection (d) of this section, within one year after such employment has ceased, knowingly acts as agent or attorney for, or otherwise represents, anyone other than the United States in any formal or informal appearance before, or, with the intent to influence, makes any oral or written communication on behalf of anyone other than the United States, to – “(1) the department or agency in which he served as an officer or employee, or any officer or employee thereof, and “(2) in connection with any judicial, rulemaking, or other proceeding, application, request for a ruling or other determination, contract, claim, controversy, investigation, charge, accusation, arrest, or other particular matter, and “(3) which is pending before such department or agency or in which such department or agency has a direct and substantial interest –

- shall be fined not more than \$10,000 or imprisoned for not more than two years, or both [Public Law 1978, 95-521].

Если бы текст данного статута начинался бы словами *Whoever knowingly acts...*, а потом вводились бы исключения *a special Government employee*, структура текста была бы более логичной, следовательно, более легкой для восприятия.

К категории англоязычных юридических документов, имеющих сложную, затрудняющую понимание структуру, можно отнести текст любого потребительского договора. Как известно, наиболее важные положения подобных договоров ставятся в конце длинного документа, где потребитель их может просто не заметить, более того, они могут быть напечатаны таким мелким шрифтом, что их невозможно прочитать невооруженным глазом.

Кроме всего вышеперечисленного, следует учитывать тот факт, что английский юридический язык «обслуживает» юридические

системы нескольких стран: Англии и Уэльса, США, Канады, Австралии и некоторых других. Такая ситуация приводит к возникновению многочисленных синонимов и синонимичных конструкций, с одной стороны, и омонимов – с другой.

Приведем примеры самых распространенных синонимов (см. табл. 1).

Таблица 1

Англия

company

share

lift the corporate veil

США

corporation

stock

pierce the corporate veil

Существование синонимов затрудняет работу переводчика или юриста, работающего с англоязычными юридическими документами, но наибольшие трудности, безусловно, вызывает омонимия (см. табл. 2).

Таблица 2

	Англия	США
учредительный договор	memorandum of association	articles of incorporation / certificate of incorporation
устав компании	articles of association	bylaws
свидетельство о регистрации компании	certificate of incorporation	<i>generally, no official certificate is issued</i>
подзаконные акты	bylaws	subordinate act

Принимая во внимание все вышеизложенное, необходимо отметить, что англоязычная юридическая терминология, англоязычный юридический текст и дискурс вызывают трудности не только у носителей языка, которые не являются профессиональными юристами, но и у переводчиков и юристов-иностранцев, работающих с данными материалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Уголовный кодекс Российской Федерации. URL : www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

- Garner B. A.* Black's Law Dictionary. West Group, 1999. 1256 p.
- Public Law 95-521 OCT. 26, 1978 URL : en.wikisource.org/wiki/Page:United_States_Statutes_at_Large_Volume_92_Part_2
- Tiersma P. M.* Dictionaries and Death: Do Capital Jurors Understand Mitigation? Utah L. Rev. 1, 1995. C. 20–21.
- Tiersma P. M.* Legal language. Chicago : The University of Chicago Press, 1999. 314 p.

УДК 811.11

Х. Швайцер

профессор Института информатики им. Вильгельма Шиккарда
университета г. Тюбинген, Германия; e-mail: h.schweizer.moess@web.de

«АДВЕРСАТИВНОСТЬ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВА (прагматика)

Понятие «адверсативный» рассматривается в статье на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях. С точки зрения прагматики «адверсативность» понимается как бинарное мышление и особый тип аргументации. Анализируя наглядные примеры, автор показывает, что логическая фигура (форма высказывания) утверждения или отрицания в рамках прагматики способна имплицировать важные последствия, влияющие на общество. Автор приходит к выводу, что разработанная с изложенных в статье позиций грамматика, которую он представляет как альтернативную традиционным грамматикам, может внести важный «лингвоаналитический» вклад в актуальный общественный дискурс. В статье подчеркиваются значение и возможности методики анализа и интерпретации текста с компьютерным обеспечением как наиболее эффективного рабочего инструмента.

Ключевые слова: адверсативный; утверждение и отрицание; логическая фигура; форма высказывания; бинарное мышление; семантика и прагматика.

H. Schweizer

Professor, the Wilhelm Schickard Institute, University of Tübingen,
Germany; e-mail: h.schweizer.moess@web.de

ADVERSATIVE: IMPLICATIONS FOR SOCIETY (Pragmatics)

The article addresses the notion *adversative* on the level of syntax, semantics, and pragmatics. In terms of pragmatics, it is understood as binary thinking and a distinct argumentation type. By analysing obvious examples, the author claims that a logical figure (a form of proposition) in the affirmative or in the negative on the pragmatics level may carry serious implications for society. The author comes to the conclusion that an alternative grammar developed by adopting the approach described in the article, can make a substantial *linguo-analytical* contribution to the current state of public discourse. The article stresses the significance and potential of the computer-based methodology for text analysis and interpretation as a most useful tool of the trade.

Key words: adversative; affirmative and negative; logical figure; form of proposition; binary thinking; semantics and pragmatics.

“ADVERSATIV“ MIT MONSTRÖSEN FOLGEN **(Pragmatik)**

1. Einleitung

Der Einladung, an der MSLU einen grammatiktheoretischen Beitrag zu veröffentlichen, komme ich gern und dankbar nach – damit frühere Verbindungen – in Tübingen und Moskau grundgelegt – reaktivierend. Gewählt habe ich als Thema den Begriff „adversativ“ – obwohl ich weiß, dass „adversativ“ als Untersuchungsgegenstand eher *dröge* wirkt. Aber die LeserInnen des Beitrags bitte ich zu prüfen, ob sie vergleichbare Erfahrungen mit dem Begriff gemacht haben wie ich: „adversativ“ – auf der Ebene der Verbindung von Nomina: „Kohlehydrate, *aber keine* Vitamine“ – schließt eine „Negation“ ein. Also stellt sich – über die bloße Vergabe eines Grammatiketiketts hinaus – zugleich die Frage, wie man als Grammatiker mit einer „Negation“ umgeht. Meine Erfahrung war lange: Die Analyse von solcher Verkettung von Nomina muss natürlich vollzogen werden – die Fragestellung kann sich eine Stufe höher, auf dem Weg zum Gesamttext, im Zueinander von Sätzen wiederholen – es gibt auf pragmatischer Ebene noch weitere Formen, in denen „adversativ“ realisiert werden kann. Sobald das Etikett „adversativ“ vergeben war, schien in der Standardverwendung von Grammatik das Wichtigste geleistet zu sein. Da vom zweiten Nomen die „Nicht-Existenz“ ausgesagt wurde, verlor jenes an Interesse: Positiv weiterarbeiten konnte man fortan nur mit dem ersten Nomen – dem zweiten kam ja keine „Existenz“ zu, es konnte sozusagen „abgelegt“ werden. Seine Erwähnung war beachtet, dann aber die Aufmerksamkeit ihm entzogen worden.

Es zeichnet sich damit für die Grammatikreflexion der weitere Aspekt ab: auch die Frage der „Existenz“ muss behandelt werden. Weder „Negation“ noch „Existenz“ dürfen letztlich übergangen werden. Solche *Implikationen* sichtbar zu machen, wird Aufgabe der PRAGMATIK sein.

Bei – in meinem Kontext – Grammatiken im *westeuropäischen* Rahmen – auf Schul- oder Wissenschaftsebene – aber auch bei Grammatiken für verschiedene *semitische* Sprachen ist mir nicht erinnerlich, dass explizit mit dem Terminus „adversativ“ und weiterführend mit den Aspekten von „Negation“ und „Existenz“ operiert worden wäre. – Dieses Defizit wurde mir erst spät bewusst. Rückblickend kann man sagen: In aller Regel wurde ein „adversativ“-Befund – ob mit diesem Terminus oder einer äquivalenten Umschreibung – erkannt und registriert. Weitere sich

aus dem Befund ergebende Reflexionen blieben aber aus – obwohl die anklingenden Abstrakta „Negation“ und „Existenz“ gewichtige Weichen in jeder Kommunikation repräsentieren.

Das erwähnte Defizit würde ich mit meinem aktuellen Beitrag gern ausfüllen. Von welchem grammatischen Denkraum her ich operiere, kann man im folgenden *web-link* <http://www.alternativ-grammatik.de> nachverfolgen. Diese für die Schulebene ausgelegte Adresse wendet an, was bei mir auf wissenschaftlicher im Buch „Metaphorische Grammatik“ grundgelegt und inzwischen auf breiter Front, z.B. am Text der alttestamentlichen Josefsgeschichte, erprobt und als fruchtbar nachgewiesen ist (vgl. Literaturhinweis am Schluss).

Zunächst sind die 3 Hauptbegriffe = Methodenebenen wichtig:

1. SYNTAX – hier ist die größte Vorsicht anzuraten: Darunter wird – **bedeutungsfrei!** – nichts als die *Analyse der Ausdrucksseite* verstanden. Dieses „Syntax“-Verständnis darf auf keinen Fall mit der alten „Satzlehre“ verquickt werden! Für die vollkommen homogene Analyse des Textes auf Ausdrucksseite – kein Bedeutungswissen funkt dazwischen – ist der Computer das hervorragende Arbeitsinstrument – sowohl für eine differenzierte textinterne Wortstatistik, wie auch bezüglich des Verhältnisses zum umgebenden Textkorpus (Formeln, Anspielungen usw.).

Erst der Rechner hat ans Licht gebracht, dass die originale Josefsgeschichte wie die berühmte Moseberufung (Ex 3) beginnt, diese im Grund persifliert, dreist „Mose“ durch „Josef“ ersetzt. Alle Fachleute waren *bis dato* blind für diesen *link* gewesen – der Grund: sich einen Arbeitsschritt lang nur auf die Ausdrucksseite zu konzentrieren, war man nicht gewohnt, weil man immer gleich, also vorschnell, nach den Bedeutungen gierte. Aber bei jeder Textwahrnehmung nimmt niemand Bedeutungen wahr, sondern zunächst Schriftzeichen oder Töne. Das galt es ernstzunehmen. Die sich dabei bildenden „Ketten“ sprechen auch bereits, aber ihre *eigene* Sprache.

2. SEMANTIK – setzt vollkommen neu auf der **Bedeutungsseite** ein, öffnet die Analyse der Inhalte und interpretiert sie und ihr Zueinander *in der unmittelbaren Wortbedeutung*, worauf also ein Satz – ich spreche lieber von *Äußerungseinheit* (denn es gibt schließlich auch nicht-satzhafte Äußerungen) – direkt und gut fassbar inhaltlich verweist.

Benötigt wird für diese Analyseaufgabe natürlich ein alternativer Ansatz – gemessen an der vorausgegangenen SYNTAX, mit entsprechendem Terminologieinventar. Dafür lieferte die Linguistik der letzten

Jahrzehnte reichlich Impulse – nur wenige Stichwörter seien genannt: *Prädikation, Aktanten, Sprechakte, Modalitäten, Adjunktionen, Ort/Zeit-Bestimmung*.

3. PRAGMATIK – **Bedeutungsseite II** – öffnet den Blick – a) – für den *literarischen Kontext* (= gesamter Einzeltext). Der lässt sich – noch in der Wortbedeutung – mit den nun schon bekannten *semantischen* Kategorien ebenfalls beschreiben. Und – b) – wird die zweite = *übertragene Bedeutungsebene* analysiert: gut ist es zwar, die alten griechischen Begriffe zu kennen – *Synekdoche, Metonymie, Metafer* u.ä. –, aber sie wirken fremd und aufgepfropft. Sie lassen sich jedoch in die in der SEMANTIK eingeführte und nun erneut zur Anwendung kommende Basisterminologie überführen. Auch interessiert – c) – der Blick über den Text hinaus, sein Verhältnis zur *Kommunikationssituation*: Wer wollte bei wem aus welchem Anliegen heraus mit welchen rhetorischen Mitteln welche Effekte erzielen?

Grammatik, die nun auch die Ebene „Text“ erfasst?! Die Ebene des Gesamttextes sollte quasi *grammatisch* erarbeitet werden, mit Begriffen, Denkweisen, die schon in der (Satz-)Semantik eingeführt worden waren. Weitere eigenständige Fragestellungen kamen hinzu, z.B. *Dialoganalyse, Metafernbeschreibung, Thema-Rhema, Isotopien, Implikationen, Präsuppositionen* usw. – Das war ein Gegenkonzept zur gängigen Literaturanalyse, wie sie an Universitäten gelehrt wurde und die eher weitgreifend historisch, geistesgeschichtlich, aber zu wenig unmittelbar textanalytisch orientiert gewesen war.

Das alles sei wenigstens angerissen. Im erwähnten *web-link* können die methodischen Stufen anschaulich nachverfolgt werden – in den wissenschaftlichen Publikationen ohnehin (die biblische Josefsgeschichte haben wir ausführlichst im genannten Methoden-Dreischritt analysiert).

Die „Alternativ-Grammatik“ möchte praxisnah auch die These vermitteln, dass zumindest im Inhaltsbereich – also SEMANTIK / PRAGMATIK – eine *Basisterminologie* zur Verfügung gestellt werden soll und kann, mit der sich *jedwede Sprache* beschreiben lässt. Ein Beispiel soll hier ja das Thema sein: „adversativ“ als Terminus gibt es schon seit langer Zeit und ist so verstehbar, dass er in jeder Einzelsprache zur Anwendung kommen kann. Weder das Russische noch das Deutsche noch sonst eine Einzelsprache kann oder braucht den Terminus exklusiv für sich okkupieren – es bewährt sich dabei das Latein als übergeordnete und überzeitliche Methodensprache. Eine solche *Methodensprache über*

allen Einzelsprachen ist wichtig (und seit der Antike in der Entwicklung, Verfeinerung) – nur so lässt sich das Bedeutungsverstehen für die eine Sprache in der anderen plausibel machen, verstehbar vermitteln.

Wo sich die Einzelsprachen dagegen unterscheiden – allgemeine verschiedene kulturelle und geschichtliche Rahmenbedingungen hier noch ausgeklammert –, das spielt sich in unserem Grammatikkonzept exklusiv im Rahmen der neudefinierten SYNTAX ab. Von ihr zum bisher üblichen Syntaxverständnis gibt es keine Brücke!

Für das Erlernen weder des Russischen noch des Deutschen muss man wissen, was ein *Hamza* ist. Dieser Fachterminus hat mit SEMANTIK / PRAGMATIK nichts zu tun, sondern gehört für das Arabische auf die Ebene der (Ausdrucks-)SYNTAX (gutturaler Verschlusslaut). – Aber genaugenommen muss man nicht erst nach Beispielen für die scharfe und klare gedankliche und methodische Trennung von *Ausdrucks-* und *Bedeutungsseite* suchen. Nichts ist offenkundiger als diese. Allein die standardisierte Vorprägung durch die bisherige Grammatik (die immer schon die Bedeutungen einbezieht –, weil Bedeutungsübermittlung doch der eigentliche Zweck von Sprache sei!) sorgt bei vielen noch für die fortdauernde Verblendung, das Geringachten des ‚Übermittlungskanals‘. Steigerung der Verblendung: Das irrige Deklarieren der Wortbedeutung als ‚Ausdrucksseite‘(!) – eine solche ererbte Einstellung blockiert jede vernünftige Weiterarbeit. Die reale Ausdrucksseite bleibt damit missachtet.

Die für SEMANTIK / PRAGMATIK notwendige **Basisterminologie** – wir haben dazu einen Vorschlag gemacht – vgl. „Metaphorische Grammatik“ – und ihn auch schon ausführlich erprobt – muss beanspruchen, für den Bereich der natürlichen Sprachen ähnlich grundlegend zu sein wie im Bereich LOGIK/MATHEMATIK die dort gültigen Definitionen/Axiome/Regeln. Der Anspruch ist nicht neu – immer schon, gleichgültig bei welcher Sprache – hat man bei Sätzen nach dem *Prädikat* gesucht, nach *Subjekt*, nach Indizien für *Modalitäten*, *Orts-* und *Zeithinweise* usw. Das alles sind ja schon ‚übereinzelsprachliche‘ Kategorien.

Durch Verfolg der linguistischen Diskussion der letzten Jahrzehnte (in sich nicht einheitlich) galt es lediglich, ein schlüssiges und revidiertes Gesamtkonzept zu entwickeln, mit dem sich Texte von der Ebene der Wortketten bis hinauf zur PRAGMATIK schlüssig beschreiben ließen. – Aber wenden wir uns vor dem angedeuteten gedanklichen Rahmen nun dem konkreten Einzelthema zu:

2. „Adversativ“ semantisch – dann pragmatisch

Für sich genommen, und eben noch in der SEMANTIK, also im unmittelbaren und logischen Wortsinn, ist „adversativ“ schnell und übersichtlich definiert:

die Größe A: ja, – die Größe B jedoch: nein

Im Deutschen: „A, *aber nicht* B“; „Regen, *aber kein* Hagel“; „Glückwunsch, *jedoch ohne* Blumen“.

Genau die selbe schlichte „ja | nein“-Denkfigur im Rahmen der PRAGMATIK kann dann aufwühlende, die Gesellschaft verändernde Folgen implizieren. Einige Hinweise zunächst zur SEMANTIK:

Von den beiden Figuren „A“ und „B“ wird gesprochen – dem Anschein nach: gleichberechtigt. Dass „B“ *negiert* ist – nun ja, das wird noch nebenbei notiert. Es dominiert aber die Praxis: man kann von „B“ genauso sprechen wie von „A“ – das Negationszeichen wird zwar erkannt, jedoch nicht weiter behandelt, ausgewertet.

Aber es muss nach diesem „semantischen“ Einstieg, also der Beschäftigung mit der unmittelbaren Wortbedeutung, *grammatisch* irgendwann der Punkt kommen, wo die zunächst noch gewollte und akzeptierte Naivität beendet, somit klargestellt wird: Die Existenz von „A“ wird in meinem Sprechen vorausgesetzt = *präsupponiert*, nicht jedoch die von „B“. Lediglich die Erwähnung und Beachtung eines Negationszeichens wird diesem Aspekt noch nicht gerecht. Zwischen „A“ und „B“ gilt es, einen fundamentalen Unterschied in die Analyse einzubringen.

Solch kritisches Aufgreifen der SEMANTIK ist – in meinem Verständnis – Aufgabe und Zuständigkeit der PRAGMATIK.

Beide Stufen der Bedeutungsbeschreibung bleiben in Kraft und können nicht auf *eine* reduziert werden, weil nämlich wir uns ebenfalls und ständig in *zweifacher* Form mit dem Wahrnehmen / Entziffern von sprachlichen Äußerungen auseinandersetzen müssen: Zunächst nimmt man die *Wortbedeutung* wahr – möge sie hochpoetisch sein oder im ersten Zugang nach Unsinn klingen. In einem zweiten Zugriff versucht unser Geist – sofern er *Anlässe* sieht, sich mit dem *semantischen* Verständnis *nicht* zufriedengeben zu können – sich einen Reim auf das Wahrgenommene zu machen und analysierend-spontan zu erkennen, was das Gegenüber *eigentlich* hatte sagen wollen, aber eben explizit nicht artikuliert hatte. Der Sprecher / Schreiber wird für den ‚Umweg‘, die Indirektheit seiner Äußerung Gründe gehabt haben; sie können vom Selbstschutz über

didaktische Motivation bis zum Humor reichen – mit vielen weiteren möglichen Motiven dazwischen.

Vgl. in <http://www.alternativ-grammatik.de> die Ziff. 4.41 und darin den Punkt 5): *Negation* zeigt sich im realen Leben durch Zerstörung, Tötung oder durch sonstige Formen des Ignorierens; das ist im Titel unseres Beitrags mit „monströsen Folgen“ gemeint. Das französische *adversaire* kam in den Sinn – schon sind wir beim „Gegner, Feind“.

Neben der bloßen Etikettvergabe – „adversativ“ – werden zugleich die dabei implizierten Stichwörter „Negation“ und „Existenz“ aktiviert. Das richtige *handling* des Grammatiketiketts garantiert noch keineswegs das angemessene *Verstehen* – zumal mit „Negation“ und „Existenz“ bereits zwei gewichtige Aspekte ins Spiel gekommen sind. – Aber das lässt sich noch besser verdeutlichen.

3. Binäres Denken – Übergang zur PRAGMATIK

„Adversativ“ wird in der PRAGMATIK als ‚binäres Denken‘ behandelt, als eigener Argumentationstyp, der mit scharfer gedanklicher Entgegensetzung operiert. Damit scheinen Mathematik oder Logik ins Spiel zu kommen. Aber der Horizont ist weiter als diese beiden Disziplinen: Auch in natürlicher Sprache wird oft mit sich ausschließenden Gegensätzen argumentiert – Mathematik und Logik haben keinen exklusiven oder privilegierten Zugriff auf diese Denkfigur.

Vgl. <http://www.alternativ-grammatik.de>, darin die Ziff. 4.383: Was als „Geistige Heimat, Ideologie, Verein oder Partei usw.“ verstanden sein will, muss sich gegenüber Konkurrenten, Mitbewerbern abgrenzen, die „Anderen“ auf Distanz halten, ja – wenn nötig – bekämpfen. Aber das gilt schon für jeden Einzelmenschen: Jede/r versucht, ein eigenes Selbstbewusstsein und damit einen eigenen Stand, ein eigenes Profil in der umgebenden Gesellschaft auszubilden – in Abhebung von und Auseinandersetzung mit den Zeitgenossen.

Damit ist die Frage der ‚Existenz(-Berechtigung)‘ verknüpft – wo es als Antwortmöglichkeit auch nur ‚ja | nein‘ gibt. Was *negiert* werden muss, hat natürlich keine *Existenz(-berechtigung)* – dies zunächst als Skizzierung einer verbreiteten *Denkfigur*.

4. Frage der ‚Existenz‘

Schon in der Antike entstand vor diesem Hintergrund eine eigene Literaturgattung: ‚Apokalyptik‘, vgl. www.alternativ-grammatik.de Ziff.

4.0612, darin Punkt 8, bzw. jedes Lexikon. Auch wenn es als Ausdruck einer Banalität erscheinen mag: Literarisch haben die Menschen darin ihre tiefsitzende Angst vor dem großen „Ja | Nein“ zur Sprache gebracht. Diese inhaltliche Thematik ist unhintergebar. In der Regel wurde das Gefühl großer Bedrohung auf gefährliche Reiche / Mächte projiziert, die es folglich zu besiegen galt, – was nur mit göttlichem Beistand – „dem großen Tag des Zornes am Ende der Zeiten“ – Aussicht auf Erfolg zu haben schien.

In dieser Denkform wird der ultimative Eingriff zwar von Gott erwartet. Aber bisweilen wird geglaubt, den Weltherrscher durch eigene, vorausseilende, vorgreifende Attentate – möglichst ebenfalls in apokalyptischen Maßen – animieren und damit zumindest verkünden zu können, was letztlich ansteht.

Die imaginative Allmachtsfantasie entsteht natürlich aus einer Unterlegenheitserfahrung heraus: noch ist die umgebende Lebenswelt anders orientiert, richtet sich nicht an der eigenen Weltsicht und religiösen Überzeugung aus. Diese Omnipotenzvorstellung und zugleich Frustration befeuert die destruktive Fantasie gegen „die Anderen = Feinde“.

Geschrieben wird der gegenwärtige Beitrag kurz, nachdem in Barcelona ein IS-Attentat gerade durchgezogen worden war – es scheinen aber noch schlimmere Schäden gerade noch verhindert worden zu sein. Als willkürlich gewähltes Beispiel: das *adversativ*, „aber nicht“, wird bei Attentaten als „Nicht-Existenz“ interpretiert: im aktuellen Fall heißt das: 14 Tote, viele Verletzte. Was bei uns als Fragestellung abgehoben und fast nebensächlich erscheint, gewinnt dann, wenn man von der Sprachebene kurz ins reale Leben blickt, u.U. schnell große Brisanz.

5. Grundlage jeder Ideologie

Jede Ideologie – wie angedeutet – operiert mit der gleichen schlichten Zweiteilung:

A = „wir“: ja; daraus folgt logisch und zwingend: B = „die Anderen“: nein.
Vgl. www.alternativ-grammatik.de Ziff. 4.54; Punkt 3.5: Islamistischer_Terror

Die logische Figur der Entgegensetzung ist gedanklich äußerst anspruchslos – mit unterschiedlichen Effekten im Gefolge:

- Damit ist Gewalt nicht nur – scheinbar – gerechtfertigt, sondern schlichte Gemüter sehen sich geradezu angestachelt, aufgefordert

dazu, vgl. www.alternativ-grammatik.de Ziff. 4.083 (Modal-)Register INITIATIVE. (Grammatiker sollten also in ihr Arbeitsfeld einbeziehen, dass ‚Handlungsanstachelung‘ nicht nur über einige, – ‘dünne‘ – Konjugationsformen (z.B. ‚Imperativ‘) und Modalwörter / Interjektionen geschehen kann, sondern auch – *pragmatisch* – über den gedanklich-ideologischen Rahmen, in den sich jemand gestellt sieht.)

- Impliziert ist durch die logische Figur die geistige Selbstaufgabe der Akteure, anders gesagt: ihre autoritäre Einstellung = Fremdsteuerung kommt voll zum Zug: widerspruchslös und mit großem Engagement (= Fanatismus), bis hin zur Selbstaufgabe, folgen sie dem, was *andere* für richtig befunden und diktiert haben.

- Es ist keine Frage, dass dieses Grundmuster gesteigert und zugespitzt werden kann durch mitgebrachte biografische seelische Vorschädigungen des Täters.

- Die geistige Schlichtheit der Figur der *Entgegensetzung* macht sie bestens geeignet für die Rekrutierung von Mitgliedern, zumal die binäre *Wertung* damit zusammenhängt:

„wir“ = „gut, auf der richtigen Seite, von Gott erwählt usw.“; „die Anderen“ = schlecht, des Teufels, des Todes würdig“.

- Die *binäre* Struktur befreit von jedem u.U. mühsamen differenzierenden Wahrnehmen und Verarbeiten einer gegebenen Lebenssituation, was *Lernaufgabe* in jeder Biografie ist, ein Leben lang. An die Stelle jeglichen kommunikativen Prozesses tritt die Abschottung, die Illusion, mit dem ultimativen „Schlag“ komme alles ins Lot. Diese gedankliche Schlichtheit ist natürlich attraktiv für Fanatiker.

6. Überhöhung – z.B. religiöse

Ebenfalls gesteigert wird der implizite Aufruf zur terroristischen Gewalt, zur *Negation* und *Existenzauflösung*, wenn der gedankliche Rahmen mit einer „religiösen“ Zweitwelt – nicht allein beim Thema „Apokalyptik“ (vgl. Ziff.5) – aufgeladen wird, diese aber in ihrer „übertragenen Bedeutung“ nicht erkennt, sondern –

- weiter im Wortsinn (= SEMANTIK) genommen
- und nicht als ‚*Sprechweise*‘ erkannt, sondern mit der ‚Realität‘ gleichgesetzt, also verdinglicht wird
- das allerdings sind weitverbreitete Fehler. Zur Volksbildung sollte ein *Sprachbewusstsein* gehören, das nicht nur punktuell bei Humor oder

anderen besonders bemerkenswerten Sprachschöpfungen ‚anspringt‘, im übrigen sich aber mit der Gleichung: Sprache = Realität begnügt. Vielmehr sollte ein solches *Sprachbewusstsein* ständig empfangs- und reaktionsbereit sein. Solche – im übertragenen Sinn –, ‚Hellhörigkeit‘ nimmt auch mehr Zusatzbedeutungen und Nuancen wahr. Der Sprachgebrauch wird farbiger, sensibler.

Das Übersehen der *sprachlichen* Vermittlungsebene dagegen, das vermeintliche Leben in der puren ‚objektiven‘ Welt, das anscheinend fraglose Verquicken der göttlichen Welt mit unserer real erfahrbaren, das Nicht-Erkennen, dass religiöse Sprachbilder *mythisch*, bisweilen auch *poetisch* Einstellungen, Gefühle *im* Einzelmenschen ausdrücken, – solche Blindheit bringt einen dumpfen Radikalismus hervor, der meint, mit Macht und Gewalt die *äußere* Welt verändern zu müssen. Stattdessen müssten zunächst *innere*, auch *kommunikative* Prozesse – von frühester Kindheit bis zur Gegenwart – thematisiert und aufgearbeitet werden.

Ein Minimum an *Sprachbewusstsein* enthielte die Chance für verantwortungsvolleres Handeln. Noch fern vom Gedanken der Spezialisierung: in Schule und Universität sollte die Vermittlung von ausreichendem *Grundwissen in Sachen, Sprache / Kommunikation* eine Grundlagendisziplin sein. Das ist in Ergänzung z.B. zum Fremdsprachenunterricht gemeint, nicht als Konkurrenz. Aber „Sprache“ ist so fundamental wichtig und thematisch eigenständig, dass man ihr Wirken nicht nur selbst beherrschen – dafür stehen die einzelnen *Sprachfächer* an Schulen –, sondern auch strukturiert bedenken können sollte. Das sind gut unterscheidbare Aspekte. Das stand jedenfalls als Motivation hinter der „Alternativ-Grammatik“ – dort ist es Standard, dass der jeweilige Analysebegriff aus Semantik oder Pragmatik anschließend an Beispielen aus unterschiedlichsten Sprachen illustriert wird.

vgl. <http://www.alternativ-grammatik.de> Ziff. 4.1134 *Gott, Götter, religiöse Sprachediese*, ‚Projektionsebene‘, vgl. Ziff. 4.1135 *Personifikation, _Projektion*,

Der scheinbar trivial-harmlose Grammatikterminus „*adversativ*“ entpuppt sich bei näherer Betrachtung, v.a. im Kontext der PRAGMATIK, somit als brisant. Ein ähnliches Ausziehen der Linien könnte bei vielen weiteren Grammatiktermini ebenfalls zur Erkenntnis gesellschaftlicher Relevanz, oft auch Brisanz, führen – „*adversativ*“ spielt dabei keine Sonderrolle. Darauf – altersangepasst – in der Sprachausbildung schon ab der Schule hinzuweisen, würde Sprachverstehen und

Gesellschaftsmechanismen koppeln. Die Verführbarkeit durch Imame – welcher *Couleur* auch immer – würde reduziert, das demokratische Bewusstsein gestärkt, gleichzeitig die sprachlich-geistige Selbstständigkeit.

Wo solch ein Hintergrund fehlt, wo jemand den verschiedenen Anstachelungsfaktoren, z.B. Projektion, dumpf erliegt, wird brutales Vorgehen heutzutage etwa durch hinausgebrülltes ‚*allahu akbar*‘ (‚Allah ist groß‘) unterstrichen und gerechtfertigt; vor Jahrhunderten, im christlichen Kontext, handelten die Kreuzfahrer nicht anders – nur dass ihr Ruf war ‚*deus vult*‘ (‚Gott will (es)‘).

7. Ausblick auf das Grammatikverständnis

Die Andeutungen am Beispiel von *adversativ* zeigen – so denke ich – wie – gemessen am Zuschnitt von Standardgrammatiken – Module der „Alternativ-Grammatik“ ineinander greifen und ein gesellschaftliches Problem verstehbarer machen können. Da es sich um eine Fragestellung der *Bedeutungsseite* handelt, hat sich das Zueinander der Ebenen SEMANTIK / PRAGMATIK bewährt. Schon methodisch ist damit gesichert, dass es nicht – im Singular – die Bedeutung einer Äußerung gibt, sondern in aller Regel die Entfaltung mehrerer zusammenhängender Aspekte. Vor allem wurde nicht lediglich ein einzelsprachliches Wort analysiert, sondern *Implikationen*, breit in den Sprachgebrauch hinein, wurden sichtbar.

Das Stichwort „Grammatik“ kann sich so vom Image der Verstaubung und relativen Belanglosigkeit, der lästigen Trockenübung, befreien und stattdessen im aktuellen gesellschaftlichen Diskurs einen eigenständigen = ‚sprachanalytischen‘ Beitrag leisten. So gesehen wäre *Grammatik* im Konzert der übrigen einschlägigen Fächer – *Psychologie*, *Soziologie*, *Politikwissenschaft* u.ä. – präsent, würde im eigenen Arbeitsfeld – ‚sprachliche Äußerung‘ – ihre spezifische Kompetenz entfalten und einbringen.

Bislang entstand bei uns der Eindruck nicht, dass die Lebensnotwendigkeit von *Sprach- / Kommunikationsbewusstsein* im Didaktik- und Grammatikbereich ausreichend erkannt und umgesetzt würde.

Man kann und muss sich fragen, ob dieses Defizit – auch – Opfer der üblichen Fächergliederung ist: ein *Sprachfach* ist üblicherweise auf eine *Einzelsprache* bezogen. Hier ist aktuell aber das Thema nicht, eine

Einzelssprache zu erlernen, sondern *Sprache / Kommunikation* selbst zum Thema zu machen, gleichgültig welche Einzelssprache gerade benutzt wird.

Man nehme als Exempel für viele ‚Schul-, Standardgrammatiken‘ im Rahmen des Deutschen: den „Duden“ – auch *online* erreichbar, vgl. <http://www.duden.de/service>. Es ist zu wünschen, dass *Sprach*-Analyse – im Verbund mit den genannten *sozial* orientierten Fächern – bei der Bewältigung drängender gesellschaftlicher Probleme hilft. Im „Duden“ jedoch lernt man – außer der Nennung inhaltlicher Äquivalente – das korrekte Trennen des Wortes */adversativ/*. Das ist nicht unnütz – zugleich aber um Lichtjahre von den bei uns hier angedeuteten Gedanken entfernt.

Der Verzicht auf Reflexionen, die die Linien bis in die PRAGMATIK ausziehen, wirkt wie eine Denkblockade, als Ausdruck von Hilf- und Ratlosigkeit, wirkt wie Interesselosigkeit. „Grammatik“ ließe sich wahrlich als relevanter für das reale Leben präsentieren!

LITERATUR

Schweizer H. Metaphorische Grammatik. Wege zur Integration von Grammatik und Textinterpretation in der Exegese. Arbeiten zu Text und Sprache 15. St. Ottilien 1981.

Schweizer H. (ed.) Computerunterstützte Textinterpretation. Die Josefsgeschichte beschrieben und interpretiert im Dreischritt: Syntax-Semantik-Pragmatik. THLI 7/i-iii. Tübingen 1995.

Schweizer H. Krach oder Grammatik? Streitschrift für einen revidierten Sprachunterricht. Kritik und Vorschläge. Erziehungskonzeptionen und Praxis 70. Frankfurt/M 2008.

WEBLINKS

Unser Grammatikkonzept aufbereitet für die Schulebene, mit inzwischen sehr vielen praxisnahen Erläuterungen. Derzeit (Herbst 2017) ca. 8 Mio. Abrufe. Nicht erfüllt hat sich bislang die Hoffnung, Sprachinteressierte/-kompetente von außen würden selbstständig eigene Beiträge zum jeweiligen Grammatik-Punkt für die von ihnen frei gewählte „Einzelssprache“ einfügen, v.a. bei der didaktischen Umsetzung (Ziff. 5). Das Verständnis als „Mitmachportal“ blieb insofern – bislang – ein ‚frommer Wunsch‘. Im Theorieteil – Ziff. 4 – gibt es aber schon Materialien und Beiträge von verschiedenen Interessenten. www.alternativ-grammatik.de

Auf der Homepage „Textwissenschaft“ sind via Dateien viele Illustrationen zu unserem Arbeitskonzept zugänglich. Auf der Einstiegsseite zudem

unterschiedliche Angebote zum Forschungsprojekt „Josefsgeschichte“, darunter viele Übersetzungen in verschiedene Sprachen. www-ct.informatik.uni-tuebingen.de

Wer interessiert ist, die – noch fehlende – Übersetzung der originalen Josefsgeschichte ins Russische anzufertigen, ist herzlich eingeladen dazu und setze sich mit H.S. zur weiteren Abstimmung und Unterstützung (z.B. Bereitstellung des strukturierten Übersetzungstextes) in Verbindung: harald.schweizer@uni-tuebingen.de

Mit Namensnennung würde die Russisch-Version sowohl ins große Manuskript als auch in die Reihe der Kurzversionen aufgenommen und auf der zuvor genannten Webseite veröffentlicht.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА

УДК 81'22

Н. В. Алексеенко

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: joqan@mail.ru

ФЕНОМЕН ФИКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается понятие фиктивной коммуникации (интеракции), которое в последнее время приобретает всё большую популярность в когнитивной лингвистике. Уточняется его соотношение со смежными понятиями фиктивности, фиктивного движения и эвиденциальности. Показаны необходимость уточнения данного явления и целесообразность его анализа в контексте полимодального дискурса.

Ключевые слова: фиктивная (коммуникация) интеракция; фиктивность; фиктивное движение; эвиденциальность; полимодальный дискурс.

N. V. Alekseenko

Postgraduate Student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU, Lecturer at the department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: joqan@mail.ru

FICTIVE INTERACTION FROM MULTIMODAL PERSPECTIVE

The article focuses on the phenomenon of fictive interaction, which has been actively studied by foreign linguists for the past fifteen years; however, it has not attracted much attention of Russian linguists so far. We present an overview of fictive interaction on the basis of existing works, determine the future perspectives, finally, a multimodal aspect of the phenomenon under consideration is considered.

Key words: fictive interaction; fictivity; fictive motion; evidentiality; multimodal discourse.

С развитием прагматического направления в лингвистике коренным образом меняется подход к изучению языка. Внимание ученых

переключается на функционирование языка в его непосредственном употреблении. Возникает новый объект лингвистического анализа – коммуникативный акт (событие). Исследователи концентрируют внимание на его различных свойствах, на структуре, интенциях, условиях успешности, тактико-стратегическом поведении участников и пр. В последние годы выделяется еще один тип коммуникативного акта – фиктивный, который используется говорящим в определенных целях и указывает на нашу способность представлять некий объект или ситуацию так, как если бы они были непосредственными актами общения между людьми, например: *Его улыбка говорила: «Я чувствую себя не в своей тарелке».*

Примечательно, что данное понятие не относится к числу устоявшихся лингвистических терминов, однако в обыденном языке и других сферах коммуникации соответствующие лексемы употребляются достаточно часто.

На сегодняшний день слово *фикция* в русском языке имеет два базовых значения: с одной стороны, его определяют как вымысел или выдумка, с другой – как «вымышленное положение, построение, не соответствующее действительности, но используемое как действительное с какой-либо целью» [Словарь современного ... , с. 1367].

Обращаясь к англоязычной традиции использования данного термина, следует отметить, что в толковых словарях выделяют еще одно значение: «Литература о людях и событиях, вымышленных автором» (перевод наш. – Н. А.) [The Oxford Dictionary ... , с. 353]. Отметим, что *fiction* является частью устойчивого выражения *science fiction*, которое соотносится с русским понятием «научная фантастика» [там же].

В лингвистику понятие фиктивности было введено когнитологом Л. Талми. Рассматривая лексическую семантику глаголов движения, он обращает внимание на феномен движения в целом и выделяет его особый вид – *фиктивное движение* (*fictive motion*). Под последним он понимает репрезентацию (конструирование) в языке статичных объектов как динамичных. Исследователь рассматривает когнитивные проекции, позволяющие представлять явления так, как если бы они обладали свойствами, которые в действительности им не присущи (в данном случае как движущиеся объекты). Таким образом, фиктивность отражает способность человека мыслить образно, небуквально [Talmy 2001, с. 99].

Для иллюстрации данного феномена Л. Талми приводит следующие примеры:

This fence goes from the plateau to the valley. The cliff wall faces toward / away from the island [там же].

В нашем сознании такие объекты действительности, как забор (*fence*) или скала (*cliff*) репрезентированы как статичные, т. е. обладающие *фактической неподвижностью* (*factive stationariness*). Репрезентация подобных объектов как движущихся менее правдоподобна. Соответственно, употребляя глаголы *to go* или *to face* для обозначения свойств (состояний) неподвижных объектов, мы переосмысливаем их характеристики и прибегаем к непрямому обозначению [Talmy 2001, с. 101]. Согласно Л. Талми, в этом случае действует *общая когнитивная схема* (*major cognitive pattern*), построенная на противоречии между двумя ментальными репрезентациями одного и того же объекта. Причем одна из них, фактивная, является более правдоподобной (*veridical*), чем вторая, фиктивная [там же с. 100].

Наряду с фиктивным движением в рамках когнитивной лингвистики также изучаются *фиктивное изменение* (*fictive change*), *фиктивное событие* (*fictive event*):

The windows keep getting cleaner as you walk towards the bay [Handbook of Cognitive ... 2015, с. 554].

We took the highway to Miami [Jimenez Martinez-Losa 2007, с. 567].

Подчеркивая значимость подобных явлений, исследователи отмечают, что, во-первых, феномены фиктивности являются ментальными конструктами, репрезентированными в языке и, следовательно, их изучение поможет пролить свет на особенности соотношения языка и мышления. Во-вторых, все проявления фиктивности – это отклонения от буквального, прямого, представления действительности, однако именно в ней они берут свое начало. Иными словами, по мнению Л. Талми, они являются вторичными репрезентациями по отношению к фактическим.

Опираясь на идеи Л. Талми и других исследователей, Э. Паскуаль предлагает понятие *фиктивной интеракции* (или фиктивной коммуникации) (*Fictive interaction*). Данный термин используется для обозначения «самодостаточной единицы дискурса, которая концептуализируется в рамках фиктивного (нефиктивного) коммуникативного

акта и функционирует в синтаксическом и семантическом плане как грамматический компонент¹» (перевод наш. – Н. А.) [Pascual 2006, с. 245]

Вслед за Л. Талми, который полагает, что феномен фиктивного движения опирается на повседневный опыт взаимодействия с фактически движущимися объектами, Э. Паскуаль исходит из того, что восприятие мира и, соответственно, дискурсивная деятельность человека обусловлены тем, что человек, будучи социальным существом, постоянно вовлекается в коммуникацию с окружающими его людьми. Отсюда делается вывод о том, что модель непосредственного коммуникативного взаимодействия служит основой для концептуализации мыслительной деятельности (внутренний диалог), структуры дискурса (диалогический монолог) и языковых структур в целом (риторический вопрос) [там же, с. 249].

Таким образом, фиктивная интеракция указывает на устойчивую связь языка с непосредственным коммуникативным взаимодействием говорящих через ментальное проецирование фрейма реальной коммуникации на ментальную структуру целого предложения или его составную часть. Именно эта связь, по мнению автора, демонстрирует пересечение между грамматической структурой языка, взаимодействием (интеракцией) и познанием [Pascual 2006]. Обратимся для иллюстрации приведенных положений к следующему примеру:

You need to go in with the attitude *that yes I can do this* [...] (allnurses.com) [там же, с. 245].

Выделенный курсивом фрагмент представляет собой придаточное предложение. С одной стороны, он сохраняет выраженную диалогическую природу и не подчиняется структуре основного предложения, как бы существуя в собственной системе пространственно-временных и личностных координат. Об этом свидетельствует отсутствие согласования по персональному и временному дейксису. В синтаксическом плане данный фрагмент также не согласуется канонически с главным предложением из-за использования диалогического наречия *yes* после

¹ This [fictive interaction] constitutes a self-sufficient discourse unit conceptualized within a non-factive communicative occurrence, which functions syntactically and semantically as a grammatical constituent ... [Pascual 2006, с. 245].

союза *that* (*that yes ...*) С другой стороны, формальные указатели прямой речи (такие как кавычки) отсутствуют.

Заметим, что хотя термин «фиктивная коммуникация» (интеракция) пока не занесен в лингвистические справочники, подобные явления неоднократно привлекали внимание ученых, получая иные терминологические обозначения. Среди них синтаксические амальгамы Дж. Лакоффа, которые представляют собой языковые выражения, не соответствующие логической структуре предложения, например:

John invited *you'll never guess how many people* to his party and Irving's gone God knows where [Lakoff 1974, с. 321].

При всем своем сходстве данные явления различаются: в случае с фиктивной интеракцией речь идет не о «прямом цитировании или о перефразировании высказываний, произведенных в реальной или вымышленной коммуникативной ситуации» [Pascual 2006, с. 246], а о передаче отношения к описываемой ситуации или объекту.

По некоторым формальным характеристикам фиктивная коммуникация сближается с явлением *эвиденциальности*, которое традиционно рассматривается как грамматическая категория, указывающую на способ получения или источник информации, заключенной в предложении [Dienwald, Smirnova 2010, с. 1; Aikhenwald 2004, с. 3]. Как известно, в большинстве европейских языков отсутствие грамматической категории эвиденциальности восполняется другими средствами: частицами, наречиями, особыми придаточными предложениями. В этом случае речь идет о лексической эвиденциальности, которая сходна с рассматриваемым нами явлением. Б. Вимер обращается к отрывку из произведения «Окаянные дни» И. А. Бунина, в котором частица *мол* имеет значение косвенного свидетельства. Пример:

На лице рабочего пренебрежение, встал возле толпы боком, делая вид, что он приостановился на минуту для забавы: мол, заранее знаю, что все говорят чепуху [Dienwald, Smirnova 2010, с. 101].

Б. Вимер указывает на то, что в этом фрагменте маркер эвиденциальности – частица *мол*, не столько вводит определенный речевой акт, сколько передает своеобразную манеру поведения персонажа, характеризующую его отношение к ситуации [там же]. Мы полагаем, что придаточное предложение *мол, заранее знаю, что все говорят чепуху*, стоящее после двоеточия и вводимое *мол*, представляет собой случай

фиктивной коммуникации, на что указывает независимый от главного предложения персональный дейксис первого лица и темпоральный дейксис настоящего времени, а также отсутствие элементов, обычно вводящих прямую или косвенную речь (за исключением двоеточия).

Такого рода примеры весьма частотны и характерны не только для художественной литературы, но и для повседневной неформальной коммуникации. К частотным маркерам фиктивной коммуникации в русском языке можно отнести частицы *дескать*, *якобы*, *мол* и *типа*, характерные для неформального общения, частицу *like* в английском языке [Aikhenwald 2004, с. 10]. С другой стороны, все вышеперечисленные маркеры могут трактоваться как лексические маркеры эвиденциальности.

Еще одно явление, сходное с фиктивной коммуникацией, *виртуальный речевой акт*. Данный термин был предложен Р. Лэнекером для обозначения иллюкутивной фиктивности, которая позволяет создать иронию или сформулировать риторический вопрос:

That was a brilliant move. (*in response to something stupid*) [Pascual 2006, с. 247].

Значит, я, по-твоему, последняя хамская тварь, которая и должна погибнуть? *Ну, прекрасно, прекрасно* [Набоков 1990, с. 381].

С одной стороны, данные речевые акты можно считать фиктивным, так как коммуникативная цель не соответствует их конвенциональному значению: речевые действия, которые в стандартной ситуации являются похвалой, использованы с целью порицания. Однако, по мнению Э. Паскуаль, данные явления не тождественны: феномен фиктивной коммуникации выходит за рамки речевого акта в его традиционном понимании и указывает на «фиктивную природу коммуникативного канала» по сравнению с виртуальным речевым актом, который представляет собой использование «схематизированного интерактивного фрейма», элементы которого не соответствуют актуальному речевому акту [Pascual 2006, с. 247, 248].

Таким образом, необходимо отметить, что фиктивная интеракция (коммуникация) имеет точки соприкосновения с различными языковыми явлениями, такими как синтаксические амальгамы, виртуальные акты и эвиденциальность, обладая при этом уникальными характеристиками и функциями.

Данное явление не носит исключительный характер, не является нарушением языковой и речевой нормы и реализуется на разных уровнях языка. Как полагает Э. Паскуаль, случаи фиктивной коммуникации не могут быть отнесены к некорректному употреблению языковой нормы, так как подобное явление представлено различными языковыми жанрами. Кроме того, отметим, что фиктивная вербальная интеракция функционирует на разных уровнях языка:

1. Так такие глаза делает, закатывает их с видом: «**что конкретно тебя, мама, интересует** (из анекдота)» [НКРЯ: Наши дети: Подростки (2004)].
2. Что ты дакаешь-то? Дал Бог ум, да не всякому; тебя обидел, не дал, – не взыщи [Островский 1950, с. 191].

Приведенные фрагменты демонстрируют реализацию фиктивной интеракции в придаточных предложениях (2) и на лексическом уровне (2).

Данные предложения свидетельствуют также о том, что фиктивная коммуникация неоднородна и включает в себя разнообразные по семантике, структуре и функциям выражения. Так, Э. Паскуаль выделяет такие виды фиктивности, как фиктивный диалог, фиктивный адресат и фиктивный говорящий, и иллюстрирует их следующими примерами:

3. *Not happy? Money back!* guarantee... [Pascual 2014, с. 46].
4. He's a businessman, a guy that you say, *You're making so much money and here's some points* [там же, с. 45].
5. ...we must have the attitude of "*I'm better than you (and you, and you, too)*,"... [там же, с. 45].

Данная классификация опирается на общую структуру коммуникативного акта, в связи с чем возникает вопрос о том, возможно ли выделить дополнительные виды фиктивной коммуникации, учитывая то, что компонентами коммуникативного акта (по Р. Якобсону) являются не только отправитель, получатель, сообщение, но и контекст, контакт, код. Последнее особенно важно для изучения фиктивной коммуникации с учетом полимодальности общения, т. е. совмещения в процессе интеракции разных модусов (перцептивных каналов и семиотических систем).

На сегодняшний день нам известно весьма ограниченное количество работ, в которых исследователи обращаются к интересующему нас явлению в контексте полимодальности. Остановимся подробнее на работе К. Штек, которая исследует фиктивную коммуникацию в письменном нарративе [Stec 2007]. Фокусируясь на отношениях между автором как создателем произведения и читателем как его реципиентом, исследователь указывает на то, что в случае с письменными произведениями действует следующая закономерность: во время написания текста фиктивным является читатель, а во время прочтения автор. По мнению К. Штек, взаимодействие автора и читателя происходит посредством фиктивной коммуникации, так как действительная коммуникация в подобных условиях неосуществима. Модель взаимодействия объясняется через теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера [Stec 2007]: автор, сам или через героя, способен обращаться напрямую к читателю, выстраивая блэнд фиктивной коммуникации, который, в свою очередь, структурируется на основе фрейма фактической коммуникации (с глазу на глаз). Основное внимание К. Штек направлено на изучение особенностей фиктивного взаимодействия автора и читателя в рамках полимодального текста. Она приходит к выводу о том, что для установления фиктивного диалога с читателем автор использует различные модальности: например, взгляд персонажа в комиксе, употребление обращений в тексте и др. [Stec 2007].

В работе мы ставим задачу выявить и описать маркеры фиктивной коммуникации, которые указывают на переход от фактического к фиктивному общению в полимодальных текстах. В данной статье мы ограничимся иллюстрацией этого явления в текстах плакатов и кино.

Следует подчеркнуть, что в первом типе полимодального текста употребление фиктивной коммуникации весьма распространено, что объясняется функцией воздействия на массового реципиента [Кругликова 2005]. Роль фиктивной коммуникации при этом состоит в том, чтобы имитировать диалогическое общение.

Рассмотрим два плаката на русском и английском языках, которые были весьма популярны во время Второй мировой войны и до сих пор тиражируются в качестве многочисленных политических пародий и призывов (см. рис. 1 и 2).

Рис. 1

Рис. 2

Оба плаката использовались как средство агитации молодых людей вступить в ряды армии. Примечательно, что авторы прибегают к одним и тем же способам установления полимодальной коммуникации. Жанр плаката позволяет задействовать лишь визуальную модальность, однако посредством как вербальной, так и невербальной составляющих.

В отношении употребления языковых средств отметим использование выделенных графически и цветом местоимений *ты* и *you*, которые создают эффект прямого обращения к реципиенту. Употребление местоимений второго лица – достаточно распространенный прием в рамках плакатного жанра, который позволяет установить канал коммуникации между фиктивным адресантом и фактическим, хотя и опосредованным изображением, адресатом государством. Вербальное обращение достаточно лаконично, что характерно для жанра плаката, поэтому легко запоминается зрителем. Текст представлен в форме вопросительного директива (русский плакат) или ассертива (американский плакат),

что также создает эффект прямого обращения, призыва.

Вербальный компонент дополняется визуальным изображением: на обоих плакатах изображены персонажи, символизирующие государство (красноармеец и дядюшка Сэм), которые производят жест,

указывающий прямо на адресата; взгляд также обращен на зрителя. Данные невербальные действия создают с вербальным текстом единый полимодальный комплекс с тремя фокусами: взглядом, указательным жестом и местоимением второго лица, которые, соединяясь, создают у зрителя эффект присутствия «здесь и сейчас», эффект вовлеченности в непосредственный акт коммуникации.

Для анализа более сложных полимодальных актов фиктивной коммуникации мы обратились к звуковому художественному кино, в котором изучаемое явление, как и в художественной литературе, встречается довольно часто. Данный жанр является весьма востребованным, поэтому часто используется создателями для обращения к массовому зрителю, что нередко реализуется с помощью фиктивной коммуникации. Кроме того, важной особенностью фильма являются задаваемые камерой и репликами персонажей характеристики пространственного и временного контекста, который также может служить параметром фиктивности общения.

На рисунках 3, 4 и 5, приводимых ниже, показаны кадры из американского телесериала «Карточный домик» (House of Cards). Главный герой Фрэнсис Андервуд – конгрессмен, готовый пойти на всё, чтобы получить желаемую должность в правительстве. В первом кадре (см. рис. 3) он разговаривает со своей женой: данный диалог вне поля нашего исследования, так как является фактическим в вымышленной реальности фильма. Однако после ухода миссис Андервуд взгляд персонажа перемещается на зрителя, в результате меняется перспектива наблюдателя – с внутренней на внешнюю, так как зритель, погруженный до этого в действие фильма, т. е. находясь «внутри него», внезапно возвращается к роли «вовне» сюжета – к роли зрителя, сидящего перед телевизором. Такой процесс перемещения зрителя из одной системы координат в другую был описан в работах М. Гэлбрейт в терминах *push* (продвижение) и *pop* (проталкивание). В рамках первого процесса происходит перемещение читателя (в нашем случае зрителя) внутри сюжета произведения, а во втором случае происходит «процесс выталкивания» из внутреннего дейктического поля произведения во «внешний мир» [Ржешевская 2014, с. 99].

Для понимания обращенного непосредственно зрителю монолога героя необходимо пояснить, что незадолго до этой сцены Фрэнк Андервуд толкает под поезд журналистку (мисс Барнс), которая пытается

его шантажировать. Именно о ней идет речь в приводимом ниже отрывке. Пример:

Do you think I've forgotten you? Perhaps, you hoped I have. Don't waste a breath mourning Miss Barnes. Every kitten grows up to be a cat. They seem so harmless at first. Small, quiet, lapping up their saucer of milk. But once their claws get long enough they drop blood sometimes from the hand that feeds them. For those of us climbing to the top of the food chain there can be no mercy. There is but one rule. **Hunt. Or be hunted. Welcome back** [House of Cards; season 2; episode 1].

В данном фрагменте герой обращается непосредственно к зрителю, сменяя интродуктивные директивные акты (*Do you think...& Don't..., Hunt...*) ассертивами-обобщениями (*Every kitten...there can be no mercy*) и завершая декларативом *Welcome back*. Говорящий употребляет такие языковые средства, как местоимения второго лица (*you, us*), глаголы в настоящем и настоящем перфектном времени, а также в повелительном наклонении (*Don't waste a breath mourning Miss Barnes... Welcome back!*). Обратим внимание, что данные языковые единицы и выражения, в отличие от *mol*, *декабрь* и *like*, становятся маркерами фиктивности только в определенных ситуациях общения, а в канонических коммуникативных актах они выступают в роли конвенциональных дискурсивных средств реализации фактического общения.

Интересно, что данный монолог в целом фиктивен в двух отношениях: он обращен к несуществующему в пространстве фильма наблюдателю – реальному зрителю (фиктивному адресату), с которым осуществляется фиктивный диалог, поскольку адресат лишен возможности ответить. В то же время этот эпизод выпадает из основной сюжетной линии фильма, представляя собой относительно самостоятельный фрагмент и как бы «не существующий» для всех остальных персонажей. Такая резкая смена плана (по аналогии с театральными планами «персонаж – персонаж» vs. «актер – зритель») говорит о том, что существует еще один вид фиктивности, связанный со сменой контекста. В этом случае фиктивная интеракция может рассматриваться таковой по отношению к событиям сюжета.

Помимо вербальных маркеров фиктивной коммуникации, описанных выше, формат кино позволяет использовать такой прием, как смена перспективы камеры, посредством которой режиссер

устанавливает зрительный контакт между героем и публикой, что показано на рисунках 3, 4 и 5. Нередко такие акты сопровождаются наездом камеры (zoom-in).

Рис. 3

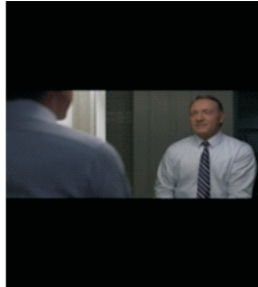

Рис. 4

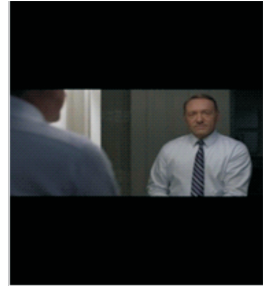

Рис. 5

Отметим, что подобный прием в фильмах применяется относительно часто.

Устанавливая зрительный контакт со зрителем, режиссер создает фиктивное пространство коммуникации, которое одновременно является частью вымышленной реальности фильма и фактической реальности публики. Такой прием позволяет режиссеру раздвинуть рамки непосредственной сюжетной линии, чтобы зритель смог почувствовать себя «реальным» участником происходящего.

Таким образом, как показывают исследования, явление фиктивной коммуникации весьма эффективно используется в современном дискурсе – моно- и полимодальном. Данный феномен, воплощая особый способ ментального и языкового конструирования событий и объектов – через структуры коммуникативного акта, значимо для исследования взаимосвязи языка, мышления и естественной коммуникации.

Фиктивная коммуникация связана с такими известными явлениями языка, как эвиденциальность, синтаксические амальгамы, виртуальный речевой акт, однако не сводится к ним, обладая собственным набором уникальных свойств и функций. Мы показали, что этот феномен находит применение в разных типах и жанрах дискурса, открывая широкие перспективы для дальнейших лингвистических исследований, в частности для изучения данных актов в полимодальных контекстах и выявления вербальных и невербальных маркеров фиктивности общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кругликова Н. П.* Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов первой и второй мировых войн) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 26 с.
- Набоков В. В.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Приглашение на казнь; Другие берега; Весна в Фиальте. М. : Правда, 1990. 1664 с.
- Национальный корпус русского языка. URL : www.ruscorpora.ru/index.html
- Островский А. Н.* Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 7. М. : Художественная литература, 1950. 340 с.
- Ржешевская А. А.* Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта (на материале английской драмы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 203 с.
- Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. Т. У–Ф / АН СССР. Институт русского языка ; ред. : Н. З. Котелова, Н. М. Меделец. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1964. 1611с.
- Философский энциклопедический словарь / гл. ред. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Aikhenwald A.* Evidentiality // Research Centre for Linguistic Typology / La Trobe University. New York : Oxford University Press, 2004. 452 p.
- Dienwald G., Smirnova E.* Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages // Empirical approaches to language typology; 49. Berlin/New York : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. 371 p.
- Fauconnier G., Turner M.* The way we think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basic Books, 2002. 446 p
- Handbook of Cognitive Linguistics (HSK 39) / E. Dabrowska, D. Divjak (eds.). Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2015. 715 p.
- Lakoff G.* Syntactic Amalgams // Chicago Linguistic Society 10 : Papers from the Regional Meetings. 1974. P. 321–344.
- Martinez-Losa N. J.* Towards a Typology of Fictive motion events: review of existing proposals and presentation of new perspectives // Interlinguistica. 2007. n.17. P. 562–569. URL : hispadoc.es/download/articulo/2317434.pdf
- Pascual E.* Fictive interaction within the sentence: A communicative type of fictivity in grammar // Cognitive Linguistics 17(2). Walter de Gruyter, 2006. P. 245–267. Doi: 10.1515/COG.2006.006
- Pascual O. E.* Fictive Interaction: the conversation Frame in thought language and discourse // Human Cognitive Processing / Cognitive Foundations of Language structure in Use; 47 / Ed. K.-U. Panther, L. Thornburg. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2014. 243 p.

- Stec K.* Wait Till you hear the best part: Fictive Interaction in Narrative : Undergraduate honors thesis / Department of Linguistics. University of California. Berkeley, 2007. 86 p.
- Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics // Vol. I: Concept Structuring System. Cambridge : MIT Press, 2001. 565 p.
- The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. C. T. Onions with the assistance of G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield. New York : Oxford University Press, 1966.

Е. Г. Логинова

кандидат филологический наук, доцент, старший научный сотрудник
каф. германских языков и методики их преподавания
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;
e-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

**ПОДОБИЕ И КОНТРАСТ ЭЛЕМЕНТОВ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессами означивания и интерпретации содержания в метакоммуникативном художественном пространстве драмы. Автор утверждает, что интерпретация содержания происходит в значительной мере за счет эффекта резонирования, возникающего при созвучии (уподоблении) и контрасте (расподоблении) элементов семиотических систем. Это проявляется при повторе на разных уровнях дискурса в пределах моносемиотического и полисемиотического пространства.

Ключевые слова: знак; интерпретация; резонанс; театр; метакоммуникация; диалогизм; подобие; контраст.

E. G. Loginova

Ph.D. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher,
Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology,
Ryazan State University named for S. A. Esenin;
e-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

**SIMILARITY AND CONTRAST OF VERBAL
AND NON-VERBAL SIGNS IN MULTIMODAL DISCOURSE**

The article focuses on the process of semiosis and interpretation of content in drama discourse. The author maintains that interpretation of content is largely affected by resonance which appears as a result of consonance (similarity) and contrast (dissimilarity) of juxtaposed elements of semiotic systems. Both consonance and contrast manifest themselves through repetition on different levels of monomodal and multimodal discourse in the processes of communication and metacommunication.

Key words: sign; interpretation; resonance; theatre; metacommunication; dialogicality; similarity; contrast.

Язык, слово – это почти всё в человеческой жизни. Но не нужно думать, что эта всеобъемлющая и многограннейшая реальность может быть предметом только одной науки – лингвистики и может быть понята только лингвистическими методами.

М. Бахтин

В когнитивной лингвистике язык рассматривается как репрезентационная система, способствующая пониманию познания. Сами языковые явления (вербальные и невербальные) изучаются опосредованно, как своеобразный зонд – инструмент выявления ментальных сущностей, которыми оперирует человеческое сознание.

С семиотических позиций познание языка есть познание кодирующей системы, к основным функциям которой относятся функция означивания и функция создания текстов.

В теории коммуникации язык – это система, которая объясняет себя путем последовательного развертывания все новых мономодальных и полимодальных контекстов общения. При этом на фоне коммуникативного смыслообразования возможно, на наш взгляд, исследование механизмов взаимоотношений между отдельными знаками и знаковыми системами, а также рассмотрение когнитивных процессов, действующих в ходе общения. Это обусловлено тем, что в основе коммуникации как полимодальной дискурсивной деятельности лежит процесс означивания и интерпретации информации с помощью разных семиотических систем (вербальных и невербальных). Своеобразной моделью коммуникации, позволяющей проследить, как упорядочивается этот процесс в полимодальном / поликодовом контексте общения, можно считать театр.

Театр в целом и театральная постановка, в частности, представляют собой одновременно текст и контекст общения, что предполагает рассмотрение факторов, обуславливающих когнитивно-коммуникативную организацию дискурса.

Наша задача – определить принципы организации полимодального дискурса, что позволит выявить роль повтора в обеспечении уподобления (созвучия) и расподобления (контраста) элементов семиотических систем в едином коммуникативном пространстве.

Поскольку исследование связано с полимодальным / поликодовым пространством, следует, на наш взгляд, рассмотреть, каким образом это пространство организовано в театре, представляющем собой многосторонний репрезентант человеческой деятельности с более широким концептуальным содержанием, выходящим за рамки отдельного вида искусства. На это указывает, прежде всего, этимология терминов «театр» и «теория», имеющих одни и те же греческие корни: *theā* (вид) и *horan* (видеть).

Лингвистическое родство слов отражает сложившееся у древних греков представление о том, что зрелищность театрального действия, логичная и стройная научная теория позволяют человеку увидеть и понять красоту и сложную организацию окружающего мира. При этом и театр, и теория есть интерпретация образа мира.

В целом, ментальный конструкт, отраженный в семантике рассматриваемых понятий, позволяет трактовать театр и теорию как некие механизмы конструирования образа мира (видения), основная функция которых – упорядочить исходный материал, представить его в форме, приемлемой для решения конкретных задач. Для теории исходным материалом служат факты, идеи, мнения, суждения, получающие отражение в интерпретациях ученых, – ведь наука, хотя и основана на фактах, оперирует инференциями. Для театра – это пьеса как источник вербального текста и метатекстовых элементов, включающих не только ремарки, но и высказывания, указывающие направление хода мысли (в терминологии А. Вежбицка «метатекстовые предупреждения»), выражения, сигнализирующие о решении высказаться («метатекстовые операторы») и другие группы метатекстовых компонентов высказывания [Вежбицка 1978, с. 402–424].

Включение театра и теории в ряд моделирующих систем позволяет увидеть в них не только характерные для моделей черты, но и выявить то, что отличает театр от теории и от других моделирующих систем.

Ю. М. Лотман, называя искусство в целом вторичной моделирующей системой, отмечал при этом особый двойственный характер игры. В частности, театральная игра, по мнению Ю. М. Лотмана, есть соединение практики с условностью и системы с многозначностью ее интерпретации [Лотман 2002].

Интерпретация интенциональна. Являясь одновременно процессом и продуктом, интерпретация позволяет характеризовать театральную игру как развивающуюся параллельно пьесе, и при этом не только определяемую пьесой, но и частично определяющую ее. Единой интерпретации быть не может, поскольку каждый раз это своего рода обращение к когнитивному состоянию того, кто произвел определенное коммуникативное действие. Однако может быть единство в рамках одной интерпретации, обусловленное коммуникативным намерением интерпретирующего.

Вышесказанное приводит к выводу, что и ученый при создании теоретической модели, и режиссер спектакля предлагают аудитории свои гипотезы-интерпретации, свое видение. Но театр предполагает вторичное моделирование, или метарепрезентирование, что, в свою очередь, позволяет говорить о внутренней и внешней диалогичности театрального действия, его коммуникативной и метакоммуникативной природе.

В современной лингвистике, нацеленной на изучение языка в тесной взаимосвязи с процессами познания окружающей действительности, приставка «мета-» используется в составе довольно значительного числа терминов: *метаязык, метатекст, метатеория, метаконцепт, метакоммуникация* и др. Это обусловлено тем, что приставка *мета-* (от греч. *μετά* – «между, после, через») имеет широкий объем значения, одновременно выводящий в центр исследования абстрактный, обобщенный характер изучаемого объекта.

Рассматривая процесс метакоммуникации с учетом прагматического потенциала приставки *μετά*, мы можем трактовать его, с одной стороны, как объяснение функционирования мономодального и полимодального дискурсов. С другой стороны, как объяснение трансформации мономодального дискурса в полимодальный в рамках когнитивных предпосылок общения, включающих мотив и цель коммуникации, коммуникативное намерение участников, наличие и отсутствие вербальных и невербальных характеристик процесса общения и др.

При объяснении функционирования дискурсов разных модальностей исходным положением следует принять то, что процесс коммуникации есть диалогический по своей сути процесс. Это не зависит от того, происходит ли речевое взаимодействие между разными участниками коммуникативной ситуации или это выражение отношения к собственному высказыванию; рассматриваем ли мы взаимодействие знаков и знаковых комплексов в рамках одной семиотической системы или же исследуем «диалог» разных семиотических систем. Кроме того, диалогизм в театре – это еще и диалог текста с контекстом, где последний выступает в функции актуализатора связи между означаемым и означающим знака, что дает возможность зрителю понять коммуникативное намерение режиссера и соотнести свой опыт с опытом режиссера.

Дискурсивное пространство драмы (пьеса и ее сценическая постановка) является удобным полем для исследования возможных типов диалогических отношений, поскольку представляет собой результат третичной интерпретации реальности и, одновременно, вторичной интерпретации пьесы. Говоря о многократных интерпретациях реальности, мы имеем в виду реальность как инвариант. Отсюда следует, что пьеса есть абстракция реальности, заложенная в конкретной коммуникативной ситуации и уточняющая эту ситуацию, а также предполагающая возможность ее интерпретации читателем, режиссером и зрителем. Это обуславливает разные проявления метадIALOGических отношений, что видно из реалистических пьес, где диалог есть преимущественно способ реализации коммуникативной ситуации (А. Н. Островский, А. П. Чехов и др.); драмы абсурда, в которой диалог становится основой возникновения коммуникативной ситуации (Э. Ионеско, С. Беккет и др.); и особенно пьес, представляющих собой комедию *dell'arte*, когда диалог актеров на сцене – это результат реализации метатекстовых инструкций (К. Гоцци, К. Гольдони и др.).

Как видим, метакоммуникация в театре есть процесс, упорядочивающий не только различные модусы общения, но и разные уровни коммуникативных отношений (автор – пьеса – читатель – режиссер – актер – спектакль – зритель), которые, в свою очередь, репрезентируют различные грани опыта (лингвистического и экстралингвистического). В такой трактовке метакоммуникация как процесс, среди основных функций которого еще одна репрезентация исходного содержания, и метатекст как продукт этого процесса могут становиться объектами лингвокогнитивного исследования – одной из сфер теории и практики познания. В этом, по-видимому, состоит эффект игры, как его рассматривал Ю. М. Лотман, указывая на возможность «мерцания» разных осмыслений в ходе игры [Лотман 2002].

Для решения поставленной в статье исследовательской задачи о принципах организации метакоммуникативного полимодального пространства обратимся к пьесе С. Беккета “Krapp’s Last Tape”. Первые фразы, которые произносит главный герой, – это номера необходимых ему коробки и катушки с записью:

Box . . . three . . . spool . . . five. (*he raises his head and stares front. With relish.*) Spool! (*pause.*) Spoooo! (*happy smile. Pause. He bends over table, starts peering and poking at the boxes.*) Box . . . three . . . three . . . four . . .

two . . . (*with surprise*) nine! good God! . . . seven . . . ah! the little rascal! (*he takes up the box, peers at it.*) Box three. (*he lays it on table, opens it and peers at spools inside.*) Spool . . . (*he peers at the ledger*) . . . five . . . (*he peers at spools*) . . . five . . . five . . . ah! the little scoundrel! (*he takes out a spool, peers at it.*) Spool five. (*he lays it on table, closes box three, puts it back with the others, takes up the spool.*) Box three, spool five. (*he bends over the machine, looks up. With relish.*) Spooooo! (*happy smile. He bends, loads spool on machine, rubs his hands*) [Beckett 1976, с. 10].

Если рассматривать повторяемые персонажем фразы с позиции диалогического синтаксиса, то можно говорить о том, что и в случаях, когда при повторе используется синонимичный парафраз (*rascal – scoundrel*), и в случаях дословного повтора (*Box... three... spool...five*) происходит кумуляция как накопление качества. Она может происходить за счет повтора формы знака (*Box three, spool five*), за счет повтора содержания (*the little rascal – the little scoundrel; spool – spooooo!*) и за счет паузы как невербального знака, представленного в рассматриваемом контексте многоточием.

Кумуляция может возникать и при повторе аналогичных синтаксических конструкций, когда каждый раз происходит уточнение объекта высказывания, как в нижеприведенном отрывке из пьесы А. Уэскера «Chips with Everything» [Wesker 1970, с. 161]:

First Corporal: You're a slob, Smiler.
 Second Corporal: A nasty piece of work.
 First Corporal: You're no good, lab.
 Second Corporal: No good at all. You're an insult.
 First Corporal: Your mother wasted her labour.
 Second Corporal: Your farther made a mistake.
 First Corporal: You're a mistake, Smiler.
 Second Corporal: A stupid mistake.

При сохранении синтаксического параллелизма реплик в приведенном диалоге имеет место контекстуальный парафраз (*slob – nasty piece of work; wasted her labour – made a mistake*) и добавление (*no good – no good at all; a mistake – a stupid mistake*).

Помимо полного повторения знаков или их частичного пересечения по форме и / или содержанию в процессе общения может происходить повтор коммуникативной ситуации как знакового комплекса.

Так, персонажи пьесы С. Беккета «Waiting for Godot» на протяжении всего действия периодически произносят одни и те же пять фраз [Beckett 2006, с. 41]:

Estragon: Let's go.

Vladimir: We can't.

Estragon: Why not?

Vladimir: We're waiting for Godot.

Estragon: (*Despairingly.*) Ah! (*Pause.*) <...>.

Последняя реплика может иметь модификации по форме, например, добавление и / или транспозицию: (*Despairingly.*) Ah! (*Pause.*) *You're sure it was here?* <...>; Ah! (*Pause. Despairingly.*) *What'll we do, what'll we do!* [там же, с. 6, 59–60].

Несмотря на то, что герои повторяют фразы, их отношение друг к другу и к тому, что происходит вокруг, каждый раз иное. Меняется и отношение читателя к происходящему, т. е. возникает своего рода внутренняя кумуляция за счет реакции читателя на повтор. Это напоминает процесс, когда разные импульсы сходятся в одной точке, создавая своеобразный эхо-эффект. При этом, как и в предыдущих примерах, повторенное высказывание становится знаком, концентрирующим в себе все многообразие контекстуальных связей и активизирующим в сознании участников коммуникации процесс интерпретации.

Подобное явление активации катализатора смыслоформирующих соответствий между фразами («the catalytic activation of affinities across utterances»), по мнению американского лингвиста Дж. дю Буа, соответствует природе резонанса, наблюдаемого в мономодальном дискурсе на уровне синтаксической организации высказывания [Du Bois, Gloria 2014, с. 372].

С точки зрения Дж. дю Буа, резонанс – это явление, упорядочивающее высказывание и возникающее в результате непосредственного следования друг за другом двух реплик, в которых есть повторяющиеся по форме и / или содержанию языковые единицы. Рассмотрим один из примеров, приводимых ученым в качестве иллюстрации [Du Bois, Gloria 2014, с. 385]:

Dan: I'm not smart?

Jennifer: You're stupid.

Несмотря на то, что реплики участников коммуникации не являются тождественными, в диалоге имеет место параллелизм, основанный на сходстве и контрасте категориальных сущностей. Это местоимения *I / you*; сокращенные формы глагола *to be 'm' / 're*; антонимы *smart / stupid*. Получается, с одной стороны, уподобление языковых единиц. С другой – контраст (расподобление). Однако и уподобление, и расподобление, согласно теории резонанса Дж. дю Буа, способствуют достижению одного и того же эффекта – эффекта резонанса: «The linkage induced by parallelism nevertheless tends to invite the perception of affinity, understood to include both similarities and difference» [Du Bois, Gloria 2014, с. 352].

Введенное Дж. дю Буа понятие резонанса позволяет объяснить синтаксис диалогического единства, включающего иницилирующую и ответную реплики. Использование в качестве объекта исследования коммуникативных контекстов, где содержится повтор (полный, частичный и др.), дает возможность наглядно продемонстрировать механизм создания смыслового упорядочения реплик, произнесенных различными участниками коммуникации.

В отечественной лингвистике понятие резонанса, введенное Дж. дю Буа, во многом соответствует основным положениям теории высказывания и теории выдвижения, входящим в сферу изучения стилистики декодирования. Механизмы создания резонанса, как они трактуются Дж. дю Буа и его коллегами (*repetition (повтор)*, *parallelism (параллелизм)*, *structural coupling (структурное сцепление)* и др.) относятся в рамках стилистики декодирования к группе принципов выдвижения, связанных с явлением избыточности [Арнольд 1974].

С нашей точки зрения, когнитивный потенциал понятия «резонанс» может быть использован не только применительно к мономодальному дискурсу при исследовании вариативности повтора в следующих друг за другом репликах. Используя резонансный подход, можно решить проблемы, связанные с организацией полимодального дискурса, в частности при трансформации пьесы в спектакль.

Расширяя понятие резонанса с кросс-модальных позиций, мы можем говорить о резонансе высказываний более объемных и сложных по структуре, чем диалогическое единство, а именно – резонансе коммуникативных ситуаций на разных уровнях дискурса (повтор отдельных эпизодов, сцен и даже повтор всей пьесы как коммуникативной

ситуации, например, Э. Ионеско «The Bald Soprano», С. Беккет «Play» и др.).

Кроме того, кросс-модальный подход к резонированию в дискурсе позволяет нам выделить разные типы резонанса: непосредственный резонанс и опосредованный (дистантный) резонанс, результатом которого может быть амплификация, в том числе как следствие задействия разных модусов передачи информации. В качестве примера приведем первую сцену в театральной постановке по пьесе С. Беккета «Waiting for Godot» (США, 1988). В спектакле происходит уточнение коммуникативной ситуации за счет деталей костюма. Порванный пиджак, грязные бесформенные брюки на одном из героев, – всё это знаки не только социального статуса, но и того, что герой подвергается избиениям и ночует в канаве, как об этом становится известно в ходе диалога.

В сценической ремарке неопределенный артикль указывает на то, что коммуникативная ситуация носит абстрактный характер и предполагает любое дерево и любую дорогу: *A country road. A tree* [Beckett 2006, с. 1]. Режиссер спектакля, пытаясь выразить всеобщее (абстрактное) через единичное, использует иные знаковые системы, в данном случае систему декораций, представляя зрителю свое видение дерева (символа древа жизни) и дороги (символа жизненного пути человека).

Если сравнить коммуникативную ситуацию, как она представлена в пьесе и спектакле, то становится очевидным, что по ряду параметров коммуникативная ситуация в спектакле определенным образом резонирует с ситуацией в пьесе, представляя собой некое подобие. Это обусловлено тем, что некоторые компоненты исходной коммуникативной ситуации в процессе семиозиса получают иное означающее, тем самым модифицируя означаемое. В этом случае мы имеем дело не с контактным (непосредственным), а дистантным (опосредованным) резонансом. При этом, используя другие модусы передачи информации, режиссер спектакля, тем не менее, достигает созвучия элементов знаковых систем – уподобления коммуникативной ситуации в спектакле исходной ситуации в пьесе.

В сценической интерпретации пьесы помимо созвучия (уподобления) может происходить и расподобление. В рассматриваемом нами спектакле герой Беккета ходит, не широко расставляя ноги, как задумывал драматург и на что указывается в авторской ремарке: *Advancing with short, stiff strides, legs wide apart* [там же, с. 1].

В спектакле у персонажа мысы ног при ходьбе, наоборот, сведены внутрь. Кроме изменения походки режиссер спектакля вводит жесты в тех случаях, когда ремарка предписывает их отсутствие, например кивок персонажа, указывающий, в какой канаве он ночевал. Контраст использованных невербальных знаков и их добавление при сохранении вербальной составляющей коммуникативной ситуации являются проявлениями повтора как процесса рекуррентного кодирования опыта в ходе семиозиса – повтора, придающего коммуникации и метакоммуникации особый статус кумуляции опыта и его упорядочения.

Взаимопроникновение уподобления (созвучия) и расподобления (контраста) как предпосылка резонирования знаков и знаковых систем в полимодальном дискурсивном пространстве представляется нам универсалией, функционирующей не только в системе коммуникации, но и в системе языка. Это способ создания семиотического фона, показателем и результатом которого становится резонанс (непосредственный и опосредованный), в свою очередь способствующий реализации интерпретативной функции языка.

Проведенное исследование показало, что благодаря резонансу, функционирующему в качестве принципа организации полимодального / поликодового дискурса, создается возможность оценивать высказывание как процесс кумулятивный по своей природе, действующий согласно происходящим в ходе общения добавлению информации и модификации признаков объекта высказывания.

Таким образом, развивая мысль М. Бахтина, использованную нами в качестве эпиграфа к статье, следует отметить, что исследуя организацию общения и ее знаковую природу, мы неизбежно выходим за рамки языка как знаковой системы в коммуникацию как семиотическое поле, на котором происходят акты семиозиса. Воспользовавшись термином В. З. Демьянкова, можем сказать, что в этом случае язык представляет собой «сцену» общения [Демьянков 2009, с. 40] (вербального и невербального), где резонанс выступает в качестве когнитивной основы процесса смыслоформирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. 76 с.
- Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические

- статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожинов. М. : Художественная литература, 1986. С. 473–500.
- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М. : Прогресс, 1978. С. 402–424.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как деятельность // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследования познавательных процессов в языке. М.: Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 30–42.
- Лотман Ю. М.* Искусство в ряду моделирующих систем // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 274–293.
- Beckett S.* Waiting for Godot. London : Faber and Faber, 2006. 82 p.
- Beckett S.* Krapp's Last Tape. London : Faber and Faber, 1976. 20 p.
- Du Bois J. W.* Towards a dialogic syntax // Cognitive Linguistics. 2014. 25 (3). P. 359–410.
- Du Bois J. W., Gloria R.* From cognitive-functional linguistics to dialogic syntax // Cognitive Linguistics. 2014. 25 (3). P. 351–357.
- Wesker A.* Chips with Everything // Plays of the Modern Literature. Л. : Просвещение, 1970. С.19–39.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

УДК 81'26

Л. С. Архипова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ (на материале ольстерского шотландского языка)

В статье предпринята попытка измерения объективной и субъективной этнолингвистической витальности ольстерского шотландского языка. Подчеркивая необходимость учета параметров субъективной витальности для составления социологически значимого профиля этнолингвистической группы, автор показывает, что ключевую роль в процессе дальнейшей ревитализации миноритарного языка играет создание и распространение среди населения единого языкового стандарта, позволяющее повысить статус языка как внутри самой миноритарной группы, так и за ее пределами.

Ключевые слова: этнолингвистическая витальность; миноритарные языки; ольстерский шотландский язык; межгрупповые отношения.

L. S. Arkhipova

Ph.D. Student, the Department of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

ETHNOLINGUISTIC VITALITY OF EUROPEAN MINORITY LANGUAGES (a Case Study of Ulster Scots)

The article attempts to measure objective and subjective ethnolinguistic vitality of the Ulster Scots language. Emphasizing the importance of subjective vitality parameters for working out a sociologically significant profile of a sociolinguistic group, the author shows that measures to develop the language standard and spread it among the population play the key role in the process of further revitalization of the language as they raise the status of the minority language both within and outside the minority group.

Key words: ethnolinguistic vitality; minority languages; Ulster Scots; intergroup relations.

Исследования в области миноритарных языков представляют значительный интерес для современной социолингвистики и смежных дисциплин, что объясняется рядом социально-политических изменений, произошедших на территории европейских стран в последние десятилетия. В настоящее время в языковой политике Европы прослеживается тенденция к ревитализации и сохранению миноритарных языков. Она привела к тому, что теория этнолингвистической витальности, впервые предложенная Г. Гайлсом, Р. И. Бурхисом и Д. М. Тейлором еще в 1977 г., в XXI в. фактически получила вторую жизнь.

Цель статьи – показать значимость теории этнолингвистической витальности при выборе и оценке эффективности стратегий языковой политики и языкового строительства в области сохранения миноритарных языков, а также попытаться измерить этнолингвистическую витальность ольстерского шотландского языка.

Витальность, или жизнеспособность, этнолингвистической группы (ethnolinguistic vitality, EV) определяют как силу, заставляющую представителей этнолингвистической группы вести себя как отдельная, самостоятельная единица в ситуациях межгруппового общения [Giles, Bourhis, Taylor 1977, с. 308]. Выделяют два типа этнолингвистической витальности: объективную (objective ethnolinguistic vitality, OEV) и субъективную, или воспринимаемую (subjective / perceived ethnolinguistic vitality, PEV).

Создатели теории этнолингвистической витальности выделили три типа переменных, позволяющих оценить уровень этнолингвистической витальности: статус группы, ее демографическое состояние и институциональная поддержка [Giles, Bourhis, Taylor 1977, с. 309–318]. Каждая из этих переменных, в свою очередь, включает в себя определенный набор компонентов. Вычисление итогового значения переменных позволяет определить этнолингвистическую витальность по шкале от очень низкой до очень высокой, при этом, чтобы обладать высокой витальностью, группе не обязательно иметь высокие показатели всех трех переменных. Группа, обладающая высокой витальностью, имеет тенденцию к сохранению своего родного языка и отличительных культурных черт в условиях межгруппового общения, в то время как группа с низкой витальностью, вероятно, выберет путь языковой и культурной ассимиляции с доминантной группой.

Объективная витальность измеряется на основе ряда формальных показателей, таких как демографические и статистические данные. Субъективная витальность измеряется, главным образом, методом анкетирования [Bourhis 1981, с. 145–155]. При этом исследователей интересует не владение опрошенных фактическими данными, а субъективная оценка витальности представителями самой этнолингвистической группы. Объективная и субъективная витальность не всегда совпадают, однако для формирования целостного, социологически значимого профиля этнолингвистической группы, необходим анализ обоих типов витальности [Yagmur 2011, с. 103].

В статье предпринимается попытка более подробно рассмотреть каждую из переменных, определяющих этнолингвистическую витальность, на материале ольстерского шотландского языка.

Переменная *статуса* этнолингвистической группы включает в себя ее экономический статус (т.е. степень контроля над экономической жизнью государства, региона или сообщества), социальный статус (т. е. самооценка этнолингвистической группы; как правило, она близка к оценке миноритарной группы внешней, доминантной группой), социально-исторический статус и языковой статус (как внутри, так и за пределами группы).

Что касается экономического и социального статуса носителей ольстерского шотландского языка, то он, по крайней мере до последнего времени, оставался невысоким. Ольстерский шотландский язык традиционно ассоциировался с низшим социальным слоем и минимальным уровнем образования. Его носителями являлись, в основном, деревенские жители, не имевшие высокого уровня образования. Люди, стремящиеся к более высокому положению в обществе, пользовались английским языком по причине его большей престижности. Это привело к тому, что ольстерский шотландский был фактически маргинализован: в ряде социальных ситуаций (например, при разговоре с представителями других этнолингвистических групп или с людьми, имеющими серьезный авторитет в обществе) и при обсуждении некоторых тем носители ольстерского шотландского часто осознанно прибегали к английскому языку, это было особенно характерно для жителей городов [Montgomery 1999, с. 95–96].

Корни невысокого социального и экономического статуса ольстерского шотландского языка следует искать в условиях его возникновения

и развития. Колонизация провинции Ольстер началась при правлении короля Якова VI Шотландского (Якова I Английского) в 1609 г. Разорившиеся коренные жители-ирландцы были вынуждены передать свои земли колонизаторам, ориентировавшимся на рыночный механизм экономики [Hickey 2011, с. 292]. Поместья шотландских колонизаторов оказались разбросанными по всей территории провинции. Несмотря на то, что большинство переселенцев из Шотландии прибыли в Ольстер в начале XVII в., эмиграция никогда не останавливалась полностью, что привело к появлению областей, где говорили в основном на шотландском, английском или ирландском языке [Hickey 2011, с. 294–296]. В конце XVII–XVIII вв. часть шотландского населения провинции Ольстер по ряду причин (дискриминация по религиозному признаку, нехватка земель, голод, упадок льняной промышленности, репрессивные торговые законы и др.) эмигрировала в Америку [Docherty, с. 56].

Особый интерес в рамках данной статьи представляет вопрос о языковом статусе ольстерского шотландского языка. Первые источники, свидетельствующие о наличии у него письменной формы, датируются 20–30 гг. XVII в. и представляют собой юридические документы и семейные письма. В дальнейшем ольстерский шотландский был вытеснен из сферы письменного общения (по-видимому, под воздействием английского языка), в то время как его устная форма не только сохранялась, но и значительно укреплялась на протяжении всего XVII в. В XVIII–XIX вв. на ольстерском шотландском развивалась поэтическая традиция, которая, практически полностью угасла к началу XX в. [Hickey 2011, с. 301]. В настоящее время основной (хотя и не единственной) формой существования ольстерского шотландского остается устная речь, поэтому, как будет показано далее, разработка письменного стандарта становится одной из приоритетных задач в области языкового строительства.

Важным показателем этнолингвистической витальности является *демографическое состояние* группы. Данная переменная включает в себя дистрибуцию группы (национальная территория, концентрация членов группы, количественное соотношение членов миноритарной и доминантной групп), а также общее число носителей языка, индекс рождаемости, процент смешанных браков, соотношение иммиграции и эмиграции.

Точное число носителей ольстерского шотландского остается неизвестным, хотя исследователи приводят данные о 100 тыс. человек (менее 7 % населения), проживающих на территории Северной Ирландии и постоянно говорящих на ольстерском шотландском [Craith 2011, с. 5]. Существует несколько причин, затрудняющих подсчет количества носителей языка. Прежде всего, различия между ольстерским шотландским и различными вариантами английского языка, распространенными на территории провинции Ольстер, не всегда очевидны и становятся еще менее явными из-за резкого противопоставления городского и деревенского говоров. Во-вторых, переписи населения на территории Северной Ирландии никогда не отражали использование ольстерского шотландского. Кроме того, исследователи языковой ситуации в Северной Ирландии традиционно уделяли основное внимание распространению ирландского и английского языков, оставляя без внимания разграничение между английским языком и шотландским вариантом английского языка [Hickey 2011, с. 300].

Нехватка точных статистических данных относительно числа носителей ольстерского шотландского языка несколько затрудняет определение значения переменной демографического состояния этнолингвистической группы. С одной стороны, небольшое число носителей ольстерского шотландского языка и их количественное соотношение с доминантной группой не позволяют говорить о высоком значении переменной. Однако высокая концентрация членов миноритарной этнолингвистической группы на небольшой территории проживания значительно повышает вероятность ее сохранения благодаря регулярной вербальной коммуникации и способствует поддержанию чувства солидарности среди членов группы, поэтому представляется возможным оценить переменную демографического состояния как «ниже среднего».

Этнолингвистическая витальность также зависит от переменной *институциональной поддержки*, учитывающей степень как формальной (т. е. государственной), так и неформальной поддержки миноритарного языка; последняя зависит от внутренней самоорганизации этнолингвистической группы с целью противостояния давлению доминантной группы.

В этом плане необходимо отметить начавшийся в последние годы рост активной институциональной поддержки ольстерского

шотландского языка. Он начался с его упоминания в Белфастском соглашении (1998), в котором, однако, не был обозначен его лингвистический статус [Eagle 2004, с. 99]. Затем последовало признание ольстерского шотландского Европейским бюро по менее распространенным языкам [Stapleton 2013, с. 60–61]. И, наконец, в 2001 г. Великобритания ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Согласно Хартии, ольстерский шотландский, наряду с валлийским, шотландским гэльским, ирландским, корнуэльским, шотландским (Scots) и мэнским языками, входит в число официально признанных миноритарных языков страны.

Ратифицировав Хартию, правительство Великобритании обязалось выполнять предписанные меры по сохранению вышеупомянутых миноритарных языков. Одним из таких предписаний является регулярная подача докладов о выполнении предписаний в Комитет экспертов Совета Европы, который, в свою очередь, публикует открытый письменный ответ на доклад. В настоящее время опубликовано четыре официальных ответа на доклады Соединенного Королевства о выполнении предписаний Хартии (2004, 2007, 2010 и 2014 гг.). Согласно последнему ответу, положение ольстерского шотландского языка в целом улучшилось благодаря усилиям Ольстерского шотландского агентства (Ulster-Scots Agency).

Хотя на момент публикации ответа Комитета экспертов ни одно из учреждений, занимающихся дополнительным образованием и образованием взрослых, не предлагало занятий по ольстерскому шотландскому, силами Ольстерской шотландской академии (Ulster-Scots Academy) организованы специальные летние школы и фестивали, способствующие популяризации этого языка среди населения. Существуют и другие организации (например, Ulster-Scots Language Society, Ullans Centre и Ulster-Scots Community Network), занимающиеся сохранением, развитием и продвижением ольстерского шотландского языка, культуры и истории, а также поддержкой научных исследований в этих областях.

Таким образом, степень как формальной, так и неформальной поддержки языка представляется довольно высокой. Официальное признание ольстерского шотландского отдельным языком, его включение в список миноритарных языков Великобритании, а также наличие различных культурно-просветительских организаций, способствующих

его распространению среди населения, позволяют определить значение переменной институциональной поддержки как «среднее», что создает хорошие предпосылки для укрепления позиций этого миноритарного языка.

Выше речь шла о параметрах объективной этнолингвистической витальности. Однако в последние десятилетия стало очевидно, что перспектива сохранения языка в большой степени зависит и от субъективных факторов, поскольку группа вступает в межгрупповые отношения прежде всего как носитель субъективной витальности [Ведерникова 2014, с. 95]. При таком подходе на первый план выходят четыре когнитивных параметра: ощущаемая разница в силе (*perceived strength differential*), уровень межгруппового диссонанса (*level of intergroup discordance*), ощущаемая межгрупповая дистанция (*perceived intergroup distance*) и уровень утилитаризма (*level of utilitarianism*) [Эхала 2010, с. 83–84].

Ощущаемая разница в силе (далее – PDS) выражает мнение о том, насколько ценно быть членом той или иной внутренней или внешней этнолингвистической группы, и показывает, насколько желанным для индивида представляется смена групповой принадлежности. Уровень **межгруппового диссонанса** (далее – D), в свою очередь, выражает то, в какой степени члены группы воспринимают межгрупповые отношения, связанные со стигматизацией, дискриминацией, исторически сложившейся несправедливостью по отношению к членам группы, как незаконные. При небольшом отрицательном значении PSD и высоком значении D межгрупповая ситуация рассматривается как нестабильная, при этом высокой витальностью будет обладать миноритарная этнолингвистическая группа как имеющая высокую мотивацию изменить силовые отношения.

Ощущаемая межгрупповая дистанция (R) понимается как сумма культурных различий между миноритарной и доминантной группами и уровнем сцепления их социальных сетей. Миноритарная группа, значительно отличающаяся от доминантной по языковым, расовым, религиозным и другим признакам, будет обладать высокой витальностью.

Однако известны случаи, когда группа обладает довольно высокой витальностью, несмотря на отсутствие явных культурных различий [Эхала 2010, с. 84]. Это бывает в связи с господством консервативных

культурных ценностей внутри миноритарной группы, что обуславливает низкий *уровень утилитаризма* (далее – U). Чем выше уровень утилитаризма в группе с низким статусом, тем более вероятна ее ассимиляция с доминантной группой, в то время как приверженность традиционным культурным ценностям повышает ее витальность.

Попробуем оценить параметры субъективной витальности ольстерского шотландского языка. На протяжении всей истории ольстерского шотландского языка отношение к нему было отрицательным. По сравнению с английским языком, обладавшим высоким социальным статусом, ольстерский шотландский считался грубым деревенским диалектом [Hanna 2015, с. 24]. В этих условиях принадлежность к данной этнолингвистической группе не могла обладать в глазах ее представителей высокой ценностью, что свидетельствует о низком значении переменной PDS.

Более того, необходимо отметить, что ни в научном сообществе, ни в среде носителей ольстерского шотландского до сих пор нет единого мнения по поводу того, является ли этот идиом отдельным языком или же диалектом английского или шотландского языка. Несмотря на официальное признание ольстерского шотландского на государственном и международном уровнях, некоторые исследователи считают его либо субдиалектом среднешотландского диалекта шотландского языка, либо одним из пяти его основных диалектов, наряду с островным (Insular), северным (Northern), средним (Mid) и южным (Southern) [Kirk 2008, с. 209–211]. Сами носители ольстерского шотландского также неоднозначно оценивают его статус. Некоторые из них полагают, что говорят на своем местном варианте английского языка – ирландском английском (Hiberno-English). При этом они, как правило, не считают его литературным языком и не относят к числу национальных символов. Другие чувствуют связь между ольстерским шотландским и шотландским языками, хотя и не могут определить ее характер [там же, с. 220]. Столь неоднозначная оценка статуса ольстерского шотландского понижает значение показателя R (ощущаемая межгрупповая дистанция). Ситуация усугубляется тем, что носители ольстерского шотландского, по-видимому, не имеют значительных культурных отличий от доминантной группы. Более того, для носителей ольстерского шотландского языка характерен билингвизм, что способствует сближению групп.

Однако ситуация остается неоднозначной. У значительной части населения, как и у активистов, занимающихся продвижением ольстерского шотландского, его автономность не вызывает сомнений. Дж. М. Кирк уверен, что именно благодаря настойчивости активистов ольстерский шотландский был, в конечном счете, признан отдельным языком [Kirk 2008, с. 208]. Несмотря на то, что ольстерский шотландский язык на протяжении длительного времени оставался маргинализированным, «тайным» языком представителей этнолингвистической группы, его носителям удалось избежать ассимиляции с доминантной группой благодаря общим культурным ценностям, тесному взаимодействию и глубокому чувству солидарности между членами группы [Montgomery 1999, с. 96]. Это свидетельствует об устойчивости консервативных культурных ценностей ольстерских шотландцев и достаточно низком уровне утилитаризма в их среде, препятствующем ассимиляции с доминантной группой.

В свете этого некоторые исследователи оценивают мероприятия по ревитализации ольстерского шотландского как попытку создания «жизнеспособной ольстерско-протестантской идентичности» [Stapleton 2003, с. 60], отличной от идентичности ирландцев и шотландцев. Основу для ее возникновения составляют общая для носителей языка история, мифология, территория, обычаи и особый стиль дискурса, к которому прибегают ольстерцы для отражения своего происхождения посредством языка [Kirk 2008, с. 221]. Само появление движения в поддержку ольстерского шотландского языка среди протестантов, традиционно являющихся сторонниками политики юнионизма, рассматривается как ответная реакция на успешные мероприятия по возрождению ирландского языка, который считается политизированным инструментом сепаратистски настроенных ирландских националистов [Hanna 2015, с. 24]. Хотя основной акцент делается на популяризацию самого языка, деятельность местных организаций также включает в себя целый ряд культурных мероприятий и заботу о сохранении памятников искусства (музыка, танцы, литература, изобразительное искусство, исторические театрализованные представления). Рост популярности культурных движений у протестантов Северной Ирландии свидетельствует об их большем внимании к этнической принадлежности, культуре и идентичности [Stapleton 2003, с. 60]. В терминах теории этнолингвистической

вitalности это означает усиление межгрупповой дистанции между носителями ольстерского шотландского и языками, доминирующими в регионе, и усиление межгруппового диссонанса.

В этих условиях судьба ольстерского шотландского языка во многом зависит от того, насколько успешными окажутся меры по созданию единого языкового стандарта и распространению его в широких слоях населения. Хотя многие западные лингвисты относятся к нормированию языка негативно, видя в нем насилие над языком [Германова 2014, с. 211–230], наличие языкового стандарта существенно укрепляет позиции миноритарного языка. Оно позволяет не только ввести язык в систему преподавания и сохранить его для будущих поколений, но и повышает статус языка как внутри самой миноритарной этнолингвистической группы, так и в глазах представителей доминантной группы и других групп, вступающих в межгрупповые отношения. Поэтому на современном этапе большое внимание уделяется созданию письменного стандарта ольстерского шотландского языка. Хотя предлагаемая реформа столкнулась с упреками в искусственности и «экзотичности» со стороны рядовых носителей языка и ряда лингвистов, она получила некоторое распространение в официальной сфере [Германова 2015, с. 41].

Стандартизация затрагивает и другие стороны языка. На настоящий момент издано несколько практических справочников и теоретических работ по грамматике (Ulster Scots: A Short Reference Grammar (2012); Ulster Scots: A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language (1997, 2008)), фонетике (Aw Ae Oo – Scots in Scotland and Ulster (2013); Aw Ae Wey – Written Scots in Scotland and Ulster (2014)), толковый словарь Concise Ulster Dictionary (1996) под редакцией К. Макафи и неоднократно переиздававшийся словарь Дж. Фентона The Hamely Tongue: A Personal Record of Ulster-Scots in County Antrim (2014). Также имеются периодические издания, посвященные проблемам ольстерского шотландского языка и культуры (Ullans: The Magazine for Ulster-Scots, Ulster Folklife, The Ulster-Scot).

Рост институциональной поддержки ольстерского шотландского, усилия многочисленных организаций, направленные на его поддержку, разработка языкового стандарта позволяют говорить о повышении итогового значения этнолингвистической vitalности данной миноритарной группы.

Опыт ревитализации ольстерского шотландского языка доказывает значимость показателей субъективной витальности для определения жизнеспособности миноритарных языков. Хотя меры по их ревитализации не могут, по крайней мере, в первое время, существенно изменить их экономический и демографический статус, они способствуют осознанию носителями языка межгрупповой дистанции между собой и носителями доминирующих языков, что приводит к усилению межгруппового диссонанса, в то время как стандартизация позволяет использовать их в официальном письменном дискурсе, что повышает практическую ценность владения этими языками. В этом плане судьба ольстерского шотландского языка достаточно характерна для миноритарных языков Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ведерникова Е. М.* Теория этнолингвистической витальности: эволюция и современное состояние // Социс. 2014. №10. С. 91–97.
- Германова Н. Н.* Дискуссия социальных конструктивистов и примордиалистов и проблемы миноритарных языков Европы (на примере ольстерского шотландского языка) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 30–42.
- Германова Н. Н.* История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕНАНД, 2014. 368 с.
- Эхала М.* Измерение этнолингвистической витальности // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М: Институт языкознания РАН, Научно-исслед. центр по нац.-яз. отношениям, 2010. С. 84–87.
- Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D.* Notes on the Construction of a 'Subjective Vitality Questionnaire' for Ethnolinguistic Groups // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 1981. Vol. 2. No. 2. P. 145–155.
- Craith M. N.* Cultural Diversity in Northern Ireland and the Good Friday Agreement // IBIS Working Papers. 2001. 27 p.
- Docherty J. C.* Scottish Migration Since 1750: Reasons and Results. Lanham, MD : Hamilton Books, 2016. 206 p.
- Eagle A., Falconer G.* Tha Boord o Ulstèr-Scotch: An English Name for a Scots Organization? // Ulster Folklife, 2004. Vol. 50. P. 99–109.
- Ehala M., Yagmur K.* Tradition and Innovation in Ethnolinguistic Vitality Theory // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 2011. Vol. 32. No. 2. P. 101–110.

- Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M.* Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // Language, Ethnicity, and Intergroup Relations / Ed. by H. Giles. 1977. P. 307–348.
- Hanna R.* By our tongues united? Irish and Scots language contact in rural Ulster // Queen's Political Review. 2015. Vol. 3. №2. P. 23–35.
- Hickey R.* Ulster Scots in Present-day Ireland // Researching the Languages of Ireland. 2011. P. 291–323.
- Kirk J. M.* Does the United Kingdom Have a Language Policy? // Journal of Irish and Scottish Studies. 2008. Vol. 1.2. P. 205–222.
- Montgomery M. B.* The Position of Ulster Scots // Ulster Folklife. 1999. Vol. 45. P. 85–105.
- Stapleton K., Wilson J.* A Discursive Approach to Cultural Identity: the Case of Ulster Scots // Belfast Working Papers in Language & Linguistics 16. 2003. P. 57–71.

УДК 81'22

Н. Н. Трошина

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела языкознания ИНИОН РАН;
e-mail: troshinat@mail.ru

**О «ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ,
ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ» И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО РЕГИОНА**

В статье кратко характеризуется Европейская хартия региональных языков, или языков меньшинств, приводятся причины ее принятия и обосновывается актуальность. На примере немецкого языка как миноритарного в Дании показано действие Хартии и ставится вопрос о будущем немецкого языка в этой стране в контексте тенденции Европейского союза к моноязычию.

Ключевые слова: региональный язык; миноритарный язык; язык меньшинства; коммуникативно мощный язык; языковая политика; Европейская хартия региональных языков, или языков меньшинств; автохтонность; моноязычие; lingua franca.

N. N. Troshina

Ph.D. (Philology), Leading Researcher of Linguistic Department,
Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences;
e-mail: troshinat@mail.ru

**“EUROPEAN CHARTER
FOR REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES”
AND THE GERMAN LANGUAGE
BEYOND THE GERMAN-SPEAKING REGION**

The article provides a brief overview of the European charter for regional or minority languages, describes its historical background and stresses its significance. The status of German as a minority language in Denmark serves to reveal the effectiveness of the Charter and discuss the future of German in this country in the context of the European Union tendency for monolinguality.

Key words: regional language; minority language; the language of minority; communicatively powerful language; language policy; European charter for regional, or minority languages; autochthony; monolinguality; lingua franca.

Для обозначения феномена, которому посвящена данная статья, в современной социолингвистике используется три синонима: «региональный язык», «миноритарный язык» и «язык меньшинства».

В энциклопедии «Язык и общество» к языковым меньшинствам отнесены «языки, которые традиционно используются на территории государства его гражданами, образующими группу, меньшую в численном отношении, чем остальное население данного государства, и отличные от официального(-ных) языка(-ов) этого государства, например, лужицкий язык в Германии. Этот термин не распространяется на диалекты основного(-ных) языка(-ов) и на язык мигрантов [Язык и общество 2016, с. 369].

В современном мире, быстро меняющемся в связи глобализационными процессами, остро стоит вопрос о судьбе даже больших языков, имеющих давнюю письменную традицию, используемых большим числом носителей и говорящих на них и имеющих высокий коммуникативный ранг (так называемых коммуникативно мощных языков) [Кирилина 2015, с. 77]. К этим языкам относятся в первую очередь немецкий и французский языки. Даже им грозит постепенное превращение в малые языки под натиском английского языка (см. об этом подробнее: [Трошина, Раренко 2005; Трошина 2015]). В такой ситуации носители региональных языков сталкиваются с двумя проблемами: сохранения своего языка и общения с носителями государственного языка, который, кроме того, подвергается все большему влиянию английского языка.

Взаимодействие основных европейских языков с региональными языками относится к сфере языковой политики, проведение которой регулируется международно признанными документами. Ориентированность этих документов на правовое обеспечение сохранения миноритарных языков обусловлена тремя причинами, которые называет Директор департамента национальных меньшинств и борьбы с дискриминацией Совета Европы А. С. Кожемяков в статье «Языки национальных меньшинств» [Кожемяков 2015, с. 32–33]:

- 1) необходимостью защиты национального меньшинства как особой социальной группы населения, члены которой нередко оказываются в опасной ситуации, не владея языком окружающего большинства;
- 2) необходимостью создания многоязычия в обществе без ущемления интересов всех представленных в нем языков (миноритарных и основных), что должно обеспечить культурное многообразие мира;
- 3) необходимостью гарантировать «личностную самоидентификацию отдельного человека, а также отдельных национальных групп,

в том числе проживающих вне территории «материнского языка [там же, с. 33].

Эти причины определили общественную потребность в формировании собственно европейского (наряду с режимом ООН) международно-правового режима по защите этих меньшинств. Это происходило в конкретных исторических условиях: практически в одно и то же время Советом Европы подготавливались (в конце 80-х годов прошлого века) оформились в 1990-х гг. два главных международно-правовых инструмента, действующих в этой сфере на европейском континенте: Европейская хартия региональных языков, или языков меньшинств [Европейская хартия региональных языков, или языковых меньшинств], принятая в 1992 г., и Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств [Рамочная конвенция по защите региональных меньшинств], принятая в 1998 г.

Европейская хартия, являющаяся одной из важных конвенций Совета Европы, состоит из:

Преамбулы, в которой подчеркивается, что «защита и поддержка региональных языков, или языков национальных меньшинств в различных странах и регионах Европы представляет собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности» [Европейская хартия региональных языков, или языковых меньшинств].

Части I «Общие положения», в которой, в частности, указывается: «Ничто в настоящей Хартии не должно толковаться как ограничение или нарушение каких-либо прав, гарантируемых Европейской конвенцией о правах человека» [Европейская хартия региональных языков, или языковых меньшинств, с.4, п. 1].

Части II «Цели и принципы, преследуемые в соответствии со статей 2, п. 1», в которой подчеркивается «необходимость решительных действий по поддержке региональных языков, или языков меньшинств в целях их сохранения, ... а также обеспечения надлежащих форм и средств для преподавания и изучения региональных языков, или языков меньшинств на всех соответствующих стадиях [Европейская хартия региональных языков, или языковых меньшинств, с. 7, п. 1].

Части III «Меры, содействующие использованию региональных языков, или языков меньшинств в общественной жизни

в соответствии с обязательствами по статье 2, пункт 2», где, в частности, указывается, что участники Хартии обязаны обеспечить доступность образования на этих языках.

Часть IV «Применение Хартии», согласно которой участники должны представлять Генеральному секретарю Совета Европы раз в три года отчеты о проводимой ими политике по сохранению региональных языков, или языков меньшинств в соответствии с положениями о мерах, принятых во исполнение положений Части III. Эти отчеты изучаются и оцениваются Комитетом независимых экспертов, которые представляют не интересы той или иной страны, а мнение экспертного сообщества.

Части V «Заключительные положения», в которой указывается, что настоящая Хартия открыта для подписания всеми странами-членами Совета Европы¹.

Особенно интересна Часть III, которая устроена по принципу «выбора из меню»: государство, подписавшее и ратифицировавшее Хартию, само выбирает из обязательств (мер), перечисленных в этой Части, 35 обязательств, которое оно будет применять с целью сохранения того или иного языка. Эти обязательства предполагают проведение политических, законодательных, практических мер (например, строительства школ, выпуск учебников, подготовку учителей для учебного процесса на соответствующем региональном языке, или языке меньшинства).

В настоящей статье объектом рассмотрения является немецкий язык в несколько необычном для него аспекте – не как коммуникативно мощный, язык, а как язык немецкоязычных автохтонных национальных меньшинств, т. е. компактно проживающих меньшинств, для членов которых немецкий язык является родным и которые имеют свои культурные институты: школы, религиозные общины, масс-медиа, спортивные, музыкальные и прочие объединения и клубы. Такие меньшинства существуют в Дании, Франции, Польше, Чехии, Венгрии, Намибии, Бразилии, Румынии, Белизе (бывшем Гондурасе), Мексике, Парагвае, Канаде и США. Автохтонность – это важный критерий для признания прав языкового меньшинства.

¹ На сегодняшний день Хартию подписали и ратифицировали 25 из 47 стран – членов СЕ. – *Н. Т.*

Исследование автохтонных немецкоязычных меньшинств Ульрих Аммон, ведущий немецкий социолингвист, считает очень важным, так как их языковые практики в немалой степени определяют роль немецкого языка в современном мире, влияют на сохранение немецкого языка (Spracherhalt), а также противодействуют его исчезновению (Sprachverlust, language shift, language loss) [Ammon 2015, с. 256].

Выявляются следующие восемь признаков немецких языковых меньшинств [там же, 2015, с. 262–273]:

1. Немецкие национальные меньшинства владеют языком международного общения, бизнеса и образования, а также языком большой культурной группы, что обеспечивает один из аспектов социальной идентичности (Facette sozialer Identität).

2. Немецкие национальные меньшинства получают финансовую поддержку со стороны немецкоязычных стран, проводящих активную культурную политику за рубежом (ее проводят, например. Институт им. Гете, Институт международных отношений в Штутгарте и др. организации).

3. Немецкий язык является для этих меньшинств лишь одним из двух-трех используемых языков – языков окружающего большинства.

4. Немецкий язык часто используется членами меньшинств в узком кругу (Nähesprache), т. е. имеет место бытовая диглоссия, при которой немецкий язык используется в семье, в кругу друзей, в неформальной обстановке. Такое положение складывается, отмечает У. Аммон, если в школе немецкий язык является лишь одним из предметов программы, а не языком обучения.

5. Эти меньшинства весьма немногочисленны: ни одно из них не насчитывает более 1,5 млн человек.

6. Немецкие языковые меньшинства проживают разрозненно, не образуя гомогенных языковых зон; исключения составляют религиозные общины и секты, например, амиши / амманиты (последователи религиозного проповедника Якоба Аммана, Jakob Ammann), гуттериты (последователи религиозного проповедника Якоба Гуттерера, Jakob Hutterer) и тамплиеры (храмовники / орден бедных рыцарей Христа. В целом такие религиозные общины образуют некий «языковой архипелаг» [Steffen 2015, с. 263; Steffen 2006 – цит. по: Ammon 2015, с. 263].

7. Все немецкоязычные меньшинства пережили в XX в. этническую и языковую дискриминацию, что оставило тяжелый след в их судьбе. У.Аммон подчеркивает, что речь идет не об отрицании исторической вины немецкого народа, а о политике, которая проводилась по отношению к немецкому национальному меньшинству, например в СССР в эпоху Сталина или в Бразилии в 1930–1945 гг., когда у власти был президент Жетулио Варгас (так называемая политика Нового государства, *Estado Novo*).

Как отмечает У. Аммон, первый и второй признаки способствуют сохранению немецкого языка автохтонных меньшинств, признаки с третьего по восьмой скорее препятствуют этому.

В отличие от автохтонных меньшинств, аллохтонные меньшинства не имеют прав на защиту своих языков. К таким меньшинства относятся небольшие социальные группы, состоящие из эмигрантов, экспатриатов (специалистов, направляемых немецкими фирмами в долговременные служебные командировки за границу), ученые и государственные служащие из немецкоязычных стран, отпускники и пенсионеры (например, переехавшие из Германии в Испанию).

Рассмотрим действие данной Хартии на примере Дании – страны, которая подписала и 8 сентября 2000 г. ратифицировала Хартию, поскольку в этой стране имеется немецкоязычное меньшинство. Оно проживает в Северном Шлезвиге (на юге Дании), т. е. на территории, которая перешла к Дании на основании референдума и Версальского договора 1920 г. Поскольку правомерность передачи этой территории Дании никогда не подвергалась сомнению со стороны Германии, этнополитическая ситуация в Дании всегда была стабильной, в отличие, например, от ситуации во Франции (в Эльзасе и Лотарингии), в Польше и в Чехии (в Силезии и в Судетах).

Численность немецкого меньшинства (его официальное немецкое название – *die deutsche Volksgruppe*) составляет 25900 человек из 25000 человек в Северном Шлезвиге и 557400 человек во всей Дании: эти данные по состоянию на 2009 год приводит У. Аммон [Ammon 2015, с. 306]. Приблизительно одна треть из этих 25900 человек являются носителями немецкого языка в его диалектном варианте, считая его «вторым родным языком» (*zweite Muttersprache*) после датского и поэтому важным символом своей этнической принадлежности к немецкоязычному меньшинству. Оно располагает образцовой системой

детских садов и школ всех уровней с преподаванием на немецком языке. Учреждений высшей школы нет из-за небольшой численности немецкого меньшинства. На литературном немецком языке проходят церковные службы, религиозные праздники и церемонии. Большинство учителей и церковнослужителей получают образование в Германии.

Немецкоязычные СМИ представлены газетой «Гражданин Северного Шлезвига» («Der Nordschleswiger»), выходящей также в онлайн-формате, школьными и клубными изданиями. По частному датскому радио «Radio Mojn» выходят ежедневные выпуски новостей. Телепередач на немецком языке нет.

В сфере политики интересы немецкоязычного меньшинства в Дании представляет партия «Союз немецких граждан северного Шлезвига» («Bund deutscher Nordschleswiger»), а также «Шлезвигская партия» («Schleswigische Partei»). Кроме того, с 1965 г. в датском парламенте существует Комитет по связям с немецким меньшинством (Kontaktausschuss für die deutsche Minderheit), а с 1983 г. – Секретариат немецкого меньшинства (Sekretariat der deutschen Minderheit) [Ammon 2015, с. 308–309], финансируемый датским правительством.

Отметим, что немецкое меньшинство в Дании имеет также финансовую поддержку от Германии в размере 1,9 млн евро в год, которое используется, в основном, для строительства немецкоязычных школ и для транспортного обслуживания школьников: многие из них приезжают на занятия на школьных автобусах из-за территориальной разбросанности населенных пунктов.

Из всего вышесказанного делается вывод, что ближайшее будущее (absehbare Zukunft) [Ammon 2015, с. 310] языковое будущее немецкого меньшинства в Дании обеспечено. При этом отмечается растущее влияние английского языка на все сферы коммуникации, что может нарушить сложившееся датско-немецкое двуязычие, постепенно сделав общение на немецком диалекте ненужным. Такое развитие соответствует отчетливо выраженной тенденции к моноязычию в Европейском союзе с использованием английского языка как *lingua franca*. Рассматривая эту проблему, следует учитывать отдаленную перспективу в существовании немецкого языка в Дании как миноритарного. Эта перспектива во многом определяется наблюдаемой уже сегодня тенденцией к постепенному превращению Европейского союза из

сообщества государств в Федерацию. Языками этой Федерации, ее центрального правительства и ее парламента станут те языки, которые уже сегодня являются рабочими языками Европейского союза, т.е. английский и французский. Если ко времени образования Федерации европейских государств немецкий язык не получит статуса рабочего языка в сегодняшнем Европейском союзе, то его роль в будущем общении не только между разными странами, но и между носителями основных и миноритарных языков резко снизится.

Пока функционирование немецкого языка как миноритарного активно поддерживается Европейской хартией региональных языков, или языков меньшинств, но возникает вопрос: не придут ли в противоречие положения этой Хартии и официально декларируемой институтами Европейского союза политики поддержания многоязычия на европейском континенте с реальностями языковой ситуации в европейских странах?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Европейская хартия региональных языков, или языковых меньшинств. Изд. на рус. и англ. яз. URL : coe.int/dg4/education/minlang/Default_en.asp;
- Кирилина А. В.* Сходство в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. М., 2015. № 2. С. 77–89.
- Кожемаков А. С.* Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. М., 2015. С. 32–45.
- Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств. URL : constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/
- Трошина Н. Н.* Немецкий язык в современной Европе: науч.-аналитич. обзор // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. М., 2015. С. 102–121.
- Трошина Н. Н.* Раренко М.Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. М., 2005: Теории истины. Язык в контексте глобализации. С. 131–134.
- Язык и общество : энциклопедия / гл. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Азбуковник, 2016. 872 с.
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston : de Gruyter, 2015. XVII, 1295 S.
- Steffen J.* Vereinzelte Sprachinseln oder Archipel? Die Mennoniten in Belize im englisch-spanischen Sprachkontakt. Bd. 1–2. Kiel : Westensee-Verl., 2006. S. 14–22.

УДК. 811.112.2

Е. А. Ефименко

соискатель каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: kifir81@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В НЕМЕЦКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья содержит результаты лингвистического анализа локальной структуры художественных текстов немецкой малой прозы второй половины XX в. с точки зрения организации художественного пространства. В немецкой послевоенной прозе пространство организуется следующим образом: в центре внимания оказывается Человек, странствующий по дорогам, а образ Дома для немца – это «Дом – перевалочный пункт». Сюжет может быть представлен как траектория пространственных перемещений героев. Для художественного пространства в немецкой малой прозе характерна автосемантическая локальная сетка, что обеспечивается наличием хотя бы одного указателя на точное географическое место и позволяет читателю однозначно локализовать действие в тексте. Однако в немецкой малой прозе авторы концентрируют внимание читателя не на описании места действия, а на внутреннем состоянии главного героя, что, в свою очередь, выражается в частом употреблении имен существительных.

Ключевые слова: лингвистика текста; художественное пространство; локальная сетка; немецкая проза.

E. A. Efimenko

Postgraduate Student at the Department of Comparative
and Historical Linguistics, MSLU; e-mail: kifir81@mail.ru

SPACE STRUCTURE IN GERMAN SMALL PROSE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The article contains the results of linguistic analysis of the local structure of German short prose of the second half of the twentieth century done with regard to fictional space structure. The space is structured in German post-war prose in the following way: the focus is placed on Man, who is wandering in the world, while the concept of Home for Germans is “House as a transit point”. The plot can be described as the trajectory of spatial movements of the heroes. Typically German fictional space

contains at least one indication of the exact geographical location which allows the reader to locate the action in the text. However, German prose does not reveal a wide range of space indicators. The authors draw the reader's attention not to the description of the scene, but to the emotional state of the main character, which is described with the help of a large number of nouns.

Key words: text linguistics; fictional space; local grid; German prose.

По мере становления когнитивного подхода к изучению языка в число актуальных направлений, разрабатываемых лингвистикой текста, включается изучение художественного текста с позиции языка как системы, дающей представление о культуре народа. Особое внимание уделяют таким категориям, как художественное время и художественное пространство. При отображении в человеческом сознании явлений действительности обычно фиксируются лишь наиболее значимые для определенного этнического коллектива временные, пространственные и причинно-следственные связи предметов и явлений.

Художественный текст представляет собой вторичную семиотическую модель, использующую язык как базисную знаковую систему. Возможные миры, конструируемые в них, имеют разную степень уподобления реальному миру, «однако сопоставительное рассмотрение реального и фиктивного миров в контексте знания о культуре конкретного времени допустимо и возможно. Поэтому литературный текст был и остается важным источником информации самого различного свойства не только для литературоведов и культурологов, но и для лингвистов» [Любимова 2012, с. 145].

В нашем случае целью лингвистического анализа является локальная структура художественных текстов. Изучение произведений художественной литературы разных авторов в немецком художественном тексте малой формы второй половины XX в.¹ показало, что для художественного пространства в немецкой прозе характерна

¹ Проанализированы произведения немецких прозаиков (более 50 фамилий): W. Altendorf; A. Andersch; W. Bauer; U. Becher; M. Beheim-Schwarzbach; H. Bienek; H. Böll; W. Bredel; G. Britting; E. Claudius; E. Glaeser; A. Goes; G. Grass; H. Hartung; M. Hausmann; U. Johnson; M. L. Kaschnitz; H. Kesten; W. Koeppen; W. Kramp; K. Kusenber; S. Lenz; J. Mühlberger; H. E. Nossack; F. Ohrtmann; H. Piontek; H. Risse; K. Roehler; P. Rosinski; A. Seghers; P. Schallück; A. Schmidt; E. Schnabel; W. Schnurre; I. Seidel; E. Strittmatter; B. Uhse; M. Walser; R. Wolf; W. Weyrauch и др.

автосемантическая локальная сетка, что обеспечивается наличием хотя бы одного указателя на точное географическое место и позволяет читателю однозначно локализовать действие в тексте:

Das Dorf lag an der Landstraße und an einigen Seitenwegen, die in Felder, Wiesen und Wald führten (*Friedrich Georg Jünger. Der Knopf*) [Deutschland erzählt. Sechshundvierzig Erzählungen 1962, с. 200].

Помещая персонажа в определенную среду, называя и именую место его пребывания, автор не только осуществляет географическую конкретизацию описываемого события, приближая его к действительности, но и «определенным образом характеризует персонаж, предопределяя его характер и дальнейшее развитие сюжета» [Бабенко, Казарин 2004, с. 108].

Поражение Германии во Второй мировой войне нашло отклик в немецкой прозе. Прозаики послевоенных лет очень точно передают атмосферу и переживания народа, приходя к выводу: жизненное пространство, некогда захваченное вермахтом в Восточной Европе, превращается в «ничейную территорию» (*das Niemandsland*). В погоне за жизненным пространством чувство дома у немцев уходит на второй план. После Второй мировой войны немецкому народу потребуется время, чтобы вернуться к нормальной жизни, наладить быт и воссоздать образ дома – опустевшего, безлюдного, мертвого, жалкого (*einsam, tot, elend, verödet*), поставив на окно герань – символ уюта и комфорта у немцев (см. прозу В. Борхерта). Образ милого сердцу дома, им, безусловно, необходимо восстановить на своей территории, на своем пространстве, а не искать на чужой стороне.

В немецкой малой прозе второй половины XX в. (в отличие, например, от австрийской) авторы уделяют внимание не подробному описанию места действия, а внутреннему миру главного героя, описывают его эмоциональное состояние:

Es war im Sommer 1948 ...Auch die Misere schlich umher; die Freudlosigkeit war unser trüber Gefährte. Neid, Gier, Sorge, Angst begleiteten uns auf Schritt und Tritt ... (*Willy Kramp. Was ein Mensch wert ist*) [Deutsche Erzähler der Gegenwart. Eine Anthologie 1979, с. 180].

Имена существительные, характеризующие главного героя и пространство вокруг него, часто сопровождают такие прилагательные, как: *leer* (пустой), *tot* (мертвый), *elend* (жалкий, плачевный), *einsam*

(одинокий, уединенный), *still* (тихий), *unbewohnt* (необжитый), *verödet* (опустевший), *zerstört* (разрушенный), *zerfallen* (пришедший в упадок) и др., подчеркивающие чувство опустошенности и одиночества в прозе:

Als sie (Männer) mit grügelbem Gesicht durch die Straßen taumelten, waren ihre Seelen in einem verzweifelte Einklang. ...Die Straßen waren schwarz, und keiner beachtete sie. (Herbert Heckmann. Sisyphos war der größere) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 75].

Die Stufen knackten, aber sonst war das Haus wie tot, als seien alle seine Bewohner ausgezogen, gestorben, vergessen, kein Radio, kein Kindergeschrei, keine Tür die zufiel, nicht einmal Atemzüge... (Ruth Rehmann. Für die Katz') [Deutsche Prosa 1963, с. 29].

В немецком художественном тексте художественное пространство расширяется по отношению к персонажу, оно открыто, «активно», подвижно, изменчиво. При этом позиция художника при передаче изображаемого пространства может быть различной. Рассказчик может находиться там же, где и персонаж, т. е. «прикрепляться» к нему. Автор следует за персонажем, описывая события, давая им свою оценку. В другом случае повествователь «скользит» от одного персонажа к другому. Возможно изображение событий с точки зрения «птичьего полета», что делает описание всеобъемлющим и объективным [Ноздрина 1997, с. 165]. В следующем примере автор как раз использует подобную технику для того, чтобы подчеркнуть подвижный характер пространства:

An dem Tage ruhte der Sultan in der grünen Kammer auf dem Sofa... Pontus (der Sklave), der mit seiner Fliegenpatsche bei der Tür stand, war unruhig. ... Pontus tat, wie ihm befohlen war. Er kehrte die Sanduhr um, stürzte aus der grünen Kammer, lief die Treppe hinab, durcheilte die Höfe, die Tore und erreichte im Nu die engen Gassen der Stadt. (Kurt Kusenberg. Die Fliege) [Deutschland erzählt 1962, S. 97, 100].

В немецкой малой прозе второй половины XX в. действие, как правило, переносится в другую страну (редко, когда местом действия становится один из городов Германии), а сюжет может быть представлен как «траектория пространственных перемещений героев» (определение С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1966, с. 42]) за пределами Германии.

Образ *дороги* всегда присутствует в немецкой прозе. Это можно объяснить тем, что немецкая армия прошагала пешком много километров, часто была в пути и на пути к обретению необходимого ей жизненного пространства, но вдалеке от дома. Кроме того, по мнению Лотмана Ю. М., «дорога – универсальная форма организации пространства. Она включает в себя все виды пространства, ибо идет через них. Однако, включая в себя все виды пространства, «дорога» не принадлежит ни одному из них – она проходит через них. В соответствии с этим и «герой дороги» не принадлежит никакой среде» [Лотман 2015, с. 303].

В следующем отрывке автор описывает, как немецкие солдаты «идут по улицам и ищут место», «где они должны осесть»:

Wir gehen mit unseren traurigen altmodischen Füßen in nadelspitzen Antilopenledersommerschuhren über die neuen spiegelblanken Straßen und suchen den Platz ... Wir streifen an den polierten Mosaikfassaden der hohen Häuser vorbei und suchen die Stelle, die uns gehört... Wir sind da, ...irgendwo müssen wir jetzt sesshaft werden. (Auguste Zabori-Broch. Es ist kein Platz da für uns) [Prosa. 27 deutsche Erzählungen aus unserer Zeit 1962, с. 91].

Однако такого места они не находят, им тут (на территории других стран) места нет:

Aber da ist kein Raum für uns. ... Wir finden den Platz nicht, es ist kein Platz da für uns. (Auguste Zabori-Broch. Es ist kein Platz da für uns) [Prosa. 27 deutsche Erzählungen aus unserer Zeit 1962, с. 92].

Очень интересным представляется замена образа дома (*das Haus*) лексемами *die Wohnung* (квартира), *das Wohn-, Couchzimmer, Zimmer, der Raum, die Wohn-, Gaststube* (комната), *das Bahnhofs-, Strandhotel* (отель), *das Gebäude* (здание), *das Gasthaus* (гостевой дом, где живёт сам хозяин и сдаёт комнату), *das Dorfwirtshaus* (гостиница в сельской местности), *das Cafe, das Lokal* (кафе), *die Kneipe* (закусочная), *die Bar, die Weinkneipe* (бар, где подают алкогольные напитки), *die Villa* (вилла), *die Pension, das Sanatorium* (санаторий) или даже *das Schiff, das Boot* (корабль, лодка).

Анализ произведений показал, что часто местом действия становится отель, иначе говоря, перевалочный пункт. Поселившись в отеле (пусть даже на короткий срок), герои непременно стремятся сделать комнату своего пребывания уютней:

Eines Tages fragte sie mich: „Was würdest du sagen, wenn wir einen Sessel bekämen?“ – „Einen Sessel? Wozu?“ – „Ich finde ...erst ein Sessel macht es wirklich gemütlich. ... Ein Sessel würde unser Zimmer viel wohnlicher machen. (Fritz Ohrtmann. *Reise nach Goms*) [Deutschland erzählt 1962, с. 25].

Тему скитаний и странствий за пределами Германии в немецкой прозе продолжает образ «транспортного средства». Действие разворачивается то на корабле или лодке (*das Schiff, der Schiffsraum, das Boot*), то в купе поезда (*das Abteil*), в трамвае (*die Straßenbahn*), автобусе (*der Autobus*) или фургоне (*der Wohnwagen*), на котором путешествуют или живут герои, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Schon war man elbauf Glückstadt vorbei, und jedermann an Bord hoffte, rechtzeitig in eine warme Stube unter den Lichterbaum zu gelangen“. (Hans Leip. Knecht Niklas übers Wasser ging) [Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts 1957, с. 71].

Jenös Leute wohnten in ihren Wohnwagen. Die standen zwischen den Kiefern am Faulen See. (Wolfdietrich Schnurre. *Jenö war mein Freund*) [Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts 1957, с. 295].

Wir mussten in den schiffsraum hinab ... Wir lagen nachts und rollten mit der bewegung des schiffes¹. (Christa Reinig. *Drei Schiffe*) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 255].

В немецкоязычном тексте средствами выражения пространственных отношений и указания на различные пространственные характеристики служат:

– корневые лексемы, выраженные именами существительными с локальным значением, а также их производные, сложные лексемы, образованные на их основе: *das Hotel (das Bahnhofshotel)*, *das Haus (das Gast-, Dorfwirtshaus, das Wochenendhäuschen)*, *die Wohnung, das Cafe* и др.:

Der junge, noch unvermählte Heinrich von Ringen lebte mit seiner ledigen Schwester im elterlichen Hause und bewirtete an Stelle des kränklichen Vaters das kleine Gut. (Werner Bergengruen. *Die Fahrt des Herrn von Ringen*) [Deutschland erzählt 1962, с. 226].

– обстоятельства места – способ уточнения локальной отнесенности высказывания, которые чаще всего выражаются наречиями:

¹ В авторском тексте все существительные с маленькой буквы.

Das ist unser Hof und hinter mir liegt der Garten, und hier drinnen schlafen die Hühner, eines dicht ans andere gepreßt sitzen sie schlafend nebeneinander. Und das da ist unser Haus. (*Gunar Ortlepp. Ein Abend im Herbst*) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 52].

– предлоги с локальным значением или пространственные предлоги (*из, от, с; von, zu, aus, gegenüber, bei* и др.), являющиеся основным средством выражения пространственных отношений в языке. Такие предлоги выражают местоположение объекта и направление действия в пространстве, маркируя пространственные отношения между объектами действительности. Локативные предлоги (*an, auf, hinter, in, neben, über, unter, vor, zwischen* и др.) представляют собой многочисленную группу предлогов, характеризующихся сменой падежа в зависимости от акцентирования внимания на одном из аспектов ситуации:

Ich sah auf eine Landschaft ... Links ein Weg, einen Hügel hinauf und sich dahinten verlierend. Zwei Häuser, sehr still. (*Walter Helmut Fritz. Das Schweigen vieler Jahre*) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 40].

Eines Tages nun saß Zuffi vor unserer Haustür im Garten und klopfte. (*Stefan Andres. Die Himmelsschuhe*) [Deutschland erzählt 1962, с. 193].

– синтаксические конструкции со значением местонахождения – придаточные места:

Wir kamen vor die Stadt hinaus, dorthin, wo die Häuser von großen Gärten umgeben sind, und dann waren gar keine Häuser da ... Und wenn ich erwartet hatte, nun einen Eislaufplatz vor mir zu sehen, ...so bot sich mir ein ganz anderer Anblick. Denn dort unten lag der See, ... von schwarzen Wäldern umgeben und sah genau wie in meiner Kindheit aus. (*Marie Luise Kaschnitz. Das dicke Kind*) [Deutschland erzählt 1962, с. 235].

So die Straße hinunter mit dem Wind und hinein in unser Dorf, das uns mit unheimlicher Stille empfing: da lagen trotz der Kälte Leute in den Fenstern, blickten angestrengt über uns weg, als wir über die letzte Steigung kamen und hinunter auf den Dorfplatz, wo rechts die Post steht und links die Bürgermeisterei mit einem Vorbau. (*Karl Alfred Wolken. Zinnwald*) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 88].

– прилагательные и наречия, местоименные наречия с локальным значением: *deutsche Schriftsteller* (*немецкие писатели*), *städtisch*

(городской, муниципальный), *dörflich, ländlich, häuslich* (сельский, деревенский, домашний) и др.:

Große, stattliche Höfe waren nicht darin, und wer es von vorn bis hinten abschritt, der fand keinen Vollmeierhof. (*Friedrich Georg Jünger. Der Knopf*) [Deutschland erzählt 1962, с. 200].

– локальные указатели, например глагольные приставки, указывающие на направление движения (*runter-, raus-, hinüber-, herum-* и т. д.) и придающие речи особую эмоциональность: *drumhaben, runtersehen, rauskommen, dasitzen, rübersehen, hinhören, sich hinsetzen, wegglotzen, runterquatschen, rumwühlen*:

Er lief die Straße entlang...Er hörte den Lärm, der von der Stadt herankroch. (*Herbert Heckmann. Sisyphos war der größere*) [Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. 1963, с. 72].

– топонимы и их различные классы (например, хоронимы – названия любых территорий, областей, районов; астионимы – названия городов; годонимы – названия улиц; агоронимы – названия площадей; гидронимы – географические названия водных объектов и др.):

Von der Ostsee bis an den Fuß der Alpen hatte er den Totenkranz quer durch das ganz Deutschland getragen... (*Josef Mühlberger. Der Kranzträger*) [Deutschland erzählt 1962, с. 300].

Wir waren im Januar des Jahres 1942 nach Sizilien verlegt worden. ... Wir saßen im Garten der kleinen Villa, die oberhalb der Stadt zwischen den Hügeln liegt. (*Ernst Glaeser. Sizilianische Vesper*) [Prosa. 27 deutsche Erzählungen aus unserer Zeit 1962, с. 122].

Auf der Bank am Preußenplatz setzt du dich hin, in der Herbstsonne, unter fallenden Blättern, und blickst über die Straße, in der du so lange gelebt hast. (*Annemarie Weber. Liebesgeschichten am Abend*) [Prosa. 27 deutsche Erzählungen aus unserer Zeit 1962, с. 56].

Неотъемлемой частью организации пространства в немецкой послевоенной действительности становится *кладбище* (der Friedhof). Оно может располагаться около дома или же само становится местом действия:

Es (das Dorf) bestand aus einer Holzkirche mit einem Friedhof, einer Schule und ein paar Dutzend eng zusammengedrängten Häusern und Gehöften. (*Fritz Ohrtmann. Reise nach Goms*) [Deutsche Erzählungen für Ausländer 1965, с. 14].

В немецкой культуре пространство тесно связано с личным пространством, что выражается в ограничении помещения (комнаты, квартиры) при помощи большого количества дверей, всегда закрытых:

Der Soldat war erst gegen Morgen nach Haus gekommen. Er hatte sich aufs Bett geworfen und schlief nun fest. Um acht Uhr klopfte seine Mutter gegen die Tür. Er hörte sie nicht. ...Dann trat sie in das Zimmer und rüttelte ihn. (*Bodo Uhse. Ausmarsch im September*) [Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts 1957, с. 146].

В своих произведениях авторы порой повествуют и о буднях немецких солдат, оторванных от родного дома и вынужденных выполнять приказы Вермахта. Они мечтают о доме, о возможности увидеть мать, завести после войны семью и вырастить детей:

So müde Hermann (der Soldat der Wehrmacht) auch war, er konnte nicht einschlafen. Er musste all die Zeit an Emma und an die Mutter denken, vor allem an Emma. Sie wartet darauf, dass er sie heiraten würde. ...Hermann wollte Emma heiraten. Er dachte an eine Wohnung mit zwei Stuben und einer Küche. Er dachte, dass sie bald Kinder haben würden. (*Bodo Uhse. Ausmarsch im September*) [Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts 1957, с. 152].

Тем не менее представления о доме, реконструируемые из текстов, не всегда соответствуют общепринятой дефиниции «дом» – «свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство» [ТСРЯ 2003, с. 121]. Четкого образа дома в немецкой малой прозе второй половины XX в. (в отличие от австрийской) не прослеживается. Очень точно эту мысль формулирует главный герой рассказа «Путешествие в Гомск» Ф. Ортманна:

Der Ort, an dem ich wohne, hat keinen Namen. Meine Frau nennt ihn zwar „zu Hause“, aber ich bin anderer Ansicht. (*Fritz Ohrtmann. Reise nach Gomsk*) [Deutsche Erzählungen für Ausländer 1965, с. 14].

Символичным является и ответ немецкого солдата на вопрос, который задает ему русский солдат Алёша:

„Hast du auch eins Zuhause?“ „Nein“, sagte Karl, „aber einen Hund hab ich mal gehabt“ (*Wolfdietrich Schnurre. Die Reise zur Babuschka*) [Deutsche Erzähler der Gegenwart 1979, с. 106].

Таким образом, обращение к анализу пространственной картины в немецкой малой прозе второй половины XX в. показало, что:

1. Лексико-семантическое поле «пространство» включает обширный пласт разнообразных лексических единиц, представляющих ряд частей речи, описывающих человека, главного героя, и пространство вокруг него.

2. Сюжет может быть представлен как траектория пространственных перемещений героев, а в центре внимания оказывается Человек.

3. Образ Дома в немецкой малой прозе второй половины XX в. – это скорее «дом – перевалочный» в образе номера гостиницы, съемной квартиры, купе, бара, каюты корабля, тюремной камеры и т. д., что, с одной стороны, подчеркивает такую черту немецкого характера, как мобильность, а с другой – связано с внешней политикой Германии. В этом заключается своеобразие немецкого понимания локальности в немецкой малой прозе второй половины XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М. : Флинта, 2004. 496 с.
- Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
- Любимова Н. В. Смена языкового кода в литературном тексте (семиотический способ прочтения) // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 145–156. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 19 (652). Сер. Языкознание.)
- Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам, 16–26 августа 1966. Тарту. С. 41–45.
- Ноздрина Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 475 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2003. 944 с.
- Deutschland erzählt. Sechszundvierzig Erzählungen. Fischer Bücherei KG, Frankfurt am Main und Hamburg, 1962. 334 S.
- Deutsche Erzähler der Gegenwart. Eine Anthologie. Herausgegeben und eingeleitet von Willi Fehse. Philipp Reclam jun. Stuttgart. Reclam-Verlag GmbH., Stuttgart, 1979. 366 S.
- Deutsche Erzähler des 20. Jahrhunderts. Band II. Verlag Neues Leben. Berlin, 1957. 429 S.

- Deutsche Erzählungen für Ausländer. Zweiter Band. Herausgegeben von Linde Klier und Uwe Martin. Max Hueber Verlag München, 1965. 135 S.
- Deutsche Prosa. Erzählungen seit 1945. Herausgegeben von Horst Bingel. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co.KG, München, 1963. 396 S.
- Prosa. 27 deutsche Erzählungen aus unserer Zeit. Berlin-Grunewald, F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung, 1962. 276 S.

УДК 81'42

Е. Ф. Косиченко

доцент, кандидат филологических наук,
заведующий каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЛОТНОСТЬ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье речь идет о том, что анализ произведений художественной литературы на предмет долевого содержания в них имен собственных дает основания полагать, что ономастическая плотность является важным структурообразующим элементом текста, способствуя реализации идейного содержания произведения, его пространственной и жанровой организации. Для выявления коэффициента ономастической плотности (далее – КОП) на предварительном этапе проводился подробный анализ ономастиконов всех привлекаемых в данной статье произведений, при котором осуществлялся подсчет общего числа слов, числа употреблений имен собственных, выявлялось процентное отношение онимов к общему числу слов. В ряде случаев определялось также число различных средств именования одного персонажа либо устанавливалось доленое содержание личных имен, фамилий, прозвищ, прецедентных имен.

Ключевые слова: художественный текст; имя собственное; жанр; структурообразование; ономастическая плотность.

E. F. Kosichenko

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

ONOMASTIC DENSITY AS A STRUCTURAL ELEMENT OF A WORK OF FICTION

The article looks into the problem of correlation between the share of personal names in a work of fiction and the structural features of the text, its message and its genre. The analysis relies on statistic data, received as a result of calculating the total number of words in each novel, the number of personal names used in it and ultimately the percentage of personal names. The term index of onomastic density (IOD) is introduced to show the density of personal names in a book. Analysis has shown that the IOD has little dependence on the genre, although classical detective and spy novels tend to have a high IOD, which provides conditions for the criminal to remain undiscovered until the very end of the book. The importance of IOD becomes more obvious when IOD is viewed from the standpoint of the main theme of the novel and with regard to its atmosphere and spatial arrangement.

Key words: fictional text; personal name; genre; structure formation; onomastic density.

Изучение произведений художественной литературы с точки зрения их ономастической организации показывает, что, с одной стороны, художественный ономастикон в значительной степени отражает характерные для языка и культуры особенности взаимодействия человека с именами, а с другой – способствует созданию вымышленной реальности. Оба процесса – репрезентация действительности и создание фикционального мира литературного произведения – важны в плане пространственно-временной и жанрово-стилистической организации художественного текста, а также способствуют созданию художественных образов.

В научной литературе по ономастике часто отмечается, что отсутствие имени является знаковым явлением как в культуре, так и в художественном тексте, указывая на особый статус персонажа или способствуя созданию интриги [Никонов 1974; Панченко 1998; Culleton 1994; Fowler 2012; Nicolaisen 1987]. Вместе с тем проблема взаимосвязи между числом используемых в произведении художественной литературы имен и особенностями организации данного произведения до сих пор не получила более глубокого и всестороннего освещения.

В статье речь пойдет о том, что доля используемых в произведении художественной литературы имен от общего числа употребленных слов в немальной степени определяется темой этого произведения, часто созданной атмосферой (напряжения, одиночества, потерянности) или внутренними переживаниями героя, а в ряде случаев также жанровыми характеристиками повествования. В этой связи в статье вводится понятие «коэффициент ономастической плотности» (далее – КОП), под которым понимается процентное отношение имен собственных к общему числу слов в целом произведении, в отдельной главе или в отдельном текстовом фрагменте. Выделяются три уровня ономастической плотности, при этом каждый соотносится с определенным коэффициентом. *Низким* называется КОП, при котором доля онимов от общего числа слов в произведении составляет (в процентах) от 1 до 2; *средним* – от 2 до 3; *высоким* – свыше 3.

В первую очередь остановимся на роли КОП как средстве создания атмосферы напряженности и ощущения опасности в остросюжетном романе, для чего обратимся к произведению Г. Грина «Сила и слава» (Greene G. 'Power and Glory' [Greene 2003]). Общий статистический подсчет показывает, что КОП в тексте данного произведения равен

1.5 % (973 употреблений на 62850 слов). Общее число имен в романе «Сила и слава» составляет тридцать четыре (34) единицы. Из них: личных имен – пятнадцать (15); прецедентных имен – четырнадцать (14). При этом из общего числа использованных в романе личных имен (15) число испанских имен составляет десять (10).

Композиционно роман Г. Грина «Сила и слава» выстраивается по правилам триллера, когда на протяжении всего повествования жертва пытается скрыться от преследователей; при этом в произведении поднимается важная философская проблема одиночества и роли религии в жизни общества и конкретного человека. В основе повествования – судьба католического священника времен гонений на Церковь в Мексике начала 1930-х гг. Особенностью построения произведения является отсутствие имен двух главных героев: скрывающегося священника и офицера, который его преследует; при этом референция осуществляется при помощи дейктических слов.

Прежде всего следует отметить, что низкий КОП усиливает ощущение открытого пространства, акцентирует идею о том, что у главного героя нет возможности скрыться от преследования. В трех приводимых ниже отрывках, относящихся к одному эпизоду, священник сначала обращается за помощью к своим землякам, которые предлагают ему поискать укрытие в городе, т. е. там, где больше людей и больше возможностей затеряться (1); затем вдруг понимает, что находится под постоянным наблюдением и как будто выставлен на всеобщее обозрение (2); и, наконец, узнает, что солдаты наведываются в эти места (3):

- 1) The old man advanced to meet him: he took the stranger's hand and kissed it. "Can you let me have a hammock for the night?" "Ah, Father, for a hammock **you must go to a town**. Here you must take only the luck of the road" [Greene 2003, с. 38].
- 2) The boy came out of the hut and **watched him: everybody watched**: it was like bull-fight: the animal was tired and they waited for the next move [Greene 2003, с. 38].
- 3) "**The soldiers were here yesterday**" the old man said [Greene 2003, с. 38].

Кроме того, что низкий КОП способствует пространственной организации текста, он также участвует в реализации идеи о сакральном значении имени, о его магических свойствах. Сохранение имени в секрете позволяет священнику оставаться в живых на протяжении

практически всего повествования, но как только он называет свое имя незнакомому человеку, становится понятно, что он скоро погибнет:

The priest *gave his name to a stranger* for the first time in ten years: Father So-and-so, because he was tired and there seemed *no object in going on living* [Greene 2003, с. 156].

Низкий КОП (1.6) характерен также для остросюжетного романа М. Ондадже «Английский пациент» [Ondaatje 2004], главный герой которого, по аналогии с героем романа «Сила и слава», на протяжении всего повествования старается сохранить свое инкогнито. Действие разворачивается на заброшенной вилле, вдали от поселений, а многие эпизоды книги посвящены описанию пустынь. Иначе говоря, все пространство романа – это открытое пространство, и низкий КОП усиливает ощущение пустоты и опасности, выступая средством создания напряжения и интриги. Кроме того, и в этом романе низкий КОП участвует в реализации идеи о важности имени в жизни человека, о силе оберега, которым, с точки зрения архаического сознания, наделено каждое личное имя [Косиченко 2016].

В произведении И. Во «Возвращение в Брайдсхед» [Waugh 2008] низкий КОП (1.8) является средством реализации идеи о постепенном угасании английской аристократии. Особую роль в структурообразовании приобретает высокая доля личных имен (около 50 % от общего числа имен) и прецедентных имен (свыше 30 % от общего числа имен). В отличие от фамилий, которые представляют собой родовые сущности, личные имена – это индивидуализирующие знаки, и их доминирование в тексте на фоне низкого КОП может рассматриваться как символ стирания (если не окончательного исчезновения) фамильных ценностей. Прецедентные имена акцентируют идею об особом статусе высшего общества, образованности и изысканности аристократов.

Низкий КОП выполняет важную структурообразующую функцию в научно-фантастических произведениях. Например, в романе А. Азимова «Роботы Зари» [Asimov 1994], повествующем о расселении людей за пределами Солнечной системы, КОП равен 1.73. По сюжету данного произведения обитателями планеты Аврора являются люди нового типа, которые во всем полагаются на многочисленных роботов и, по возможности, избегают контактов друг с другом. Низкий КОП данного произведения включен в его пространственную организацию, усиливая

ощущение бескрайности Вселенной, а также участвует в раскрытии темы постепенного вымирания людей в сообществах, где личностные контакты считаются нежелательными или недопустимыми. Тот факт, что из тридцати одного имени (31) шестнадцать (16) имеют «неземное» происхождение, способствует созданию атмосферы другой реальности, где действуют иные обычаи и законы. К так называемым инопланетным именам относятся: *Albert Minnim*, *Aliena Vasilia*, *Amadiro Kelden*, *Gladia Delmarre*, *Han Fastolfe*, *Gremionis Santirix* и др.

Роль КОП как структурообразующего элемента становится более наглядной при сравнении двух произведений одного автора. Так, в романе А. Азимова «Немезида» [Asimov 1990], КОП которого составляет 2.4, речь также идет о поселении людей на некоторой планете за пределами нашей галактики. По аналогии с романом «Роботы Зари», в данном произведении люди покинули перенаселенную Солнечную систему и отправились в космическое путешествие в поисках больших территорий. Отличие заключается в том, что в романе «Немезида» люди живут не среди роботов, а в контакте друг с другом. Более высокий КОП усиливает ощущение того, что по своему устройству данный мир приближен к земному и способствует реализации идеи о возможности выживания людей в других галактиках.

Средняя плотность онимов характерна для романов, где важной темой является тема одиночества, где главные герои окружены различными людьми, и, тем не менее, чувствуют себя потерянными, страдают от эмоциональных переживаний.

Обратимся к произведению С. Ахерн «Спасибо за твои воспоминания» [Ahern 2008], КОП которого составляет 2.3. По сюжету данного произведения в результате несчастного случая главная героиня Джойс Конвей (Joyce Conway) теряет ребенка, но сама выживает благодаря переливанию крови. После выздоровления Джойс понимает, что проживает не свою жизнь, и новые воспоминания побуждают ее начать поиски человека, чью кровь она получила – Джастина Хитчкока (Justin Hitchcock).

Общее число используемых в романе онимов насчитывает 53 единицы. Важную роль в романе играют личные имена: из 53 ономастических средств 41 имя является личным. Высокая плотность личных имен усиливает ощущение внутренних переживаний и является важным средством построения романтической истории.

Похожим образом складывается ономастическая ситуация в романе Дж. Апдайка «Кролик вернулся» [Updike 1991], герой которого, достигнув середины жизни, находится в состоянии растерянности и поиска. Исследовательский корпус составили 142 имени, из них: личных имен – 66; фамилий – 32; прозвищ – 2; прецедентных имен – 42. КОП данного произведения равен 2.28.

Высокий КОП характерен для двух детективных и одного шпионского романов, послуживших материалом для данного исследования. В частности, в романе Р. Стаута «В лучших семействах» [Stout 1992] КОП составляет 3.03; в романе А. Кристи «Занавес: последнее дело Пуаро» [Christie 2008] КОП доходит до 3.1; в шпионском романе Г. Грина «Человеческий фактор» [Greene 2005] КОП составляет 3 % от общего числа слов. С одной стороны, большое число имен служит фактором, обеспечивающим прикрытие для преступника или шпиона, усложняет задачу их обнаружения, и способно направить читателя по ложному следу; с другой стороны, благодаря плотной концентрации имен художественное пространство сужается, ограничивая преступника в передвижениях.

Из всех произведений, которые подлежали статистическому анализу, самый высокий КОП (4.8) был зафиксирован в романе Т. Пратчетта «Пехотная баллада» [Pratchett 2003], который относится к жанру фэнтези. Действие романа «Пехотная баллада» разворачивается во время многолетней войны между Борогравией и Злобенией. Отчаявшиеся женщины Борогравии, нарушив закон и переодевшись мужчинами, вступают в армию и добиваются перемирия.

В романе «Пехотная баллада» задействовано двадцать восемь (28) персонажей, число используемых имен составляет пятьдесят два (52). Из десяти (10) основных персонажей пять (5) имеют по три средства именования (личное имя, фамилия, прозвище). Например, главная героиня по имени *Polly* имеет также фамилию *Perks* и прозвище *Ozzer*; девушка по имени *Betty* имеет фамилию *Shufti* и прозвище *Manickle*. Примечательно, что только люди имеют в романе по три имени, вымышленные существа (гоблины, вампиры, тролли) имеют имя и прозвище, например *Maladicta* – *Maladict*.

По аналогии с детективными и шпионскими романами, большое число имен в данном произведении создает прикрытие для нарушающих закон женщин, позволяя им долгое время оставаться не

идентифицированными. Кроме того, поскольку в книге описан военный поход героинь, высокий КОП важен в плане расширения художественного пространства, а также создает ощущение того, что война бесконечна и затрагивает абсолютно каждое живое существо, независимо от его природы. И, наконец, высокий КОП способствует реализации идеи о возможности взаимопонимания между разными существами, в данном случае между людьми и фантастическими созданиями.

Таким образом, анализ произведений художественной литературы с целью выявления роли коэффициента ономастической плотности в их структурной организации показывает, что очень большая или, напротив, малая доля имен собственных в некотором произведении способствует его пространственной организации. В ряде случаев коэффициент ономастической плотности может быть рассмотрен как средство жанрообразования; при этом в детективных романах КОП скорее всего будет высоким, в то время как в триллерах он будет низким. В романтической истории велика вероятность высокой плотности личных имен на фоне среднего КОП. Важно, что в каждом произведении художественной литературы коэффициент ономастической плотности является фактором, способствующим раскрытию темы данного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косиченко Е. Ф.* Личное имя как средство объективизации языкового опыта человека в художественном тексте // *Язык и коммуникация*. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 73–80. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 6 (745). Сер. Языкознание и литературоведение).
- Никонов В. А.* Имя и общество. М. : Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1974. 278 с.
- Панченко О. Н.* Виктор Шкловский – миф – реальность: (К проблеме литературной языковой личности) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 41 с.
- Ahern C.* Thanks for the Memories. NY : Harper Collins and Harper, 2008. 489 p.
- Asimov I.* Nemesis. NY, Toronto, London, Sydney, Auckland : Bantam Books, 1990. 386 p.
- Asimov I.* The Robots of Dawn. NY : A Bantam Spectra Book, 1994. 435 p.
- Christie A.* Curtain: Poirot's Last Case. UK : Harper Collins, 2008. 224 p.
- Culleton Claire A.* Names and Naming in Joyce. London : The University of Wisconsin Press, 1994. 160 p.

- Fowler A.* Literary Names: Personal Names in English Literature. Oxford : Oxford University Press, 2012. 304 p.
- Greene G.* The Power and the Glory. London : Penguin Books Ltd, 2003. 222 p.
- Greene G.* The Human Factor. London : Vintage Books, 2005. 259 p.
- Nicolaisen W. F. H.* Names in Derivative Literature and Parodies // Literary Onomastic Studies. 1987. Vol. 14. P. 49–67.
- Ondaatje M.* The English Patient. London, New Delhi, NY, Sidney : Bloomsbury, 2004. 324 p.
- Pratchett T.* Monstrous Regiment. UK : Doubleday edition, 2003. 494 p.
- Stout R.* Even in the Best Families. Sphere. 1992. 223 p.
- Updike J.* Rabbit Redux. N.Y. : Fawcett Books, The Random House Publishing Group, 1991. 353 p.
- Waugh E.* Brideshead Revisited. NY : Back Bay Books, 2008. 403 p.

Д. Б. Ольховиков

кандидат филологических наук, доцент;
доцент каф. русского языка и теории словесности МГЛУ;
e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

КРЕАТИВНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме интерпретации поэтических текстов, в основе которой лежит эволюция теоретических концепций, а также семантико-стилистическая природа словесно-художественных произведений и литературно-эстетическое сознание читателя.

Ключевые слова: поэтический текст; художественная речь; креативный; интерпретация.

D. B. Olkhovikov

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Russian, MSLU; e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

THE CREATIVE ASPECT OF POETIC DISCOURSE

The way in which we understand the creative nature of poetic diction is rooted in the interrelations of semantic and stylistic features of artistic language, the way they are conceptualized as well as a certain type of artistic consciousness.

Key words: poetic diction; artistic language, creative; interpretation.

Неослабевающий интерес к таким традиционным проблемам лингвистической поэтики, как соотношение литературного языка, языка художественной литературы и поэтического языка, соотношение языковой нормы и сочетающих в себе общезыковое и индивидуальное идиостилей, семантико-стилистическая интерпретация поэтической речи – закономерен и определяется их ролью в эволюции творческого аспекта языка во всех его проявлениях. Исследование поэтического текста в качестве исходного и конечного объекта лингвистической поэтики предполагает не просто адекватное толкование заложенной в самой художественной речи поэтической информации, но и осмысление эвристического аспекта традиции интерпретации поэтических текстов.

История интерпретации – в течение уже более чем двух с половиной тысяч лет – креативной природы «поэтической речи» (в широком смысле этого термина) на сегодняшний день ретроспективно выстраивается в виде совокупности отчасти антагонистичных, но,

скорее, дополняющих друг друга учебно-научных концепций. Поиски глубинных онтологических характеристик литературной речи как бы отодвигают на второй план три принципиальных вопроса.

1. Один какой-либо признак или же их совокупность предопределяет особый характер словесного искусства?
2. Сама суть словесного искусства может с течением времени каким-либо образом меняться, или же она, как подсказывает логика здравого смысла, всегда неизменна?
3. Выполняет ли терминология рекомендуемых частных искусств речи сугубо метаязыковую функцию или же она может быть когнитивно более значима, влияя на конструирование лингвокультурного пространства и отчасти предвосхищая его?

Связь произведения словесного искусства и его творца (а также воспринимающего произведение словесного искусства слушателя) и, параллельно этому, отношение словесного искусства к внешнему миру – два вопроса, находящиеся в центре внимания эллинской культуры, равно как и всей европейской философии искусства и эстетики поэтического творчества.

Если мы хотим осмыслить сущность словесного искусства, необходимо прежде всего сформулировать свою позицию по вопросу, лежащему в основе понимания онтологии «поэтического» произведения: является ли природа произведений словесного искусства их имманентным качеством или же правильнее говорить о неразрывном симбиозе «вещи» и человеческого сознания (не просто результате резонанса, не просто бытия словесного искусства как части культурного пространства, а именно о поэтическом сознании языкового коллектива в качестве единственно реальной формы существования и поэтического языка, и, в целом, словесного искусства)?

Второе суждение представляется справедливым; оно, однако, не дает исчерпывающего объяснения тех языковых и речевых фактов, где эстетическое чувство языковой личности в известной мере предопределено и, предположительно, порождается внутренними свойствами широкого круга «природных» явлений (таких как, например, ритм), по отношению к которым человек в качестве биологической и культурной данности оказывается частным случаем.

Недостаточность имманентного анализа художественного текста состоит, прежде всего, не в отсутствии соотнесенности его с широким

лингвокультурным контекстом и также не в том, что компоненты мозаики текста, на которые он с вдохновляющей исследователя легкостью распадается при атомарном структурном анализе, не складываются вновь воедино, вскрывая механизм возникновения содержательности формальных элементов. Концептуальная слабость имманентного анализа заключается в выпадении из поля зрения исследователя факта бытия художественной формы не самой по себе, а преломленной в сознании языковой личности.

Абсолютная значимость семантико-стилистической и структурно-семиотической ткани художественной речи заключается в том, что, как совершенно очевидно, посредством них реализуется конкретное произведение словесного искусства; роль языковой личности состоит, конечно, и в индивидуальности прочтения текста, но, главное, в том, что только посредством нее и только в соединении с ней компоненты текста имеют фиксируемые в ходе интерпретации характеристики и качества.

Понимание значимости языковой личности или, иначе говоря, рефлексивно-эмотивной активности лингвокультурного сознания адресанта: заданного словесным сообщением особого состояния его сознания в качестве цели словесного сообщения – известно европейской эстетике еще со времен Платона и Аристотеля и имеет длительную историю изучения в рамках эмотивной теории искусства. Однако именно в санскритской теории расы дана удивительная по глубине проникновения в суть изучаемого явления и по детальности описания концепция этой стороны словесного искусства.

Согласно учению о расе, эмоциональное содержание искусства является его определяющей характеристикой [Гринцер 1987, с. 148]. В драме раса составляет содержание субъективного восприятия зрителя и представляет собой особый вид познания [Гринцер 1987, с. 173]. Раса – субъективное состояние читателя или зрителя, его душевное переживание, отклик его сознания на события поэмы или пьесы. Раса – процесс восприятия универсализованной поэзией эмоции, являющейся наслаждением, поскольку такой процесс связан с самопознанием. В трактовке Абхинавагупты – ключевой, по мнению П. А. Гринцера, фигуры в санскритской поэтике – раса «не познается, так как ее восприятие неотделимо от ее существования. Ибо то, что познается, как, например, кувшин [освещенный светильником],

существует и тогда, когда он не познан, раса же вне восприятия не существует» [Гринцер 1987, с. 174].

Кажется справедливым считать, что поэтическое сознание всего языкового коллектива и сопричастное ему индивидуальное сознание отдельного адресанта объекта словесного искусства сообщают строительным кирпичикам такого объекта их оценочную составляющую. Из этого следует отсутствие необходимости объяснять, как объективное качество произведения может стать субъективным переживанием читателя: качества и характеристики элементов словесной формы изначально входят в культурную компетенцию читателя. Эстетический эффект объекта словесного искусства, таким образом, вызывает то, что можно было бы назвать *лингвопоэтическим резонансом*.

Итак, необходимой, но вовсе не обязательно единственной, онтологической характеристикой словесного искусства оказывается фактор осознанности, придающей словесной форме традиционно описываемый в категориях и понятиях поэтики, риторики, стилистики эстетический смысл.

Стремясь осмыслить сущность словесного искусства, и санскритская поэтика, и античная литературная теория опираются на два понятия: «познание» и «подражание». Выстраивается приблизительно следующая цепочка суждений: поэтическое искусство есть искусство подражательное – посредством подражания достигается познание / самопознание – познание дает чувство (эстетического) наслаждения – эстетическое чувство формирует (характер) человека.

В греческой и, далее, европейской традиции «подражание», или «мимесис», выступает в качестве гносеологической основы искусства, ее специфической черты, источника истолкования поэтики. По Аристотелю, две причины породили поэтическое искусство: людям присуще подражать, и результаты подражания всем доставляют удовольствие. Объясняется это тем, что познание – приятнейшее дело. Так как подражание свойственно нам по природе не менее, чем гармония и ритм, то с самого начала одаренные люди, постепенно развивая свои способности, породили из своих импровизаций поэзию. Подражания различаются между собой трояко: или разными средствами подражания, или разными его предметами, или разными, не тождественными способами (чем, чему и как подражать). Поэты совершают подражание, пользуясь ритмом, словом и гармонией или раздельно, или вместе [Аристотель 1993, с. 646–649].

Авторитет Аристотеля и многовековая традиция определения поэзии как подражания создавали ощущение аксиоматичности данного утверждения, которое, как представляется, не будучи отвергаемым в целом, тем не менее, не единожды было либо поставлено под сомнение, либо существенно уточнялось.

Так, например, в «Поэтике» Томмазо Кампанеллы утверждается: суждение Аристотеля о том, что подражание присуще нам от природы, справедливо, но недостаточно [Кампанелла 1980, с. 176]. Автор трактата полагает, что наслаждение есть либо ощущение блага, либо результат этого ощущения; благо же то, что способствует самосохранению. Следовательно, наслаждение есть чувство самосохранения. Подражание содержит в себе наслаждение, ибо включает в себе чувство самосохранения, будучи его причиной. Когда мы видим изображение дракона, то не потому испытываем удовольствие, что приобретаем знание, а потому, что картина раскрывает нам в творении живописца великолепие его мастерства. Искусство ведь и есть хранитель рода человеческого и потому таит в себе наслаждение [Кампанелла 1980, с. 178–179].

Нетрудно заметить различие в суждениях Аристотеля и Кампанеллы. Высказанной в начале «Метафизики» Аристотелем мысли: «Все люди от природы стремятся к знанию» [Аристотель 1975, с. 65] – Кампанелла противопоставляет стремление к самосохранению, одну из форм которого он видит в искусстве. Поэтому наслаждение произведением искусства исходит, по его мнению, не от приобретаемых знаний (понимаемых, по-видимому, в смысле информации), а, скорее, от ощущения мастерства [Кампанелла 1980, с. 177]. Аргументация Кампанеллы не представляется нам безупречной в силу неуточненности объема понятия «знание»: допустимо ли, трактуя *знание* в широком смысле слова, относить сюда и чувство? Важным, однако, представляется не истинность какого-либо одного из противопоставляемых суждений, а принципиальная возможность относительной верности более чем одного (и, на первый взгляд, исключаяющего иные) субъективного взгляда на природу и сущность искусства. Ведь будучи явлением в большей степени рукотворным, чем природным, словесное искусство обладает способностью *самостановления*: выстраивания самого себя в процессе литературной эволюции и, что очень важно, ее осмысления. *Поэтому нетривиальное суждение о сущности*

словесного искусства потенциально чревато, как бы «прорастает» новой литературной реальностью.

Оба суждения: и что подражание лежит в основе словесного искусства, и что этот тезис ошибочен – звучат по-своему убедительно.

«Целью искусства является прекрасное само по себе, а не копирование природы» (Гегель) [Гегель 1971, с. 205].

Немецкий философ Мартин Хайдеггер, полагавший отжившим, «к счастью», мнение, «будто искусство есть подражание действительному, списывание действительного» [Хайдеггер 1993, с. 69], писал: «Сущность искусства, внутри которой покоится художественное творение и покоится художник, есть творящаяся истина, полагающаяся вовнутрь творения [Хайдеггер 1993, с. 102].

Переформулируя изложенные трудным – «мифологическим» – языком идеи М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамер в своем «Введении к истоку художественного творения» (одной из наиболее значимых работ М. Хайдеггера) подчеркивает, что «художественное творение ничего не подразумевает, оно не указывает на какое-то значение, подобно знаку; оно воздвигает само себя в своем бытии, принуждая созерцателя пребывать при нем» [Гадамер 1993, с. 126]; «бытие его – не в том, чтобы становиться «переживанием» [Гадамер 1993, с. 127]; «творение искусства не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть событие» [Гадамер 1993, с. 128].

Если источник поэтического творчества осмысливается нами не как трансцендентный, а как интеллектуальный, то словесное искусство есть собирательное представление, сложившееся в ходе отчасти случайной литературной эволюции, в основу которой могут быть положены различные принципы. Сказанное не означает конструирование словесно-художественного произведения, исходя из обязательно только одного какого-либо принципа; при этом в соотношении их может просматриваться доминирующий характер наиболее значимого качества текста. Большое значение здесь имеет жанровая принадлежность текста.

Если целью текста является, в соответствии с индийской теорией, вызывание у адресанта определенной гаммы эстетических переживаний (в качестве способа вызвать в душе человека преобладание доброго начала над злым), то мы имеем дело с *этической* концепцией словесного искусства. Если конечная цель словесно-художественного

текста видится как некоторая умудренность опытом в процессе обретения знания, то мы имеем дело со своего рода *гносеологической* концепцией словесного искусства. Если в качестве преобладающей цели ощущается наделенная самодостаточной для читателя ценностью собственно языковая ткань текста, то мы имеем дело с *филологической* концепцией словесного искусства. В этом случае происходит своего рода овеществление в тексте внутренней коммуникативной потребности его автора. Языковой и стилистический аспекты оказываются здесь не просто безусловно значимыми, как и в двух других случаях, но также в явной (и часто отраженной в литературных манифестах и критике) форме доминирующими аспектами словесного искусства.

Филологический подход к словесно-художественному произведению высвечивает проблему материала и формы, которые можно рассматривать либо изолированно, либо с точки зрения заложенных в самой человеческой природе предпосылок их восприятия. В первом случае, применительно к форме, мы получаем имманентный – структурный и семиотический – анализ текста. Второй подход восходит к античным теориям художественной речи.

С момента возникновения словесное искусство есть симбиоз «природного» начала и начала «рукотворного», представляющего собой, во-первых, словесную деятельность в смысле технэ, во-вторых, теоретическую мысль, закрепляемую в рекомендующих частных искусствах речи, в-третьих, интерпретацию, имеющую свою историю и приобретающую в рамках литературной традиции функцию коллективной памяти.

Очевидно, что «рукотворная» природа словесного искусства не может получить иное выражение, чем в формах языка или стиля. Комментируя Хайдеггера, Г.-Г. Гадамер следующим образом характеризует отношение «творца-поэта» к уже сформировавшейся литературной реальности: «Замышление поэтического творения зависит от прежде проторенных путей, какие нельзя придумать наново, – это предначертанные проторенные тропы языка». Поэт столь зависим от них, что язык поэтического творения способен достигать лишь тех, кто знает язык, на котором оно написано» [Гадамер 1993, с. 131]. Метафорически эту мысль можно сформулировать так: поэтический язык подобен живым организмам в смысле наличия «генетического кода», в соответствии

с которым поэтический язык зарождается и проходит путь развития, предопределенный его лингвистическими особенностями, равно как и стилистическими предпочтениями языкового коллектива.

Оба эти фактора: на уровне языка и на уровне стиля – могут восприниматься современниками как одно из проявлений «языкового вкуса эпохи», однако в действительности это явление имеет менее субъективный характер, чем может казаться. В качестве примера упомянем эволюцию паронимической аттракции в русских поэтических и газетно-публицистических текстах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. русская газетная публицистика заимствовала из художественной речи инструментарий исходно сугубо поэтических приемов и образных средств. Языковая образность газеты в своем развитии отчасти как бы повторяла эволюцию поэтического языка и сопутствующего ему языкового сознания читателя, используя традиционно поэтические средства для достижения собственной риторической цели. Речь идет не столько о количественной значимости, сколько о характерности этого явления: заимствовании газетой освоенного в художественной речи стилистического «приема».

Звуковая инструментовка заголовков служит иллюстрацией креативной функции соединения звукового и словесного образов современной газеты. Особым приемом установления звукосемантических связей, восходящим к поэтической речи, является установление ассоциативных связей лексико-семантических компонентов заголовков со словами и выражениями, отсутствующими в самих заголовках, но легко восстанавливаемыми читателем на основе фонологического сходства; последние в этом случае выступают в роли своеобразной внутренней формы лексико-семантической единицы, представленной в заголовке. Ограничимся несколькими примерами: «ЖЭК-потрошитель» с подзаголовком «Дикая приватизация жилья продолжается» («Комсомольская правда», 1.08.91), «Ночные бабушки» с подзаголовком «Жизнь показала, что панель может прокормить даже пенсионерок» («Комсомольская правда», 1.10.91), «Над пропастью во лжи» («Литературная газета», 31.10.90), «Над пропастью не ржи» («Клюква», 1993 г., № 5), «Над пропастью во Ржеве» («Известия», 8.09.93). Эвристичность заголовка максимально усиливается, если читателю удастся раскусить заключенную в нем особую изюминку, которая может быть, несколько условна, определена как своеобразная литературная реминисценция.

Изысканность и одновременно опасность такого заголовка – в его недостаточной прозрачности для рядового читателя: «Голос Каас стучит в мое сердце» («Комсомольская правда», 30.11.91), «Пепел Класа (Генерального секретаря НАТО. – Д. О.) гуляет по Брюсселю» («Известия», 21.10.95).

Активное использование паронимической аттракции в русских газетных заголовках с конца 1980-х гг. XX в., конечно, и результат формирования новой стилистической нормы газетного языка, и отражение внутренних тенденций развития поэтического языка, без которого была бы невозможна современная поэтика газетного и рекламного текста.

Поэтический язык в качестве строительного материала словесно-художественного произведения и структура словесно-художественного произведения представляют собой две взаимосвязанные формы, в которых может запечатлеваться филологичность языкового сознания автора и читателя. Филологичность языкового сознания проявляется в эстетическом восприятии языковой ткани текста, а также в способности сознания читателя как бы «резонировать» с интерпретативным континуумом и его метаязыком.

Для европейской филологии наших дней характерен интерес к изучению литературного произведения во всех аспектах, включая проблему взаимоотношения эстетического и лингвистического, их роль в механизме воздействия поэтической речи на чувства читателя. В этой связи представляется уместным задаться вопросом: какое из следующих двух утверждений более точно отражает природу поэтической речи? 1. Всякая – совмещающая общее и особенное – теория «поэзии» обладает своей философско-эстетической основой и культурным контекстом. 2. Существенно неодинаковый культурный контекст, совокупно с неодинаковым характером письменной речи – как самой по себе, так и в ее отношении к устной, а также по-разному протекающая литературная эволюция, – все эти факторы в своей совокупности складываются во внешне похожие, но онтологически не вполне тождественные лингвопоэтические системы, каждая из которых по-своему вступает в диалог с условным читателем. Смысл вопроса может быть сформулирован так: насколько и в каком конкретном отношении универсальные качества естественных языков предопределяют онтологическое единство различных поэтических систем?

Роль метаязыка рекомендуемых частных искусств речи: поэтики, риторики, теории словесности, стилистики – в качестве компонента лингвокультурного контекста, или пространства, имеет неявный характер.

В рамках европейского знания к наиболее ранним текстам, отражающим наблюдения над поэтическим языком и содержащим, по выражению С. Меликовой-Толстой, «начатки специальной терминологии» [Меликова-Толстая 1936, с. 149] относят «Федор» Платона и «Лягушки» Аристофана. Цитируя строки Аристофана: «Когда из рук твоих поэзию я принял / *Распухшую от пышных слов, надутую от бредней*, / Сперва ее я *подсушил*, от *тучности* избавил / Пилюлями истертых слов, слабительным из мыслей / И кислым соком болтовни, настоенным на книжках», – С. Меликова-Толстая отмечает, что «здесь всё полно терминов, употребляющихся позднее уже без ощущения их метафоричности»; «заимствованная из медицины картина лечения тучности высмеивает введенные софистами еще непривычные «метафоры», отражающие обычное в более поздних риториках противопоставление скудного, сухого типа речи возвышенному, величавому и богатому украшениями [Меликова-Толстая 1936, с. 149–150]. К сожалению, корректная оценка подобных метафор-терминов фактически невозможна по причине отсутствия применительно к языковому коллективу этого времени – достаточного понимания всего, что входит в понятие «языковое сознание» (т. е. отсутствия чего-то подобного тем читательским комментариям по поводу непривычных словесных образов современных им поэтов, многочисленные примеры которых мы находим в русской литературной критике второй половины XVIII – начала XIX вв.

Кажется допустимым предположить, что помимо номинативной функции такие формирующие метаязык поэтики метафоры-термины могли иметь либо утраченную впоследствии, либо сохраняющуюся – как бы в стертом виде – «демиургическую» функцию, суть которой отчасти заключается в том, что творение поэтом текста совершается через поэтику (и тем самым, не в последнюю очередь, через метаязык), но, помимо этого, как раз в сгущении лингвокультурной субстанции, участвующей в зарождении литературной эволюции.

Разумеется, сказанное не относится к тем случаям, когда терминологический, а вместе с ним – и в целом теоретический аппарат поэтики,

либо другого частного рекомендуемого искусства речи, оказывается малопригодным в практическом плане. Как точно подметил Жан-Клод Кокэ, «того, кто занимается литературной семиотикой (семиологией, семантикой, поэтикой ... термины не имеют значения) должен беспокоить огромный разрыв, который существует в наши дни между теорией, богатой и разносторонней, и ее практическим применением, в большинстве случаев примитивным и посредственным» [Веденина 1992, с. 155]. Трансформационно-генеративный подход к изучению художественного произведения, в частности – попытке создать генеративную грамматику литературных текстов, – наглядный пример креативного бессилия понятийного / терминологического аппарата научной концепции (понятия «поэтическая компетенция», «глубинное значение / глубинная структура» и др.). Последовательность таких теорий-«пустышек» может быть осмыслена как «диахрония метаязыков», в том значении, которое вкладывал в это выражение Р. Барт: «Каждая вновь возникающая наука предстанет как новый метаязык, делающий своим предметом метаязык, существовавший ранее и в то же время нацеленный на реальный объект, лежащий в основе всех этих «описаний». Тогда история гуманитарных наук в известном отношении предстанет как диахрония метаязыков» [Барт 1975, с. 160].

Филологичность языкового сознания читателя усиливает креативный потенциал языковой ткани литературного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1993. С. 645–680.
- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. С. 5–367.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «За» и «Против». М. : Прогресс, 1975. С. 114–163.
- Веденина Л. Г.* Об использовании лингвистических методов анализа в исследованиях художественной речи // Проблемы лингвистической поэтики. М. : ИНИОН, 1992. С. 151–166.
- Гадамер Г.-Г.* Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. ; сост., пер., вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. М. : Гнозис, 1993. С. 117–132.
- Гегель Г. В.* Работы разных лет : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1971. 630 с.
- Гринцер П. А.* Основные категории классической индийской поэтики. М. : Наука, 1987. 312 с.

- Кампанелла Т.* Поэтика // Эстетика Ренессанса: Антология : в 2 т. Т. 2. М. : Искусство, 1980. С. 17–209.
- Меликова-Толстая С.* Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля. М. ; Л. : ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. С. 147–167.
- Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / пер. с нем. ; сост., пер., вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. М. : Гнозис, 1993. 464 с.

УКД 801.81

Е. А. Осьминина

доктор филологических наук,
профессор каф. мировой культуры ФГН МГЛУ;
e-mail: eleosminina@mail.ru

«КИТАЙСКИЕ СТИХИ» БАЛЬМОНТА И БРЮСОВА: ЗАГЛАВИЕ И ЖАНР

В статье рассматриваются стихотворения К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова, имеющие в заглавии эпитет «китайский». Показано, что в сонетах «Китайское небо» и «Китайская греза» Бальмонт излагает древние мифы, жанр стихотворений – баллада. В «Китайских стихах» Брюсова воспроизведен такой прием китайской поэтики, как параллелизм, одно из стихотворений может быть соотнесено с жанром ши. В целом эпитет «китайский» обозначает не жанр, а стиль произведений: шинуазри.

Ключевые слова: Бальмонт; Брюсов; китайская поэтика; стиховедение; шинуазри.

E. A. Osminina

Doctor of Philology, Professor, Department of World Culture,
Faculty of Humanities, Moscow State Linguistic University;
e-mail: eleosminina@mail.ru

“CHINESE POEMS” BY BALMONT AND BRYUSOV: THE TITLE AND THE GENRE

The article discusses poems by K. D. Balmont and V. J. Brusov that contain the epithet “Chinese”. In the sonnets “The Chinese sky” and “The Chinese dream” Balmont represents ancient myths, the genre of the poems is the ballade. In “Chinese poetry” Bryusov uses parallelism – a technique of Chinese poetics. In general, the epithet “Chinese” refers not to the genre, but the style of the works: chinoiserie.

Key words: Balmont; Bryusov; Chinese poetics; prosody; chinoiserie.

В названии ряда стихотворений Брюсова и Бальмонта о Китае (не во всех) присутствует эпитет «китайский». У Бальмонта это «Китайское небо» и «Китайская греза», у Брюсова – цикл «Китайские стихи». Такой же подзаголовок – «Китайские стихи» ставит и Гумилев к ряду произведений из книги «Фарфоровый павильон».

Что обозначает этот эпитет? С чем он связан: с темой, образами, жанром, определенными приемами? Можно ли его считать обозначением «подражания», и что в таком случае, подражание? М. Л. Гаспаров писал о Брюсове: «Едва ли не впервые в истории русской поэзии

он начинает разрабатывать поэтику подражания как специфического, внутренне определившегося жанра» [Гаспаров 1977, с. 11].

Для ответа на эти вопросы следует разобрать означенные стихотворения. Согласно хронологии – сначала о Бальмонте. Сонеты «Китайское небо» и «Китайская греза» были опубликованы в его сборнике «Сонеты солнца, меда и луны» в 1917 г., вместе с пятью другими произведениями на китайскую тему; но не было первым обращением поэта к дальневосточной культуре.

Еще в 1897 и 1902 гг. Бальмонт ездил в Оксфорд, работал в Бодлеянской и Тайлоровской библиотеках. В 1879–1910 гг. в издательстве Оксфордского университета вышла серия «Священные книги Востока» (Sacred Books of the East), под редакцией знаменитого фольклориста М. Мюллера: переводы священных текстов Индии, Китая, Египта, Персии, Аравии на английский язык. Бальмонт был знаком с изданием [Бонгард-Левин, с. 8]. В нем опубликованы три книги из конфуцианского пятикнижия: «Шу цзин» (1879), «И цзин» (1882), «Ли цзи» (1885), и даосские трактаты «Дао де цзин» (1891) и «Чжуан-цзы» (1891), все в переводах на английский язык Джеймса Легга. В 1898 г. он же перевел «Ши цзин». Бальмонт мог воспользоваться и работами Легга, и очень вольным пересказом китайских стихотворений на французском языке в «Книге нефрита» (1867) у Ж. Готье. В результате отрывки из «Дао де цзина», одна песня из «Ши цзина» и три переложения стихотворений Ван Чан Лина, Ду Фу и Ли Бо (Бальмонт называл их соответственно Уанг-Чанг-Линг, Тху-Фу и Ли-Тай-Пе), – вошли в книгу поэта «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних. Костры мирового слова» (1908).

«Китайское небо» и «Китайская греза» были написаны позднее и опубликованы в сборнике «Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров» (1917). В июле 1915 г. поэт сообщил Е. Цветковской: «Читаю “Мифы китайцев” – и прошу ... поискать у Вольфа или Суворина того же С. Георгиевского книги “Первый период китайской истории” (3 р.) и “Принципы жизни Китая” (2 р. 50 коп.)». [Азадовский, Дьяконова 1991, с. 33]. Имелся в виду труд С. М. Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1882), по которым Бальмонт и изложил материал.

В первом сонете – это миф о «божестве-устроительнице Нью-гуа» [Бодде 1977, с. 382] или о «прародительнице Нью-ва» [Рифтин 1998,

с. 653]. При сравнении стихотворения и текста синолога можно увидеть прямое соответствие.

У Бальмонта:

Земля – в Воде. И восемь столбами
Закреплена в лазури, где над ней
Восходит в Небо девять этажей.
Там Солнце и Луна с пятью Звездами.

Семь сводов, где Светила правят нами.
Восьмой же свод, зовущийся Ва-Вэй,
Крутящаяся Привязь, силой всей
Связует свод девятый как цепями.

Там Полюс Мира. Он сияет вкось.
Царица Нюй-Гуа, с змеиным телом,
С мятежником Гун-Гуном билась смелым.

Упав, он медь столбов раздвинул врозь.
И из камней Царица, пятицветных,
Ряд сделала заплат, в ночи заметных [Бальмонт 1917, с. 108].

У Георгиевского:

Земля утверждена на восьми столбах и плавает на воде. На окраинах земли стоят восемь столбов (из них тот, который находится на хребте Кунь-лунь, сделан из меди); на эти столбы опирается небо. Последнее есть не единый свод, а цзю-чун (47) – “девять этажей”, т. е. девять сводов, расположенных один над другим; каждый из семи нижних сводов является ареною самостоятельного движения той или другой из семи известных (древним китайцам) планет (солнце, луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн); восьмой свод движется вместе с находящимися на нем звездами вокруг полярной звезды и удерживается от падения ва-вэй (48), т. е. “кружащеюся (крутящеюся) привязью”, которая прикреплена одним концом к полюсу, утвержденному на девятом своде. Такова воображаемая архитектура мира. Осталось, однако, непонятным для древних китайцев, почему северный полюс приходился не прямо над их головами, почему свод звездного неба был видимо покосившимся <...>. Ничего не бывает без причины, требовалось объяснение и для этой, так сказать, покривленности мира. Таковое было подыскано и дано в следующей мифе. Некогда (в XXIX, говорят, веке до Р.Х.) Китаем управляла государыня Нюй-гуа (49), имевшая тело змеи и обладавшая от рождения почти божественною мудростью. При конце

жизни Нюй-гуа вассальный князь Гун-гун (50), исполненный честолюбия, поднял знамя бунта. Государыня отправила войска против мятежника, и он, проиграв сражение, был убит. Пред своею смертью, Гун-гун ударился головою о гору Бу-чжоу (51), находившуюся в западной части хребта Кунь-лун, и подломил медный столб, поддерживающий небеса, вследствие чего два высших свода склонились на северо-западе, а земля опустилась в своем юго-восточном углу. Желая по мере возможности исправить причиненные Гун-гуном повреждения и удержать на будущее время небеса и землю от обвала, Нюй-гуа растопила в огне пятицветные камни и заделала ими образовавшееся в небе отверстие... [Георгиевский 1882, с. 12–13].

Второй сонет «Китайская греза» относится к части мифа, который можно назвать мифом «о наводнении» [Бодде 1977, с. 394] или о «культурных героях» [Рифтин 1998, с. 655] (Рифтин). Представляется, что Бальмонт по-прежнему идет по пути Георгиевского, хотя соответствия не такие полные.

У Бальмонта:

Вэй-Као полновластная царица.
Ея глаза нежней, чем миндали.
Сравняться в чарах с дивной не могли
Ни зверь, ни рыбка, ни цветок, ни птица.

Она спала. Она была девица.
С двойной звезды, лучившейся вдали,
Два духа легкокрылые сошли.
Душистая звездилася ложница.

И с двух сторон к дремавшей подойдя,
Кадильницу пахучую качали.
Цветы на грудь легли, их расцвечали.

И зачала от этого дождя.
И, сына безболезненно рождая,
Она и в нем была звездой Китая [Бальмонт 1917, с. 140].

У Георгиевского:

Мать императора Юя, положившего (в 2205 г. до Р.Х.) основание Ся, первой династии в Китае, видела падающую звезду, от мысли которой зачала, после того как проглотила перл (посланный одним из духов) [Георгиевский 1882, с. 76].

Таким образом, подражания Бальмонта – это подражание в теме, сюжете с использованием мифологических образов и имен. В современном литературоведении это называется поэтическим фольклоризмом. Если рассмотреть жанр его сонетов, то в европейской классификации их можно отнести к балладе в старинном ее определении как «эпического, преимущественно небольшого по размерам произведения, в котором преобладает фантастический элемент» [Смирновский 1914, с.103].

Китайские первоисточники для сонетов следующие: для «Китайского неба» – «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) и «Лунь хэн» Ван Чуна (27 – ок. 100 г. н. э.); для «Китайской грезы» – «Шу цзин». «Хайнань-цзы» переводится как «Учителя из Южного заречья реки Хуай», это философский трактат. «Лунь хэн» – «критические суждения и оценки»; жанр *лунь*, «суждения», относится в *вэнь*, изящной словесности, в жанровой классификации Сяо Туна (VI в.). Для «Шу цзина», «Книги истории» (XIV–XI вв. до н. э.) можно воспользоваться указанием Н. Федоренко: иероглиф *цзин*, изначально обозначающий «основу ткани», затем приобрел производное значение, «основополагающие канонические книги кофуцианской школы» [Федоренко 1987, с. 4].

Если обратиться к истории китайской поэтики, то в первом периоде древности (в «Ши цине») существовали поэтические жанры *фэн* (песни), *я* (оды) и *сун* (гимны). Во втором периоде (до III в. н. э.) выделяется песенная поэзия *юэфу*, где есть лирические песни, древние баллады, отрывки из древних народных сказаний. Если учесть, что сонет возник как упрощенная форма канцонны, т. е. хороводной песни, можно попробовать соотнести «Китайское небо» и «Китайскую грезу» с *юэфу*, но представляется, что Бальмонт просто шел от твердой формы сонета, подгоняя под нее мифологический сюжет.

Возможно, Брюсов обратился к китайской тематике не без влияния Бальмонта. Задумывая в 1909 г. книгу «Сны человечества», он предполагал раздел «Серединное царство. Китай: 1, 2, 3. Из книги Чикинг. 4, 5. В манере Ту-фу. 6. Хор из драмы. 7, 8. Из поучений Лао-Тзе. 9, 10. Из поучений Кон-Фу-Тзе (Конфуций). 11, 12. Народные песни» [Брюсов 1973, с. 464]. В набросках предисловия к этой книге он называл своими предшественниками Гердера, Гюго и Бальмонта («Зовы древности» которого появились в 1908 г.). Но в публикации отрывков из «Снов человечества» в 1913 г. китайских стихов не было.

Брюсов написал их позднее, в декабре 1914 г. в Варшаве, в бытность военным корреспондентом газеты «Русские ведомости». Всего он сочинил пять стихотворений, под четвертым и пятым поставлена одна и та же дата – «16 дек. 1914» [Брюсов, л. 15]. Два из них, первое и четвертое, были опубликованы в сборнике Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (1918) под заглавием «Из китайской поэзии» с подзаголовком «Параллелизм».

Именно здесь был реализован замысел, сформулированный еще в набросках к «Снам человечества»: «Представить своим читателям образцы всех приемов, каким пользовался человек, чтобы выразить лирическое содержание своей души ... не только в примерах *познакомить* научно с поэзией прошлого, столько дать ее *почувствовать* в художественных созданиях. Для такой цели подражания оригинальные произведения, написанные в духе определенной эпохи, мне представляются более отвечающими цели, нежели стихотворные переводы» [Брюсов 1973, с. 461].

Какие же приемы и какой дух представлены в китайских «опытах»? Подзаголовок «параллелизм» поэт поясняет в примечаниях: «Система параллелизма состоит в том, что каждое двустигийное образует одно целое, причем второй стих состоит из образов, параллельных образам первого» [Брюсов 1918, с. 180].

Этот прием виден в обоих опубликованных стихотворениях:

I

Твой ум – глубок, что море!
Твой дух – высок, что горы!

II

Все дни – друг на друга похожи;
Так муравьи – одинаково серы.
Знай заветы – работать, чтить старших и голос Божий,
Завяжи узел – труда, почтения, веры [Брюсов 1918, с. 70].

Откуда Брюсов мог взять сведения о китайском духе и китайской поэтике?

В библиотеке поэта находится «Иллюстрированная всеобщая история литературы» (1905) И. Шерра, с подчеркиваниями самого Брюсова. Возможно, именно оттуда он заимствовал общий список

произведений, которым намеревался подражать в «Снах человечества». Шерр упоминает Кон-фу-тзе, или Конфуциуса, Лао-тзе, Таоте-Кинг, Ши-Кинг, Ту-фу, пишет о «драматических произведениях», имеющих «характер пьес с пением», а также дал некоторые характеристики китайской культуры, отразившиеся во втором стихотворении: «Они с полным правом называют свое государство “срединной империей”...», поясняя: «...здесь все гладко, скромно, проникнуто трезвостью, филистерством, посредственностью, так как “добродетель заключается в середине”...» [Шерр 1905, с. 15–16]. Пишет Шерр и об отношении к старшим: «Отношения между родителями и детьми отличаются сердечностью, и как для родителей считается священной обязанностью воспитать детей, так и для детей священный долг – заботиться о престарелых родителях» [Шерр 1905, с. 16–17].

Замечание Шерра о поэтике китайских стихов: «Требования сводятся главным образом к тому, чтобы каждый китайский стих имел полный, законченный смысл, и чтобы наряду с размером соблюдалась и рифма. Преобладающий стих пятистопный трохей» [Шерр 1905, с. 22], – подчеркнуто Брюсовым. Смысловую законченность он соблюдает, рифмы использует, но размер его подражаний другой.

Обстоятельное описание китайской поэтики можно найти в других книгах, уже не из библиотеки поэта. Например, в предисловии, подписанном В. М. (В. Марков, псевдоним футуриста Волдемара Матвейса) к сборнику «Свирель Китая», напечатанном в январе 1914 г., т. е. до написания «Китайских стихов». Автор предисловия, в свою очередь, идет за В. Грубе, чья книга в переводе с немецкого на русский вышла в 1912 г. под названием «Духовная культура Китая. Литература, религия, культ».

В. Грубе пишет о параллелизме следующее: «Каждые два соседних стиха характеризуются параллелизмом идей или образов, основанным либо на отношении сходства, либо на отношении противоположности» [Грубе 1912, с. 57]. И далее: «К этому параллелизму в ходе мыслей еще присоединяется грамматически-синтаксический параллелизм, который состоит в том, что в двух следующих друг за другом стихах слова одинаковой категории занимают, по возможности, одинаковое место в предложении, так что если применить наши грамматические категории к китайскому языку, нужно будет сказать, что каждому существительному, прилагательному, глаголу и т. п. первого

стиха должна соответствовать в следующем стихе такая же грамматическая единица на том же месте» [Грубе 1912, с. 59] .

В предисловии к «Свирели Китая» к этому добавлено такое замечание: «...все слова были разделены на “полные” и “пустые”. Под “полными” словами подразумеваются те, которые дают представление о предметах осязаемых, и, по крайней мере, воспринимаются нашими органами чувств, как то: земля, вода, облака, даже небо, взятое в смысле тверди. К “пустым” словам причисляются все понятия отвлеченные, все относящееся к не вещественному миру <...>. Первое приложение правила о параллелизме мы видим в четырехстопных стихах; в нем хотя бы только в двух стихах должен быть выражен параллелизм, причем под каждым пустым словом первого стиха должно было находиться пустое слово следующей строки, и наоборот» [В. М. 1914, с. XIII].

Первое двустопное Брюсова наглядно иллюстрирует это правило: под отвлеченным понятием «ум» находится понятие «дух», под осязаемым «морем» – «горы»; налицо и синтаксический параллелизм. Интересно, конечно, знал ли Брюсов о древнекитайском сочинении «Каталог гор и морей» (IV–II вв. до н. э.), но, думается, что это всё же совпадение образов.

Присутствует параллелизм и во втором стихотворении, но оно демонстрирует, скорее, общий «дух» китайской культуры, каким он представлялся большинству европейских ученых того времени. В западной традиции Китай служил «символом отсталости, застойности, ретроградства, консерватизма, бюрократии, всего устаревшего, живущего по раз и навсегда установленным древним законом, или в крайнем случае, чего-то отличного от Европы» [Лукин 2007, с. 148]. В России в конце XIX – начале XX вв. традиция была продолжена В. С. Соловьевым и Д. С. Мережковским. Во время Первой мировой войны Брюсов мог вспомнить пророчества Соловьева (как ранее во время Японской войны он написал «Грядущих гуннов» под влиянием соловьевского «Панмонголизма»).

В европейской поэтике первое из напечатанных стихотворений следует отнести к жанру оды (это панегирик). В рамках китайской поэтики оно очень условно может быть соотнесено с *ши*, ведущим поэтическим жанром с III в. И. С. Лисевич определял его так: «Строка уставного стиха *ши*, как правило, состоит из пяти (5-сложный) или

семи (7-сложный) слогов-иероглифов. При декламации они делятся паузой на стопы, по два слога в каждой; так как число слогов в строке нечетное, то последняя стопа состоит из одного слога. Всего в стихотворении обычно восемь строк» [Лисевич 2001, с. 355]. Е. А. Серебряков – таким образом: «Как жанр стихи-*ши* обладают следующими особенностями: равносложность строк (чаще встречаются пяти- и семисложные строки); неограниченность количества строк – от четырех до многих десятков; наличие смысловых и грамматических параллелизмов в соседних строках; соблюдение правил чередования музыкальных тонов и рифмовки окончания строк» [Серебряков 2008, с. 46].

Первое стихотворение Брюсова подходит под жанр *ши*: двустрочная строфа, пятисловная строка, отчетливый параллелизм (вынесенный в заголовок). Это трехстопный ямб, рифма неточная.

Второе опубликованное стихотворение Брюсова под *ши* не подходит, это акцентный стих.

Другие «Китайские стихи», неопубликованные при жизни (нумерация черновика):

2

Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.

3

Ты мне дороже, чем золото,
Чем добрый взгляд государя!
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к берегу причаля.

5

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!
Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!» [Брюсов 1973, с. 387].

Первое из них с некоторой условностью можно соотнести с *ши*. В первой и третьей строках есть семисложность, присутствует

рифмовка, трехстопным ямбом создается некая упорядоченность, но параллелизм отсутствует. Четвертое с китайской поэзией родним прием *би* – сравнение. Пятое можно отнести к уже упоминавшемуся жанру *лунь*, поскольку оно является вольным переложением первых слов Конфуция в первой главе «Лунь юя» («Бесед и суждений»). Брюсов мог найти его в «Изречениях Конфуция, учеников его и других лиц» (1910), переведенных П. С. Поповым: «Философ сказал: “Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не благородный ли муж, тот, кто не гневается, то он не известен другим?”» [Попов 1910, с. 1]. Есть в последнем стихотворении и параллелизм.

Таким образом, у Бальмонта эпитет «китайский» указывает на тему и сюжет, у Брюсова – на подражание поэтике. По точной характеристике М. Л. Гаспарова, Брюсов «переводил не поэзию, а поэтику. Он выхватывал из переводимого произведения несколько необычных образов, словосочетаний, ритмических ходов, воспроизводил их на русском языке с разительной точностью, а всё остальное передавал приблизительно, заполняя контуры оригинала собственными вариациями в том же стиле» [Гаспаров 1977, с. 7]. Эта характеристика молодого Брюсова-переводчика прекрасно подходит и для его более поздних подражаний.

Но можно ли эти подражания выделять в отдельный жанр? Брюсов подражал и содержанию, и самим жанрам, и приемам, и строфике, и ритмике, и рифмике (хочется вспомнить характеристику З. Гиппиус: «По тонкости внешнего понимания стихов у Брюсова не было соперника» [Гиппиус 1991, с. 49]).

Поэтому представляется, что слово «китайский» в названиях стихов обозначает не жанр подражания и не подражание жанру, а понятие более широкое, стиль: «шинуазри», китайщину. Его образцы можно видеть в архитектуре, в декоративно-прикладном искусстве... В культурологии это называется «культурным трансфером».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М. : Наука, 1991. 190 с.
 Бальмонт К. Д. Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров. М. : Издание В.В. Пашуканиса, 1917. 272 с.
 Бодде Д. Мифы древнего Китая // Мифология древнего мира. М. : Наука, 1977. С. 366–404.

- Бонгард-Левин Г. М. Индийская культура в творчестве К. Д. Бальмонта // Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы ; пер. К. Д. Бальмонта. М. : Художественная литература, 1990. С. 6–30.
- Брюсов В. Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (Стихи 1912–1918 гг.). М. : Геликон, 1918. 202 с.
- Брюсов В. Я. Собр. соч. : в 7 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1973. 496 с.
- Брюсов В. Я. Фонд ОР РГБ. Ф. 386. к. 114. Ед. хр. 6/2, л. 15.
- Егорьев В., Марков В. Свирель Китая. СПб. : Издание общества художников Союза молодежи, 1914. 116 с.
- Гаспаров М. Л. Путь к перепутью // Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводах Валерия Брюсова. М. : Прогресс, 1977. С. 5–15.
- Георгиевский М. С. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб. : Типография Н. Скороходова, 1882. 150 с.
- Гиппиус З. Н. Одержимый // Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси : Мерани, 1991. С. 37–57.
- Грубе В. Духовная культура Китая. Литература, религия, культ. СПб. : Издание «Брокгауз-Ефрон», 1912. 238 с.
- Лисевич И. С. Китайская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : НПК «Интелвак», 2001. С. 351–362.
- Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVIII–XX веках. М. : Восток–Запад, 2007. 568 с.
- Попов П. С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц / пер. с кит. с прим. П. С. Попова. СПб. : Издания факультета Восточных языков Императорского С.-Петербургского ун-та, 1910. 126 с.
- Рифтин Б. Л. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 652–662.
- Серебряков Е. А. Жанр ши в поэзии III–VI вв. // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М. : Восточная литература, 2008. С. 46–51.
- Смирновский П. Теория словесности. М. : Книгоиздательница А. С. Панафидина, 1914. 160 с.
- Федоренко Н. Древнейший памятник поэтической культуры Китая // Шицзин: Книга песен и гимнов. М. : Художественная литература, 1987. С. 3–22.
- Шерр И. Иллюстрированная всеобщая история литературы. М. : Издание С. Скимунта, 1905. 568 с.

УДК 811.11

Н. Ю. Петрова

кандидат филологических наук, доцент,
докторант сектора теоретического языкознания
Института языкознания РАН; e-mail: natalia-yu-petrova@yandex.ru

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ И ДРАМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Основная цель статьи – рассмотреть социальные аспекты когнитивного явления «перспективизация» и показать эвристическую ценность данного понятия для анализа драматического дискурса. На примере фрагмента из пьесы театра абсурда С. Беккета анализируются особенности сценической интертекстуальности как одного из способов построения перспективы.

Ключевые слова: перспективизация; социокогнитивные аспекты; драматический дискурс; сценическая интертекстуальность.

N. Yu. Petrova

PhD (Philology), Associate Professor, Postdoc researcher
of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: natalia-yu-petrova@yandex.ru

SOCIO-COGNITIVE ASPECTS OF PERSPECTIVIZATION IN THE DISCOURSE OF DRAMA

The main aim of the article is to investigate the social aspects of the cognitive phenomenon of perspectivization, and its role as an instrument of the analysis of the discourse of drama. A fragment from S. Beckett's absurdist play serves as a case study of the construal of perspective through staged intertextuality.

Key words: perspectivization; cognitive; social; discourse of drama; staged intertextuality.

Явление перспективы известно миру науки с III в. до н. э. благодаря Евклидовой геометрии. Позднее, в эпоху Возрождения, художники Ф. Брунеллески, Л. Альберти, А. Филарете, Л. да Винчи разработали теорию живописной перспективы с целью реалистичного изображения пространства. Так, для достижения эффекта глубины («вида из окна») за центр проектирования брался человеческий глаз, в то время как главная точка картины, точки схода и линии схода становились проекцией несобственных элементов пространства. Благодаря ренессансной научной системе были выявлены конкретные компоненты визуальной перспективы: пространство, наблюдатель, расстояние,

точка. В то же время, в соответствии с двумя основными техниками живописи – линией и цветом, была осуществлена попытка классификации перспективы на линейную / прямую, обратную, параллельную, тональную, воздушную [Раушенбах 1986; Acton 2009; Edgerton 2009; Флоренский 2017].

Наиболее явно перспектива проявляется в базисной перцептивной диаде «линейная – обратная», в основе которой лежит взгляд «от себя» vs. взгляд «к себе». В современной лингвистике растёт осознание того, что свойственная перцепции разница перспектив содержит в себе зачатки бинарных оппозиций, типичных для языка, а многофокусная проекция перцептивных перспектив на пространство языка реализуется в виде лингвистической полиперспективы. При вербализации полиперспектива предстает в виде конфигураций множественных точек зрения, полученных в ходе их совмещения, умножения или противопоставления. Так, процессуальность, заложенная в самом понятии перспективы, заставила ученых задуматься о необходимости введения нового термина – перспективизации.

В своем метафорическом смысле перспективизация уходит корнями в теорию восприятия и дискурса, постулирующую возможность познания объекта с разных точек зрения. В целом, когнитологи (Р. Лэнекер, Л. Талми, А. Верхаген, И. Свитсер, О. К. Ирисханова) трактуют термин «перспективизация» как когнитивный процесс конструирования объекта в дискурсе под определенным углом зрения. Данный процесс следует общим принципам зрительного восприятия и реализуется с помощью различных языковых средств. Иными словами, перспективизация представляет собой индивидуальный способ высказывания мнения, избираемый наблюдателем в условиях альтернативности концептуализации. При этом нельзя не обратить внимание на то, что рассматриваемый термин характеризуется достаточно низкой степенью специального лексикографического описания и не включен в такие лингвистические словари, как, например, «Большой энциклопедический словарь ЯЗЫКОЗНАНИЕ» или «Краткий словарь когнитивных терминов». Если за рубежом он был зафиксирован в глоссариях в последнее десятилетие [Evans 2007; The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics 2007], то в отечественной науке – лишь в последние годы [Сводный глоссарий СКоДис]. Данное положение дел частично объясняется тем, что аналогами перспективы выступают

другие термины, нередко замещающие друг друга по принципу *pars pro toto* и принимающие нетождественные формы объективации, часть из которых вошла в научный оборот на русском языке. Ср.: *focus of interest, foregrounding vs. backgrounding, horizon, orientation, point of view, position, positioning, profiling, relief, stance, standpoint, style*.

Социальную сторону процесса перспективизации отразили символический интеракционизм Дж. Г. Мида и социальная феноменология А. Шюца. В их трактовке перспективизация отражает чередование точек зрения в динамике общественного взаимодействия. Само же понятие *perspective-taking (role-taking)* расценивается как принятие определенной социальной роли. При этом в соотношениях перспектив заложена типичная для коммуникации асимметрия участников, связанная с их статусом, возрастом и пр. Лишь примерив на себя роль другого, мы можем полноценно участвовать в коммуникации с ее установкой на разные взгляды и возможную взаимообратимость перспектив (*reciprocity of perspective-taking*). Как подчеркивает О. К. Ирисханова, «даже самый “закоренелый” эгоцентрик, будучи членом социума, вынужден учитывать точки зрения других людей, а значит, быть в той или иной степени альтероцентриком» [Ирисханова 2014, с. 32].

В вербальном общении переход к диалогизму и альтероцентричности подчеркнул необходимость рассмотрения частного опыта на фоне коллективного, оценочного видения ситуации. Следуя логике, восходящей к М. М. Бахтину, в данном случае мы имеем в виду метадискурсивные отношения в интерпретации СЕБЯ и ДРУГОГО. Сегодня в новейших исследованиях по когнитивной социопсихологии, этнометодологии, социальному познанию (*social cognition*) центр исследования заметно сместился на такие факторы, как мнения, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность и др. В исследованиях Т. А. ван Дейка, Р. Водак, Н. Фейркло, К. Шеффнер и др. термин перспективы используется при изучении различных видов конфликтов, этнических, гендерных предрассудков и стереотипов, а также стратегий их разрешения. Как справедливо указывает Х. Сакс, в подобных исследованиях находится «точка слияния» анализа социальных стереотипов и других исследований социальной категоризации (социологических, социалингвистических) как конверсационной практики [Sacks 1974]. Однако

сохранение и поддержание социальных (например, национальных) стереотипов в различных литературных жанрах – от сказки до шуток и анекдотов с этноцентрическими взглядами на национальные меньшинства – свидетельствует о том, что исторически расовые и другие предрассудки уже сами по себе предполагают перспективизацию и закрепляются намного прочнее в языке, чем в сознании или памяти [Graumann, Kallmeyer 2002].

Аналогично в драматическом дискурсе в акте речи актер надевает маску исполнителя, жертвы, конфидента и т. д. В пьесе как художественном произведении любая роль означает одновременно частное и общее, объединяя такие составные, как индивид, характер, настроение, актер, тип, стереотип, аллегория, архетип, актант. Так, по ходу действия «Двенадцатой ночи» сэр Тоби приобретает эмблематичный образ, воплощаясь сразу в нескольких архетипах: балагур, гуляка, ревнивец, солдат, коммерсант и слуга-плут, встречающий свою смерть [Пави 1991, с. 281]. На основе различных ролевых характеристик формируется особая многофокусная роль-маска, которая реализуется по линии персонаж – архетип. Так через собирательный образ возникает иллюзия участия многих персонажей и, соответственно, расширения спектра мнений. В данном случае драматурги прибегают к технике минимализации [Степанов 2007] как способности репрезентировать с помощью игры персонажа его ведущий национальный, типологический и пр. концепт (или признак концепта), ср.: Гамлет – мизантроп, Отелло – ревнивец, Моцарт – гений, Сальери – злодей. Именно поэтому, как отмечает В. З. Демьянков, актер может забыть текст (точные реплики и их следование друг за другом в тексте), но не сам дискурс пьесы [Демьянков 2005], т. е. перспективу, вычерчиваемую исполняемой им ролью.

В дискурс-анализе как равные изучаются точки зрения всех участников антагонистической диады, например, точка зрения «жертвы», «преступника», «агрессора». В анализе драмы создается некая анти-модель (антипод) центрального героя, исходя из которой протагонист и антагонист наделяются радикально отличными моральными принципами, представлениями, установками, средствами языка и пр. В ситуации конфликта между субъектами устанавливается высшая степень отчужденности, характеризующаяся максимальной дистанцией (Гамлет – Клавдий, Гамлет – Полоний; Отелло – Яго). При этом

отношения между двумя сторонами могут, с одной стороны, носить контрарный характер, допускающий инаковость (Моцарт – Сальери) с другой – контрадикторный, устанавливающий открытую оппозицию (Сальери – Моцарт), как это показано П. Шеффером в пьесе «Амадей» [Shaffer 2007]. Таким образом, при когнитивной перспективизации действующих лиц важная роль отводится не только таким компонентам, как субъект, объект, дистанция, но и взятый ракурс.

Лингвистическая специфика перспективы также нашла свое освещение в анализе социальных аспектов дискурса. Например, было выделено жаргонное выражение *be like* (а я / он / она / такой, такая), обладающее уникальной способностью выстраивать цепочку дискурсивных высказываний (или мыслей), каждый раз видоизменяя перспективу / роль говорящего. Особая интонационная модель и модуляции голоса при воспроизведении высказывания являются обязательными маркерами, отличающими манеру произнесения от нейтральной. В результате фраза направляет внимание слушающего не столько на значение высказывания, сколько на стиль произнесения и эмоциональное состояние субъекта. Ср:

I'm like "Mom, let's go." *Mom's like*, "Well, no, I'm not gonna go without your dad." Nahhhh (laughs) *It's like*, "No voy sin el" (I'm not going without him) [Johnstone 2008, с. 60].

Здесь мы можем одновременно выделить три субъективные перспективы звучащего голоса: запрос-стимул говорящего и две перспективы в ответе-реакции матери. В последнем случае особую характерологическую роль играет подражание ее манере говорить по-испански, что и имитируется говорящим.

Рассмотренная выше тактика естественного дискурса получила название инсценированной интертекстуальности (*staged intertextuality*) [Kotthoff 2002], типичной для разговора по телефону, пересказа сериала, пародий, анекдотов в стиле *stand-up comedy* и пр. Устное интертекстуальное изложение событий построено на приемах иронии и цитации, требующих подражание чужому голосу. Подчеркнем, что для исполнителя сценичность ситуации подразумевает четкое различение референциальной перспективы той или иной роли, в чем нельзя не усмотреть явное сходство с драматическим приемом мимезиса. Так, в абсурдистской пьесе С. Беккета «Эндшпиль» (1958) (Endgame)

персонаж Нэгг рассказывает анекдот об англичанине, который торопится сшить к Новому году пару брюк. Анекдот исполняется в лицах, и монодраматический нарратор одновременно воплощает четыре субъективные перспективы: рассказчика, заказчика-англичанина, портного, сохраняя при этом и свою собственную идентификацию [Beckett 2009].

NAGG: Let me tell it again.

(Raconteur's voice.)

An Englishman, needing a pair of striped trousers in a hurry for the New Year festivities, goes to his tailor who takes his measurements.

Нэгг начинает анекдот хорошо поставленным голосом рассказчика. При упоминании англичанина он мимически изображает англичанина, затем возвращается к прежнему выражению лица. Далее Нэгг говорит голосом портного.

(Tailor's voice.)

"That's the lot, come back in four days, I'll have it ready." Good. Four days later.

(Tailor's voice.)

"So sorry, come back in a week, I've made a mess of the seat." Good, that's all right, a neat seat can be very ticklish. A week later.

(Tailor's voice.)

"Frightfully sorry, come back in ten days, I've made a hash of the crotch." Good, can't be helped, a snug crotch is always a teaser. Ten days later.

(Tailor's voice.)

"Dreadfully sorry, come back in a fortnight, I've made a balls of the fly." Good, at a pinch, a smart fly is a stiff proposition.

Голосу рассказчика принадлежит внутренняя речь, касающаяся оценки событий. Портной не готов с заказом, и его речевой акт извинения каждый раз становится всё более эмоциональным (*So sorry; Frightfully sorry; Dreadfully sorry*). На этом этапе Нэгг косвенно демонстрирует эмпатию заказчика (*Good, that's all right, a neat seat can be very ticklish*), хотя и ритмизированно фиксирует время (*Four days later. A week later. Ten days later.*)

(Pause. Normal voice.)

I never told it worse.

(*Pause. Gloomy.*)

I tell this story worse and worse.

(*Pause. Raconteur's voice.*)

Нэгт сбивается с тона рассказчика (*Normal voice*), и на короткое время его реплики носят метатекстовый характер, где он подвергает себя критике как плохого рассказчика (*Pause. Gloomy.*).

Well, to make it short, the bluebells are blowing and he ballocks the buttonholes.

(*Customer's voice.*)

“God damn you to hell, Sir, no, it’s indecent, there are limits! In six days, do you hear me, six days, God made the world. Yes Sir, no less Sir, the WORLD! And you are not bloody well capable of making me a pair of trousers in three months!”

Через косвенную номинацию времени («Вот уже и колокольчики распустились») адресат инферирует, что Новый год остался далеко позади. В кульминационный момент заказчик повышает голос на портного, который в ответ демонстрирует возмущение.

(*Tailor's voice, scandalized.*)

“But my dear Sir, my dear Sir, look – (*disdainful gesture, disgustedly*) – at the world – (*Pause.*) and look – (*loving gesture, proudly*) – at my TROUSERS!”

Портной сопровождает слова презрительным жестом, выказывая отвращение, когда говорит про мир, который сотворил Бог, но сопровождает слова любовным жестом, говоря с гордостью о сшитых им брюках.

Как видно из фрагмента, формирование перспективы в ходе стилизации «под персонаж» характеризуется гибридизацией, поскольку охватывает большое число социальных и семиотических параметров:

- гендерный: все четыре воплощенных лица – мужчины;
- психологический: смена эмпатии на конфликт; заказчик теряет самообладание;
- ролевой: социальные роли «заказчик – исполнитель»;
- национально-культурный (заказчик – подчеркнуто англичанин);
- жанрово-стилистический (стиль сказа или анекдота);
- прагматический: намерение развлечь собеседника.

Гендерные, ролевые, статусные, психологические и прочие различия социальных и индивидуальных ролей-масок, исполняемых одним рассказчиком, предполагают использование им различных «радиусов коммуникации» (Э. Сепир), а значит, и дифференцированного вербального и паравербального выражения.

Итак, за свою многовековую историю перспектива предстает как визуальная метафора, претендующая на статус междисциплинарного термина. «Внедрение» перспективы в когнитивную лингвистику не только свидетельствует об успешности междисциплинарных трансферов как таковых [Фещенко 2016], но и о целесообразности многократного пересмотра междисциплинарных понятий в условиях постоянного развития новых дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обиденного языка // Язык. Личность : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
- Ирисянова О. К. Интересуемость конструирования событий в полимодальном дискурсе // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 17. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2014. С. 31–41.
- Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Фещенко В. В. и др. : коллективная монография. М. : Культурная революция, 2016. 500 с.
- Пави П. Словарь театра. М. : Прогресс, 1991. 504 с.
- Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве: Общая теория перспективы. М. : Наука, 1986. 256 с.
- Сводный глоссарий СКоДис. URL : scodis.com/?q=ru/perspectivization (обращение 16.01.17).
- Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры, 2007. 248 с.
- Флоренский П. А. Обратная перспектива. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm (обращение 11.01.2017)
- Acton M. Learning to Look at Paintings. London and NY : Routledge, 2009. 267 p.
- Beckett S. Endgame & Act Without Words. New York : Grove Press, 2009. 100 p.
- Edgerton S. Y. The Mirror, the Window, and the Telescope: How Renaissance Linear Perspective Changed Our Vision of the Universe. Cornell : Cornell UP, 2009. 224 p.
- Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh UP, 2007. 240 p.

- Graumann C. F., Kallmeyer W.* Perspective and Perspectivation in Discourse. Amsterdam : John Benjamins Pub Co, 2002. P. 1–11.
- Johnstone B.* Discourse Analysis. USA, UK: Blackwell Publishing, 2008. 311 p.
- Kotthoff H.* Irony, quotation, and other forms of staged intertextuality // Perspective and Perspectivation in Discourse. Amsterdam : John Benjamins Pub Co, 2002. P. 201–229.
- Sacks H.* A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language: Journal of the Linguistic Society of America. 1974. V. 50. № 3. P. 696–735.
- Shaffer P.* Amadeus. London : Penguin Books, 2007. 112 p.
- The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford : Oxford UP, 2007. 1364 p.

УДК 81'42

С. В. Травкин

соискатель каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: valenzuela@list.ru

МАГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФЭНТЕЗИЙНОГО МИРА: К ВОПРОСУ О ЖАНРООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ РОМАНА ФЭНТЕЗИ

В статье рассматриваются недостаточно изученные на сегодняшний день проблемы определения жанра фэнтези и классификации фэнтезийных романов. В рамках поиска наиболее удачного определения данного жанра фантастической литературы закономерно встает вопрос о наличии особых жанрообразующих признаков фэнтези. Анализ романов семи авторов XX–XXI вв. доказывает возможность выделения релевантных и второстепенных признаков жанра.

Ключевые слова: литературный жанр; фэнтези; фантастика; жанрообразующие признаки; типология фэнтези; релевантные признаки жанра фэнтези; миф; магия.

S. V. Travkin

Research Student, Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: valenzuela@list.ru

THE MAGIC REALITY OF FANTASY WORLDS: GENRE FEATURES OF FANTASY

The article looks into the different problems of the fantasy genre with a special focus on the great number of definitions and the variety of fantasy subgenres, and aims to suggest an original definition with regard to certain features fantasy novels reveal. An analysis of fantasy novels written by 20th and 21st century authors helps to detect the specific fantasy genre features, which are special unearthly reality and the rule of magic.

Key words: literary genre; fantasy; fantastic; genre characteristics; fantasy typology; myth; magic; fantasy genre features.

Из всех известных в литературе жанров для современной лингвистики фэнтези представляет наибольший интерес. Короткая история жанра обуславливает его недостаточную исследованность и открывает широкие возможности для изучения специфики создаваемой реальности.

Столь популярная в наши дни разновидность жанра фантастики сформировалась в прошлом столетии и прочно заняла свое место в литературе. Являясь современной разновидностью фантастики, фэнтези часто имеет в своем основании эпосы и мифы народов мира.

Согласно словарю литературоведческих терминов И. А. Книгина, миф – «это древнейшее сказание, представляющее собой художественное повествование о важных природных, физиологических, социальных явлениях, происхождении мира, загадке рождения человека и человечества, подвигах богов, царей и героев, об их победных сражениях и горьких поражениях. Главной особенностью мифа является тесная слитность в нем различных элементов – художественного и логически обусловленного, повествовательного и ритуального...» [Книгин 2006, с. 120].

Несмотря на то что и миф, и фэнтези по своей сути являются формами художественного повествования (события и явления описываются в литературно-художественном стиле), разница между ними очевидна. Основное отличие состоит в том, что творения, получившие впоследствии наименование «миф», описывали устройство реального мира так, как его видел древний человек. Мифы, несмотря на обилие художественных эффектов, выполняли *утилитарную* функцию, позволяя человеку ориентироваться в окружающей его действительности [Косиченко 2016].

Реальность фэнтези, напротив, изначально рассматривается читателем как выдуманный фантастический мир, и само произведение теряет утилитарный потенциал, уступая место *эстетическому* переживанию.

Однако, прежде чем составить основу произведения фэнтези, исторически сложившиеся мифы, преломляясь сквозь призму творческого мышления автора, претерпевают существенные изменения либо полностью уступают место «псевдомифам», созданным самим автором.

Например, Дж. Р. Толкин заимствует из германо-скандинавского фольклора лишь название персонажей и, полностью изменяя природу этих волшебных существ, создает свои «псевдопредания». В «Письме 144» к Наоми Митчисон автор пишет: «...я так полагаю, что квенди этих преданий, по сути, имеют мало общего с европейскими эльфами и фэйри; и, если бы от меня потребовали рационалистического объяснения, я бы сказал, что на самом деле они олицетворяют собою людей, наделенных многократно увеличенным эстетическим и творческим потенциалом, большей красотой, более долгой жизнью и благородством».

На сегодняшний день существует нескольких классификаций фантастики [Мзареулов 1994; Назаренко 1999] и множество определений. Сошлемся на определение, предложенное Н. Г. Комлевым: Фэнтези от *англ.* *fantasy* – «фантазия» – это литературный жанр, возникший в первой половине XX столетия в англоязычной прозе; занимает промежуточное положение между научной фантастикой и сказкой, ведет свою родословную от народных эпосов европейских стран (напр., «Калевала» или «Беовульф»). Фэнтези богат поэтическими причудливыми образами, представляет сверхъестественные и нереалистические события и характеры. Основоположниками считаются американец Р. Говард и англичанин Р. Толкин» [Комлев 2000].

Наиболее близким к фэнтези фантастическим жанром является научная фантастика (далее – НФ), в числе ярчайших представителей которой А. Р. Беляев, К. Булычев, Ж. Верн, Р. Брэдли и другие.

Основной характеристикой жанра *научной фантастики* является наличие попыток объяснить происходящие в романе сверхъестественные события как рациональные и научно обоснованные. Такой позиции, в частности, придерживалась одна из исследователей художественного текста фантастической направленности Т. А. Чернышева, пишущая следующее: «...авторы их старались объяснить свое фантастическое изобретение или открытие, обосновать его, опираясь на данные науки или, на худой конец, ссылаясь на относительность и неполноту наших знаний о природе» [Чернышева 1985, с. 230]. Важнейшая характеристика *фэнтези* – это полное отсутствие таких попыток. Как и в мифах, волшебство просто существует как закон мира.

Американский писатель Роджер Желязны в одном из своих интервью особо отмечает, что природа фэнтезийных персонажей не нуждается в объяснении:

I suppose if I wanted to create an alien being in fantasy, the creature could be a golem created by, say, four sorcerers. I wouldn't have to go into a long explanation as to the nature of the creature [Krulik 1982].

Как правило действие романов фэнтези разворачивается в определенной фантастической реальности, которая, с точки зрения организации быта, обычно напоминает мир средневекового человека.

Е. Н. Ковтун пишет о фэнтези и его основных маркерах-ассоциациях так: «Этот тип фантастики в литературном процессе и в сознании читателей сейчас занимает то же место, что научная фантастика при

социализме. И если при слове “фантастика” в 1950–1960-е гг. в голове читателя возникал стандартный набор маркеров: роботы – звездолеты – машины времени – вселенское братство – коммунизм, то ныне с такой же регулярностью приходит на ум: магия – драконы – мечи и копья – путешествие необыкновенных героев за волшебным предметом» [Ковтун 2008, с. 338].

Существует несколько способов систематизации фэнтези. Например, Е. Н. Ковтун предлагает выделять в рамках данного жанра фантастики четыре типа произведений: мистическо-философское, метафорическое, «черное» и героическое фэнтези [Ковтун 2008, с. 101].

Р. Шидфар также выделяет четыре типа жанра фэнтези. Согласно этому исследователю, фэнтези может быть: героическое, фольклорно-сказочное, героико-эпическое и мифообразующее [Шидфар 1997].

Наиболее полная типология фэнтезийных романов, позволяющая учесть самые разные факторы и признаки жанра, разработана Е. Афанасьевой. В зависимости от выбранной перспективы исследования данным автором предлагаются классификации по сюжетно-тематическому, национальному, временному, аксиологическому, мировоззренческому и возрастному признакам [Афанасьева 2009, с. 88].

Отметим, что классификация по сюжетно-тематическому признаку, внутри которой выделяются эпические, романтические, мистические, «черные» и мифологические фэнтезийные романы, представляется наиболее условной, поскольку нередко в рамках одного романа могут сочетаться характеристики сразу нескольких видов фэнтези, например роман Клиффорда Саймака «Братство талисмана» имеет черты христианского, эпического, черного и даже юмористического фэнтези.

В связи с тем, что данный жанр художественной литературы активно развивается, главным образом за счет смешения разных жанровых признаков, даже самая полная классификация будет открытой.

Задачей данной статьи является определение *специфических жанрообразующих признаков* произведений фэнтези, для этого целесообразно обратиться к высказываниям наиболее известных фантастов о созданных ими мирах и населяющих эти миры расах.

Фантастическая действительность Дж. Толкина в романах «Повелитель колец» и «Хоббит» – это созданный Илуватаром волшебный мир Средиземья в котором живут *эльфы, гномы и хоббиты*.

Сам автор в своем последнем интервью для журнала говорит, что, создавая эльфов как бессмертных существ, он не имел в виду «вечное» или истинное бессмертие, но лишь их долгий, часто соотносимый с существованием нашего мира, срок жизни. Гномы, по словам Толкина, во многих отношениях напоминают евреев, что подтверждается семитским звучанием некоторых слов их языка.

Образ жизни хоббитов напоминает быт обыкновенных обитателей английской глубинки, а их малый размер должен был символизировать крайне ограниченное воображение, чего нельзя сказать об их внутренней силе и мужестве [Tolkien 1971].

Мир не менее известного писателя и христианского апологета Клайва Льюиса находится по ту сторону мира реального и называется Нарнией. Попастъ в Нарнию можно различными способами: через платяной шкаф («Лев, колдунья и платяной шкаф»), через каменную дверь («Серебряное кресло»), через картину («Покоритель зари, или Плавание на край света»). Причем, по словам создателя Нарнии Льва Аслана, нельзя попасть в эту страну дважды одним и тем же путем. В Нарнии обитают мифические создания, некоторые животные могут говорить, а *магия является свойством мира*.

Профессор Алистер МакГрат говорил о Нарнии, как о реальности благородного льва Аслана и ведьмы, узурпировавшей власть, которой противостоят главные герои дети из Англии, которых все нарнийцы называют потомками Адама и Евы. По авторскому замыслу вся волшебная страна ждет возвращения своего Создателя Аслана, который должен победить зло и восстановить королевство [Petersen 2014].

Реальность романов Говарда Роберта – это *выдуманная «Хайборийская эра» Древнего Мира, наполненного магией*. Одним из ключевых персонажей творчества Говарда Роберта является кимерийский варвар по имени Конан. В эссе-гиде по созданной им реальности, вероятно, в ответ на обвинения в фальсификации истории, автор поясняет, что не стоит принимать никакое описание как попытку выдвинуть теорию, противоречащую общепризнанной исторической. По словам Говарда Роберта, его мир – это всего лишь выдуманный для серии фантастических романов фон, а «история» Эры Конана детально воссоздана для придания персонажу большего реализма [Howard 2013].

Современная итальянская писательница и астрофизик Личия Тройзи в интервью «Центрполиграф» 2008 г. характеризует созданный

ею мир, как: «...участок суши величиной с Европейский континент, часть *параллельного мира*, на котором живут и передвигаются мужчины, женщины, духи, полуэльфы и мои женщины-амазонки» [Лаборатория фантастики 2008].

На итальянском сайте писательницы мы также находим некоторые сведения об истории и населении «Всплывшего Мира». В частности сообщается, что когда-то мир принадлежал чистым, жившим в гармонии с природой существам – эльфам. Однако люди и гномы положили конец их мирной жизни и заставили искать убежище в неизвестных землях. Некоторые из эльфов вступили в брак с представителями иных народов, что привело к появлению новых существ – полуэльфов [Troisi].

Помимо классических обитателей мира фэнтези, эльфов и гномов, введенных Дж. Р. Толкиным, Личия Троиси добавляет своих персонажей – амазонок и полуэльфов.

Культовый американский писатель Роджер Желязны разработал не менее оригинальную концепцию мироздания. В центре всего находится «Амбер», или главный мир. Сам автор рассуждает, что если есть бесконечное множество *параллельных миров*, в которых может существовать всё, что угодно, и если разумным расам позволено путешествовать из одного мира в другой, следовательно, один из данных миров должен быть основным, являясь краеугольным камнем. Размышляя об устройстве этого мира, получившего произвольное имя «Амбер», автор помещает его в самом «центре» среди «концентрических колец» других миров [Krulik 1982].

Особая категория людей в лице законных и непризнанных детей короля Амбера имеет способность перемещаться между мирами с помощью воображения и *магической силы артефактов*.

Отечественная писательница Мария Семенова, подобно своим предшественникам, создала карту авторского мира, в основу которого была положена славянская и псевдославянская мифология. Мир Марии Семеновой состоит из нескольких крупных континентов и населен различными народностями (*венны, вельхи, сегваны, сольвенны*). Примечательно, что в данной реальности отсутствуют гномы, эльфы и другие классические фэнтезийные создания.

М. В. Семенова говорит: «Это, конечно, некая другая планета, хотя и подозрительно похожая на нашу Землю. Я ее снабдила некоторыми

другими животными, да и с климатическими условиями обошлась так, как мне этого хотелось...».

Вымышленная фэнтезийная реальность польского писателя Анджея Сапковского, условно именуемая по названию произведения «мир ведьмака», подобно миру Марии Семеновой базируется на славянской мифологии, однако в нем присутствует огромное количество вымышленных существ, имеющих как славянские (упыри, водяные, Баба-Яга), так и германо-скандинавские корни (гномы, эльфы).

В интервью пан Сапковский упоминает о детальной проработке географии своего мира и даже о карте, созданной его чешским переводчиком, которую он впоследствии дополнил и расширил [Миры А. Сапковского 2010]. Отличительной чертой «Ведьмака» Сапковского является чрезмерное пьянство, насилие и откровенные сцены.

Практически во всех представленных цитатах авторы говорят о наличии в созданных ими мирах фэнтези выдуманных, не существующих в нашем мире существ, что является очень распространенной особенностью данного жанра фантастики. Вместе с тем данный признак не может быть отнесен к релевантным. Так, в серии произведений «Волкодав» М. Семеновой или в романах Говарда Роберта о Конане присутствие вымышленных существ по сравнению с «Властелином колец» Дж. Р. Толкина весьма незначительно. В статье наличие вымышленных существ рассматривается как нерелевантный признак фэнтезийного романа.

В качестве релевантных признаков в статье выделяются следующие: наличие *вымышленного мира* и присутствие *магии*. В отличие от произведений других литературных жанров, авторы не предпринимают попыток детально отразить нашу действительность, но намеренно создают реальность, отличную от той, которую населяют люди. Кратко суммируем изложенное выше.

Дж. Р. Толкин: «Средиземье – вымышленный, созданный Илуватаром мир с законами магии». *Клайв Льюис*: «Нарния – волшебная вымышленная реальность с законами магии». *Говард Роберт*: «Вымышленная “Хайборийская эра” мир с отсутствующими в реальности континентами и народностями, в котором присутствует магия». *Личия Троици*: «“Всплывший мир” – вымышленная магическая реальность фэнтези». *Роджер Желязны*: «Основной мир “Амбер” и бесконечное множество параллельных ему миров, путешествие по которым

возможно с помощью магии». *Анджей Сапковский*: «Не имеющий наименования мир, населенный людьми и сказочными существами, которому условно можно дать имя по названию произведения – “мир ведьмака”». *Мария Семенова*: «Не имеющий названия мир со своими континентами и народностями. Некоторые герои обладают особыми способностями и могут пользоваться магией».

Другим релевантным признаком является наличие магии, которая присутствует в каждом из рассмотренных выше произведений как неотъемлемая часть реальности фэнтези.

Магия – признак, на котором мы остановимся более подробно. Наиболее лаконичное и исчерпывающее определение термина «магия» предлагает Дж. Р. Толкин – писатель, считающийся по праву одним из создателей жанра фэнтези: «Магия – не искусство, но она техника; она нацелена на могущество в первичном мире, на власть над вещами и волей людей» [Толкин 1991, с. 283]. Иначе говоря, магия – это закон мира фэнтези такой же, как и законы природы.

Помимо того, что магия является важнейшим жанрообразующим компонентом фэнтезийных романов, она также представляет собой авторский инструмент управления эмоциями героев. Воздействие магии в мире фэнтези оказывает на поведение персонажа более сильное влияние, чем изначальный уровень его психического развития. Так, статуя, получившая приказ от мага, сможет приобрести способность выражать эмоции, а живой человек, напротив, утратить. Например, оружие под названием «фракир» представляет собой обыкновенную веревку, которая в результате действия заклинания превратилась в своеобразное живое существо, способное испытывать эмоции. Не менее интересен и пример «сильфилы» из романа Терри Гудкайда, женщины, превращенной в антропоморфное серебристое транспортное средство с угнетенными эмоциями.

Выявленные в результате анализа релевантные и нерелевантные признаки жанра фэнтези, позволяют предложить следующее определение: ***Фэнтези – это жанр фантастической литературы, релевантными признаками которого являются: наличие выдуманного иногда псевдоисторического мира и наличие магии в той или иной форме.***

Необходимость и достаточность названных релевантных признаков подтверждается обращением к произведениям классического и современного фэнтези.

Принципиальным является наличие именно двух релевантных признаков. Отсутствие одного релевантного признака (вымышленный мир без магии или магия в реальной действительности) является фактором, не позволяющим отнести произведение к жанру фэнтези. Например, «Плутония», или «Земля Санникова», В. А. Обручева во всех справочниках обозначаются как типичная НФ (научная фантастика).

Произведения, в которых отражен реальный мир с присутствующей в нем магией, также не является фэнтези. Наиболее удачным, на наш взгляд, примером будет роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который, несмотря на наличие магии и вымышленных существ, не может быть отнесен к жанру фэнтези по причине того, что, по авторскому замыслу, действие произведения разворачивается в Москве 1930-х гг.

Обращение к высказываниям самих авторов относительно упомянутых произведений показывает, что важными характеристиками фэнтезийных миров являются наличие особой волшебной реальности и господство законов магии, выделяемые в статье в качестве релевантных признаков данного жанра; второстепенными (нерелевантными) признаются: наличие мифологического основания и вымышленных, не существующих в нашей реальности, существ. Отмечается роль одного из релевантных признаков фэнтези, а именно – магии как средства управления эмоциями персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева Е.* Жанр фэнтези: проблема классификации // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема) : сб. материалов Междунар. науч. конф. 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. 251 с.
- Книгин И. А.* Словарь литературоведческих терминов. Саратов : Лицей, 2006. 272 с.
- Ковтун Е. Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. 2008. 408 с.
- Косиченко Е. Ф.* Ономастические средства актуализации мифологических мотивов в художественной литературе // NaukowcywposzukiwaniuMagicznegoPierwiastka. № 9. Olsztyn: WydziałhumanistycznyUniwersytetuWarmińsko-MazurskiegowOlsztynie, 2016. P. 130–138.
- Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 1308 с.
- Мзареулов К.* Фантастика. Общий курс. 1994. URL : royallib.com/book/mzareulov_konstantin/fantastika_obshchiy_kurs.html].
- Лаборатория фантастики. Мир Личии Троиси. Центрполиграф, 2008. URL : fantlab.ru/article471

- Миры А. Сапковского. «Не будь такой курвой, как Геральт». URL : www.sapkowski.su/modules.php?name=Articles&pa=showarticle&artid=1195
- Назаренко М. Опыт классификации фантастических жанров. 1999. URL : nevmenandr.net/nazarenko/sf.php
- Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках (эссе) // Утопия и утопическое мышление: антология, лит.: пер. с разн. яз / сост., общ. ред. и предисл. Чаликовой В. А. М. : Прогресс, 1991. 405 с.
- Чернышева Т. А. Природа фантастики: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. 336 с.
- Шидфар Р. (1997) Бесконечная история // Очерк развития зарубежной фэнтези // Книжное дело. № 9. С. 86–90.
- Howard R. E. The Hyborian Age. A brief explanation of barbarians by the creator of Conan the Barbarian. URL : www.gutenberg.org/files/42182/42182-h/42182-h.htm
- Krulik T. A Few Words from Roger Zelazny. URL : www.tor.com/2016/05/19/a-few-words-from-roger-zelazny/
- Krulik T. A Few Words from Roger Zelazny. Part Seven: Roger's Vision of Amber. URL : www.tor.com/2016/08/03/a-few-words-from-roger-zelazny-part-seven-rogers-vision-of-amber/
- Petersen J. If I Had Lunch with C. S. Lewis: An Interview with Alister McGrath URL : www.biblegateway.com/blog/2014/06/if-i-had-lunch-with-c-s-lewis-an-interview-with-alister-mcgrath/
- Tolkien J. R. R. An Interview. URL : www.newsfrombree.co.uk/jrrt_int.htm
- Troisi L. URL : www.liciatroisi.it/libri/la-saga-del-mondo-emerso/

УДК 81'42

И. А. Гусейнова

доктор филологических наук, доцент,
профессор каф. лексикологии и стилистики
немецкого языка МГЛУ; e-mail: ginnap@mail.ru

РОЛЬ ФЕНОМЕНА «РЕТРО» В КОНСТРУИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (на примере российских современных ретродетективов)

Статья посвящена рассмотрению феномена *ретро* как структурно-содержательной единицы ретродетективных романов с учетом двух типов пространственно-временных отношений – линейных и циклических. Отмечается, что смешение линейности и цикличности в ретророманах приводит к гибридизации глобального контекста, порождению *интердискурсивности*, *интержанровости* и *интертекстуальности*. В этом смысле *ретродетектив* представляет собой некую логическую упорядоченность, имеющую общую ценностную ориентацию, поддерживающую пространственно-временную связь между прошлым, настоящим и будущим.

Ключевые слова: ретро; ретродетектив; линейность пространства и времени; цикличность пространства и времени; культурные ценности; номадизм; интержанровость.

I. A. Gusenova

Doctor of Linguistics, Professor at the Department
of German Lexicology and Stylistics, MSLU; e-mail: ginnap@mail.ru

THE ROLE OF RETRO IN CONSTRUCTING THE MODERN CULTURAL AND HISTORICAL SPACE (an Analysis of Contemporary Retro-Detective Prose)

The article considers the role of *retro* as an important structural and meaningful element of retro-detective prose, with a special focus on two types of spatial and temporal relations – linear and cyclical. It is stressed that the combination of linearity and cyclicity in retro novels leads to hybridization of the global context and helps to establish interdiscursive, intergenre and intertextual links. It means that retro-detective prose is logically structured and is based on cultural values, thus ensuring the link between the past, the present and the future.

Key words: retro; retro detective; linearity of space and time; cyclicity of space and time; cultural values; nomadism; intergenre.

«Чтобы магия искусства, художественный вымысел казались реальными, художник иногда помещает их в особую историческую систему отсчета, ссылаясь на какой-либо факт, который можно легко проверить в библиотеке – этой цитадели иллюзий».

[Набоков 2016, с. 308]

Понятие «ретро» является достаточно размытым, что позволяет применять его в качестве компонента сложных слов для обозначения предметов старины, имеющих для современного человека культурную или материальную ценность. Показательным является существование таких слов и словосочетаний в современном литературном языке, как *ретромобиль*, *стиль ретро*, *ретропоказ*, *ретромода*, *ретрооткрытка* и т. п. Обращение к архаичной лексике также свидетельствует о том, что для современного человека обращение к прошлому играет важную роль – погружение в иной мир, отличный от сегодняшнего.

В современной ретродетективной литературе используется широкая палитра языковых средств, включающих также слова, которые можно отнести к классу **поэтических**. В данном случае мы придерживаемся взглядов современных ученых-когнитологов, которые полагают, что «в системе языка когнитивную функцию наиболее полно выражают единицы лексического уровня – лексемы и фразеологизмы. Каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире» [Киклевич 2014, с. 74]. Таким образом, любое слово, погруженное в определенные культурно-исторические условия, способно выполнять поэтическую функцию. Отметим, однако, что данное утверждение справедливо в том случае, если слово выполняет одновременно **несколько** функций, обеспечивающих им устойчивое существование в дискурсивной среде. Применительно к **ретро** к разряду поэтических слов можно отнести **ключевые слова**, повторяющиеся на протяжении всего сюжета или серии изданий и имеющие устойчивую, ярко выраженную культурно-историческую коннотацию, например *наянливый* [Трускиновская 2016, с. 81], прилагательное, используемое для обозначения назойливого, надоедливого, приставучего, докучливого, докучного, навязчивого человека, ср.:

Женка хотела показать, что и у нее есть норы, что может осадить *наянливого* молодца одним словечком [Трускиновская 2016, с. 81].

Нередко в ретродетektивах, отсылающих в Москву XVII в., используются такие понятия, как **целовальники**, **кружало** – кружечный дом, который «содержали выборные горожане – *верные головы*, а водку для кружал изготовляли и продавали целовальники – так называли тех, кто клялся служить честно и целовал икону» [Трускиновская 2016, с. 443].

Номадизм в современном гуманитарном знании принято считать одним из основных терминов французской постмодернистской философии, который, отметим, трактуется весьма своеобразно. Для нашего понимания ключевыми являются следующие свойства указанного феномена – **повторяемость** и **цикличность**. В этой связи мы понимаем номадизм в философской традиции Серена Кьеркегора (1813–1855), который описывает повторение в качестве движения субъекта в двух измерениях времени – законообразном и случайном стечении обстоятельств, которые позволяют, тем не менее, субъекту оставаться самим собой даже под влиянием внешних обстоятельств.

Как один из основателей теории экзистенциализма С. Кьеркегор выделяет три принципа существования человека: эстетический, т. е. стремление к получению наслаждения; этический, т. е. связанный с исполнением долга; религиозный, т. е. связанный с верой в сверхъестественное, в высшие силы. Наиболее наглядно упомянутые принципы проявляются в современном российском ретродетektиве (другие мы просто не изучали, поэтому ограничимся лишь российскими авторами) при описании главных действующих лиц и персонажей. Так, в основе сюжета современного российского детektива – **чиновник для особых поручений** (коллежский секретарь, сыщик и пр.). Духовное содержание и поведение главного персонажа соответствует нравственным оценкам и нормам 1894 г., а также – «Петровскому принципу практической целесообразности» [Лотман 2016, с. 47], который в то время выступал в качестве стимула для соответствующего служебного поведения.

Нами установлены примеры как удачного выбора языковых средств для вербализации компонента *ретро*, так и неудачного.

На наш взгляд, в эпизодах, описывающих Россию XVII в., уместно использование такого фольклорного жанра, как **плач**. Напомним, что плач в народном творчестве нередко носит импровизированный характер и может быть оформлен в стихах и прозе. Плач как литературный

жанр используется для передачи темы несчастий, бед, злоключений. Традиционная тема – это потеря любимого, поэтому плач исполняется преимущественно женскими персонажами. Плач реализуется в ретродетективах в двух видах:

1) в инвективной форме, когда женский персонаж демонстрирует оскорбленное чувство собственного достоинства, ср.:

Ах ты, сукин сын! Ах ты, стервец, сперва жену прокорми, потом за девками заторными гоняйся [Трускиновская 2016а, с. 251];

2) в форме собственно плача, демонстрирующего лучшие стороны женского персонажа, ср.:

Жена недоест, недопыт, в лепешку для него, подлого, разобьется. Жена ноченьки-то напролет прядет на продажу! Жена все глазыньки себе выплакала! Раньше сроку в могилу сойдет! [Трускиновская 2016а, с. 251].

Плач нередко сопровождается обвинениями, высказываемыми в адрес мужа, совершившего неблагоприятный поступок, ср.:

Так-то ты, батюшка, на службу ходишь?! Для того ты по торгу шатаешься, чтобы девок подговаривать? // А он-то за девками бегать собрался! // А он-то и не почешется [Трускиновская 2016а, с. 251].

Использование разговорной лексики сокращает дистанцию между автором и читателем, что способствует в большой мере формированию *театрального эффекта*, возникающего в результате комбинирования упомянутых языковых средств. Подобный прием позволяет читателю взглянуть на себя со стороны, и одновременно почувствовать задействованным в спектакле, что уменьшает дистанцию между главным персонажем и читателем, а также способствует преодолению разрыва между прошлым и настоящим.

Для характеристики эпохи прошлого широко применяются устойчивые словосочетания, при этом предпочтение отдается не столько пословицам и поговоркам, сколько шуткам и **прибауткам**. Напомним, что прибаутка является одной из распространенных форм народного творчества, существующая в различных формах. Традиционной для русской культурно-исторической традиции используется шутка в форме пословицы, ср.:

«Кто наш сбитенек берет, тот здрав живет! Под горку идет, не спотыкается, на горку ползет, не поперхается» // «Добро, собьем ведро! Обручи

под лавку, клепки в печь, так и не будет печь!» // «Что затосковали молодцы? Не печальтесь, за одного битого двух небитых дают, да и то не берут!» // «Которого возьмет он за руку – из плеча тому руку выдернет, которого заденет за ногу – то из гузна ногу выломит, а которого хватит поперек хребта – тот кричит-ревет, окарачь ползет!» [Трускиновская 2016а, с. 14, 219, 327, 433].

Пословицы, используемые в ретродетektивах, также выражают житейскую мудрость, например: *«бойся свинью – спереди, коня – сзади, а бабу – со всех сторон»* [Трускиновская 2016б, с. 14]. Следует подчеркнуть, что шутки в прибаутках могут быть грубоватыми по форме, но все они содержат народную мудрость, восхваляют, в конечном итоге, смелость, надежность, искренность и смекалку и иные человеческие качества.

Неудачный пример. В одном из детективов мы обратили внимание на диалог, который нам хотелось бы прокомментировать. В нем речь идет о взяточничестве, процветающем среди чиновников в XIX–XX вв. Один из персонажей, коммерсант, пытается установить мотивы, на основании которых главный герой, полицейский надзиратель Осип Тараканов, не берет мзду. Неподкупный полицейский надзиратель исходит из ценностных установок своего времени, с одной стороны, и руководствуется практическими размышлениями – с другой:

У нас в городе и шести тысяч душ не наберется. Каждая собака тебя знает. Каждый друг другу – кум, сват и брат. Возьми я сегодня рубль, в обед исправник будет знать, на что я его потратил [Погонин 2017, с. 13].

Вышеприведенный пассаж полностью коррелирует с царившими в среде разночинцев, а также в русском дворянстве ценностными ориентирами. Однако неожиданно стилистика разговора меняется, и в этом же диалоге наблюдается следующее:

То есть не берете, потому что начальства боитесь? / Не только и не столько. Просто так ведь никто не даст, дадут за услуги. А в пословице говорится, 'Коготок увяз, всей птичке пропасть'. Да и царева жалования мне хватает. Я холост, потребности невелики, за квартиру платить не надо, слава богу, свой дом имею. А на щи и кашу мы с матушкой зарабатываем. / А не обрыдли ли щи с кашей? Не хочется ли пулярочки да икорки? [Погонин 2017, с. 13].

С точки зрения смыслового содержания духовное содержание соответствует нравственным оценкам и нормам 1894 г., а также

– «Петровскому принципу практической целесообразности» [Лотман 2016, с. 47], который в то время выступал в качестве стимула для соответствующего служебного поведения, однако языковые средства не всегда выбраны удачно. На наш взгляд, вряд ли в одном абзаце ретродетектива уместно использование такое обилие комплексных знаков и устойчивых словосочетаний, ср.: *не только и не столько; коготок увяз, всей птичке пропасть; цареве жалование; потребности невелики; слава Богу, свой дом имею; на щи и кашу зарабатываем*. Клишированность, например, характерна для современных СМИ, но не является типичной для разговорной речи конца XIX в.

Неудачными являются те примеры, когда в одном абзаце ретродетектива наблюдается необоснованное использование обилие комплексных знаков и устойчивых словосочетаний, ср.: *не только и не столько; коготок увяз, всей птичке пропасть; цареве жалование; потребности невелики; слава богу, свой дом имею; на щи и кашу зарабатываем*. Неудачной представляется избыточная клишированность, характерная для современных СМИ, но не является типичной для разговорной речи конца XIX в. Задаваемый коммерсантом вопрос о *пулярочке* и *икорке* явно не из описываемого периода времени. Как справедливо отмечает М. Ю. Лотман, люди того времени «строят свое личное поведение, бытовую речь, в конечном счете свою жизненную судьбу по литературным и театральным образцам» [Лотман 2016, с. 74]. И вряд ли бы полицейский чин «*вылил чай в стоявший на подоконнике горшок с фикусом*» [Погонин 2016, с. 31], как это, вероятно, встречается в офисной жизни современного человека. Другими словами, норма бытового поведения была иной, люди руководствовались правилами приличия, которые оказались размытыми в наше время – в эпоху постмодернизма и глобализации.

Рассмотрим далее, насколько вышесказанное и термин «номадизм» применимы к понятию «ретро», иными словами, можно ли рассматривать компонент *ретро* в качестве **структурно-содержательной единицы**, обеспечивающей повествование и эволюционное развитие сюжета в ретродетективе. На наш взгляд, ретро можно рассматривать в качестве особой формы реализации номадизма в силу его следующих лингвистических характеристик.

Во-первых, *ретро* служит обозначению целой серии детективных романов, что позволяет ему занимать свое место не только на

книжном рынке, но и иметь свою целевую читательскую аудиторию, т. е. ретро обладает собственной **идентичностью**, которая может быть выражена при помощи различных семиотических кодов. При этом ретро служит отграничению ретродетектива от других серий и его разновидностей.

Во-вторых, *ретро* в тексте детективного романа является носителем целой эпохи, вербализуемой при помощи различных лексико-грамматических, синтаксических и стилистических средств. Безусловно, наиболее «зримо» компонент *ретро* объективируется при помощи лексических средств.

В-третьих, компонент *ретро*, функционирующий в романе относительно самостоятельно, в силу своей многоликости может присутствовать на различных языковых уровнях, порождая при этом определенные ассоциации у читателя. Иными словами, *ретро* выступает в роли **связующего (узлового) элемента**, формируя смысловые единства или эпизоды на протяжении всего детективного романа.

В-четвертых, компонент *ретро* обладает свойством **инференции** – выводного знания, вытекающего из текста в целом, а не из его отдельных слов или абзацев. Результатом взаимодействия ретро с другими лингвистическими средствами возникает **синергетический эффект**, свидетельствующий о порождении нового знания на основании уже известного. В этом смысле ретродетектив открывает возможность к познанию прошлого.

В-пятых, компонент *ретро* «маркирует» эпоху, т. е. одну эпоху невозможно перепутать с другой.

В-шестых, феномен *ретро* позволяет выстраивать эпизоды в **кинематографическом** русле: многие эпизоды могут служить фоном, другие, наоборот, фокусируют внимание читателя на определенных событиях или деталях происходящего, третьи служат портретному описанию главных действующих лиц и т. п. Вышеперечисленное свидетельствует о **динамическом характере** компонента *ретро*.

В-седьмых, в силу динамического характера *ретро* можно утверждать, что он выступает в роли содержательно-структурной единиц как при собственно повествовании, так и в диалогах – речи главных персонажей ретродетектива. Подобная амбивалентность порождает основания для эмоционального и рационального осмысления читателем описываемых в ретродетективе событий.

В-осьмых, *ретро* в тексте детективного романа обладает константными элементами, т. е., например, главный герой отдает предпочтение одному или тому же гастрономическому блюду, предпочитает одежду из определенного материала, курит определенного сорта табак и т. п. В этом случае отсутствие упоминания о персонаже позволяет «увидеть» его читателю даже без использования эксплицитных средств выражения, т. е. подобные штрихи или детали позволяют переход языкового знака в класс иконических.

В-девятых, *ретро* служит выстраиванию и разворачиванию сюжета в детективном романе, формируя таким образом событийную линию. Это свойство компонента *ретро* позволяет упорядочивать разнородный и разноплановый материал, присутствующий в ретро-детективе, придавая ему структурное единство и содержательную стройность. Благодаря ретро сюжет, распадаясь, опять конструируется в единое целое.

Безусловно, это единство достигается и за счет регулярного присутствия одних и тех же персонажей, сохранения основных принципов классицизма – единства действия, времени и места, но многоликость феномена *ретро* позволяет использовать его в качестве основного структурно-содержательного компонента, определяющего целостность и завершенность ретродетектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: Между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.
- Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. 157 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 608 с.
- Набоков В. Лекции по русской литературе; пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб. : Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
- Погонин И. Сыскная одиссея. М. : Изд-во «Э», 2017. 352 с. (Ретродетективы Ивана Любенко и Ивана Погонина.)
- Трускиновская Д. Деревянная грамота. СПб. : Амфора, 2016а. 446 с.
- Трускиновская Д. Персидский джид. СПб. : Амфора, 2016б. 447 с.

УДК 008.001

А. А. Дудинова

аспирант каф. мировой культуры факультета гуманитарных наук МГЛУ;
преподаватель каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: Summergingerale@gmail.com

БУДДИЙСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ КО ЫНА: ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ

В статье рассматривается авторская интерпретация буддийских образов на примере произведений южнокорейского поэта Ко Ына. Через уточнение специфики корейской классической литературы как части культуры, а также подробный анализ объединенных одной образной системой стихотворений Ко Ына выявляется связь традиции и новации в творчестве поэта.

Ключевые слова: корейский язык; корейская культура; корейская поэзия; образы; буддизм; традиция; новация.

A. A. Dudinova

Postgraduate student, Cultural Studies Department,
Faculty of the Humanities, MSLU; Lecturer of Eastern
Languages Department, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: Summergingerale@gmail.com

BUDDHIST IMAGES IN KO UN'S POETRY: TRADITION AND INNOVATION

This article analyses literary works by South Korean poet Ko Un and interprets the Buddhist images they contain. A detailed analysis of the selected poems, connected by a specific system of images, serves to determine distinctive features of classical Korean literature and provide a close-up on tradition and innovation in Ko Un's poetry.

Key words: Korean language; Korean culture; Korean poetry; images; Buddhism; tradition; innovation.

Буддизм появился на территорию современной Кореи из Китая во второй половине IV в. н. э. Китайские миссионеры не только активно распространяли учение Будды на территории Корейского полуострова, но и способствовали продвижению классической литературы Поднебесной, так как все сакральные тексты попадали в Корею непосредственно в китайском переводе [Курбанов 2009, с. 71]. Таким образом, постепенно «срастаясь» с местными шаманистскими верованиями, своеобразный микс буддийской и китайской культуры

оказывал непосредственное влияние на культуру и искусство Кореи. Результатом этого сложного синтеза стало формирование самобытной поэтическо-философской традиции, существовавшей на протяжении всей истории корейского государства.

Одной из главных характеристик сложившейся в результате слияния буддизма и шаманизма культурной традиции стало особое восприятие времени как некоего циклического механизма. Главная идея этой циклической модели времени заключалась в том, что всё самое совершенное и прекрасное в этом мире уже давным-давно создано, и единственное, что остается людям – это лишь подражать великим мастерам древности и следовать установленным канонам. Нельзя с уверенностью заявлять, что подобная установка угнетала естественные процессы развития искусства и литературы, но несомненным остается тот факт, что она оказывала определенное угнетающее воздействие на творческие импульсы художников и авторов. Стоит отметить, что подобные взгляды на развитие общества и культуры перекликаются с представлениями Конфуция о Золотом веке, а похожие социально-культурные представления о времени были характерны не только для Китая и Кореи, но и всего Дальневосточного региона в целом.

Благодаря воздействию консервативных установок, навязанных циклической моделью времени, в течение долгого времени в Корее под влиянием китайского языка и литературы сохранялась определенная иерархия литературных жанров, а также определенные эталоны их создания. Так, высшей формой выражения литературно-философской мысли на протяжении столетий оставалась поэзия, а вершиной поэтического мастерства считалось умение вплетать в ткань произведения отсылки или прямые цитаты на классических, в основном, китайских авторов [Троцевич 2004, с. 11]. Умение оперировать традиционными, в основном природными, образами, сформировавшимися под влиянием буддизма, а впоследствии и конфуцианства, также играло огромную роль [Писарева 2000, с. 221]. Соответственно, и от образованного, элитарного, читателя того времени требовалось хорошее знание классики, чтобы по достоинству оценить форму и содержание каждого нового произведения. Таким образом, долгие века традиция в культуре и искусстве превалировала над авторским личностным видением, развитие которому дало открытие границ Кореи и знакомство с мировым литературным наследием.

С западной философией и художественной культурой Корея познакомилась лишь в первой половине прошлого века, во времена японской оккупации. Таким образом, Корея начала приобщаться к европейской традиции только в середине XX в., с тех пор этот процесс продолжался непрерывно, вплоть до современного этапа. Формируется уникальный облик корейской литературы, построенный на сочетании традиционно сложившихся черт, характерных исключительно для корейского региона, и последних мировых тенденций в области художественного слова.

Наиболее ярко сочетание традиции и новации прослеживается в творчестве современного корейского поэта Ко Ына (1933 – наст. время), чье литературное наследие воистину велико. Ко Ын считается одним из самых знаменитых писателей Республики Корея, в разное время он создавал как поэтические, так и прозаические произведения, а за свой великий вклад в южнокорейскую литературу и яркую образность неоднократно рассматривался в качестве кандидата на Нобелевскую премию по литературе. Ко Ын – действующий буддийский монах, а значит, уникальный автор, практик и носитель многовековой культурной традиции. В своем творчестве он искусно использует сложившуюся буддийскую философско-литературную образную систему, переосмысливая и часто перерабатывая традиционные образы в духе современности.

Для того чтобы продемонстрировать, как слияние традиции и новации находит отражение в поэзии Ко Ына, были выбраны три стихотворения, объединенные общей образной системой. Это стихотворения из двух поэтических сборников: «Пэктусан» (백두산, 1987 г.) и «Придя в деревню Муни» (문의 마을에 가서, 1974 г.).

Первое стихотворение «Снежный день» (눈 내리는 날, сборник «Пэктусан, 1987 г.) ярко демонстрирует синкретизм шаманизма и буддизма в корейской культуре. Это проявляется в дуальных оппозициях, встречающихся в тексте стихотворения, таких как: собака и медведь; двор и берлога (открытое и закрытое пространство); знание и незнание (собака рыскает по двору, медведь спит в берлоге и ничего не желает знать); активное и пассивное начало.

눈 내리는 날

눈 내린다.

마을에서 개가 되고 싶다.

Снежный день¹

Падает снег. В такой день

Стать бы псом дворовым

¹ Здесь и далее перевод А. А. Дудиновой.

마을 보리밭에서 개가 되고 싶다
아나
깊은 산중
아무것도 모르고
잠든 꿈이 되고 싶다
눈 내린다
눈 내린다

Да взвыть на всю округу.
А лучше
Стать медведем
И в темной берлоге
Уснуть, обо всем позабыв,
Пока падает
Падает
Снег

Первая пара образов, собака и медведь, по сути, является ядром произведения, все остальные – лишь производные этого ядра. Рассмотрим каждый образ пары по отдельности. Медведь, согласно корейским антропогоническим мифам, представляет собой земное начало, является неким хтоническим божеством. Согласно мифу о Тангуне, [Курбанов 2009, с. 28] первопредок всех корейцев рождается в результате слияния земного начала (медведицы, которая превратилась в человека) с представителем неба (сын небесного правителя, Хванун). Подобное слияние символизирует мировую гармонию. В данном стихотворении второе, небесное, начало в традиционном для корейской мифологии представлении отсутствует, медведю противопоставляется пес (собака). Известно, что в некоторых притчах, например в притче о Будде Майтрее, боддхисатва обращается в собаку, чтобы наставить человека, следующего по Пути, ведущему к Нирване. Можно предположить, что для Ко Ына гармония, т. е. союз небесного и земного, заключается как раз в единстве буддизма и традиционного для Кореи шаманизма, хотя утверждать это наверняка, не проконсультировавшись с автором касательно точной трактовки произведения, разумеется, нельзя.

Также в стихотворении присутствует образ снега, который объединяет все три выбранные для данной статьи произведения и часто встречается в поэзии Ко Ына. Снег выступает в качестве объединяющего начала, уравнивает противоположности. Снег – это цветовой образ, а белый цвет – это чистота, покой и умиротворенность, одним словом – просветление, то самое освобождение от земного и суетного, к которому, согласно учению Будды, необходимо стремиться [Славик 1994, с. 52].

Во втором стихотворении, которое называется Заснеженный путь (눈길, сборник «Пэктусан, 1987 г.) образ снега получает более широкую

интерпретацию и обретает новые смыслы, выходящие за пределы традиционной буддийской символики, связанной с белым цветом.

눈길

이마에
눈을 맞으며
우리는 아무것도 없어도
크다란 입김을 어려주마
눈이여 내려라
우리는 아무것도 없어도
눈에 묻히마
눈이여 우리 청춘의
더러운 자욱과
기도 우에
쌓이지 않겠느냐
산악과 같이
은은히 열게 하지 않겠느냐
엄마의 배 안에서 들던 머언
겨울 산맥의 우레여
눈이여 내려라
기침하는 엄마
아아 옷 속의 마음 울리고
우리의 이마에도
눈이여 내려라
이마에
눈을 맞으며
우리는 아무것도 없어도
크다란 입김을 어려주마
눈에 묻히마
눈이여 내려라

Заснеженный путь

И пусть у нас нет ничего,
Подставляя лицо снегу,
Выдохнем белый пар.
Заметай всё, снег!
И пусть у нас нет ничего,
Укроемся снегом.
Заметешь ли ты, снег,
Грязные следы
Ошибок и надежд
Нашей юности?
Покроешь ли льдом
Как гор седые пики?
Уже в утробе матери
Мы слышали далекие
Раскаты грома –
Рокот горных перевалов.
Заметай все, снег!
Давилась кашлем мама –
Глотала боль души.
Мети, снег, что есть силы!
И пусть у нас нет ничего,
Подставляя лицо снегу,
Выдохнем белый пар,
Укроемся снегом.
Заметай все, снег!

Как видно из текста, в этом произведении снег не только является символом очищения, подготовкой к просветлению и отрешению от всего мирского, но также олицетворяет собой трудности, жизненные невзгоды. Снег метет в лицо, и лирический герой вынужден двигаться против снежной бури, но при этом он не противопоставляет себя стихии, наоборот, принимает ее, как неизбежность, как смерть. В этом проявляется буддийский фатализм: за жизнью всегда следует смерть,

за смертью следует перерождение и новая жизнь. Значит, снег в поэтике Ко Ына – это не только тяготы земного бытия, избавление от них, но и новое начало, начало с чистого листа. Таким образом, мы можем проследить, как тесно переплетаются в одном образе буддийские смыслы и личностная интерпретация автора.

Другой заслуживающий внимания образ – образ горы. В сиджо и классической китайской поэзии гора связана с пространством, противостоящим миру людей. Горы могут быть как границей, отделяющей мирскую суету от бессмертного, вечного начала в природе, так и особым пространством, пребывание в котором позволяет внутренне подготовиться к контакту с вечностью [Никитина 1994, с. 113]. Традиционный образ горы в произведении Ко Ына получает очень близкую к первоначальному значению интерпретацию. Гора становится последней точкой на жизненном пути, преддверием смерти. Те самые «раскаты грома» и «рокот горных перевалов», которые еще в утробе матери слышал лирический герой и есть предчувствие конечности бытия, скоротечности жизни и близости смерти. Значит, путь, который под напором снежной бури предстоит преодолеть, направляясь к горе, есть жизненный путь человека.

В буддизме путь это прежде всего путь к просветлению и освобождению от земного страдания, стремление к Нирване. И хотя поэт в стихотворении использует корейское слово 길 (*киль* – это же слово, кстати, часто встречается в классической корейской поэзии жанра сиджо [Никитина 1994, с. 196] вместо иероглифического 도 (*до, кит. дао*), которое обычно используется в данном контексте, очевидно, что он апеллирует именно к образу пути, каким он предстает в буддийской экзистенциально-философской традиции.

Образы горы, пути и снега встречаются и в другом стихотворении Ко Ына, «Придя в деревню Муни» из одноименного сборника (문의 마을에 가서, 1974 г.). Художественный перевод этого стихотворения выполнен Л. А. Писаревой [Писарева 2014, с. 116, с. 228], но для более подробного анализа целесообразнее будет использовать подстрочный перевод.

문의 마을에 가서

겨울 문의에 가서 보았다.
거기까지 닿은 길이
몇 갈래의 길과

По дороге в деревню Муни

Зимой, отправившись в деревню
Муни,
я понял,

가까스로 만나는 것을.
죽음은 죽음만큼 길이
적막하기를 바란다.
마른 소리로 한 번씩 귀를
닫고
길들은 저마다 추운 쪽으로
받는구나.
그러나 삶은 길에서 돌아가
잠든 마을에 재를 날리고
문득 팔짱 끼어서
먼 산이 너무 가깝구나.
눈이여 죽음을 덮고 또 무엇을
덮겠느냐.

겨울 문의에 가서 보았다.
죽음이 삶을 껴안은 채
한 죽음을 받는 것을
끝까지 사절하다가
죽음은 인기척을 듣고
저만큼 가서 뒤를 돌아다본다.
모든 것은 낮아서
이 세상에 눈이 내리고
아무리 돌을 던져도 죽음에
맞지 않는다.
겨울 문의여 눈이 죽음을 덮고
또 무엇을 덮겠느냐.

Что все дороги рано или поздно
встречаются там.
Смерть желает, чтобы подобно ей
дорога была одинокой.
Сухой треск забил уши.
Оказывается, все дороги ведут в
холод.
Однако жизнь, вернувшись назад
по дороге,
Заставляет летать золу в
уснувшей деревне,
Вдалеке, сложив руки на груди,
высится гора и кажется совсем
близкой.
Снег! Ты укрыл смерть, что
укроешь еще?

Зимой, придя в деревню Муни,
я понял –
Смерть, обнимая жизнь, остается
до конца лишь смертью.
Ее приход отрицаешь до самого
конца.
И смерть, почуяв человека,
оборачивается с полпути.
Все в мире находится внизу,
Потому и падает снег.
Бросай камни сколько хочешь, но
в смерть не попадешь.
Скажи мне, деревня Муни. Снег,
укрыв смерть, что укроет еще?

Все три образа вновь появляются в контексте размышлений о смерти, ее неотвратимости. Деревня Муни погибла в результате стихийного бедствия, это заброшенное поселение выступает в качестве символа смерти, терминальной точки, в которой сходятся все дороги, пути (автор опять употребляет корейское слово 길 – киль). При дословном переводе становится понятно, что любая дорога, любой жизненный путь, неизбежно ведет в деревню Муни, т.е. к смерти (거기까지 닿은 길이 몇 갈래의 길과 가까스로 만나는 것을).

Гора как некое сакральное пространство, символ освобождения от мирского и ворота в вечность при этом остается в стороне, хотя и кажется очень близкой. В этом отражается стремление к просветлению, которое, возможно, не наступит ни в этой жизни, ни в следующей.

Наконец, снег, как и в первом из трех проанализированных стихотворений, выступает в качестве некоего уравнивающего начала. Он замечает и дорогу, и саму мертвую деревню, тем самым примиряя жизнь и смерть, показывая их единство и неразрывность как частей единого цикла. Жизнь и смерть вечно сменяются, переходя друг в друга.

Итак, проанализировав объединенные общей образной системой произведения Ко Ына, мы выяснили, что в своем творчестве поэт не просто использует традиционные для буддийской литературы образы, такие как гора, путь и т. д., но и привносит в них свое видение, а иногда и вовсе интерпретирует их по-своему. В результате чего возникает особенная семиотическая система, характерная только для творчества Ко Ына, который не только прибегает в своих работах к художественной выразительности традиционных буддийских образов, но и трансформирует их в свойственной только ему манере. В этом и проявляется уникальность Ко Ына как носителя и практика особой культурной традиции, но при этом современного нам поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
- Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX в.в. в жанре сиджо: Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время. СПб. : Петербургское востоковедение, 1994. 312 с.
- Писарева Л. А. Бог—это Вы. Сеул : Пушкинский дом, 2014. 254 с.
- Писарева Л. А. Перевод корейской литературы на русский язык // Славяноведение. Сеул, 2000. № 1. С. 215–235.
- Притча о будде Майтрейе и Асанге. URL : www.oum.ru/literature/buddizm/asanga-majtrejja/
- Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.) : учебное пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 323 с.
- Slavik J. Dance of colours: basic patterns of colour symbolism in Mahayana Buddhism / Ethnological Studier. Vol. 41. Goteborg, 1994. 250 p.

УДК 008

В. В. Киселев

аспирант каф. лексикологии английского языка,
Федеральное государственное казенное военное
образовательное учреждение высшего образования
«Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»;
e-mail: valera2307kiselev7@mail.ru

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В РУССКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются особенности вербальной репрезентации политического события, связанного с освещением в СМИ террористического акта. Исходя из положения, что особенности национального характера вербализованы в языковой картине мира носителя определенной лингвокультуры, автор исследует вербальные компоненты, представленные в текстах СМИ политического дискурса еврейской и русской лингвокультур. Несоответствие характера представления событий в новостных статьях в этих лингвокультурах обусловлено различием культурного, национального, исторического и политического контекстов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; лингвокультура; политическое событие; терроризм; русский язык; иврит.

V. V. Kiselev

Postgraduate Student, Department of English Language,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: valera2307kiselev7@mail.ru

THE SPECIFICITY OF VERBAL REPRESENTATION OF AN ACT OF TERRORISM IN RUSSIAN AND JEWISH LINGUOCULTURES

The article deals with the specifics of verbal presentation of a political event that is associated with the media representations of an act of terrorism. The author analyzes the verbal components that are presented in media texts of political discourse in Jewish and Russian linguocultures with regard to the assumption that the singularities of the national character are verbalized in the linguistic worldview of a member of the definite culture. Discrepancy in the way such events were presented in news articles in these linguocultures is determined by the differences of their cultural, national, historical and political context.

Key words: intercultural communication; linguoculture; political event; terrorism; Russian; modern Hebrew.

В настоящее время терроризм во всех его формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости – одна из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости. Проявление терроризма влечет за собой массовые человеческие жертвы; разрушаются духовные, материальные, культурные ценности, которые невозможно воссоздать веками. Для многих людей, групп, организаций, терроризм стал способом решения политических, религиозных, национальных проблем. Серьезным следствием терроризма является ненависть и недоверие между социальными и национальными группами.

Террористические акты привели к необходимости создания международной системы борьбы с ним. Международное сообщество оценивает терроризм как тягчайшее преступление против человечности. Однако представление даже одного и того же террористического акта в политических дискурсах разных стран не одинаково. Это обуславливает необходимость выявления специфики репрезентации событий, связанных с терроризмом, в разных лингвокультурах и определения факторов, способствующих этой спецификации. Решение такой проблемы может способствовать эффективности межкультурной коммуникации между носителями разных лингвокультур.

Наша задача – исследование характера представления событий террористических актов в политическом дискурсе русской и еврейской лингвокультур. В работе мы исходим из положения, что особенности национального характера вербализованы в языковой картине мира носителя определенной лингвокультуры с помощью широкого арсенала лексических языковых средств.

Согласно УК РФ (ст. 205) «Террористический акт – это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» так определяет терроризм: «Идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами

государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Законодательное и политическое определение терроризма свидетельствует о том, что, с точки зрения ментальности носителя русской лингвокультуры, в этом понятии актуальны семантические компоненты *жестокость, насилие, жертвы*.

Обратимся к анализу новостных статей еврейской лингвокультуры, репрезентирующих события, связанные с совершением террористических актов.

В работе мы проведем анализ конкретного набора лексических средств для речевого воздействия на аудиторию, использованных автором статьи.

При этом мы исходим из нескольких базовых положений. Во-первых, любой текст, в том числе и медиатекст, является не «объективным» отображением реальности, а всегда субъективной интерпретацией какой-либо актуальной для продуцента проблемы – социальной, научной, бытовой и т. д. Во-вторых, текст всегда обусловлен совокупностью социального, политического, исторического и др. контекстов, в которых он создается, – в определенном дискурсе. В-третьих, дискурс задает специфические способы работы со словом [П. Серио 2005], в том числе и обусловленные сферой функционирования данного текста. В СМИ актуализируются, в-четвертых, следующие факторы: точка зрения заказчика текста, формат издания, политическая актуальность проблемы. Полагаем, что отображение событий, связанных с терроризмом, в политическом дискурсе осуществляется исходя из национальной специфики картины мира конкретного народа, действующей политической и социальной обстановки в стране и истории этого народа.

Цель анализа данного текста – найти способы языкового представления содержания текста, которые: а) репрезентируют «объективность» позиции автора и б) одновременно подчеркивают личностность, индивидуальность его позиции (последнее – необходимое условие текста СМИ, в котором точка зрения «заказчика» текста должна быть обязательно представлена как глубоко личная, а потому эмоционально-экспрессивная точка зрения самого автора).

Исследуя вербальные компоненты, представленные в текстах СМИ еврейского политического дискурса, можно сделать вывод, что большинство лексем являются нейтральными, используются устойчивые политические понятия и термины и штампы, характерные для официально-делового стиля речи:

לְבַחַם לִשׁ יָרִי עֻגִיפּ (террористический акт (докл. 'теракт со стрельбой'),
עוֹרִיאָה תֵּעַב מִקָּמַב וִיהֵשׁ, בְּאַגְמַת תְּרִטּוּשׁוֹ רִטּוּשׁ (сотрудники пограничной охраны),
לֵע, (оказались в момент совершения теракта на месте преступления),
לְבַחַם תָּא וּלְסִיחַ (по предварительному расследованию),
לְבַחַם תָּא וּלְסִיחַ (террориста ликвидировали),
הַמֶּלֶשׁ לִינִסְכַּם תּוֹרִיל (отстрелять полный магазин).

Личностное отношение к произошедшему событию практически не реализуется, что отражено в отсутствии эмоционально-оценочных компонентов, которые, как правило, характерны для новостей в русской лингвокультуре. Террористов называют нейтрально לְבַחַם, либо подчеркивают принадлежность к ПНА – יִנִּסְלַפ לְבַחַם (палестинский террорист) или к арабскому миру – יִבְרֵעָה לְבַחַם (арабский террорист), также их называют וְנִבְיָא (наши враги), מִיעֶשֶׂר הַלּוֹעֵ יֵב (злостные негодяи). Такому явлению можно дать объяснение: в связи с тем, что теракты в Израиле случаются довольно часто, у носителей еврейской лингвокультуры выработалась рациональная реакция на них, что постепенно стало и чертой мировоззрения. Уже с первых дней образования государства евреи воевали с арабскими странами (Арабо-израильская война¹ 1947 – 1949 гг., война Судного дня², Шестидневная война³). В связи

¹ Арабо-израильская война 1947–1949 гг. – война между еврейским населением Палестины, а впоследствии вновь созданным государством Израиль, и армиями соседних арабских государств и нерегулярных арабских военных формирований. В Израиле она называется «Война за независимость» (מלחמת העצמאות).

² Четвертая арабо-израильская война («война Судного дня», Октябрьская война) – военный конфликт между коалицией арабских стран, с одной стороны, и Израилем – с другой. Началась 6 октября 1973 г. с нападения Египта и Сирии и завершилась через 18 дней; при этом обе стороны понесли значительные потери.

³ Шестидневная война (יְמֵי מִלְחָמַת שֵׁשׁ יָמִים – война на Ближнем Востоке между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 г.

с тем, что теракты совершают преимущественно арабы, израильтяне видят в них недоброжелателей и уже ожидают от них подобные действия. Именно поэтому они и демонстрируют вполне рациональное поведение, однако эти факты проявления терроризма обязательно освещаются в прессе. Такое неэмоциональное объективное представление террористических актов имеет положительные черты: мирные граждане не впадают в панику, а последовательно выполняют те требования, которые предписаны в случаях терактов. Для евреев теракт – новостное событие, и они объективно сообщают об этом.

Освещая события теракта, автор стремится подчеркнуть, с одной стороны, профессионализм сотрудников полиции и специальных служб Израиля, занимающихся борьбой с терроризмом, с другой – вовлеченность каждого гражданина, даже случайно оказавшегося на месте совершения теракта, в решение социальных проблем:

ויהש, חרזאו מיאולימ לייח, ב»גמ תרטושו רטוש ירימ כ»חא דימ גרהנו הרנו לבחמה
עוריאה תעב מוקמב

Террорист был застрелен на месте сотрудниками пограничной охраны, солдатом запаса и гражданским лицом, оказавшимися в момент совершения теракта на месте преступления.

מודא דוד נגמו ב»גמ, הרטשמ תוחוכ עוגיפה מוקמל ועיגה יריה ירחא דימ

Сразу после совершения теракта на место прибыли полиция, пограничная охрана и Скорая помощь.

תא ההיז הלקה תבכרב ותחפשם מע עסנש השפוחב רטוש מיחטבאמ תיתפרצה העבגה
ירי אללו תופושח מיידיב לבחמה תא לרטינו תבכרה מלב תא דשמ, רקודה לבחמה

Полицейский, который не был при исполнении служебных обязанностей и просто ехал со своей семьей в трамвае, заметил террориста, дернул стоп-кран и обезвредил преступника голыми руками, без стрельбы.

Если специалистам не удастся сразу справиться с поставленной задачей, на это есть объективные причины. Таким образом, в СМИ ни в коем случае не возлагается вина на непрофессионализм или на равнодушные органы, обеспечивающих правопорядок:

הרונש סובוטואה וליאו, תמוצה לש דחא דצב ודמע מירטושה הארנה לככ מלוא...
ולוסיחל דע רקי נמו דבא דכ. מהיניעמ לבחמה תא ריתסהו, תמוצה לש ינשה דצב דמע
לש לבחמה (...однако, как видно, полицейские стояли на одной стороне

перекрестка, а автобус, который был обстрелян, – на другой стороне, и поэтому террорист выпал из поля зрения полицейских. Так было потеряно драгоценное время для уничтожения террориста полицейскими).

В статье также не просто описываются события «со стороны», но обязательно приводятся слова лиц, ставших свидетелями случившегося. Их наблюдения и впечатления передаются как посредством прямой речи, так и через косвенную речь:

הרפ"ס יבחר יתא תרטושה (сотрудник полиции Ати Рахави рассказала, что...), הירבדל (по ее словам), יתא תראתמש יפכ (вот как описывает происшедшее Ати), הרפ"ס מלסמא לזמ (Мазаль Амсалам, рассказала), גנילפנה יבאז (Зеву Хенфлинг, фельдшер Скорой помощи Израиля, рассказал...), רפ"ס א"דמב שבוח (Зеву Эсеф, один из раненых, вспоминал...), רפ"ס דחא, רפ"ס יבא (Азария Коэн, фельдшер реанимационного отделения Скорой помощи, добавил...).

Такой прием помогает читателю, с одной стороны, узнать о случившемся «от первого лица» и в каком-то смысле даже окунуться в атмосферу происходящего. С другой стороны, автор при изложении событий и фактов подтверждает свои слова описанием и эмоциями очевидцев либо других официальных лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к произошедшему.

В текстах СМИ, освещающих события терактов, совершенных со стороны арабского населения, подчеркивается ненависть и неприязнь по отношению к евреям. Власти Израиля постоянно призывают руководство ПНА прекратить подстрекательство собственного населения к совершению терактов и к воспитанию молодого поколения в духе ненависти к еврейскому государству. Террористы преднамеренно выбирают в качестве жертв представителей именно еврейской национальности:

מיוהי רקיעב מיהוש ובש רוזיאל עיגהל טילחה

Он принял решение приехать в район, где живут преимущественно евреи.

הריקד עוגיפ עוציב י"ע מיוהי לש מתומל מורגל לבחמה טילחה 27.3.17 ייראתב ידוהיב

27 марта 2017 года террорист решил совершить теракт против лиц еврейской национальности путем нанесения смертельных ножевых ранений.

התומל מורגל טילה, הידוהי לש תוהז תלעב ויניעב התארנש רחאל

Он решил убить ее после того, как понял, что Канино является еврейкой.

Гибель гражданина Израиля является тяжелой утратой всего еврейского народа. В текстах СМИ подчеркивается значимость каждого погибшего, и никто в стране не остается равнодушен даже к смерти совершенно незнакомого человека.

חצרנ, בושייה נב, בוהאהו רקיה יחלא

Наш дорогой и любимый Эльхай, житель нашего поселения, погиб.

בוהא דואמ דואמו עונצ, רשכומ רענ

Он был скромным и одаренным юношей, которого очень любили.

מיברה בושייה ינב לכו רעונה תעונתב מיכנה, מירבחה, מינכשה בלב חלפמ באכה ותוא וריקוהו יחלא תא וריכהש

Боль пронзает сердца соседей, друзей, членов молодежного движения и многих членов общины, которые были знакомы с Эльхаем и почитали его.

וניתורצל יד משיש שלוע ארובמ מישקבמו, דהוא ברה תאו לטיבא תא מיקבחמ ונחנא

Мы обнимаем Авиталь и раввина Охада (родители погибшего. – Прим. авт. В. К.) и просим у Творца Вселенной, чтобы больше не случилось несчастий).

תאז ושענש ונביוא לע רובגל ונידיב שיש מינימאמ ונחנא

Мы верим, что сможем одолеть наших врагов, которые причинили это горе.

Таким образом, каждый житель Израиля разделяет горечь утраты с семьями погибших в теракте граждан.

Особенностью еврейского политического дискурса является тот факт, что при описании событий терактов очень подробно описываются действия преступника:

הבג רבע לא ברקתה, ויכסה תא וליעממ פלש נכמ רחאלו ויינבה ריק ירוחאמ רתתסה אוה המצועב ויכסה תועצמאב ונינק תא רקדו הדאהשה תולימ תא לוקב רמא, השיאה לש

Преступник спрятался за стеной здания, после этого достал из-под пальто нож, подошел к женщине со спины, произнес вслух Шахаду и с силой нанес Канино ножевое ранение.

הריעצה תא רקדו ויכס ותושרבש תיקשהמ פלשו פפוכתה, ודיל תדמועה הריעצב ויחבהשמ ויילעה הפוג גלפב מימעפ רפסמ

Заметив стоящую рядом с собой молодую девушку, он нагнулся, достал из своей сумки нож и нанес ей несколько ударов в верхнюю часть тела.

Такой прием может использоваться с целью подробного объяснения гражданам особенностей поведения террориста, чтобы в будущем можно было сразу опознать преступника и предотвратить жертвы со стороны мирного населения.

Таким образом, терактом является и нападение с ножом לא רקד הריקד יעצפ (зарезал молодую девушку ножом), (ножевые ранения), (совершить теракт против лиц еврейской национальности путем нанесения смертельных ножевых ранений), и попытки применения огнестрельного оружия שאל חתפ שומא לבחמ (террористы обстреляли), (вооруженный террорист открыл огонь), и наезд на жертв на автомобиле סרד לבחמ (террорист сбил / наехал на автомобиле).

В русском политическом дискурсе события террористических актов освещаются несколько иначе.

Анализируя вербальные компоненты в статьях русской прессы, мы обнаружили особенность русского политического дискурса – сочетание разных элементов: официально-деловых и разговорных, фиксирующих повышенную эмоциональность и оценочность (*сильно пострадавших, тщательная проверка, смертница, час пик, смертник подорвал, очень многих, еще большего количества жертв, серьезное ранение, вооруженное нападение, масштабная спецоперация, один из самых кровавых бандглаварей, жестокое убийство, начала неадекватно действовать, страшное преступление, серия убийств, воспользовавшись темным временем суток и дождливой погодой, густым туманом, указания из-за границы, игнорирование (игнор) Федерального ТВ*), подчеркивается профессионализм специалистов (*высококласные специалисты-медики, незамедлительно приступить к эвакуации, группа опытных следователей, машинист принял правильное решение*) добавлением оценочного слова, событию придается больший трагизм, усиливается впечатление (*в переполненном троллейбусе, если бы не прогремел взрыв, место трагедии, на помощь раненым пришли, воспользовались сильным туманом, первые погибшие окликнуть товарищей не смогли, прикрыл собой, посмертно представят к высоким государственным наградам, обезглавленное тело девочки,*

отрубила ребенку голову и разгуливала с ней возле станции метро, размахивая перед прохожими головой, она угрожала взорвать себя прямо возле метро, отсеченной головой своей воспитанницы).

В анализируемой статье на новостном портале содержится также ссылка на другие похожие события (*Читайте также: Учитель и полицейский из Дагестана ранены в перестрелке с бандитами*), что нагнетает волнение, эмоциональное состояние страха и ужаса. Этот факт говорит о том, что русские воспринимают теракт как неожиданное и ужасное событие, которое, к счастью, в большом масштабе случается редко, благодаря деятельности правоохранительных органов и специальных служб. Журналисты усиливают, нагнетают негативные эмоции. СМИ также не ставят своей целью успокоить общественность. Стараясь подогреть интерес читателей к своему изданию, они открыто заявляют, что история еще не закончена и будет, возможно, не менее кровавое и ужасное продолжение (*их удалось ликвидировать в 2006 г., однако на этой территории еще остались их последователи, родственник уничтоженного главаря боевиков*).

Особенностью политического дискурса русской лингвокультуры является и тот факт, что, в отличие от еврейских СМИ, преступление, совершенное представителями другой национальности, не называется терактом. С уверенностью можно сказать, что если бы преступление, совершенное няней-мусульманкой, произошло в Израиле, СМИ, не задумываясь, охарактеризовали произошедшее зверским терактом. Это говорит о том, что в русской лингвокультуре не спешат делать поспешных выводов и разжигать ненависть к представителям другой национальности, ведь Россия – это многонациональное государство, и угроза межнациональных конфликтов не исключается. В еврейской лингвокультуре преступление представителей другой национальности, совершенное против еврея, является терактом. Террористический акт, в свою очередь, является проявлением жестокости в наивысшей степени. Таким образом, подчеркивается значимость и ценность каждого гражданина Израиля, сплоченность общества.

Анализируя события, связанные с осуществлением террористической деятельности, можно выделить следующие тенденции. Во-первых, печатные СМИ стараются не разжигать национально-этнических противоречий, а предпочитают рассматривать происходящее в плоскости противостояния «террористическое подполье – государство»,

а самих террористов не относят к какому-либо этносу и конфессиональной принадлежности, называя их *смертниками*, *боевиками*, *экстремистами*, в крайнем случае *исламскими радикалами* (отделяя от ислама как от религии).

Вторая очевидная тенденция – признание эффективности действий силовых структур и государства в целом в борьбе с организаторами терактов, защита населения перед лицом террористических угроз. В случае частых случаев возникновения терактов ситуация представляется как ошибка правоохранительных органов, присутствует определенный оптимизм относительно того, что с террором удастся в скором времени покончить. В то же время данная тенденция в последнее время всё чаще подвергается сомнению.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что культурно-исторический контекст национального дискурса, в том числе и политического, задает СМИ особенности репрезентации политических событий. В еврейском политическом дискурсе автор стремится не реализовывать свое личностное отношение, используя при этом лексические единицы меньшей коннотации, по сравнению с лексическими единицами в русской лингвокультуре. В то же время в большинстве случаев все факты, излагаемые автором, подтверждаются словами очевидцев и лиц, имеющих отношение к случившемуся, которые часто весьма эмоциональны.

В текстах СМИ подчеркивается горечь утраты каждого гражданина, и никто не остается равнодушен к гибели человека. Репрезентируя события терактов, автор детально описывает действия преступника. Полагаем, что преследуемая таким образом цель – показать поведение террористов и, возможно, предостеречь население от появления новых жертв. В русской лингвокультуре автор только нагнетает страх и ужас на читателя, однако старается не разжигать национальной или религиозной ненависти по отношению к представителям другой нации или религии. Преимущественно и в Израиле, и в России теракты совершают мусульмане, однако для представителей русской лингвокультуры это не является причиной относить всех мусульман к террористам. В еврейском политическом дискурсе любой араб считается потенциальным преступником. И убийства, совершаемые в отношении лиц еврейской национальности, являются террористическими актами против Израиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Серио П.* Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX века. М. : ИЯ РАН, 2005. С. 32–341.
- Уголовный Кодекс Российской Федерации. Ред. от 17.04.2017. М., 13.06. 1996 г. № 63-ФЗ. С. 205.
- Федеральный закон «О противодействии терроризму». Ред. от 31.12.2014. М., 06.03.2006 г. № 35-ФЗ.

УДК 81:39

С. И. Пучков

аспирант каф. лексикологии английского языка, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»; e-mail: sergei-taekvondo@mail.ru

**ВЕРБАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МУАММАРА КАДДАФИ
В СМИ ДО И ПОСЛЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В ЛИВИИ
(на материале испанской периодики)**

Автор статьи исследует динамику и качество изменения вербального представления образа Муаммара Каддафи, созданного в испанских СМИ, опираясь на материалы периодического издания Испании El País. Автор устанавливает содержание этого образа, закономерности его развития и влияние на носителя культуры на основе исследования семантики лексических единиц и данных эксперимента на шкалирование значений.

Ключевые слова: вербальный образ; структура; коннотация; понятийно-коннотативное поле; эксперимент на шкалирование; русский язык; испанский язык.

S. I. Puchkov

Postgraduate student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Department of English Language; e-mail: sergei-taekvondo@mail.ru

**GADDAFI'S VERBAL PORTRAIT IN MASS MEDIA BEFORE
AND AFTER THE MILITARY CONFLICT IN LIBIA
(an Analysis of Spanish Periodicals)**

The author explores the dynamics and quality of verbal modification of Muammar Gaddafi's image in Spanish mass media with reliance on the materials of the famous Spanish periodical "El País". A semantic analysis of lexical units and the data of a scaling experiment serve to establish the verbal content and the scheme of the development of the image, as well as its influence on the culture bearer.

Key words: verbal image; structure; connotation; conceptual-connotational field; scaling experiment; Russian; Spanish.

Введение

В эпоху глобализации вопрос контроля информационных потоков стоит особенно остро. Понимание картины мира как непрерывно конструируемой системы информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павилёнис

1983, с. 280], позволяет прийти к выводу, что вся информация, поступающая в мозг человека, так или иначе является продуктом культуры как жизненной среды индивида и, следовательно, влияет на содержание его Концептуальной системы (картины мира). Влияя на качество информации и частотность ее воспроизведения в культуре, можно повлиять и на картину мира как отдельной личности, так и общества в целом. В этом регулировании потоков, качества и характера воспроизведения информации СМИ играют важную роль.

Как известно, СМИ как феномен культуры нельзя рассматривать в отрыве от исторической реальности, определяющей их развитие [Вайнрайх 1979, с. 16]. В различные исторические эпохи СМИ были подчинены не только целям, которые непосредственно ставились перед ними мировым сообществом, в частности беспристрастному освещению различных событий, – СМИ во все времена так или иначе были подчинены целям и задачам политических элит, находящихся у власти, и в наше время такая ситуация стала еще более очевидной. Вместо того чтобы объективно описывать события в той или иной точке земного шара, СМИ намеренно распространяют специально отобранную и «отформатированную» информацию, частотная воспроизводимость которой изменяет содержание культурных концептов в целом или их эмоционально-оценочного компонента, что ведет к изменению характера функционирования концептов в рамках данной культуры.

По сути это приводит к тому, что властные структуры посредством СМИ формируют мнение об областях жизни, лицах и событиях и манипулируют общественным сознанием посредством различных механизмов воздействия (так, широко используются невербальные средства: фотографии, карикатуры, рисунки и др.), в том числе в определяющей степени – вербального. В связи с этим в последние годы сформировалось особое лингвистическое направление, исследующее так называемые поликодовые тексты, эффективно воздействующие на потребителя СМИ [Анисимова 2003; Сонин 2005; Мичурин 2013 и др.].

Рассмотрим, как СМИ реализуют свою манипулятивную функцию в рамках определенной культуры на примере вербальной репрезентации портрета государственного деятеля. Анализ осуществляется на материале статей популярного периодического издания Испании *El País* (2008 – 2016 гг.), так или иначе освещавшего роль Муаммара Каддафи, ливийского государственного и военного деятеля, политика

и публициста, де-факто главы Ливии в 1969–2011 гг., до и после военного конфликта в Ливии.

В феврале 2011 г. мир стал свидетелем кровавого переворота в Ливии, которой руководил один из самых значимых, но при этом довольно своеобразных политических лидеров XX в. – Муаммар Мохаммед Абдель аль-Каддафи. В информационном пространстве России доминирующей характеристикой Каддафи стали справедливость и патриотичность, хотя и осложненные жесткостью. В западных СМИ эпоха правления ливийского лидера освещалась по-разному в зависимости от текущей политической ситуации и геополитических приоритетов, и в зависимости от хода вооруженного конфликта в Ливии медийный образ Муаммара Каддафи очевидно изменялся. Следовательно, его образ в картине мира носителей испанского и русского языков значительно отличался, и это приводило и приводит к недостаточно эффективной межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация как особый вид коммуникации предусматривает наличие межкультурного знания, без которого невозможно *понимание* коммуникантов. Формирование такого знания осуществляется только при целенаправленном знакомстве с картиной мира предполагаемого коммуниканта и при наличии интенции овладеть ее содержанием. Поэтому исследование разного рода концептов, универсальных и национально специфичных, характера представления государственных деятелей, политиков, медийных лиц вообще и их оценок представляется актуальным как в рамках родной культуры, так и в межкультурной коммуникации.

1. Динамика изменения вербального образа М. Каддафи в испанских СМИ

1.1. Вербальный образ М. Каддафи до военного конфликта в Ливии

До начала военного конфликта в Ливии (2008–2011) подавляющее количество лексем, независимо от их принадлежности к той или иной части речи, имеют экспрессивный негативный оценочный компонент: *excéntrico* / эксцентричный, *tirano* / тиран, *dictador* / диктатор; (*dirigente*) *astuto y progmático* / (руководитель) хитрый и прагматичный; (*al líder livio ha unido*) *excentricidad y pragmatismo* / (характер ливийского лидера отличается как) эксцентричностью, так и прагматизмом;

cínico / циничный; sedujo a Occidente / соблазнил Запад. Вместе с тем представлены и такие характеристики, которые выявляют авторитет личности Каддафи: *elogiado en Washington y las capitales europeas / удостоившийся похвалы со стороны президента США и лидеров европейских государств; jamás pierde el control / никогда не теряет контроль; tipo carismático / харизматичный человек.* Большинство подобных характеристик поддерживает идеальный образ лидера арабского мира: *харизматичный, хитрый, прагматичный, умеющий держать под контролем ситуацию.* Совокупность лексем, репрезентирующих образ Каддафи в 2008–2011 гг., интегрируется единой доминирующей положительной коннотацией, несмотря на то, что некоторые лексемы связаны с отрицательными эмоциями. Так, *диктатор* – 1. Правитель, пользующийся неограниченной властью. 2. Тот, кто ведет себя по отношению к другим властно и нетерпимо [Ефремова].

В современных текстах СМИ частотно употребление слова во втором значении. Основными семантическими компонентами структуры слова выступают: *человек; властный; нетерпимый.*

Два последних компонента устойчиво связываются с отрицательной оценкой разной экспрессивности. Если *властный* (1. ‘имеющий право повелевать, распоряжаться кем-л., чем-л.’: *властные институты*; ‘склонный повелевать, распоряжаться’; 3. выражающий способность, склонность повелевать // *перен.* способный подчинять себе, покорять, оказывая определенное воздействие) [Ефремова] в первом значении является нейтральным словом, то все другие его значения уже содержат указание на отрицательно оцениваемую обществом черту человека. Значения 2–3 более частотны, а потому отрицательная коннотация (отрицательная оценка определенной экспрессивности) становится устойчивой. *Циничный*: 1. Полный цинизма, бесстыдный [Ефремова]. Основной семантический компонент слова – *бесстыдный*. Он устойчиво связывается с отрицательной оценкой высокой степени экспрессивности, которая контекстуально акцентируется и словом *цинизм* (1. ‘пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, *бесстыдство*’) [Ефремова], содержащим компонент ‘бесстыдство’ и усиливающим отрицательную коннотацию за счет актуализации значений ‘наглость’ (бесстыдная дерзость), ‘пренебрежение’ (высокомерно-презрительное отношение, недостаток уважения к кому-л., чему-л.) [Ефремова].

1.2. Убийство М. Каддафи

В период с конца 2011 до начала 2012 гг. проявляется очевидная тенденция изменении в целом положительной оценки образа ливийского лидера. Это проявляется в резком повышении частотности лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых ранее были контекстуально нейтрализованы использованием слов, представляющих положительные или нейтральные характеристики Каддафи: *tirano* / *тиран*; *dictador livio* / *ливийский диктатор*. Вместе с тем в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций, представляющих резко актуализированное негативное отношение к ливийскому лидеру. Так, в предложении *El fin de Gadafi es una oportunidad para la democracia en Livia* / *Смерть Каддафи – шанс построить демократию в Ливии* акцентируется несовместимость правления Каддафи с демократией; субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное противопоставление *смерть Каддафи – шанс демократии*, которое потом неоднократно в разном виде акцентируется в СМИ. Например, в предложении *El fin de un largo y penoso capítulo para el pueblo de Libia* / *Конец главы истории Ливии, долгой и болезненной для ее народа* смерть Каддафи рассматривается как начало нового, демократического этапа в жизни страны, а предыдущий этап оценивается как болезненный, что поддерживает заданную доминантным противопоставлением негативную оценку образа Каддафи. Так, *болезненный*: 1. Причиняющий физическую боль. 2. Вызываемый болью, свидетельствующий о боли. 3. Причиняющий душевную боль, страдания // *перен.* чрезмерно преувеличенный, выходящий за пределы нормального, обычного [Ефремова]. Основные семантические компоненты слова – *боль*; *страдание*. Оба компонента связываются с отрицательной оценкой высокой степени экспрессивности.

1.3. «Истерика № 1»

В первой половине 2012 г. в вербализации образа Каддафи наступает фаза, которую условно можно назвать «Истерика №1», когда подавляющее количество лексем, представляющих политика, имеют ярко выраженный негативно окрашенный оценочный компонент. Так, если в предыдущий период время правления Каддафи определялось

как *долгое и болезненное*, то теперь – как *нескончаемый* деспотизм и репрессии: *una larguísima era de despotismo y represión* / нескончаемая эра *деспотизма и репрессий*. Время правления ранее *сильного и харизматичного* лидера определяется как *систематическое* нарушение демократии и свободы: *recurrió sistemáticamente a la cárcel* / *систематически* отправлял в заключение именно в силу внутренних крайне негативных качеств личности Каддафи: *recurrió al asesinato y la tortura* / обрекал на пытки и убийство, *manipulador nato* / *прирожденный* кукловод. Акцентируется, что он *extirpó cualquier libertad* / *искоренил свободу* и создал культ своей личности: *desarrolló un enfermizo culto a la personalidad* / *культ личности, созданный и возвращенный* Каддафи, *оказался болезнью* ливийского общества. Вместе с тем ядерные компоненты характеристики вербального образа М. Каддафи остаются неизменными и подчеркиваются частотным использованием лексем *dictador* / *диктатор*; *tirano* / *тиран*. Таким образом, изменение вербального образа Каддафи целенаправленно осуществляется посредством использования большого количества лексем с явно выраженной негативной экспрессивностью, объединенных интегративным компонентом *диктатор* / *тиран*. В СМИ намеренно создается контекст, который можно назвать понятийно-коннотативным полем, реализующим негативный вербальный образ Каддафи, и это поле уже *задает* смысловой формат его представления. Так, *деспотизм*: 1. Неограниченная власть, произвол. 2. Полное, безоговорочное подчинение окружающих своей воле [Ефремова]. Основные семантические компоненты слова – *власть*; *неограниченный*; *произвол*; *подчинение*; *безоговорочный*. 2-й и 3-й компоненты устойчиво связываются с отрицательной оценкой разной степени экспрессивности. *Репрессия*: 1. Карательная мера, наказание, предпринимаемые государственными органами [Ефремова]. Основные компоненты семантики слова – *кара*; *наказание*; Оба компонента связаны с отрицательной оценкой разной степени экспрессивности. *Убийство*: 1. Лишение жизни; умерщвление // *перен.* уничтожение; искоренение [Ефремова]. Основные семантические компоненты: *лишение*; *уничтожение*; *умерщвление*. Первый компонент имеет нейтральную коннотацию, два других обладают ярко выраженной отрицательной оценкой разной степени экспрессивности. Если *уничтожать* (1. ‘Отменять, делать недействительным; упразднять’; ‘Разрушать, истреблять, прекращать существование

кого-л., чего-л.')[Ефремова] в первом значении является нейтральным словом, то второе значения уже содержит указание на отрицательно оцениваемый обществом процесс. Второе значение более частотно, а потому отрицательная коннотация становится устойчивой. *Пытка*: 1. Физическое насилие, истязание при допросе обвиняемого с целью вынудить у него показание. // *перен.* сильные физические страдания, доставляемые кем-л., чем-л.; сильное нравственное страдание; мучение, терзание [Ефремова].

В современных текстах СМИ *частотно* употребление слова в первом значении. Основными семантическими компонентами структуры слова выступают *насилие; истязание*. Оба компонента устойчиво связаны с отрицательной оценкой разной степени экспрессивности.

1.4. «Истерика № 2»

Вторая половина 2012 – начало 2013 гг. является кульминационной в процессе «демонизации» ливийского лидера. Во-первых, в заданном понятийно-коннотативном поле продолжают акцентироваться негативные характеристики, описывающие стиль правления Каддафи: *dictador / диктатор; tirano / тиран; cínicо / циничный*. Во-вторых, вводятся лексемы, которые не просто репрезентируют те или иные негативные свойства личности, но и связывают их с глубокими психофизиологическими расстройствами личности, подчеркивающими их стабильность: *las orgías y depravaciones sexuales del dictador libio / оргии и сексуальные извращения ливийского диктатора; era un depredador con las mujeres / с жестокостью, походившей на жестокость маньяков, он обращался с женщинами; los crímenes sexuales del “Papá Muamar” / сексуальные преступления «Папы Муаммара»; no podíamos intuir su nivel de barbarie, de sadismo y de violencia / мы не могли себе даже представить уровень его варварства, садизма и агрессии; cárcel de esclavos sexuales / тюрьма для сексуальных рабов; la obsesión sexual de Gadafi no se limitaba en cualquier caso a una dependencia física, un apetito demencial, sino que se había convertido en su principal arma de poder / сексуальная одержимость Каддафи – это не только его физические потребности; безумная по своей сути – она стала основным оружием его власти*. Одновременно варварское убийство Каддафи всячески замалчивается, практически всегда *убийство* заменяется словосочетанием *почивший лидер*. Так, *варварство*:

1. Невежественное отношение к культурным ценностям, историческим памятникам; грубость нравов. 2. Грубость, жестокость, бесчеловечность. 3. Жестокий, грубый поступок [Ефремова]. В современных текстах СМИ *частотно* 2-е и 3-е значения. Основными семантическими компонентами структуры слова являются *жестокость*; *грубость*; *бесчеловечность*. Все три компонента устойчиво связаны с резко отрицательной оценкой разной экспрессивности.

Садизм: 1. Половое извращение, при котором удовлетворение достигается при условии причинения партнеру физической боли. 2. Страсть к жестокостям. 3. Наслаждение чужими страданиями [Ефремова]. Основные семантические компоненты слова – извращение; *боль*; *наслаждение*; *жестокость*; *страдание*. Компоненты 1, 2, 3 и 4 уже несут в себе резко отрицательную оценку со стороны общества. Таким образом, отрицательная коннотация слова *садизм* становится устойчивой за счет частотности употребления в данных значениях. *Одержимый*: 1. Тот, кто охвачен навязчивой идеей; безумный человек, маньяк. 2. Находящийся во власти чего-л. (какого-л. чувства, страсти, настроения и т. п.) [Ефремова]. Основными компонентами семантики слова выступают: *навязчивый*; *идея*; *безумный*; *маньяк*. Два компонента из трех имеют устойчивую связь с отрицательной оценкой разной степени экспрессивности.

1.5. Возвращение здравого смысла

В СМИ 2013–2016 гг. медийный образ М. Каддафи снова меняется: его называют *dictador* / *диктатор*, *líder livio* / ливийский лидер, *Gadafi* / *Каддафи*. Это проявляется в резком понижении *частотности* лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых усиливали ранее использованные слова, представляющие положительные или нейтральные характеристики Каддафи: *tirano* / *тиран*; *dictador livio* / *ливийский диктатор*. Вместе с тем в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций, представляющих резко актуализированное нейтральное или, в целом, даже положительное отношение к ливийскому лидеру. Так, в предложении *Del miedo a Gadafi al miedo al ISIS* / *Кто ужаснее? Каддафи или ИГИЛ?* акцентируется несовместимость «планов и надежд на будущее» при свержении Каддафи с реальной ситуацией в стране; субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное сравнение *страх*

к Каддафи – страх к происходящему, которое потом неоднократно в разных вариантах акцентируется в СМИ. Например, в предложении *Cinco años después de la muerte del dictador el país se descompone en una carrera por el poder y el dinero* / Через 5 лет после смерти диктатора страну разлагает борьба за власть и жажда наживы, смена правящего режима в стране рассматривается не только как комплекс долгожданных перемен, но как распространение на территории всей страны анархии, временные пределы которой на данный момент ничем не ограничены. Так, ужас: 1. Чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета. 2. Безвыходность, трагичность. 3. Вызывающее такое чувство страшное явление, случай. 4. Оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как вызывающих тяжелое, мучительное состояние, являющихся очень плохими, скверными, неприятными [Ефремова]. Основными семантическими компонентами структуры слова выступают *страх, безвыходность, трагичность*. Все три компонента связаны с отрицательной оценкой разной степени экспрессивности. Кошмар: 1. Тяжелое, гнетущее сновидение. // перен. что-либо ужасное, отвратительное, тягостное [Ефремова]. В современных текстах СМИ частотно употребление данного слова в переносном смысле. Основные семантические компоненты: *ужасное; тягостное; отвратительное*. Первый и третий компоненты устойчиво связываются с отрицательной оценкой разной экспрессивности.

Заключение

Сравнительная характеристика средств вербальной репрезентации медийного образа одной и той же личности в СМИ в связи с разными политическими целями позволяет сделать следующие выводы.

СМИ как специфическая сфера культуры общества являются эффективным инструментом воздействия на формирование необходимых правящей элите моральных ценностей и оценок политических деятелей. При этом одна и та же личность может представляться в зависимости от специфики политико-идеологических процессов, определяющих соотношение противостоящих сил в геополитической борьбе. Вербальный образ Муаммара Каддафи в картине мира испаноязычного населения в корне отличается от представлений, связанных с этим политиком, в картине мира русской лингвокультуры. Учет

специфики этого и других фактов, событий, образов, репрезентированных в разнокультурных СМИ, необходим для эффективной межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М. : Академия, 2003. 128 с.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа, 1979. 263 с.
- Мичурин Д. С.* Влияние поликодовых текстов на динамику виртуальной коммуникации в интернете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 290–295.
- Павилёнис Р. И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.
- Сборник словарей Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL : что-означает.рф (дата обращения: 16.03.2017).
- Сонин А. Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : ИНИОН РАН, 2005. 220 с.

УДК 008

О. В. Родионова

кандидат культурологии, доцент,
доцент каф. мировой культуры факультета гуманитарных наук МГЛУ;
e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОГО ВОСТОКА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ СОВЕТСКОГО И НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДОВ

Статья посвящена советской культурной политике по отношению к мусульманским территориям, а также трансформации отношения к данным регионам в Новейший период. Рассматривается проблематика Своего и Чужого в контексте отголосков Кавказской войны и локальных конфликтов Северного Кавказа постсоветского времени. Анализируется влияние культурной политики на процесс формирования наций и национального самосознания. Рассматриваются факторы построения наднациональной идентичности на государственном уровне.

Ключевые слова: культурная политика; этническая идентичность; Восток; Свой и Чужой; Кавказ.

O. V. Rodionova

PhD (Cultural Studies), Associate Professor,
Associate Professor, Department of World Culture,
Faculty of Humanities, MSLU; e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE EAST IN RUSSIAN CULTURE OF THE SOVIET AND CONTEMPORARY PERIODS

The article deals with Soviet cultural policy towards the Muslim territories, as well as the changing attitude to these regions in modern history. The problem of mine and the other is addressed in the context of the consequences of the Caucasian war and local conflicts in the North Caucasus of the post-Soviet period. The impact of cultural policy on the process of the formation of Nations and national identity is examined, and factors of building a supranational identity at the state level are discussed.

Key words: cultural policy; ethnic identity; East; His and others'; the Caucasus.

Первоначальные государственные объединения на территории Средней Азии и Кавказа – Туркестанская и Горская республики не имели даже в названиях этнического оттенка. Национальное размежевание, проводимое в СССР с 1924 г., было построено исключительно на этнической идентичности. Бартольд, не работавший ранее с местными информаторами и не занимавшийся исламской проблематикой

вплоть до революции, тем не менее, указывал на то, что «национальный принцип национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 выработан западноевропейской историей XIX в. и был совершенно чужд местным историческим традициям» [Тольц 2013, с. 282]. Чрезвычайно важно отметить, что несправедливый раздел остался и мифологизировался как самими народами Средней Азии, так и учеными-востоковедами обеих столиц. Распад СССР привел к свертыванию да и просто к прекращению масштабных экспедиций в этот регион. Геополитическая и историко-культурная ситуация сегодняшнего дня Средней Азии остается крайне мало изученной – те немногие труды, которые всё еще посвящены этому вопросу крайне однобоки. Пожалуй, единственная страна, которая сознательно и планомерно стимулирует подобные изыскания – Узбекистан. Результат не замедлил сказаться. Работы С. Абашина [Абашин 2007] не только излагают узбекскую точку зрения, что само по себе и не плохо, по этому же пути идет и Адиб Халид [Халид 2010], указывая при этом, что эта мера вынужденная, так как из других стран информация скудна и противоречива. Абашев же дает информацию вне критического анализа, как единственно возможную точку зрения, более того, ссылаясь на немногие альтернативные работы [Масов 1996], указывает их мифологичность и фантазийность, что, конечно, совершенно недопустимо для академических изысканий. Национальные размежевания привели к развитию титульного языка республики, что стало восприниматься как элемент борьбы с пантюркизмом, но это же стало и началом борьбы с идеями джадидов. В общественной и культурной жизни русский и национальные языки вытеснили фарси, староосманский и арабский. Фетвы, выпускаемые духовными управлениями мусульман в Уфе, Ташкенте (с 1943 г.) и Махачкале (с 1944 г.) выходили на татарском, узбекском и русском соответственно. «Резкие и быстрые переходы с вязи на латиницу, в 1930-е гг. на кириллицу создали в регионе и стране поколения малограмотных» [Бобровников 2013, с. 123]. Переход на кириллицу знаменовал смену общегосударственной парадигмы – из плацдарма мировой революции СССР превратился в осажденный лагерь. Отказ от латиницы начинается уже в 1935 г. и первыми языками, переведенными на новую систему письменности стали языки северокавказских народов (черкесы в 1936 г., дагестанцы в 1938 г.). Параллельно усиливаются репрессии против местных

элит, выходцев из джадидов, а также местных духовных авторитетов. «С физическим уничтожением сотрудничавших прежде с большевиками джадидами советская пропаганда окончательно уходит от исламской риторики» [Бобровников 2013, с. 122]. Уничтожение на рубеже 1920–1930-х гг. арабской графики означало конец мусульманской цивилизации СССР. Началось формирование культуры национальной по форме, в которую ислам входил как этническая особенность и пережиток, и социалистической по содержанию. Конфессиональное уступило время национальному.

Активно культивируется образ бесправной и необразованной женщины-мусульманки. Появление этого образа было меньше всего связано с реальностью. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не имел обратного действия, в сельскохозяйственных регионах пролетариев не было в принципе, поэтому агитаторы сосредоточили свое внимание на женщине Востока, как наиболее угнетенном и уязвимом элементе общества. При этом следует вспомнить, что женщины этого региона в большем процентном соотношении с коренными губерниями были грамотными, а после революции, на волне эмансипации и социальных сдвигов, даже претендовали на звание кадиев и преподавателей коранических дисциплин в женских религиозных школах. Пропагандистской победой стала мифологизация прошлого в духе фильма «Белое солнце пустыни» (обратите внимание, что действие фильма, по всей видимости, происходит в современной Туркмении, однако, архитектура, одежда женщин и местных жителей почти полностью соответствует Бухарскому региону. – *О. Р.*) – подобная экзотика во многом определила официальное восприятие зарубежного опыта ислама, особенно после иранской революции 1978 г. [Бобровников 2013, с. 27]

На Кавказе произошло превращение покоренного края в зону рекреации. Романтизированное отправление на Кавказ как синоним подвига и ухода от повседневности в лиминальную ситуацию риска от столкновения с чужой расой, верой, природой, было акцептировано советской плебейской элитой у дворянской побежденной культуры и превращено в романтическую же традицию переживания Кавказа как приключения [Левинсон 2005], что также отразилось в эталонном экранном образе этого региона – «Кавказской пленнице».

Советская культурная и национальная политика порождала рост национализма путем мифологизации национальной истории

и традиции, в то же время многие фундаментальные аспекты жизни, в том числе или прежде всего, бытовой (элементы одежды, религиозная принадлежность, само устройство поселений) объявлялись пережитками и безжалостно уничтожались. Конечно, начало этому процессу было заложено колониальной политикой империи, так что недооценивать степень преемственности национальной и культурной политики не стоит. «Регион требовал не военной организации, а культурной, на базе русско-европейских (общечеловеческих) ценностей. Именно культурный фактор внедрения Российской государственности оказался быстротечным, надежным, глубинным по приобщению горного региона к русско-западным достижениям и ценностям. Под влиянием России регион синтезирует черты восточной и западной цивилизации, переплетая традиционность и модернизацию. Средствами универсализации российского социокультурного пространства была придача горским поселениям, крепостям облика русского города ... развитие коммуникаций и образования, христианизация неправославных народов России» [Зверева 2005, с. 539–545]. Трудно согласиться с тем, что этот процесс было необходимо проводить именно таким способом. Отголоски Кавказской войны прекрасно слышны и сегодня, а взаимные шрамы оказались глубже всех возможных ожиданий. «Задачами советской национально-культурной политики явилось формирование нового общества и человека, которое осуществлялось через разрыв с традициями патриархального общества, выдвижение нового слоя общества, массовое образование и просвещение, приобщение к рациональной модели мышления и развитие представлений о человеке как активном преобразователе действительности. В результате советской модернизации произошел переход горского традиционного общества к современному (открытому) типу. Важной парадигмой такого общества является ориентация на инновацию, общечеловеческие ценности, автономия личности и ценность ее свободы» [Корытина 2016]. Подобная трактовка в оценке культурной политики СССР вызывает улыбку, а то и недоумение. Особенно важно, что автор представляет северокавказский регион, что делает ее теоретические выкладки еще более ценными для нас, тем более что это одна из последних известных нам публикаций на эту тему. Вместе с тем вряд ли можно принять то, что отсечение культурной и исторической памяти через перевод местных языков на латиницу,

а вскоре и на кириллицу, масштабные, а порой и тотальные депортации, которым были подвергнуты народы Северного Кавказа, были адекватной ценой за придание «горским поселениям, крепостям облика русского города; развитие коммуникации и образования». Чуть ниже автор вступает с собой в непримиримое противоречие. «После распада СССР позиции России на Кавказе серьезно ослабли, что привело к дисбалансу и этнополитическим конфликтам в регионе <...>. Несмотря на то, что два столетия соразвития сблизили горские народы с русским, оформили социокультурное пространство региона, Северный Кавказ не приобрел духовного единения с Россией. Из всех территорий, входящих в состав России, именно с Кавказом связано большинство проблем, и когда речь идет об этом пространстве, острее встает дуальное противопоставление в российском обществе «свой – чужой» [Корытина 2016]. Еще более ярко звучит заявление о «наличии *диаспор* (выделено мной. – О. Р.) северокавказских этносов во всех регионах России». Хочется напомнить, что термин «диаспора» происходит от греческого слова *διασπορά* – рассеяние, этот термин в гуманитарной науке употребляется исключительно для обозначения какой-либо национальности или религиозной общности на чужбине. Изначально диаспорой назывались евреи в период вавилонского плена, позже – христиане, живущие среди язычников. Какой из двух вариантов предпочесть в данном случае?

Очевидно, речь идет о нескольких принципиальных аспектах. «Отсутствует культурный и политический интегрирующий стержень» [Корытина, 2016], причем отсутствует не на Кавказе, а на всем постсоветском пространстве в целом. Поиск общей основы для наднациональной и надрелигиозной идентичности чрезвычайно сложен. Мифологизация собственной истории в сочетании с поиском великого предка дают довольно неоднозначный результат, который если и вызывает отклик в душах земляков, то не особенно радует соседей [Родионова 2014].

Распад относительно сложных социальных структур, институтов, сопровождался компенсаторным укреплением отношений более простого, прямого характера, к каковым относятся солидарности на «природных», примордиальных началах, такие как возраст, национальность или место проживания. Утверждалась цель-идеал – упразднение наций и национальных различий [Левинсон 2005]. *Национальность*

получила ценностную окраску – частью с опорой на сходные традиционные категоризации (народность, вероисповедание), частью как новый атрибут человека или группы. В случае позитивного знака *национальность* для человека или группы.

Вместе с отказом от мифологемы многонациональная общность – советский народ происходит утверждение в качестве новой реальности понятий русский народ, российская нация (россияне), при этом из содержания последней нередко элиминируется (или сохраняется в стертом виде) идея многонациональности. Потребность переопределения былой формулы многонациональной общности как целого подкрепляется в структурах обыденного сознания обозначением новых водоразделов между слитным своим и слитным чужим.

Пластичность социальной природы человека связана не с его продуктивными способностями и готовностью к инновации, а с практическим имморализмом в сочетании с редуцированными традиционалистскими представлениями о социальном мире, организованном по модулю «свои – чужие». В их ряду идеологема «врага» играет особую роль. Не только структура образов врага, но даже само по себе выдвижение на первый план риторики врага уже может служить симптомом важнейших социальных процессов – массовой консолидации мобилизационного типа, блокировки инновации, консервации архаических представлений и ритуалов [Гудков 2005].

Довольно широко представлено мнение, что проблематика «Врага» в период до модерна не имела широкого распространения: «За исключением церкви, фактически не было такого института, который нуждался бы в соответствующем социальном механизме идентификации и консолидации и был бы в состоянии выработать подобные смысловые представления; до начала процессов массовизации, т. е. до разрушения сословного, закрытого общества и формирования общества массового, проблематика «врага» не получала сколько-нибудь широкого распространения» [Гудков]. С этим трудно согласиться. Во-первых, церковь Средних веков и раннего Нового времени (как раз до Великой французской революции) – не один из социальных институтов, каким она, безусловно, является в секуляризированном мире европейской цивилизации сегодняшнего дня, а пожалуй, основной, если не единственный, инструмент постижения всего сущего. Если трактаты Античности именовались «О природе» или «О природе вещей», то

в средневековом мире его с полным правом можно было бы именовать «О Боге»; всё остальное не имело смысла; цель жизни человека, человечества в целом была вне ее (жизни) предела – спасение, загробное воздаяние. «Царство мое не от мира сего¹». Этот мир отдан Сатане. Бог и Дьявол ежесекундно, и это в те времена, когда на башенных часах не было минутной стрелки, борются за душу человека. В силу этого выражение «враг рода человеческого» – вовсе не пустое множество. На восприятие мира через призму Святого Писания указывали многие ученые (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Н. А. Бердяев). Схема бинарной оппозиции Добра и Зла; Света и Тьмы; Бога и Дьявола работала и, возможно, продолжает работать во всех сферах жизни человека без исключения. Особенно ярко в разговорной речи и культуре повседневности в целом. Новое и Новейшее время усугубило классический характер противоречия, визуализировалось это особенно четко в карикатурах на Папу Римского периода Реформации. Кстати, возможно именно поэтому возникает впечатление, что пропагандистское противопоставление и появилось именно в Новое время.

Во-вторых, само понятие врага автору представляется несколько идеологически избыточным на фоне триады: Свой – Иной – Чужой. «Враг – предельно иной, с ним невозможны частные соглашения, нет опосредующих всеобщих норм, невозможен суд третьих инстанций. Враг может быть (по своей реальной возможности) только публичным врагом, ибо всё, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным “Враг” тем самым получает исключительно “бытийственный”, “экзистенциальный” смысл» [Шмитт 1992]. Точно в такой роли выступает и Чужой. Ощущение, что только мобилизационный режим политики, идеологии, культуры порождает врагов среди Чужих, а среди Своих – жертв и мучеников, как на это смотрит в уже указанной работе Гудков, тоже достаточно иллюзорно. Свой – очень абстрактен, беспредикатен, его образ проступает только в противопоставлении Чужому. Образ врага «при создании масскультурных продуктов о войне их авторы стараются не только согласовывать свою работу с умонастроениями потенциальных потребителей, но и опираться на академические примордиалистские (природно-естественные) концепции» [Зверева 2005].

¹ Ин. 18:36.

«Чужак в большинстве случаев монстрообразен – от физиологии (псиглавец) до психологии (маньяк, этнически склонный к совершению преступлений)» [Родионова 2015]. Интересно отметить, что традиционно «восточный» чужой в отечественной традиции осмысляется в категориях монстра, а «западный» – посмешища, последнее хорошо заметно в агитационных плакатах Первой Мировой. «Лубки, авторами которых были такие известные художники, как Малевич, Лисицкий, Шагал, Маяковский, не преследовали агитационных целей и не были направлены на создание наводящих ужас образов врага; они хотели, прежде всего, выставить врага на посмешище и зачастую скорее являлись для зрителя объектом веселья, чем средством внушения фанатичной ненависти» [Вашик 2005]. Даже в годы Внликой отечественной войны высмеивающий плакат (Кукрыниксы) преобладает над монструозным. Кавказ, войдя в устойчивую картину Востока, несколько нивелированную по сравнению со Средней Азией¹ отечественным кинематографом, с началом боевых действий в постсоветский период мгновенно «реанимировал» образ монстра.

Фolk-антропологический подход здесь объясняет «инаковость» кавказцев очень просто. Он принимает ее за данность, но не оставляет в статусе обстоятельства, которое надо объяснить, а наоборот, превращает ее в объясняющий аргумент. Именно потому они к нам враждебны, что они иные. Асимметрия не смущает. На одной стороне мы – такие, какие мы есть, беспредикатные. Из того, какие мы, вообще ничего не следует – мы для себя прозрачны, невидимы. А на другой стороне они – не такие. Они, конечно, совершенно непрозрачны и не стоит их рассматривать изнутри, изучать как людей. Ясно, что их непохожесть на нас и есть причина того, что «они нас не любят» и «нам вредят». А вот уже упоминавшееся «folk-социологическое» усмотрение: «они все держатся вместе, все друг за дружку, один пролезет, всех за собой тащит». В полном виде оно включает такое

¹ В образе этого региона до определенного времени ведущую роль играли сказочные сюжеты в духе Насреддина (выпущено 8 фильмов в 1943, 1946, 1959, 1967, 1975, 1982 и 1989 гг.) и Аладдина (фильм 1966г. и множество мультфильмов), после начала вооруженных действий в Афганистане возрождаются революционные сюжеты с непримиримым врагом («Непобедимый», 1983г., реж. Ю. Борецкий; «Красный песок» в цикле Государственная граница, 1984 г., реж. Б. Степанов).

утверждение: «У них слушаются старших, уважают женщин, мстят за своих. У нас ничего этого нет. Эти качества чужие, но вызывают зависть, как вызывает ее чужое богатство. Они в этом смысле богатые, мы бедные. Потому у нас преимущество перед ними, которое бедный имеет в наших собственных глазах: «нам труднее». Они не пьют, у них такой закон, или – они пьют и не спиваются, а мы много пьем, спиваемся, нам и от этого труднее». «Наше» превосходство доказано. Оно сохраняется и в тех случаях, когда признается, например, «их» (чеченов) неодолимость. Именно этому принципиально бесписьменному современному «фолк-дискурсу», как ни странно, отвечает этика Пушкина и Лермонтова – в той части, в которой она отвечала этике казаков и генералов. В таком дискурсе нет сомнений, почему чечен – «злой», как нет вопроса, а можно ли объявлять злыми / добрыми целые народы и пр. [Левинсон 2005].

Очевидно, что при этом этнические анклавные выступают скорее как своего рода представительства другого государства на территории принимающей страны, чем как ее часть [Малахов, с. 217]. Следовательно, «границы не только конструируются различиями, но и конституируют различия <...>. Границы между «мы» и «они» всегда носят символический характер <...>. В европейском случае Другой – тот, кто не принимает гегемонии секулярной («постхристианской») культуры» [Малахов, с. 80].

Один из классических вариантов образа «врага» для многих обществ – «еврей», «жид». Синдроматика антикавказских установок среди населения центральных и ряда окраинных районов РФ во многом напоминает классический антисемитизм, каким он был в конце XIX – начале XX вв. в Российской империи. В самом деле, в обоих случаях объектом является меньшинство, члены которого имеют внешность, манеру речи (акцент), имена, которые считаются «характерными», т.е. говорящими об определенных (отвергаемых) человеческих качествах и даже о чуждых большинству ценностях и враждебных ему целях их носителей. Как и в случае с еврейством из «местечек», «кавказцы» внутри себя общаются на чужом и непонятном для окружающего их большинства людей языке, слушают собственную музыку, имеют свои ритуалы и праздники, сохраняют собственные бытовые привычки, включая способ организации семьи и количество детей, отношение к их воспитанию, учебе. Их

группа, как некогда евреи, имеет свою собственную бытовую, трудовую и коммерческую этику и, наконец, собственную веру. Далее, что «черные», что евреи, как часто с неприязнью отмечают в их окружении, «стремятся держаться вместе», «помогают друг другу», «не то, что мы». Они компактно проживают и концентрируются в определенных профессиональных и экономических нишах. Наконец, одно из важнейших обстоятельств – они подвизаются в предпринимательстве (коммерции, торговле, бизнесе). При этом надо отметить, что в силу ряда причин эти группы-меньшинства оказываются, как правило, более успешны в предпринимательстве, чем большинство, среди которого они живут и которое в силу этого обнаруживает себя в положении их клиентов и их работников. Соответственно, они аккумулируют капитал. Так у «национального чувства» появляется «классовый» компонент.

«Классический» антисемитизм, который существовал долгое время вплоть до первых десятилетий XX в., направлялся в адрес меньшинства, пугавшего большинство своей опасной чужестой. Нынешние же ассимилированные евреи пугают своей опасной близостью.

У некоторых групп «кавказцев», например армян или чеченцев, в коллективной памяти, как и у евреев, жива травма от попыток геноцида или целенаправленных репрессий против них как народа. Это формирует дополнительные характеристики диаспоры и особым образом окрашивает их отношения с большинством [Левинсон 2005]. При этом очень важно обратить внимание на то, что Кавказ лишен ощущения общей судьбы, парад суверенитетов 1990-х гг.; Чеченские войны и их последствия, привели к тому, что годовщины депортации и сам их факт актуален только для представителей одного этноса. Так, в Дагестане по-прежнему можно услышать миф о белом коне, которого собирались подвести Гитлеру чеченцы и / или ингуши, высылка балкарцев вообще неактуальна отсутствием географической границы. И это при том, что подавляющее большинство нагорных селений испытало подобные же ужасы насильственных депортаций, когда их спускали с гор на освобожденные тотально репрессированными народами места. Разрушались высокогорные аулы, искоренялся традиционный уклад, гибли люди, прежде всего старики и дети от изменения привычной среды обитания. Об этом, в свою очередь, ничего не знают чеченцы и ингуши. Проблема гораздо шире, «проведенный

анализ школьных учебников показал, что, за исключением Беларуси и (в меньшей степени) Армении, в странах бывшего СССР в школах преподается националистическая история, основанная на мифах об автохтонности, прародине, лингвистической преемственности, славных предках, культуртрегерстве, этнической однородности, заклётом враге» [Родионова 2014]. Проанализировав изображения, представленные на национальных денежных знаках республик СНГ, можно сделать предположение об их взаимосвязи с геополитическим курсом страны.

«Религиозность выступает катализатором процессов этнического ренессанса, посредством религиозной идентичности чаще всего обретается и национальная идентичность, в условиях глобализации она мыслится как альтернатива пугающим процессам девальвации духовно-нравственных ценностей» [Корытина 2016]. Но построение идентичности на государственном уровне сложнее, чем это можно себе предположить. Как ни странно, образ Другого – Иного – Чужого конструируется гораздо проще, чем самого себя. В ходе напряженной научно-проективной деятельности со студентами магистратуры последних четырех лет по направлению подготовки «Культура религиозного и межнационального диалога в современном мире» удалось сформулировать всего два критерия Своего:

- Общая историческая память, локализованная в Великой отечественной войне;
- Русский язык как средство межнационального общения.

Оба эти критерия также нуждаются в пояснении.

Война: для изучения культурной памяти на уровне поколения и надличностного обобщения был предпринят анализ образа ВОВ в кинематографе как рефлексии культурно-исторической памяти. Мифологизация войны – процесс естественный и необратимый. В историческом научном поле, разумеется, будут продолжаться изыскания и совершаться открытия, но культурный контекст будет трансформироваться с течением времени. Так перестал актуализироваться революционный контекст отечественной культуры; с точностью до наоборот изменилась кино-трактовка Гражданской войны, сравним «психическую» атаку каппелевских частей в фильме братьев Васильевых «Чапаев», 1934г. и «АдмиралЪ», 2008г., Кравчука. Можно говорить о военных фильмах в истории культуры нашей страны не

только как об отражении конкретных событий, но и как об элементах механизма идентификации и самоидентификации нескольких поколений [Родионова, 2017]. Важно отметить, что мы не стремились изучить культурно-историческую память уровня Бессмертного полка или Бессмертного барака. Оба проекта – первый государственный, второй – альтернативный, посвященный жертвам репрессий, ставят своей задачей фиксацию индивидуальных и уникальных историй конкретных людей / семей. Из собрания множества биографий возникает монументальное панно Подвига / Трагедии народа / Поколения в целом. Кинематограф – носитель коллективной памяти, часть идеологии определенного времени (это касается, в том числе, и авторского кино). Как и любая идеология (автор употребляет сейчас этот термин безоценочно) кинематограф в данном случае выступает консолидирующим фактором, обеспечивающим, в том числе социальное воспроизводство. «В качестве рабочей гипотезы было принято предположение о том, что кино – отражение культурной памяти своего социума и времени – имеет функцию накопления, хранения и трансляции культурно значимого опыта; каждое новое поколение проводит «ревизию» этого опыта, принимая или не принимая его. Особенно значимым в рамках целеполагания было изучение механизма самоидентификации, осуществляемой через риторические фигуры и мифологемы, транслируемые кинематографом, с одной стороны, и местом, которое занимает ВОВ в отечественной культурной традиции (советской и постсоветской) – с другой. Хотелось понять величину и силу трансформации исторической памяти в рамках поколенческого и исторического (распад СССР и становление РФ) сдвига.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд общих выводов:

- ВОВ, безусловно является значимой частью культурной памяти нашего общества, в том числе и молодого поколения.
- Можно фиксировать актуальность современных фильмов о войне, но обращает на себя внимание стилистика киноязыка, жанровое своеобразие (фильмы-фэнтези; обилие спецэффектов; неисторичность сюжета), что опять же указывает на функцию релаксации и развлечения как доминирующей тенденции кинопотребления.
- Высокие показатели узнавания таких фильмов, как «А зори здесь тихие» и «В бой идут одни старики» дают некоторую надежду на преемственность культурной традиции и продолжение трансляции

опыта и / или мировосприятия предыдущих поколений» [Родионова 2017], но эта трансляция не носит системного характера. Всякого рода коллективные мероприятия проводятся по отработанной схеме 80-х гг. XX в., что придает им сегодня не столько патриотический, сколько конъюнктурный характер при том, что на личностном / семейном уровне память сохраняется. Даже совместная научная, просветительская деятельность наталкивается на противодействие в виде высказываний: «не мое; не интересно; меня это огорчает; я не хочу знать этих подробностей». Поисковики, вахты памяти занимают промежуточное положение между субкультурными сферами досуга и официозом.

Русский язык. «Важную часть самоидентификационных процессов составляет выбор культурно-языковой стратегии развития. Так, среднеазиатские республики также выбрали культурно-языковую стратегию, направленную на декларирование полиэтничности и высокого статуса русского языка. В Казахстане русский язык является официальным согласно Конституции 1995 года; в Туркмении – является языком межнационального общения по Конституции и Законе о языке 1990 г.; в Таджикистане русский также является языком межнационального общения согласно Конституции; в Киргизии русский – официальный язык, язык межнационального общения по Конституции 2003 г., и только в Узбекистане русский назван языком национального меньшинства, статус которого не определен законодательно. Однако необходимо обратить внимание, что реальная политика стран направлена, скорее, на построение мононационального и монолингвистического пространства, что во многом связано и с оттоком русского населения, и прежде всего специалистов из этого региона, но именно эта политика приводит к тому, что трудовые мигранты из Центральной Азии, составляющие большинство на российском рынке труда, называют языковой фактор в качестве основного выталкивающего механизма в принимающей стране» [Родионова 2013].

В 2013 г. мы констатировали определенное положение дел по СНГ: «Среднеазиатские республики выбрали культурно-языковую стратегию, направленную на декларирование полиэтничности и высокого статуса русского языка. В Кавказском регионе напротив статус русского языка не определен законодательно, хотя русский и назван языком межнационального общения» [Родионова, 2013]. За прошедшие годы положение совершенно точно не изменилось в лучшую сторону,

уровень владения русским языком стремительно снижается, исключением, пожалуй, является только Казахстан. Принятие законов и постановлений об обязательном экзамене по русскому языку, праву истории для трудовых мигрантов¹ ситуацию не изменило. Положение внутри России, как ни странно это прозвучит, тоже отнюдь не безоблачно. В нерусскоязычных регионах русский язык является средством межнационального общения, как и на всем пространстве СНГ, к сожалению, наличие ЕГЭ, всеобуча и пр. радикально проблеме не решает, скорее усугубляет. Советский опыт межкультурной коммуникации предполагал наличие специальных программ для национальных школ. Если судить по ассортименту издательства «Просвещение» (catalog.prosv.ru/category/1?filter%5B8%5D=5), то учебники по русскому языку и литературе для национальных школ по-прежнему издаются; но обнаружить их на местах, например в РД, у автора статьи не получилось. Общий федеральный учебник, единый как для тех, у кого русский родной, так и для тех, у кого он не родной, создает, как ни странно, не единое образовательное пространство, а принципиально неравные стартовые условия. В результате чего (помимо малого числа русских учителей; сложности усвоения языка из-за разности культурного контекста, доносимого учебником, и компетенции) мы получаем выпускников с довольно слабым уровнем владения русским устным (встречается чаще) и письменным. В случае с письменным языком фиксируются две особенности: первая – выпускник и пишет на разговорном языке, который в каждом регионе имеет свои особенности, а в данном случае иноязыковой строй предложения (думает на родном и переводит в голове по аналогии), сложности с употреблением предлогов, родовых, падежных окончаний. Вторая – идеальное владение литературным письменным языком, что резко контрастирует с уровнем устной речи, что опять же фиксирует русский как иностранный с формированием пассивных (чтение, письмо) языковых компетенций. Оба варианта затрудняют дальнейшее обучение за пределами своего национального региона, что, в свою очередь, препятствует формированию наднациональной идентичности. В то же время необходимость обучения на

¹ Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. №74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон» «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», обязателен с 1 января 2015 г.

русском языке приводит к ассимиляции языков малых народов: дети для облегчения процесса обучения, особенно в городах, часто не владеют родным языком, предпочитая ему русский, но при этом русскими себя не считают, и процессы идентификации, как и у старших, происходят по этническому и / или конфессиональному признаку.

Таким образом, в формировании образа собственного Востока, равно как и в прочих идентификационных процессах, находят свое подтверждение выводы, полученные в результате изучения Своего и Чужого в исторической перспективе о том, что «в формировании визуального и семантического образа Другого (Чужого / Врага) происходит творческое соединение реальных и искаженных знаний о культуре и природе (в том числе физической) Иного. Кроме того, в творческом акте учитывается присущее собственной культуре восприятие Добра и Зла, в том числе и в его визуальном воплощении» [Родионова, 2015]. А также, что мы «сталкиваемся с понижением бинарной оппозиции Свой – Чужой, уменьшением ксенофобии при опыте непосредственного совместного бытования. Здесь, правда, должно быть сделано одно важное замечание: совместное бытование должно быть мирным, исторически сложившимся или форс-мажорным. Если же быт связан с завоеванием, насильственным видоизменением идентичности, то здесь даже самые спокойные отношения нагнетаются до экзистенциального противостояния» [Родионова 2016]. Философские выводы нашей давней статьи также найдут здесь свое отражение: «Древняя мудрость гласит, что свой рай и ад мы носим в себе. Пожалуй, это верно и по отношению к вариативности развития и саморазвития, с тем лишь добавлением, что спектр выбора напрямую связан с успешностью диалога с внутренним «Я» (другим и иным) и желанием, даже, скорее, осознанием необходимости столь же старательного диалога и уважения Другого в нашем собеседнике, причем причина нашего к нему уважения заключается именно в его Другости» [Родионова, 2006].

С точки зрения создания механизмов, способствующих формированию наднациональной и надрелигиозной идентичности, то здесь, по всей видимости, стоит говорить о программах поддержания языковой и культурной компетенции, как на основе русского языка (переводя его владение в максимально активную форму вплоть до формирования второй языковой личности), так и национальных языков (для поддержания этнической самобытности и многообразия).

Кроме того, самое пристальное внимание необходимо уделить направлению по изучению и сохранению культурно-исторического наследия народов РФ. Речь идет не только о возрождении практики масштабных этнографических экспедиций, но и фиксации болевых точек межкультурного и межрелигиозного взаимодействия в синхронном и диахронном аспекте. Можно не соглашаться с альтернативной версией того или иного исторического события, но знать и понимать истоки и следствия этой версии необходимо. Без этого невозможен диалог и взаимопонимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб. : Алетей, 2007. 307 с.
- Абашин С.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М. : НЛЮ, 2015. 720 с.
- Бобровиков В.* От дореволюционного Туркестана в советскую Среднюю Азию // Плакат советского Востока 1918–1940: альбом-каталог. М. : Издательский дом Марджани, 2013. – 313 с.
- Бобровиков В.* Язык советской пропаганды на мусульманском Востоке между двумя мировыми войнами (1918–1940) // Плакат советского Востока 1918–1940: альбом-каталог. М. : Издательский дом Марджани, 2013. 313 с.
- Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов ; пер. Аркадия Перлова // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, О-23 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf
- Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, О-23 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf
- Зверева Г.* Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы репрезентации врага // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, О-23 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf
- Корытина М. А.* Современные концепции культурологического осмысления Кавказа // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 5. С. 539–545.
- Левинсон А.* «Кавказ» подомною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, О-23 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf

- Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : НЛО, 2014. 232 с.
- Масов Р. История топорного разделения. Душанбе : Ирфон, 1991. 192 с.
- Пастернак Б. Л. Стихи. Рига : ЗИНАТНЕ, 1996. 130 с.
- Родионова О. В. Использование альтерального метода при построении толерантной картины мира // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 167–172. URL : ecsocman.hse.ru/ons/msg/18935720.html
- Родионова О. В. Культурные стратегии в мусульманских республиках СНГ // Философские и общенаучные проблемы познания культуры. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 170–188. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 11 (671). Сер. Философия и культурология.)
- Родионова О. В. Актуальные проблемы мусульманской культуры // Социодинамика взаимодействия философии и культуры в условиях глобальных изменений. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 154–170. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 11 (697). Сер. Философия и культурология.)
- Родионова О. В. Чужой, Иной, Другой – семантический ряд межкультурного диалога // Проблемы социальной философии и культуры в XXI веке. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. С. 145–159. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 13 (724). Сер. Языкознание и литературоведение.) URL : vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-724z.pdf
- Родионова О. В. Свой среди чужих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 1 (762). С. 117–138. URL : vestnik-mslu.ru/Vest-2016/1_762_obr.pdf
- Родионова О. В. «Свой» и «Чужой» в отечественном кинематографе о Великой отечественной войне: историческая память и механизм самоидентификации // Битва под Москвой: история, культура, современность: информационные материалы «Круглого стола» ГБУ «МДН». М. : ГБУ «МДН», 2017. С. 62–90.
- Тольц В. Собственный Восток России. М. : НЛО, 2013. 336 с.
- Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии. М. : НЛО, 2010. 304 с.
- Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 35–67 (перевод и комментарии А. Ф. Филиппова) Цит. по: Лев Гудков (Москва) Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, О-23 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Статья пополняет научную биографию великого русского историка В. О. Ключевского новыми гранями его деятельности. Он не только жил и творил в период расцвета русской философии, но и сам был ее оригинальным носителем и ярким представителем русского духовного ренессанса. Как ученый он значительно определил время и в своем понимании истории *совмещал* в себе философа, экономиста, филолога, географа, социолога, культуролога, эколога, психолога, религиоведа. Чувство исторической перспективы и науковедческая проницательность никогда не изменяли ему, и потому он, как никто другой, до сих пор будит мысль и раздвигает зашоренные стереотипами и «зашлакованные» общими местами и штампами горизонты мировоззрения. Основное внимание автора статьи сосредоточено на новациях Ключевского, качественно изменивших принципы и методы теоретического знания в сфере общественных наук.

Ключевые слова: культура; цивилизация; философия истории; историософский кругозор; интеграция гуманитарных наук; историческая и социокультурная динамика; интеграция наук; система ценностей; научный синтез; историческая целостность; взаимодействие и взаимовлияние материальной и духовной культуры; чувство исторической перспективы; науковедческая проницательность; футурология.

V. M. Soloviev

Doctor of History (Dr.habil.), Professor,
Department of World Culture, Faculty of the Humanities, MSLU;
e-mail: v-soloviev@mail.ru

SCIENTIFIC INNOVATIONS OF V. O. KLYUCHEVSKY

The article replenishes the scientific biography of the great Russian historian V. O. Klyuchevsky with new aspects of his activity. Not only did he live and work during the heyday of Russian philosophy, but he was also its original bearer and a vivid representative of Russian spiritual renaissance. As a scientist, he was much ahead of his time and in his understanding of history he was a combination of a philosopher, economist, philologist, geographer, sociologist, culture expert, ecologist, psychologist, religious scholar. The sense of historical perspective and scientific insight never betrayed him, and therefore, perhaps, he, like no one else, is still awakening the thought and extending the horizons of the world outlook, obscured by stereotypes and blinded with commonplaces and stamps. The main attention of the author of the article is focused on Klyuchevsky's innovations, which have efficiently changed the principles and methods of theoretical knowledge in the field of social sciences.

Key words: culture; civilization; philosophy of history; historiosophical outlook; integration of human sciences; historical and sociocultural dynamics; integration of sciences; system of values; scientific synthesis; historical integrity; interaction and mutual influence of material and spiritual culture; sense of historical perspective; scientific insight; futurology.

Обращаясь к богатейшему наследию В. О. Ключевского, каждый раз находишь в сочинениях этого классика нашей исторической науки нечто такое, что представляешь его изобретателем машины времени, на которой он волшебным образом путешествовал в прошлое и, доплыв до нужной эпохи, выставлял как из подводной лодки, перископ и получал не только картинку, но и всю сопутствующую информацию. Отсюда такая поразительная точность в передаче им духа и примет времени. Ну, а умение по мелочам, деталям ухватить главное, суть – это у него от Бога.

Наследуя М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, К. Д. Кавелину, Б. Н. Чичерину, В. О. Ключевский, тем не менее, везде первичен, ибо не вторит им, а всегда говорит собственным голосом, на всё имеет свое мнение.

Вопросов, которые возникают в связи с Ключевским, не меньше, чем загадок и тайн, которые он оставил. Но главная интрига, пожалуй, состоит в его вечной актуальности. Пожалуй, из всех перечисленных мэтров отечественной истории с добавлением к ним одного из самых сегодня популярных Н. И. Костомарова, Ключевский единственный, кто ни в коей мере не устарел. Достаточно привести в качестве примера всего несколько из россыпи его знаменитых афоризмов:

Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.

Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога! Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет.

В России центр на периферии.

Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары.

Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон [Тайны истории 1994, с. 14].

Не правда ли, впечатление такое, что всё это сказано будто здесь и сейчас и не мыслителем-острословом, жившим сто лет назад, а нашим мудрым современником? В этом весь Ключевский.

Сегодня интеграция гуманитарных наук – императив и норма, но Ключевский в этом отношении чувствовал себя абсолютно свободно и не стесненно и в свое время. Едва ли не всё, что им создано, междисциплинарно, и сам он служил не только любимой музе Клио, но и курировавшей философию Каллиопе, совмещал в себе экономиста, филолога, географа, социолога, культуролога, эколога, психолога, религиоведа...

Ключевский – мощный концептуалист и демонстрирует в своих трудах как глубину мысли, так и широкий историософский кругозор. Его интересует, как, из каких зерен развивалась русская история; какие периоды, эпохи, цивилизации, культуры в ней прослеживаются; насколько укладывается она в общую схему, и что собой эта схема представляет. В своих базовых работах Ключевский, вопреки закрепившемуся в научной литературе мнению, вовсе не ограничен детерминацией экономики. Этим ему «удружила» советская историография, пытаясь легализовать взгляды «буржуазного» историка, подведя их под учение Маркса. Алгоритм философии истории Ключевского выходит далеко за эти узкие рамки и включает всеобъемлющую систему ценностей, в основе которой тесное взаимодействие материальной и духовной культуры. Как исследователь он, как бы мы сказали сегодня, выбирает опции, предоставленные разными историческими и гуманитарными дисциплинами и не только оперирует освоенными к тому времени приемами научной работы, но и опробует новые. В этом смысле В. О. Ключевский приобщает нас к не менее богатому и теоретически оригинальному достоянию мысли, чем, к примеру, социокультура П. А. Сорокина. Реконструкция В. О. Ключевским русского прошлого являет собой уникальную историческую целостность, выступающую как совокупность экономических, религиозных, политических, философских, социальных, идейных, научных, литературно-художественных (архитектура, скульптура, живопись, музыка и др.) и т.п. накоплений и конструкторов, составляющих в сумме систему приоритетов и определяющих основной вектор культуры и цивилизации и соотношения между ними. Именно этому новаторскому вкладу историка в науку и посвящена настоящая статья, основное внимание в которой сосредоточено на новациях великого историка, качественно изменивших принципы и методы теоретического знания в сфере общественных наук.

Историческая и социокультурная динамика переданы Ключевским настолько во всеоружии самых горячих и теперь, по прошествии стольких лет, методов исследования и осмысления общественного бытия и при таком минимуме описательности и статистики, что отрицать науковедческие достижения и активы автора знаменитого «Курса русской истории» не приходится, пусть даже они не всегда им обозначены и сформулированы. Кстати, любопытно было бы представить, как выглядел бы в его исполнении трафаретный УМКД (учебно-методический комплекс дисциплины) по отечественной истории, доведись ему, ни дай Боже, его заполнять.

Историю культуры и цивилизации Ключевский обобщает в схему социально-исторического процесса, методологически понимаемого им как симбиоз исторического и социологического и именуемого исторической социологией. Только так, по его разумению, правомерно подступать с научной меркой к необозримо разнообразным явлениям человеческой жизни. «Все эти явления, – считает Ключевский, – складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приемы и характер, однако, отлагается нечто более твердое и устойчивое: это – известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим» [Ключевский 1987, с. 34].

Культуру «в волнистом потоке исторической жизни» Ключевский рассматривал как целостность и во внутренней увязке с духовным миром человека: «Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой – устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, – словом, выработка человека и человеческого общежития <...>. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его *культурой* ... признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, *истории культуры*...» [Ключевский 1987, с. 34–35].

В арсенале В. О. Ключевского множество опережающих время исследовательских приемов. Так, он свободно применяет «соединение

научных сил», обобщение фактуальной информации об объектах, т. е., говоря современным языком, практикует не что иное, как научный синтез: «Научная мысль, – утверждает он, – не может долго выдерживать спорадическое центробежное направление и в себе самой найдет искомый синтез, свой центр тяготения» [Ключевский 1903, с. 7–12].

«Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, – отмечал Ключевский, – не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображён в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы» [Ключевский 1987, с. 35–36].

«Мы, – считает он, – не привыкли обращать должного внимания на многие явления, из которых слагается внутренняя история человека, и – именно на те явления, которые возникают из обыкновенных, самых простых причин, производят в нас незаметную, неосознаваемую работу и уж только результат дают нашему сознанию. Удивительно ли, что в нас иногда обнаруживается так много непонятого для нас самих, неожиданного, чудесного. Каждая дума, ощущение, каждая сцена, пронесшаяся перед глазами, оставляет след в душе, не всегда создаваемый; а из суммы таких следов слагается известное настроение, даже взгляд. Если для образования известного характера необходим выбор подходящих к нему впечатлений, то этот выбор невозможен без предварительного изучения свойств и причин впечатлений, наиболее обыкновенных и часто возникающих, а также и условий, при которых они действуют на человека известным образом» [Ключевский 1990, с. 280–281].

В настоящее время в научном мире Василию Осиповичу заслуженно отдается дань не только как великому историку, но и выдающемуся философу, корифею литературы, мастеру словесности, остроумному афористу и парадоксалисту, неординарность оценок которого часто направляла науку в неожиданное русло – одним словом, человеку необъятного творческого потенциала. Как по-настоящему талантливая личность он был талантлив во всем.

Из ХХІ столетия Ключевский видится как человек Серебряного века. Он чутко воспринял лучшие и самые высокие гуманистические идеи и идеалы своего времени и создал художественно-интеллектуальную историю, органично вписывающуюся в сокровищницу русского религиозно-философского ренессанса.

Но, строго говоря, сам Василий Осипович считал своим не ХХ, а ХІХ столетие, и его принадлежность к людям 60-х гг., или «шестидесятникам», конечно, безусловна. Более того, он признавался, что в ХХ век попал по ошибке, недолюбливал его, потому что пророчески прозревал грядущие и уже близкие угрозы и потрясения, с которыми не мог примириться. Он принадлежит к числу тех оракулов России, которые профетически предсказали новую Смуту, крах царской власти и одновременно государственности. В частности, он совершенно точно прогнозировал, что Николай II – последний государь, а его сыну Алексею царствовать не суждено; что династия Романовых «вымрет раньше, чем перестанет быть нужной»; что бесцарствие обернется несчастьем для России и ее народа; что страну ждут трагические времена, под которыми, по-видимому, историк подразумевал революцию и кровопролитную Гражданскую войну.

В. О. Ключевский из тех историков, у которых был редкий дар, изучая прошлое, заглядывать в будущее. Оно его волновало. Он тревожно всматривался в него, оценивал нравственные идеалы народа, глубоко задумывался о понятиях добра и зла, сострадания, любви к ближнему, чувства долга, ответственности потомков перед великими предками и, наоборот, старших поколений перед младшими, и все это было для него не отвлеченной этикой, а живой историей [Соловьев 2015, с. 39].

Фурурология Ключевского распространялась и на судьбы всего человечества. Так, он уверенно предвещал, что научно-технический прогресс неминуемо приведет не столько к благоденствию, сколько к свержению устоев общества, росту агрессии, милитаризации, и армии мира будут оснащены поражающими средствами, которые поставят им «учебники химии и лаборатории», т. е. ученый вполне определенно предупреждает, что на смену пороховым снарядам придет страшное оружие массового поражения.

Василия Осиповича Ключевского с полным правом можно назвать духовным пастырем русской нации и причислить к сонму писателей,

поэтов, художников, композиторов, ученых, по которым страна и народ проверяют свое движение вперед. Причина, по которой он не забыл, универсальное объяснение им происходивших в минувшие эпохи и новейших событий и общественных процессов. Его интеллект не только постигал и извлекал истину из запутанного клубка отвлеченных споров, но и поражал широтой осмысления и глубиной познания. Холодный скепсис и трезвый взгляд на вещи оберегали его от романтических заблуждений, что мир может изменить добрая воля. В цепочке умозаключений и логических рассуждений Ключевского нет слабых звеньев. Главный критерий, который открывает ему природу общества, конкретная реальность. Он излагал то, что думал, в оптимальной форме, невольно следуя за девизом Томаса Карлейля: «Язык есть тело мысли», но делал это независимо от своего именитого английского коллеги, ибо придерживался собственной шкалы ценностей и принципов научной верификации, на которые наводила дарованная ему боговдохновенность. Сами того не ведая, мы обозначаем словами Ключевского не только многое из того, что было и давно осталось позади, в архиве истории, но и немало из сегодняшней действительности. Ведь чувство исторической перспективы и науковедческая проницательность никогда не изменяли ему, и потому, пожалуй, он, как никто другой, до сих пор будит мысль и раздвигает «зашоренные» стереотипами и «зашлакованные» общими местами и штампами горизонты мировоззрения.

Ключевский с большой осторожностью коррелировал реальное историческое пространство и настоящее, не перенося сегодняшние линии исторического развития ни на прошлое, ни на будущее. Отказом создать некую универсальную теорию истории, воздержанием от произвольных построений в духе мутнящего рациональное и здоровое в науке и обесмысливающего ее постмодернизма В. О. Ключевский подчеркнуто дистанцировался от присущего многим его современникам и потомкам претенциозно-утопического стремления найти ключ к абсолютному и конечному познанию человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ключевский В. О.* Дневники и дневниковые записи // Соч. : в 9 т. Т. IX. М. : Мысль, 1990. 525 с.
- Ключевский В. О.* Задачи научной популяризации // Научное слово. 1903. № 1. С. 7–12.

- Ключевский В. О.* Лекция I. Курс русской истории // Соч. : в 9 т. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 430 с.
- Соловьев В. М.* В. О. Ключевский как историк и философ культуры // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2015. Вып. 27. Ч. 2. С. 38–48.
- Тайны истории. М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний / сост., вступ. ст., комм. В. М. Соловьева. М. : Высшая школа, 1994. 239 с.

УДК 101

В. А. Васильев

доктор философских наук, профессор,
проф. каф. философских наук МГЛУ;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье рассматриваются социальные, гносеологические и методологические основания философии постмодернизма. Исследуются философские категории «монизм» и «плюрализм» как важные исходные положения осмысления методологии постмодернизма.

Ключевые слова: гиперреальность; методология; монизм; плюрализм; единство; хаос.

V. A. Vasiliev

Doctor of Philosophy (Dr.habil.), Professor,
Department of Philosophy, MSLU;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

METHODOLOGY OF POSTMODERNIST PHILOSOPHY

The article analyzes the social, gnoseological and methodological basis of postmodernist philosophy. The conducted research focuses on such philosophical concepts as pluralism and monism, which play a crucial role in the understanding of postmodernist philosophy.

Key words: hyperreality; methodology; monism; pluralism; unity; chaos.

На протяжении истории философии шла и сейчас продолжается борьба мнений о соотношении единого и многого, структурности и хаоса, части и целого. В философии утверждались монистический и плюралистический принципы объяснения природного и социального бытия в его единстве и многообразии. Сегодня данные вопросы в методологическом и гносеологическом, мировоззренческом и аксиологическом аспектах приобрели особую значимость, находят свое противостояние между классической и постмодернистской методологией.

Как философское и культурологическое явление постмодернизм сложился во второй половине XX в. По своему содержанию эта парадигма противопоставляется мировоззренческим установкам модерна, порожденного периодами Просвещения, Нового времени. Если представители модерна верили в общественный прогресс, безграничные возможности человеческого разума и науки, то философы постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ф. Фуко и др.) отрицают единство социального бытия, закономерности человеческой истории. С их точки зрения, мир хаотичен и не поддается разумному объяснению.

Постмодернизм претендует на роль квинтэссенции современной философской мысли, вобрав в себя идеи прагматизма и экзистенциализма, психоанализа и герменевтики, эмпирического релятивизма и гносеологического субъективизма. Тем самым философия постмодернизма эклектична и не предстает как целостное монистическое учение.

Появление философии постмодернизма имеет социальные условия. Ими являются последствия научно-технической революции и особенности формирования постиндустриального общества с его массовым потреблением. «Мы находимся на той стадии, когда “потребление” охватывают всю жизнь» [Бодрийяр 2006, с. 9]. В результате развития компьютерных технологий объективная реальность подменяется виртуальной, в которой осуществляется финансовая деятельность, продажа товаров и т. п. Витрины, фирмы-производители, СМИ навязывают человеку свое понимание социальных ценностей, которые часто не отвечают его реальным потребностям. Реклама проникает в наше сознание, формирует его, а то и деформирует, как в плохих научно-фантастических романах. Формируется, по определению Ж. Бодрийяра, «гиперреальность», т. е. символическое отражение действительности, в которой социальные отношения подменяются знаками-символами. Создается искусственная среда обитания, в которой люди разъединены. Они думают в одиночестве, поют, едят одни, разговаривают сами с собой и не пытаются объединиться. Все захвачены страстным напряжением своих безличных ролей. «Америка – не сновидение, не реальность, Америка – гиперреальность» [Бодрийяр 2000, с. 94].

Постмодернизм Ги Дебор называет современное общество «Обществом спектакля», в котором люди живут в каком-то иллюзорном

мире, играют навязанные им роли. В «Обществе-спектакле» реальность больше не существует, ее подменяет шоу-бизнес, шоу-политика. В обществе отсутствует единство, оно хаотично.

Делёзом Ж. и Гваттари Ф. вводится в постмодернистскую философию понятие «ризомы» (*фр.* Rhizome – «корневище»). Заимствованный термин из биологии используется ими для определения бессистемности, бесструктурности бытия. Общество предстает как запутанная корневая система, в которой неразличимы отдельные отростки, побеги. Что-то отмирает, что-то появляется, не объединяясь в некую целостную систему. Если классическая рациональность изображала природный и социальный мир в его целостности, в виде дерева с единой корневой системой, то «ризомы» предстает как отсутствие структуры, единого системообразующего корня.

Представители постмодернизма игнорируют традиционно присущие классической философии такие важные категории, как *субстанция, монизм, структурность, детерминизм* и др. Ими многообразие рассматривается вне субстанциональной связи с единством. В решении методологических проблем монистическому принципу противопоставляется плюрализм, истинному рациональному познанию – гносеологический релятивизм и т. п. Таким образом, методология постмодернизма выстраивается на отрицании единства бытия, которое изображается аморфным, текучем, исключаяющим структурность. В результате возник новый стиль рефлексии и анализа действительности, где предпочтение отдается не постоянству процессов, а их нестабильности, изменчивости. Ценятся не абстрактно-общие, а конкретно-индивидуальные опытные данные, познание которых не поддается рациональным обобщениям, выделению общей сущности, повторяемости, а, следовательно, выявлению закономерностей. Как утверждает Бодрийяр, мы живем в мире «симулякров» (*лат.* simulacrum), т. е. видимости, подобия реальности. «Это фантом сознания, кажимость, то что воспроизводит образ объекта вне его субстанциональных свойств» [Бодрийяр 2000, с. 95]. Хаос доминирует в природной и социальной реальности, уйти от которого или преодолеть его просто невозможно. «Все, что нам нужно, – немного порядка, чтобы защититься от хаоса» [Делез, Гваттари 2009, с. 232]

Хаос рассматривается философами постмодернизма как нечто неорганизованное, разрушительное, неструктурное. Подобное

мировоззренческое понимание хаоса находит свое отражение в их методологии, что вступает в противоречие с достижениями постнеклассической науки, в частности синергетики. Ее предметом являются открытые, саморазвивающиеся системы: природа, общество, человек, познавательный процесс, информационные системы и т. п. Основоположники синергетики Г. Хаккен, И. Пригожин предложили принципиально новый подход к объяснению сложных процессов, которые могут иметь переход от системности к хаосу, от хаоса к порядку. Хаос и порядок – это противоположности, которые взаимосвязаны и влияют друг на друга. Сложные системы развиваются не только от их структурированности и цельности – к беспорядку, но и от хаоса – к самоорганизации; хаос и гармония взаимодействуют и переходят друг в друга. Хаос – это нормальное состояние саморазвивающейся системы. Хаос обладает созидющим началом. Посредством него простые структуры объединяются в сложные. Порядок и беспорядок возникают и существуют одновременно. В развитии системы значительную роль играет многообразие внутренних и внешних, необходимых и случайных противоречий. Возможности синергетики способствуют более глубокому исследованию сложных систем в их единстве и противостоянии множества связей, формируя гибкий стиль мышления в философии и науке.

Абсолютизация неопределенности, хаотичности выражает провозглашенный Делёзом и Гваттари лозунг: «Война целому, война единству!».

В методологическом отношении принципу монизма противопоставляется принцип плюрализма, который, по определению постмодернистов, в большей мере отражает хаотичность, расчлененность, неорганизованность процессов современного мира. На место классической рациональной методологии, которая выявляет единую субстанцию, общие причинно-следственные связи выдвигается хаотично-плюралистическая картина мира.

Дилемма плюрализм – монизм требует своего переосмысления, ибо отражает важное субстанциональное понимание природного и социального бытия: единая субстанция, единая первооснова или множество субстанций. Необходимо учитывать не только количество имеющихся в обосновании объективной реальности субстанций, но и общепhilософский метод в решении проблемы единства и многообразия мира.

Этому важному методологическому положению исследования плюрализма недостаточно внимания уделяется в постмодернистской методологии.

Что же следует понимать под плюрализмом как философским принципом?

Чтобы определить то или иное понятие, необходимо раскрыть его содержание. Любое понятие должно отражать существенные характеристики предмета. Есть такие наиболее широкие понятия, которые можно раскрыть посредством противопоставления другим, противоположным по смыслу понятиям: материя – сознание, причина – следствие и т. п. Говоря о плюрализме, мы имеем дело с утверждением о многообразии, множественности каких-то материальных или духовных явлений, сущностей. Но в то же время всё многообразие отдельно рассматриваемых явлений, предметов, элементов составляет нечто единое, соотносится с другими предметами, воздействует на них, объединяется в иные целостности. Простая констатация факта многообразия духовных или материальных процессов еще не дает понимания плюрализма как философского принципа, а только подводит нас к возможности его определения. Плюрализм как философский принцип отражает объективную множественность, реальное многообразие и с необходимостью предполагает единство как свою противоположность. Это противоположное плюрализму единое само состоит из многих элементов, частей, взаимосвязей, противоречий. Здесь выражается объективная связь формирования единого как совокупности многообразного. Отношение «взаимоисключения», как выражение противоборства множества противоположностей, является важнейшим условием противоречий, которые не существуют без своего внутреннего основания – единства. Поэтому, давая определение плюрализму, мы противопоставляем его иному по смыслу понятию – «монизм». Посредством их сравнения можно определить содержание плюрализма как философского принципа. Каждое из противоположных понятий – единство и множество, монизм и плюрализм – не только взаимно отрицают друг друга, но и утверждают нечто новое. Множество противопоставляет себя единству, единому как противоположность одного с ним предмета. И «отвергая» единство, «удаляясь» от него, множественность в то же время нуждается в своем фундаменте. Невозможно преодолеть внутреннюю взаимосвязь многообразия, которая осуществляется в рамках единого целого.

Единство многообразия – это имманентная взаимная определенность. Анализ слов «единство» и «многообразие» уже несет в себе смысловую нагрузку, выражает взаимную связь данных определений. Каждое из них предполагает свой антипод, характеризует один и тот же предмет с различных сторон. У каждого предмета может быть множество проявлений, но у них есть единство. Единое внутренне противоречиво в результате взаимосвязей, взаимозависимости его многих элементов, сторон, граней. Многообразие выступает содержанием, структурностью единого, означает его расчлененность. Предмет приобретает «двойственность»: он тождествен себе и вместе с тем многообразен, внутренне противоречив.

Многообразие определяет единое так же, как единое определяет составляющее его многообразие. Это такие взаимодействия, которые не существуют друг без друга. Они подтверждают древнее изречение: одно есть многое и многое есть едино. В диалектической логике плюрализм как философский принцип выступает составным элементом единого. Плюрализм как методологический прием исследования отражает относительную автономность предметов, процессов. Основанием их автономности выступают качество, различия, противоречия, делающие данную систему отличной от иных. Однако как бы предметы не отличались своей особенностью, между ними существует также сходство, единство, общность. Догматически понимаемый плюрализм фиксирует относительную изолированность вещи, ее качественную определенность. Диалектически усвоенный плюрализм учитывает самодостаточность предмета как одну из противоречивых сторон единства. Эти принципы дополняют друг друга, способствуя формированию объективного знания. С одной стороны, плюрализм противоположен монизму, поскольку фиксирует дифференциацию, особенность, разобщенность предметов. С другой стороны, он отражает богатство внутренних и внешних связей, которые формируют, налаживают функционирование и изменение состояния предмета, несут в себе их тенденцию к взаимодействию, интеграции. Принцип плюрализма и монизма характеризуют один и тот же предмет с разных позиций: то ли внутреннюю расчлененность предмета, то ли единую нераздельную его сущность. Данное различие в отображении предмета предполагает тождество. Принцип плюрализма может преувеличивать значение многообразия, игнорируя при этом единство. В этом случае он применяется догматически, разрывая внутреннюю природу

единства многообразия. Абсолютизация плюрализма или монизма приводит к одностороннему восприятию реальности.

Не претендуя на бесспорность своих суждений, думаем, что плюрализм как философский принцип – это отражение многих внутренних и внешних связей противоречивого единства. Принципы плюрализма и монизма взаимно предполагают друг друга, отражая разные противоположности единого и многообразного мира [Васильев 2014, с. 106–117]. Понимание плюрализма как важного, наряду с монизмом, философского принципа дает возможность сделать следующие выводы.

Во-первых, философский плюрализм выступает показателем духовного содержания любой эпохи, общечеловеческой культуры, отражая разнообразие философских школ, учений, полемизирующих друг с другом, борющихся за идейное влияние на различные социальные слои общества. Разные по своим мировоззренческим позициям, онтологическому и гносеологическому обоснованию философские учения предстают как органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов. Во всем многообразии своего внутреннего богатства философия развивается в рамках единого человеческого познания, единой мировой культуры.

Во-вторых, плюрализм как философский принцип наряду с монизмом выполняет методологическую функцию при решении проблемы единства и многообразия мира. Их нельзя отрывать друг от друга. Абсолютизация плюрализма или монизма приводит к одностороннему восприятию реальности, когда за «лесом не замечаем деревьев» или «за деревьями не видим леса».

В-третьих, понимание плюрализма как философского принципа позволяет по-новому осмыслить те философские и социальные учения, к которым порой применяется жесткий формально-логический критерий: данное учение монистическое или плюралистическое (дуалистическое). Подобная классификация оставляет без должного внимания то положение, что в рамках одного учения философ может использовать два этих принципа, т. е. монистически выстраивать учение, признавая внутреннюю однородность мира, и использовать принцип плюрализма (дуализма) в своих предположениях о началах бытия вещей.

Плюралистическое и монистическое видение проблем онтологии часто совмещается в философских системах, имеющих противоположную мировоззренческую направленность. Так, древнегреческий

философ Эмпедокл выдвинул материалистическое и монистическое объяснение единства природы. Однако рассмотрение единства, состоящего из многих «корней», или качественно самостоятельных элементов (земля, вода, огонь, воздух), включало в себя плюралистическое восприятие единства мира в его многообразных первоначалах. Представители атомарного материализма – Левкипп, Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар, в отличие от элеатов, которые стремились обосновать единство мира всегда себе равного и независимого в своей сущности, обращали внимание на противоположную сторону единства – на многообразие. Принцип монизма дополняется плюрализмом. Атомов, как субстанциональных основ бытия, существует бесконечное множество. Они отличаются друг от друга формой, порядком, положением, величиной, тяжестью и представляют в своем меняющемся сочетании первооснову материальных и духовных образований. Признается также самостоятельное бытие – пустота, пространство, благодаря которому атомы могут передвигаться, находиться в движении. Тем самым монистический принцип не исключает признания двух самостоятельных начал бытия – пространства и материальные тела, а также использования плюралистического принципа, отражающего бесконечное множество атомов.

Древнегреческий мыслитель Платон высказывает диалектическую мысль о взаимосвязи единичного и многого, общего и отдельного. В «Пармениде» показывается, что многообразие приобретает свою сущность лишь при сопоставлении с единым. «Если единое не существует, то ничто из иного не может мыслиться ни как одно, ни как многое, потому что без единого мыслить многое невозможно... Если единое не существует, то и иное не существует и его нельзя мыслить ни как единое, ни как многое» [Платон 1970, с. 477].

За крупнейшим французским мыслителем Р. Декартом прочно утвердилась в философской литературе характеристика как классического представителя дуализма. Действительно, Декарт считал, что невозможно вывести всё многообразие материального и духовного мира из какой-либо одной субстанции – материальной или идеальной. С его точки зрения, следует признать материальную субстанцию, которая характеризуется протяженностью, и духовную, которая характеризуется мышлением. Эти субстанции не зависят друг от друга. Чтобы преодолеть подобный дуализм, Декарт вынужден прибегнуть

к третьему субстанциональному началу, которое объединяло бы материальные и духовные образования. Таким субстанциональным началом выступает Бог. Тем самым дуалистический принцип дополняется монизмом, основанием которого является божественная первопричина всего сущего.

Учение нидерландского философа Б. Спинозы характеризуется отечественными авторами как монистическое и материалистическое. Но остается без внимания плюралистическое положение, которое используется этим ученым при объяснении проблемы единства и многообразия мира. Спиноза предпринял попытку объяснить целостность природы, генезис всех явлений. Он занимался исследованием «относительно того, каким образом каждая отдельная часть природы согласуется с ее целым и как она сцеплена с остальными частями», «каким образом вещи начали существовать и в какого рода зависимости они находятся от первопричины», т. е. субстанции [Спиноза 1957, с. 407, 509].

Субстанция как причина самой себя наделяется бесконечным множеством атрибутов как неотъемлемых, существенных, неизменных ее признаков, свойств. Придерживаясь монистического подхода в вопросе о происхождении вещей и об отношении к единой субстанции, Спиноза выступает самым решительным плюралистом в своей теории бесконечного множества атрибутов, каждый из которых обозначает собой целый обособленный мир, ни в чем не сходный с мирами других атрибутов.

В учебной и справочной литературе по философии можно прочитать, что классическим представителем методологического плюрализма является Г. В. Лейбниц. Его философская система служит наглядным примером плюралистического толкования действительности, в которой всё качественно неповторимо и изолированно друг от друга. Действительно, Лейбниц с помощью плюралистического принципа пытается преодолеть дуализм картезианской философии и учение Спинозы о единой субстанции с ее бесконечными атрибутами и модусами. С точки зрения Лейбница, мир состоит не из сплошного вещества, а представляет собой совокупность разнообразных качеств. Материя в силу ее протяженности и делимости не способна выступать субстанциональной основой. Многообразие материального и духовного мира возможно определить не из одной или двух субстанций, а из множества субстанций. Такой многочисленной субстанциональной

основой бытия выступают духовные сущности – монады. Это своего рода «души», содержащие внутреннюю силу, способность к активным действиям. Монады индивидуальны, замкнуты в вещах и независимы друг от друга. Исключительность монад определяет многообразие мира. Тем самым монадология Лейбница раскрывается как плюралистическая концепция активно действующих субстанций – монад. Единая природа делится Лейбницем на изолированные самостоятельные явления, но в то же время их внутренняя обособленность объединяется в целостность и гармонию единым духовным началом – Богом. В концепции немецкого философа и просветителя преодолевается дуализм Декарта: восходящий ряд субстанций и божественная первопричина венчает всю систему монистического плюрализма.

Таким образом, принципы *плюрализм* и *монизм* имеют общие онтологические, гносеологические, методологические основания.

В онтологическом отношении монизм и плюрализм имеют общий объект исследования – единство и многообразие мира природного, социального, духовного. В гносеологическом отношении отражается представление ученого о предмете исследования, представлена объективность научных фактов и теорий, определенность и однозначность понятий и суждений, логическая последовательность изложения научного знания. Поскольку предмет научного поиска сложен, противоречив, то конкретность истины складывается из совокупности многих определений. В методологическом отношении ученый обладает свободой выбора приемов исследования, которые, однако, должны соответствовать предмету исследования. Известное методологическое положение гласит: не только конечный результат, но и путь к нему должны быть истинными.

Представители философии постмодернизма предпочитают понятие «хаос» понятию «единство», абсолютизируют принцип плюрализма. Однако монизм не исключает применения принципа плюрализма (дуализма), а принцип плюрализма, в свою очередь, вполне вписывается в рамки монистического видения мира. Монизм и плюрализм – это соотносимые принципы, в которых отражается единство и многообразие бытия, способствуя объективному познанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрийяр Ж. Общество потребления : пер. с фр. М. : Республика, 2006. 269 с.

Бодрийяр Ж. Америка : пер. с фр. СПб. : Вл. Даль, 2000. 205 с.

Васильев В. А. Плюрализм: проблемы старые и новые // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 106–118.

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? : пер. с фр. М. : Академия Проект, 2009. 261 с.

Платон. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1970. Т. 2. 512 с.

Спиноза Б. Избр. произ. : в 2 т. М. : Политиздат, 1957. Т. 2. 634 с.

УДК 81'119

В. М. Костева

кандидат филологических наук, доцент,
Советник по внешним связям, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»;
e-mail: vmkosteva@gmail.com

«ТОТАЛИТАРНАЯ ЛИНГВИСТИКА» И ЕЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Статья посвящена лингвистике в тоталитарных государствах, для которой автор использует термин «тоталитарная лингвистика». В статье анализируются понятия, а также термины, входящие в «парадигму тоталитарного». Философской базой исследования является учение М. Фуко, в соответствии с которым «тоталитарная лингвистика» понимается как совокупность определенных дискурсивных практик, которые приводят к идентичным результатам в языковой политике и определяют приоритетные научные направления в языкознании.

Ключевые слова: тоталитаризм; тоталитарная культура; тоталитарное искусство; эпистема; дискурсивная практика; «тоталитарная лингвистика»; концептуальная метафора; мерцающая парадигма; языковая политика.

V. M. Kosteva

PhD (Philology), Associate Professor,
Adviser on foreign ties, Pushkin State University of Russian;
e-mail: vmkosteva@gmail.com

“TOTALITARIAN LINGUISTICS” AND ITS DISCURSIVE PRACTICES

The article is devoted to linguistics in totalitarian states, for which the author uses the term “totalitarian linguistics”. The paper provides analysis of the concepts and terms belonging to the totalitarian paradigm. Research is based on the ideas of M. Foucault, in accordance with which the “totalitarian linguistics” is considered as a set of specific discursive practices which lead to similar results in language policy and determine primary scientific directions in linguistics.

Key words: totalitarianism; totalitarian culture; totalitarian art; episteme; a discursive practice; conceptual metaphor; shimmering paradigm; language policy.

Рост интереса к тоталитарным обществам был особенно заметным в конце прошлого века после падения большинства тоталитарных режимов Европы и Азии. Несмотря на прошедшие несколько десятилетий, тема тоталитаризма по-прежнему является актуальной и становится предметом исследований российских и зарубежных ученых,

работающих в области политологии, истории, историографии, культурологии и т. д. Отметим, что как многие политико-философские категории, понятия *тоталитарность*, *тоталитаризм* не являются абсолютно признанными в мире и часто становятся предметом дискуссий. Особенно острая полемика связана с концептуальностью данных терминов и их проецированием на общественные явления и институты власти.

Тем не менее в литературе по общественно-политической тематике термины, входящие в тоталитарную парадигму, имели широкое распространение. В качестве примера можно привести данные Интернета: при запросе *тоталитарное государство* мы находим два млн ответов, не менее часто используются сочетания *тоталитарный язык* (2 млн) и *тоталитарная секта* (757 тыс.).

В базе диссертационных исследований dissercat.ru (www.dissercat.com) содержится 8157 научных работ, связанных с исследованием различных аспектов тоталитарности: *тоталитарного государства*, *тоталитарного общества*, *тоталитарной личности*, *тоталитарного сознания*, *тоталитарного типа*, *тоталитарного дискурса*, *тоталитарного языка* и др.

Таким образом, есть все основания утверждать, что термины парадигмы тоталитарного являются составной частью современного мировоззрения, и в современную политическую семантику они вошли с однозначно отрицательной коннотацией.

В рамках научно-исследовательских работ по агрессивному дискурсу особое место занимает изучение существования отдельной отрасли научного знания в условиях тоталитарного общества, так как агрессивность тоталитаризма не вызывает сомнений и доказывается многочисленными научными трудами и научно-популярными произведениями.

На сегодняшний день к наиболее изученным областям общественной жизни относится положение культуры в тоталитарном обществе, которая, по определению автора И. В. Кондакова [Кондаков 1998], предстает как официальная культура тоталитарных режимов, исторически сложившихся в 1920–1930-е и 1940–1950-е гг. К ее доминирующим признакам относятся:

- жесткая управляемость «сверху» и опора на массовый энтузиазм «снизу»;
- политико-идеологическая заданность, клишированность форм и апелляция к простейшим архетипам архаического сознания;

– преданность правящему режиму и его вождям, и в то же время псевдодемократизм, выражающийся в поэтизации безликого «простого человека» из народа, безудержная апологетика самих народных масс как воплощения вековой мудрости.

Проявление тоталитарности в искусстве автор видит, прежде всего, в насилии, которое выражается в «селекции» (в авторской терминологии) деятелей культуры, в контроле их как со стороны власти, так и народных масс; превращение их либо в элиту общества, либо категорию «отверженных» (в авторской терминологии) [Кондаков 1998, с. 260–264].

Следующим примером описания функционирования определенной области человеческого бытия в обществе с тоталитарным политическим устройством является тоталитарное искусство, исследованию которого посвящена книга И. Н. Голомштока «Тоталитарное искусство» [Голомшток 1994], где автор сравнивает искусство СССР периода правления И. В. Сталина и гитлеровской Германии. Сравнительный анализ, проведенный исследователем, позволил выделить фундаментальные основы тоталитарного искусства, которые закладываются тогда, когда «партийное государство:

1) объявляет искусство (как и область культуры в целом) орудием своей идеологии и средством борьбы за власть;

2) монополизирует все формы и средства художественной жизни страны;

3) создает всеохватывающий аппарат контроля и управления искусством;

4) из всего многообразия тенденций, существующих в данный момент в искусстве, выбирает одну, наиболее отвечающую его целям (и всегда наиболее консервативную), и объявляет ее официальной, единственной и общеобязательной;

5) начинает и доводит до конца борьбу со всеми стилями и тенденциями в искусстве, отличными от официального, объявляя их реакционными и враждебными классу, расе, народу, партии, государству, человечеству, социальному или художественному прогрессу и т. д.» [Голомшток 1994, с. 11].

Таким образом, под тоталитарной культурой и тоталитарным искусством исследователи понимают искусство и культуру, развивающиеся в условиях тоталитаризма, содержание и распространение которых регулируются и контролируются партийными и государственными

органами, рассматривающими эти области как часть государственной идеологии.

Безусловно, тоталитарность общества накладывает определенный отпечаток на развитие той или иной отрасли знания, поэтому для научных исследований в филологической области интерес представляет изучение положения лингвистики и лингвистов в тоталитарном обществе.

Приступая к исследованию лингвистики в тоталитарных государствах XX века, а именно – СССР (1923–1953), Германии (1933–1945), Италии (1922–1943), Испании (1933–1975), Албании (1941–1985), Румынии (1948–1989) и Китая (1949–1976), нами были поставлены несколько важных вопросов, ответы на которые позволили выдвинуть рабочую гипотезу, заключающуюся в том, что тоталитарный режим, независимо от своих временных рамок и географического положения, порождает особую лингвистику, обладающую набором определенных признаков, позволяющих отнести ее к тоталитарному типу в духе действующей политической семантики. Для этой лингвистики мы использовали термин «тоталитарная лингвистика».

В ряде работ, предшествующих данной статье, мы обосновали правомерность этого термина, провели анализ возникновения термина «тоталитарный» в диахроническом аспекте, выявили принадлежность «тоталитарной лингвистики» к политическому, агрессивному дискурсам и дискурсу власти [Костева 2013; 2014].

Философской базой проведенного исследования явилась теория Мишеля Фуко (1926–1984), ее такие основные понятия, как эпистема (*фр. épistémè*) и дискурсивные практики (*фр. pratiques discursives*).

В целом, под эпистемой Фуко понимает «обусловленное исторически культурно-когнитивное априори», определяющее условия возможности любого знания, проявляется ли оно в теории или незримо присутствует в практике» [Визгин 2010]. Под эпистемой понимается также «совокупность правил и отношений в конкретных месте и времени, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания» [Автономова, с. 11]. В этой связи можно сопоставить данные резюме с определением самого философа: «Эпистема является чем-то в роде мировоззрения или образа мира, отрезком тотальной истории всех видов знания, которая навязывает им единые нормы и положения» [Фуко 1994, с. 189]. Эпистема включает набор

дискурсивных практик, создающих аппарат производства знания [Автономова 1994, с. 11].

Безусловно, лингвистику с полным основанием можно причислить к исторической форме культуры и знания. Следовательно, ее существование регулируется определенными дискурсивными практиками.

Исходя из данного положения, «тоталитарная» лингвистика может быть представлена как совокупность дискурсивных практик, которые составляют «тоталитарность» лингвистики и являются типичными для лингвистики большинства тоталитарных режимов, в том числе для анализируемых нами стран. В своей совокупности реализации дискурсивные практики в тоталитарных государствах приводят к идентичным результатам проводимой языковой политики и определяют приоритетные научные направления языкознания. Их набор создает некую парадигму «лингвистического тоталитаризма», которая может проявляться с различной интенсивностью в зависимости от степени тоталитаризации государства и условий развития языкознания в той или иной стране.

Оговорим использование кавычек в отношении «тоталитарной лингвистики». Очевидно, что сама по себе лингвистика не может быть тоталитарной, т. е. не может осуществлять насильственные действия по отношению к противникам тоталитарного режима, осуществлять полный контроль за лингвистической деятельностью в стране и т. д. Следовательно, сочетание «тоталитарная лингвистика» представляет собой концептуальную метафору.

В соответствии с современной теорией концептуальной метафоры «тоталитарная лингвистика» предстает как метафорическая модель, под которой в современной лингвистике понимается «существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: $X - \text{это } Y$ » [Чудинов 2003].

В нашем случае «тоталитарная лингвистика» – это:

- насилие (психологическое и физическое);
- террор (борьба с внешними и внутренними врагами);
- запрет (на проведение исследований, командирование, издание печатных трудов);
- культ личности в языкознании (приоритет высказываний о языке лидеров тоталитарных государств, классиков марксизма-ленинизма, доминирующие языковедческие концепции);

- идеология (связь лингвистики с идеологическими задачами государства);
- контроль (за исследованиями и поведением языковедов);
- власть (как лидера государства и партии, так и руководителя языковедческих коллективов).

Учитывая укоренившуюся в нашем сознании отрицательную коннотацию слова «тоталитарный», оговорим его использование в нашем применении к лингвистике.

Итак, «тоталитарная лингвистика» не есть отрицание достижений лингвистов, работающих в условиях тоталитарного общества. Развитие лингвистики, как и развитие структуры языка, вызывается несколькими моментами: внутренними законами и различными факторами социально-политического характера. В нашей концепции «тоталитарная лингвистика» представляет собой лингвистику с преобладающим влиянием политико-социальных условий развития, менее обусловленную внутренними закономерностями.

Ключевым моментом в понимании «тоталитарной лингвистики» является концепт насилия, имеющего различные проявления, в том числе физическое насилие, дискриминацию определенной группы населения, отличающейся в языковом отношении. Не менее важным представляется и тема духовного насилия, что нашло свое отражение в ограничении сферы занятий, строгом подчинении предписаниям правящих кругов, выполнении их политического и социального заказа, определенной «селекции» ученых, их разделению на угодных правящему режиму и неугодных.

Будучи порождением тоталитарной идеологии и тоталитарного государства, «тоталитарная лингвистика» обладает многими родовыми признаками последнего. К их числу относятся:

- 1) культ личности ученого, доминирующее положение его концепций;
- 2) созданная система физического и психологического террора для манипуляции учеными;
- 3) формирование особого идеологического дискурса, инструментом которого является тоталитарный язык;
- 4) обращение к теме героизма, в том числе героическому историческому прошлому;
- 5) языковой пуризм; борьба с языком врага;

- б) вмешательство органов власти в лингвистические проблемы, их социальный и политический заказ на лингвистические исследования и проекты.

В целом, под «тоталитарной лингвистикой» мы понимаем следующее:

а) совокупность дискурсивных практик, характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики;

б) совокупность лингвистических концепций тоталитарного общества как воплощение господствующей идеологии;

в) доминанты языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

Приведем примеры дискурсивных практик «тоталитарной лингвистики», проявляющихся в ее различных аспектах.

Ключевой дискурсивной практикой языковой политики в отношении к языкам других народов и национальностей становится перевод лингвистических задач в политическую сферу, что воплощается в принятии решений, исходя не из языковых принципов, а из политических пристрастий, амбиций, мотивов руководства страны. Реализация политических установок осуществляется через:

1) регулирование взаимоотношений государственного языка и диалектов через законодательные акты и другие политические мероприятия правительства, в том числе создание специальных органов по решению национальных вопросов;

2) использование авторитета церкви и СМИ для воплощения решений по диалектам и языкам национальных меньшинств;

3) определение статуса диалекта и миноритарного языка в зависимости от этапа языковой политики;

4) использование авторитета ведущих лингвистов страны.

Отметим, что степень проявления данных дискурсивных практик напрямую зависит от условий их реализации, в том числе в большей степени от отношения правящих кругов к той или иной национальности, проживающей на территории тоталитарного государства.

В статье «К вопросу о языковой политике тоталитарных государств» [Костева 2010] нами были выявлены изменения в языковой политике в различные периоды развития тоталитарного государства, что

позволило выдвинуть и подтвердить гипотезу о существовании двух этапов языковой политики в истории тоталитарных государств, идущих параллельно с изменениями в политической сфере и национальной политике.

В представленной ниже таблице приведем сравнительный анализ дискурсивных практик периода становления и периода укрепления тоталитарного государства.

Таблица

**Дискурсивные практики двух этапов развития
тоталитарного государства**

Первый этап – период становления тоталитарного государства	Второй этап – период развитого тоталитарного государства
1) использование для поддержки национальных языков и диалектов административного ресурса, в том числе специальные указы, декреты и постановления о статусе национальных и миноритарных языков, а также диалектов; выступления лидеров тоталитарных государств по вопросу отношения к диалектам и языкам национальных меньшинств	1) запрещение специальными указами использования языков национальных меньшинств в той или иной сфере, в том числе в области культуры. Как крайнюю форму проявления можно считать запрет на использование родного языка в бытовой сфере с такими проявлениями, как запрет на собственные личные имена на национальном языке
2) использование авторитета ведущих лингвистов для поддержки проводимой государственной политики	2) отмена обучения на родном языке, строгий контроль за использованием общегосударственного языка
3) привлечение к обсуждению лингвистических проблем широкой общественности	3) введение системы наказаний вплоть до тюремного заключения и штрафов за «языковое неповиновение»
4) использование национальных и миноритарных языков, а также диалектов в школьном образовании	4) использование авторитета церкви и СМИ

Первый этап – период становления тоталитарного государства	Второй этап – период развитого тоталитарного государства
5) пристальное внимание изучению диалектов, государственная поддержка диалектологических исследований	5) снижение статуса национальных языков до уровня диалектов
6) активное «языковое строительство», создание алфавитов и письменности для бесписьменных народов	6) создание условий и преимуществ для использования общенационального языка
7) поощрение создания литературы на национальных языках, а также поддержка работы издательств национальной литературы по переводу и изданию мировой литературы на национальных языках	7) крайняя форма борьбы с диалектами – диалектофобия

В качестве примера проявления «тоталитарной лингвистики» в области прикладного языкознания мы приведем дискурсивные практики, используемые в области лексикографии. Среди них:

1) масштабность лексикографических проектов, к числу которых относятся такие виды словарей, как академические, толковые, словари современного языка. Отражение тоталитарной политики находит в них свое отражение прежде всего в отборе кодифицируемых лексем, способе кодификации словарного материала и иллюстративном материале;

2) непосредственное участие государства, в том числе лидеров тоталитарных государств, в словарном деле, выражающееся в государственном и политическом заказе того или иного вида лексикографического источника, его финансирования; в создании специальных групп и комиссий, освещении работы над ним в периодической печати и авторитетных научных журналах, а также определение его содержания с точки зрения идеологических, политических и экономических предпосылок.

Таким образом, «тоталитарная лингвистика» представляется уникальным явлением, природа которого обусловлена природой тоталитарного общества, испытывающего его постоянное влияние.

Дискурсивные практики «тоталитарной лингвистики» имеют релевантный характер для лингвистики других эпох и при определенных условиях могут реализовываться на отдельных исторических этапах в странах с разным политическим устройством.

Доказательством этому положению могут послужить такие примеры, как дискриминационная политика в отношении каталонского языка в Испании в XVIII в., проявления пуризма в посттоталитарной Румынии 1990-х гг. и ряд других явлений. Данный факт можно объяснить тем, что парадигма лингвистического тоталитаризма представляет собой, используя термин, заимствованный нами из работ О. А. Радченко [Радченко 2012], так называемую мерцающую парадигму, механизмы возникновения и исчезновения которой требуют дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко «Слова и вещи». Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд. 1994. С. 7–27.
- Визгин В. Ю. Эпистема // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. URL: iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilens (дата обращения: 11.06.2017).
- Голомисток И. Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 296 с.
- Кондаков И. В. Тоталитарная культура // Культурология. XX век : энциклопедия. СПб.: Университетская книга. 1998. Т. 2. С. 260–264.
- Костева В. М. К вопросу о языковой политике тоталитарных государств // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1. С. 120–125. (Сер. Филология.)
- Костева В. М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике : монография. М.: МПГУ, 2013. 128 с.
- Костева В. М. О правомерности термина «тоталитарная» лингвистика в современной исследовательской парадигме // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. Вып. 1 (134). С. 63–68.
- Радченко О. А. Spectrum Vitae: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка. М.: Тезаурус, 2012. С. 86–127.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.

УДК 101.9

И. О. Кудрякова

аспирант каф. истории и философии науки
Института философии Российской академии наук;
e-mail: asinssa@rambler.ru

КОНЦЕПТ «СВОБОДА» В АНАРХИСТСКОЙ ТРАКТОВКЕ М. А. БАКУНИНА

Статья посвящена проблематике свободы в трактовке классика русского анархизма Михаила Алексеевича Бакунина. Свобода в его учении выступает моральной основой построения общества по принципам анархии. В работе представлена теоретическая конструкция освобождения общества и человека в анархистской трактовке.

Ключевые слова: анархизм; свобода; солидарность; бунт.

I. O. Kudryakova

Postgraduate student, Department of History and Philosophy of Science,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science;
e-mail: asinssa@rambler.ru

THE CONCEPT OF FREEDOM IN AN ANARCHIST INTERPRETATION OF M. A. BAKUNIN

The article regards the concept *freedom* from the perspective of Mikhail Alekseevich Bakunin's interpretation. The founder of Russian anarchism, Bakunin developed a doctrine that views freedom as a moral basis of an anarchist society. The article considers the theoretical model of a liberal society in terms of anarchism.

Key words: anarchism; freedom; solidarity; revolt.

М. А. Бакунин (1814–876) вошел в историю как философ, общественно-политический практик и публицист. Революционер и идеолог русского анархизма он был борцом за вечные идеалы свободы, солидарности равенства и братства. С именем М. А. Бакунина связана первая волна широкого социального протеста в России и на Западе XIX в., протеста радикально настроенных «левых» выходцев из дворян, обнищавших крестьян и других мелкобуржуазных слоев общества, включая деклассированных маргиналов.

Проблема свободы – стержневая для всех революционных концепций, в том числе и анархических. Стремление к свободе, как к ценности и результату солидарности людей, является целью построения

анархического общества. Подобно «основному вопросу философии» через призму проблемы свободы можно исследовать самые глубокие аспекты философии анархизма М. А. Бакунина.

В социальной и политической философии исторически сформировались две интерпретации проблемы свободы и, соответственно, два основных метода в понимании этого феномена.

В своем эссе «Два понятия свободы» И. Берлин указывал, что свобода имеет два измерения – отрицательное и положительное, чем породил начало дискуссий и споров, связанных с осмыслением понятия «свобода». Однако следует отметить, что идея выделения и разведения отрицательного и положительного смысла свободы присутствовала в контексте западной политической и социальной философии ранее. Она уходит своими корнями к И. Канту.

Продолжая анализ интерпретации свободы, И. Берлин указывал, что положительное понимание исходит из того, что свобода зависит непосредственно от собственной активности индивида. Для такого понимания свободы основными факторами являются автономия, самоконтроль, познание себя и мира. Положительная свобода – возможность или факт действия. По словам И. Берлина, когда мы используем положительное понятие свободы, мы пытаемся ответить на вопрос: «что или кто источник контроля или вмешательства, который может определить, что делать или не делать?» [Berlin 1969, с. 122]. Среди основных представителей, разделяющих позитивный подход, – Аристотель, Б. Спиноза, Г. Гегель и К. Маркс, добавивший к пониманию еще и целенаправленную деятельность.

Другая форма интерпретации может называться негативной. Такая свобода понимается как отсутствие принуждения. Среди приверженцев этого подхода – Т. Гоббс и Дж. Локк и др.

Свобода в такой интерпретации ограничена внешними условиями – природными и социальными, устранив которые можно обрести свободу. Как пишет И. Берлин, «...мы используем отрицательное понятие свободы, пытаясь ответить на вопрос: какова область, в пределах которой субъект – человек или группа людей – должен быть оставлен, чтобы сделать что-либо или быть в состоянии сделать что-либо без препятствий со стороны других лиц?» [Berlin 1969, с. 121].

Также следует отметить, что в понимании свободы существует еще два подхода: антропологический, ярким представителем которого

является Л. Фейербах; и социальный, или социологический, подход, связанный прежде всего с концепцией К. Маркса. Долгое время эти подходы не пересекались.

Генезис философских представлений М. А. Бакунина показывает, что уже в ранних работах, а именно, в цикле статей под общим названием «О философии» в осмыслении проблематики свободы в теории М. А. Бакунина предпочтение отдавалось именно антропологическому подходу. В этих и других своих произведениях он исходил из того, что свобода представляет собой родовое свойство человека и имеет свое выражение в таких природой данных качествах, как «мысль» и «бунт».

Бакунин, вслед за Л. Фейербахом, положил в основу всех общественных изменений, ведущих к свободе, определенные природные, вечные качества.

В работе «Государственность и анархия» Бакунин показывает важное отличие между государством и обществом. По его мнению, для общества характерно естественное происхождение, а для государства – искусственное. Государственная власть в таком случае понимается как искусственно созданный в интересах назначенной группы людей властный аппарат, который держит остальной народ в повиновении, а значит, противоречит идее свободы.

Инновационность идей М. А. Бакунина, заключается в том, что он углубляет антропологический подход, связав его с социальным, лишая его крайностей упрощенного понимания социализма. Автора вдохновляла в большей степени Декларация прав человека и гражданина. Он исходил в своих построениях из положительного понимания свободы, осуществление которой видел в свободной самореализации личности, самообеспечении и самоуправлении, что является основой всей системы анархизма и опирается на его представление о природе человека.

Человек, по Бакунину, не растворяется в социуме. Бакунин исходит из идеи самоценности бунтующего человека, его естественности, исключительности и неповторимости, бунта против всенивелирующей, бездушной власти государственной машины.

Бакунин сам себя характеризует как «фанатичного приверженца свободы, видящего в ней единственную среду, где может развиваться ум, достоинство и счастье людей» [Бакунин 1920, с. 250]. Свобода, по

его мнению, является единственным «устремляющим» началом всей социальной организации, как политической, так и экономической. Для этого автора свобода на практике означала: «Всеобщее право голоса, безграничная свобода печати, пропаганды, слова и собраний (как для частных, так и для общественных собраний)» [Бакунин 2000, с. 127].

Неограниченную свободу передвижения и публичного высказывания своего мнения, как системного, так и внесистемного «быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным, одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим собственностью, не отдавая в этом никому отчета» [там же, с. 128]. Причем такая свобода распространялась и на мужчин, и на женщин.

Именно такая свобода, при которой каждый человек в своих поступках будет руководствоваться только собственной волей, разумом и совестью станет залогом прогресса мировой истории.

Свобода, по мнению Бакунина, может быть только неограниченной: «Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком <...>. Вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы урезываете, сколь бы ни была мала эта часть» [там же, с. 107]. Однако тут он вступает в противоречие между свободой и необходимостью сохранения общества в ситуации анархии, что мешает выстроить последовательную модель анархического общества.

Индивидуальная свобода, которая, напомним, включает в себя право «быть ленивым или прилежным», плохо согласуется с тем фактом, что в новом обществе каждый человек должен будет заниматься трудом, и что труд станет основой политических прав: «Абсолютная свобода каждого индивида, признание политических прав лишь за теми, кто живет собственным трудом, при условии, что они уважают свободу других» [там же, с. 138].

В случае, если человек, не будучи инвалидом, старым или больным уклоняется от труда и живет за счет общины, провинция или община могут в пределах своей компетенции отнять у него право участвовать в общественной жизни до тех пор, пока он вновь не начнет жить собственным трудом.

М. А. Бакунин признавал слабость этого места в своей теории, указывая на то, что это будет «тягостная дилемма» для нового общества. Частично он снимает это противоречие убежденностью в том, что в анархистском обществе природа человека изменится, он станет

добрым и моральным, когда исчезнет государство. Человек представляется как отражение социальной действительности, все пороки общества исходят из плохой социальной организации. Тогда, когда будет низвергнуто подавление личности, когда воспитание людей будет строиться на принципах разума, справедливости, равенства и уважения к другому человеку, «добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение» [там же, с. 138].

Свобода в таком случае будет согласовываться с реальной возможностью и удовлетворять материальные и духовные потребности человека. Равенство возможностей, как благоприятная среда для творчества, будет помогать развитию способностей у личности. Здесь Бакунин и соединяет антропологическое и социальное.

Концепция свободы М. А. Бакунина оказалась стержневой для всей анархистской теории. Он углубил антропологический подход в понимании свободы, соединив его с социологическим. И даже если предложенные им пути освобождения человека были несколько наивны, утопичны и не всегда соотносились с объективными условиями, бесспорным фактом является то, что концепт свободы, выдвинутый Бакуниным, соответствует гуманистическому идеалу и является прогрессивным и инновационным для современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов В. М. Проблема свободы: М. Бакунин и П. Кропоткин // Тр. Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. М., 1995. Вып. 1. С. 26–43.
- Бакунин М. А. Анархия и Порядок. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 704 с.
- Бакунин М. А. Избранные сочинения. Пг. ; М., 1920. Т. 4. 269 с.
- Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. 624 с.
- Гнилицкая Т. А. Свобода как моральное содержание анархистской модели жизнеустройства в философии М. А. Бакунина // Гуманитарный вектор. Серия : Педагогика, психология. 2008. № 3. С. 37–41
- Рябов П. В. Проблема личности в философии анархизма // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 47–56.
- Оглезнев В. В. Интерпретация понятия свобода в аналитической политической философии // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 3 (11). С. 61–67.
- Berlin I. Two Concepts of Liberty // I. Berlin. Four Essays on Liberty. London : Oxford University Press, 1969. P. 121–122.

УДК 101.9

О. А. Радченко

профессор, доктор филологических наук,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания;
e-mail: radoleg@gmail.com

ИСПЫТАНИЕ «БЛАГОСТНЫМ КАТАРСИСОМ»: НЕМЕЦКОЕ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЕНА НАЦИЗМА

Статья посвящена деятельности и судьбе представителей школы «идеалистического языкознания» в Германии (1938–1945), связанной с научным творчеством Карла Фосслера. Это время характеризовалось борьбой между официозной расовой лингвистикой и представителями традиционной филологии, оно, как правило, не отражается в исследованиях по историографии лингвистики XX в.

Ключевые слова: идеализм в языкознании; лингвистика «Третьего Рейха»; судьба ученого.

O. A. Radchenko

Doctor of Linguistics, Professor,
Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: radoleg@gmail.com

TEMPTED BY THE “BLISSFUL CATHARSIS”: THE GERMAN IDEALISTIC LINGUISTICS IN THE “THIRD REICH”

The article discusses scientific achievements and the fate of prominent representatives of “Idealistic Linguistics” in Germany (1938–1945) with Karl Vossler as their key figure. The described period was filled with disputes between official racist linguists and traditional philologists, and was largely ignored in the 20th century studies in the History of Language Sciences.

Key words: idealistic linguistics; linguistics in the Third Reich; a scholar's fate.

Лингвистика Германии, вне всякого сомнения, пережила свой наиболее сложный этап в период после прихода к власти нацистов. В критической литературе можно порой встретить термин «благостный катарсис» – так были восприняты приход новой идеологии и ее вторжение в языковедные исследования частью ученых, перешедших в ряды расового языкознания. Однако для тех, кто попытался избежать вовлечения в эти ряды, испытание «благостным катарсисом» не прошло бесследно.

Эта тема – жизнь и судьба лингвиста в эпоху тяжелых перемен – высвечивает целый ряд известных имен представителей немецкой лингвистики, одним из которых является Карл Роберт Генрих Фосслер (1872–1949) – яркий романист и философ языка, основатель «идеалистического языкознания», или неолингвистики, близкий друг и сподвижник Бенедетто Кроче (1866–1952).

Он родился 6 сентября 1872 г. в городке Хоэнхайм под Штутгартom (теперь это пригород Штутгарта), а свои дни закончил 18 мая 1949 г. в Мюнхене, где работал многие десятилетия профессором романской филологии. Биографические словари приводят весьма скромные сведения о его родителях: отце Отто Генрихе Фосслере (1831–1906), профессоре Сельскохозяйственной академии Хоэнхайма, и матери Анне, урожденной Фабер (1846–1940). Известно также, что он был дважды женат: с 1900 по 1922 гг. на графине Эстерине Ньюли (1872–1922), а в 1923 г. в Мюнхене женился на Эмме фон Тирш (род. 1887). В первом браке у него родились два сына – Вальтер (род. 1900, пропал без вести во время Второй мировой войны) и Отто (1902–1987), трудившийся впоследствии профессором Новейшей истории в Лейпцигском и Франкфуртском университетах.

Романистику и германистику он изучал в 1891–1897 гг. в Тюбингенском, Страсбургском, Женевском и Римском университетах, а кандидатскую диссертацию написал и защитил в 1897 г. в Гейдельберге под научным руководством германиста Макса фон Вальдбурга на тему «Немецкий мадригал. История его развития вплоть до середины 18 столетия». В 1897–1899 гг. Фосслер работал ассистентом в романо-германском семинаре Гейдельбергского университета под руководством романиста Фрица Ноймана (1854–1934) и там же защитил докторскую диссертацию по романской филологии на тему «Поэтические теории раннего итальянского Ренессанса» (1900), став после этого приват-доцентом и преподавателем итальянского языка, а в 1902 г. – экстраординарным профессором Гейдельбергского университета. В 1909 г. его приглашают на должность ординарного профессора в Вюрцбург, а в 1911–1938 гг. он занимает эту должность уже в Мюнхенском университете. В 1926 г. его избирают ректором этого вуза.

В трудах по истории лингвистических учений указывается основная научная заслуга Фосслера – исследование эстетического начала

в языке, обоснование статуса языкознания как эстетической дисциплины, придание особого статуса стилистике в рамках наук о языке и сочетание для этой цели различных философских, культурологических и лингвисторических идей. В центре внимания Фосслера – поэтический язык, порождение гениальной личности [Жирмунский 2007; Звегинцев 1956; Gamillscheg 1966; Радченко 2006] (о научном наследии Фосслера см. также [Радченко 2007]). Научная деятельность Фосслера уже в 1916 г. приносит ему членство в Баварской Академии наук.

В развитии романистики в Германии и в жизни самого Фосслера возникают особые обстоятельства в годы национал-социалистической тирании. Известный своим критичным отношением к расовым идеям, Фосслер не вступал в ряды НСДАП, а его многочисленные ученики в подавляющем большинстве не были связаны с официальной расовой лингвистикой. Исследователь истории романистики в Германии Х. У. Гумбрехт отмечает в этой связи, что «ничто в романистике не попало под подозрение в том, что оно было германским в весьма неприятной или даже компрометирующей степени» [Gumbrecht 2002]. Это, конечно, не означало, что романисты не испытывали на себе давление окружающей духовной и политической атмосферы.

Ярким примером этого давления может служить история изгнания из германских университетов профессоров еврейского происхождения согласно «Закону о восстановлении профессионального чиновничества». В июне 1933 г., будучи ректором Мюнхенского университета, Фосслер безуспешно пытается сохранить для вуза известного философа Рихарда Хёнигсвальда (1875–1947), несмотря на его «неарийское» происхождение. Фосслер лично ходатайствует об этом перед министром культуры Шлеммом, вслед за визитом к тому делегации философского факультета. В ответ Шлемм запрашивает отзывы профессоров других университетов (И. Рифферта, Х. Хайзе и М. Хайдеггера) о научном творчестве Хёнигсвальда. Все трое дают резко отрицательные отзывы; так, Рифферт подробно описывает, как он определил по стилю работ Хёнигсвальда, «что они написаны еврейским автором»; Хайзе просит освободить его от обязанности писать отзыв в связи с тем, что он был связан с Хёнигсвальдом со времен совместной научной работы в Бреславле, но также упоминает, что «в существенной степени этот отзыв будет для проф. Хёнигсвальда

неблагоприятен»; Хайдеггер в своем отзыве характеризует его как представителя враждебного рейху либерального мышления [Schorcht 1922]. Отношение Фосслера к М. Хайдеггеру (1889–1976) позволяет понять фрагмент его письма к Б. Кроче от 25 августа 1933 г., в котором он пишет: «Хайдеггер и следом за ним Карл Шмитт, автор публикаций по публичному праву ... оказались двумя интеллектуальными катастрофами новой Германии».

Как известно, в 1939 г. после трех недель заключения в концлагере Дахау Хёнигсвальд эмигрировал в США. Когда после восстановления в должности ректора в 1946 г. Фосслер попытался пригласить Р. Хёнигсвальда с циклом лекций в Мюнхенский университет, философ ответил отказом именно потому, что в философии тех лет превалировали идеи его бывшего «рецензента» М. Хайдеггера.

Публикаций этого периода у Фосслера немного, но они отражают его политическую и научную позицию. Так, в 1936 г. ученый публикует статью «Язык и нация», в которой он так определяет истоки национального своеобразия, соотношения нации и языка: «Истинного решения этого вопроса, найденного раз и навсегда для всех наций, не существует и не может существовать; ибо это вопрос духовной жизни, обновляющийся вместе с самой жизнью ежедневно» [Vossler 1936, с. 355]. Он выступает против официальной точки зрения на процесс глоттогонии, расовую основу и исконную «чистоту» немецкого языка и культуры, отрицая тот факт, что конкретный язык создавался только одной нацией. Поэтому, «если отнять все, что в течение тысячелетий один национальный язык заимствовал у другого, мало что останется» [Vossler 1936, с. 355]. Говоря же о весьма острой в 1930-е гг. проблеме языковых конфликтов, прежде всего, гонения на немецкие диаспоры в Европе, он подчеркивает особую роль родного языка (Muttersprache) в созидании и сохранении духовного своеобразия человека, утверждает о «духовном дворянстве языка» [Vossler 1936, с. 359]. Приоритет языкового начала явно выражен им в тезисе о национальном чувстве (Nationalgefühl), которое есть в таком случае «эмоциональное средоточие, в котором мечтания и желания вступают в языковые объятия» [Vossler 1936, с. 359]. В заключении статьи, указывая на то, что именно национальные языки способствуют передаче в каждом случае уникального мировосприятия (Weltgestaltung) представителям последующих поколений языкового сообщества, Фосслер не упоминает ни расу

в качестве базового фактора генезиса языка, ни расово-обусловленное «мировоззрение» (*Weltanschauung*) как результат этого процесса.

В этой связи понятно стремление нацистов после прихода к власти избавиться от неудобного, но слишком известного ученого – в 1938 г. его отправили на пенсию по возрасту без права продолжать преподавание в университете, оставив ему, тем не менее, на первых порах право выступать за рубежом по приглашению коллег. Один из известных романистов ФРГ Фридрих Кемп (1914– 2011), поступивший в Мюнхенский университет на обучение к Фосслеру в 1934 г., вспоминал, как писал в 1938 г. кандидатскую диссертацию о Бодлере и христианстве, однако не смог защитить ее под руководством Фосслера, которого нацисты в том же году «мягко, но решительно устранили со своего поста». Между тем в 1937 г. Фосслер избирается членом Академий наук в Вене, Мадриде, Милане и Буэнос Айресе.

Тексты зарубежных выступлений Фосслера, естественно, подвергались предварительной цензуре [Gallin 1986, с.102]. В результате в 1940 г. он отказался от приглашений выступать с докладами за границей, предположительно, чтобы избежать обвинений в свой адрес в пропаганде нацизма [Gallin 1986, с.103]. Более того, в его деле, хранящемся в архивах Мюнхенского университета, обнаружено письмо от 13 июля 1943 г., написанное им в Министерство культуры и содержащее достаточно резкое объяснение того, почему Фосслер не желает участвовать в подобных мероприятиях [Gallin 1986, с. 103]. В последующие за этим годы Фосслеру пришлось искать убежище от публичных дискуссий в научных изысканиях, как можно более далеких от политики (о ситуации в Мюнхенском университете во времена нацизма см.: [Simon 2006, Bochmann 1945]).

Весьма важным сюжетом для объективной оценки деятельности Фосслера в нацистский период является также его участие в отдельных акциях официальной лингвистики. Так, в 1940 г. он пытается занять пост директора Германского научного института (*Deutsches Wissenschaftliches Institut*) в Мадриде, чтобы «воспользоваться теми возможностями для поездок и контактов, которые, по его мнению, ему были положены» [Knobloch 2000]. По всей видимости, назначению Фосслера на эту должность помешало ведомство «уполномоченного фюрера по надзору за всем духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием НСДАП» А. Розенберга.

Фосслер посещает Мадрид, Лиссабон и Барселону с лекциями, пишет об испанской поэзии Золотого века [Moreno 2012]. В опубликованном в 1940 г. исследовании «Поэзия одиночества в Испании» он пишет о Карле Пятом, который «был способен мужественно и смело только лишь от отчаяния реализовать наилучшее из своих необычайных богатств всего лишь в воображении». В то же время семидесятилетие Фосслера в 1942 г. проходит без особых торжеств [Schalk 1942].

Выход из сложившейся ситуации видится Фосслеру в отъезде из Германии. В конце 1943 г. ему разрешили прочитать большой цикл лекций за рубежом, и в январе – марте 1944 г. он выезжает в Португалию и Испанию, где его чествуют как выдающегося немецкого ученого. В том же году испанский диктатор Ф. Франко награждает его Крестом испанского ордена Альфонсо Десятого Мудрого. Он принимает приглашение также занять ставшую вакантной в связи с отъездом Хойерманна должность директора все того же Германского научного института в Мадриде, но в должность так и не вступает в связи с военными событиями в Европе [Maas 2010].

Добавим к этой уже распространенной версии событий сцену, которую приводит в своих дневниках ученик и единомышленник Фосслера Виктор Клемперер (1881–1960), посетивший его 7 апреля 1945 г.: «Он стоял посреди комнаты и на первый взгляд мало изменился – после я все же заметил следы возраста. Лицо с совсем маленькой седой бородкой было довольно изможденным, он был часто похож на слабослышащего, желающего скрыть свое недомогание, и при всей его жизнерадостности через некоторое время его одолевала усталость» [Klemperer 1996, с. 729]. За обедом, после новостей о погибших и пропавших без вести коллегах, Фосслер вспоминает Рольфса, его преемника на кафедре, «который так резко и несправедливо нападал на Фосслера, Лерха и меня», – пишет Клемперер, и который все еще являлся противником Фосслера, «при этом – ярым нацистом и расистом». «Он выкладывает на факультете свои публикации против меня, а мои возражения – нет», – роняет Фосслер в этой беседе, а его жена добавляет: «Мой муж совершенно ни с кем не общается».

Говоря о своих лекциях в Италии и Испании, Фосслер «рассказал о трениях с национал-социалистическим правительством и о своей несигибаемости»: однажды к нему пришел итальянский консул

и сообщил, что, к его стыду, лекции Фосслера в Италии в этом году отменяются по настоятельному требованию германского правительства. При этом то же правительство дало свое разрешение Фосслеру читать упомянутые лекции! В качестве ответа на эти действия Фосслер письменно отказался от всяческих зарубежных выступлений. Однако «некоторое время спустя его стали уговаривать занять высокий пост в Испании», «уверяли, что ему не придется заниматься национал-социалистической пропагандой, он может вести себя, как считает нужным». Фосслер отказывается, по его словам, по состоянию здоровья, так как считает, что его сердце слишком слабо, чтобы в 72 года вынести перелет в Испанию [Klemperer 1996, с. 730–731].

Направление на такую должность предусматривало одновременно назначение «имперским профессором» (Reichsprofessor), что, по мнению У. Мааса, было связано с выполнением исключительно научных задач, но предусматривало и определенную роль в рамках внешнеполитической деятельности Третьего Рейха. В этой связи Маас считает «раздражающим» тот факт, что Фосслер игнорировал особенности политической обстановки в Испании, в отличие от его критичного отношения к событиям в Италии и, добавим, у себя дома [Maas 2010].

По окончании войны Фосслера восстанавливают в должности профессора Мюнхенского университета, он работает там в 1945–1947 гг. Более того, 9 мая 1946 г. он сменяет Альберта Рема, первого ректора Мюнхенского университета, назначенного американской администрацией и известного своими протестами против увольнений сотрудников университета по политическим мотивам. Однако уже 21 июня 1947 г. он покидает свой пост по состоянию здоровья [Tent 1982, с. 85].

Став на столь короткое время ректором своего университета, в ноябре 1946 г. Фосслер выступает с известной речью на второй церемонии памяти антифашистской группы «Белая Роза», состоявшей из профессоров и студентов Мюнхенского университета. В этой речи он подчеркивает примерный характер подвига этой группы, но полагает, что «свободу и аутентичность академических начинаний» невозможно приобрести за счет подвига мучеников, купить либо унаследовать, однако ее нужно ежедневно защищать [Vossler 1947, с. 20–21].

В том же году он выступает с докладом о народных и мировых языках, в котором критически отзываясь о судьбах искусственных языков (впрочем, эту точку зрения он высказывал всегда). Критически

настроен он был и относительно судеб Европы, особенно с учетом того, как обращались с большим Фосслером власти Баварии, практически выставив его, тайного советника, с огромной библиотекой на улице в дни его 75-летнего юбилея (о чем писал журнал «Шпигель» в номере 37 от 13.09.1947 г.). В конце своей невероятно богатой событиями жизни Карл Фосслер избирается членом Берлинской Академии наук и почетным доктором Университета имени Мартина Лютера в Галле.

Составляя сложную мозаику жизни такого ученого, каким был Карл Фосслер в период потрясений на его родине, историк языкознания осознает сложность возвращения к биографической и научной материи, требующей погружения в интеллектуальный дискурс эпохи. Но даже с учетом всех сложностей бытия и научного творчества в несвободе, в условиях предписанного превалирования расового начала в любой лингвистической и в целом научной теории, знакомство с обстоятельствами жизни Карла Фосслера позволяет утверждать о том, что в его случае «благостный катарсис» потерпел логичное поражение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жирмунский В. М.* Предисловие // Проблемы литературной формы. Сборник статей Оскара Вальцеля, Вильгельма Дибелиуса, Карла Фосслера и Лео Шпитцера. Изд. 2-е. М. : УРСС, 2007. 240 с.
- Звегинцев В. А.* Эстетический идеализм в языкознании (К. Фосслер и его школа). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 27 с.
- Радченко О. А.* Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 3-е. М. : Эдиториал-УРСС, 2006. 312 с.
- Радченко О. А.* У истоков идеалистической нефилологии: Карл Фосслер и его школа // Фосслер К. Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию. М. : Эдиториал-УРСС, 2007. С. 3–27.
- Bochmann K.* Victor Klemperer und die politische Sprache nach 1945. Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin 114 (2012). S. 140–151.
- Gallin A.* Midwives to Nazism: University Professors in Weimar Germany 1925–1933. Mercer University Press, 1986. 144 p.
- Gamillscheg E.* Karl Vossler // Portraits of linguists. A biographical source book for the history of Western linguistics, 1746–1963. V. 2. Bloomington. L., 1966. С. 333–342.
- Gumbrecht Hans U.* Vom Leben und Sterben der großen Romanisten. Karl Vossler, Ernst Robert Curtius, Leo Spitzer, Erich Auerbach und Werner Krauss. München : Carl Hanser Verlag, 2002. 256 S.

- Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942–1945 / Hrs. von W. Nowojski u. M. v. H. Klemperer. Berlin : Aufbau-Verlag, 1996. 929 S.
- Knobloch C.* Deutsche Sprachwissenschaft im Nationalsozialismus // Kritische Ausgabe 2. 2000. S. 42–47.
- Maas U.* Verfolgung und Auswanderung deutschsprachiger Sprachforscher 1933–1945. Band 1: Dokumentation. Einleitung und biobibliographische Daten A–Z; Band 2: Auswertungen. Verfolgung – Auswanderung – Fachgeschichte – Konsequenzen. Tübingen : Stauffenberg Verlag, 2010. 1208 S.
- Moreno J. M. V.* Vossler en Espana // Literatura medieval y renacentista en Espana: líneas y pautas / Edición al cuidado de Natalia Fernández Rodríguez y María Fernández Ferreiro. Salamanca, 2012. P. 939–958.
- Schalk F.* Karl Voßler zum 70. Geburtstag // Forschungen und Fortschritte. 18. Berlin : Akademie-Verlag, 1942. S. 257–258.
- Schorcht Chl.* Philosophie an den Bayerischen Universitäten 1933–1945 // Mitteilungen des Instituts für Wissenschaft und Kunst, 47, Jg. 1992. Nr. 2. S. 10–18.
- Simon M.* Die LMU im Nationalsozialismus // Geistes- und Kulturwissenschaften. 2006. S. 17–21.
- Tent James F.* Mission on the Rhine: “Reeducation” and Denazification in American-Occupied Germany. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1982. 369 p.
- Vossler K.* Sprache und Nation // Mitteilungen der Akademie zur wissenschaftlichen Erforschung und zur Pflege des Deutschtums 11. 1936. S. 355–362.
- Vossler K.* Gedenkrede für die Opfer an der Universität München. München : Pflaum, 1947. 21 S.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 6 (777)	Issue 6 (777)

Над выпуском 6 (777) работали:

кандидат филологических наук, доцент Е. Ф. Косиченко;
доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова;
кандидат филологических наук, профессор В. С. Страхова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 01.11.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 25,3
Заказ № 1551

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна